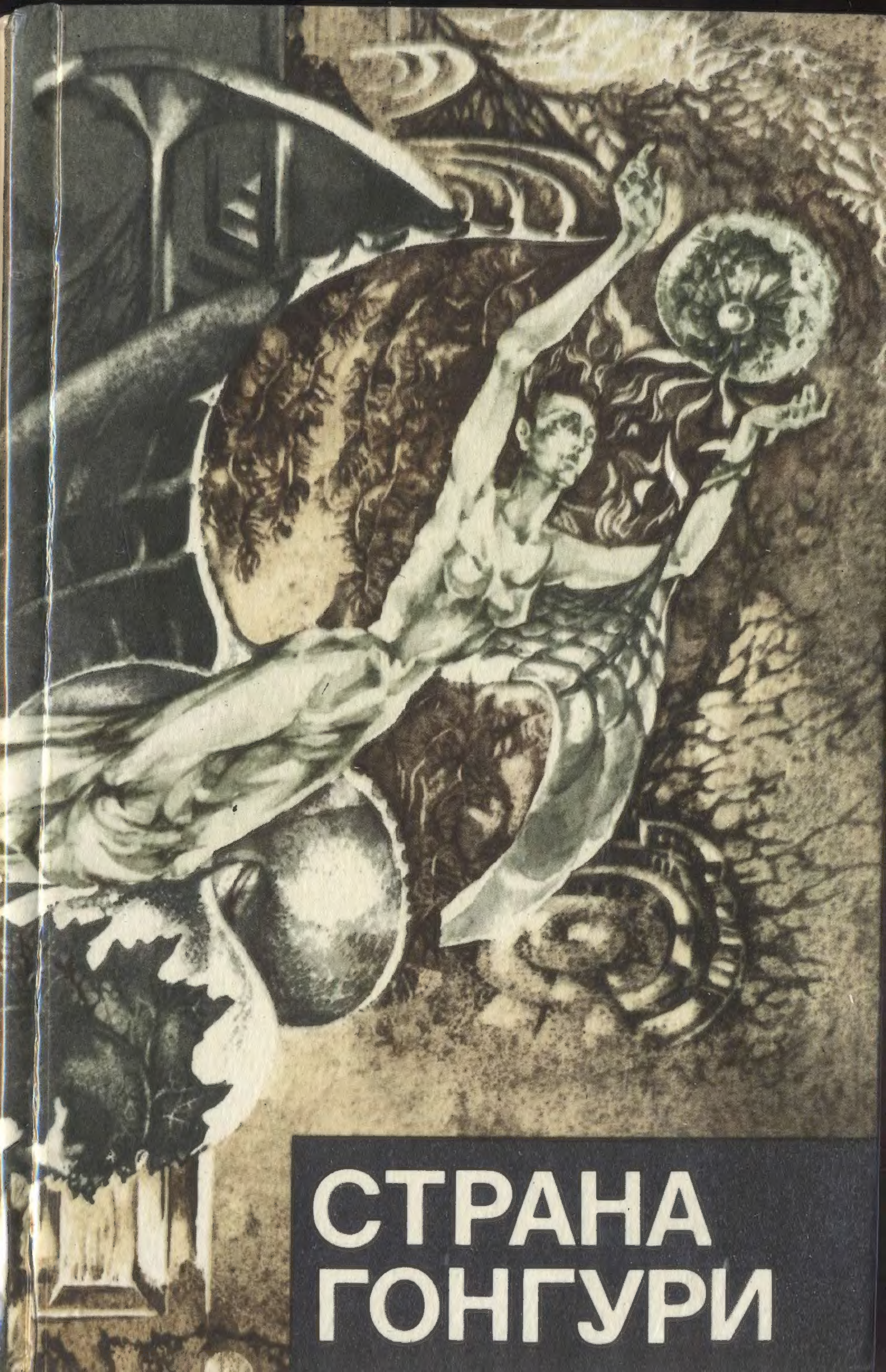

СТРАНА
ГОНГУРИ



СТРАНА ГОНГУРИ

Научно-фантастические повести и рассказы писателей Сибири





СТРАНА ГОНГУРИ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ СИБИРИ

Красноярское книжное издательство, 1985

ББК 84.45 Р2
С83

Составитель
В. И. ЕРМАКОВ

Предисловие, библиография
А. Н. ОСИПОВА

Художник
Е. А. БЕЛЬМАЧ

С $\frac{4702010202-026}{М 147(03)-85}$ 31—85

ДОРОГИ ЗЕМНЫЕ И ЗВЕЗДНЫЕ

Вряд ли найдется какой-то другой литературный жанр, о котором в последнюю четверть века говорили и писали так же много и темпераментно, как о научной фантастике! И дело не только в спорах, многочисленных публикациях в печати — они лишь следствие. А причины такого явления связаны, вероятно, в немалой степени с тем, что этот жанр литературы претерпевал в отмеченный период немало изменений, неожиданных, порою не очень перспективных трансформаций и отклонений и уже в силу этого не мог оставаться в стороне от общественного внимания, породив попутно множество противоречивых концепций о судьбах фантастики в современной действительности.

Вот ведь минула, кажется, пора стихийно возникших в середине 70-х годов и столь же незаметно угасших разговоров о кризисе современной фантастики... Сама действительность подтвердила неправомерность подобных суждений, ибо фантастика, пройдя сравнительно небольшой путь развития (если ориентироваться не на проявления фантастического в истории мировой литературы, а на факты эволюции научной фантастики в XX веке), просто не могла в силу целого ряда объективных причин вступить в эпоху кризисного состояния.

А временные трудности... Они были всегда и везде, где речь шла о качественном развитии явлений культурного порядка. Да и сами разговоры о кризисе во многом связаны с явной недооценкой возможностей современной фантастики и ее значения в жизни современного общества.

И если объективно рассматривать не только весь опыт прошлых десятилетий, но даже тенденции последних десяти лет, нельзя не согласиться с тем, что современная наша фантастика продолжает и качественно развивает лучшие традиции советской литературы. Она стала подлинно многонациональной и интернациональной. В ней выявляется многогранность художественных возможностей, направлений, школ. В рядах ее десятки одаренных авторов, обращающихся в творчестве своем к акту-

альным проблемам современности и необычайно широкому диапазону тем.

Советская научно-фантастическая литература оказывает на читателя (в особенности молодого) глубокое нравственное влияние, помогает ему понять и осознать свою роль в жизни общества; она же существенно влияет на формирование коммунистического мировоззрения и представлений о нравственном и эстетическом идеале, помогая человеку в процессе усовершенствования себя и действительности, подготавливая его к тем изменениям, которые неизбежно приносит с собой грядущее. Не в этом ли и проявляется на практике действенность научной фантастики как мощного идеологического оружия, оказывающего заметную помощь партии в коммунистическом воспитании масс? Не в этом ли сила современной фантастики? Ведь фантастика — отражение реальности! А реальная жизнь, как известно, ставит перед обществом и человеком лавину проблем почти ежедневно. И чем созвучнее проблематика фантастики современной действительности, тем действеннее произведение как стимулятор общественного сознания! Разве не в этой в общем-то простой закономерности сосредоточена высокая ответственность современного писателя-фантаста перед временем и читателем! И не она ли диктует подлинному художнику слова потребность писать о современном и для современника во имя будущего!

О качественном развитии советской фантастики говорит многое. Тут и жанрово-стилевые поиски последних лет, и художественные эксперименты в сфере переосмысления излюбленных тем этой литературы, и выход на широкие орбиты общечеловеческих проблем... Но все эти тенденции вряд ли возникли бы, если бы в современной советской фантастике не наблюдался процесс постоянного притока новых творческих сил. Конечно, количественная сторона дела далеко не всегда идет рука об руку с позитивными сдвигами в литературном движении. Однако во многих случаях (а это уже подтвердила практика последнего десятилетия) мы имеем дело с приходом в фантастику в целом неслучайных и одаренных писателей, во многом определяющих сегодняшний и завтрашний облик отечественной фантастики. Все чаще на титульных листах интересных и оригинальных книг можно прочесть не только не знакомые еще вчера имена, но и названия самых разнообразных городов нашей страны. И в этом смысле интересно, конечно же, не то, что книги появились в Москве и Ленинграде (ибо и в прошлые годы в областных и республиканских издательствах выходили книги местных писателей-фантастов), а то, что вереницу книг-

однодневок сменили произведения зрелые и самобытные, авторы которых творчеством своим последовательно подтверждают принцип «в фантастике нет провинций». В этом убеждаешься на примере многих и многих фактов. Ведь только в последние 10—15 лет на периферии выдвинулся значительный коллектив талантливых писателей-фантастов — на Украине, в Узбекистане, в Армении, Казахстане, РСФСР... И творчество целого ряда писателей стало достоянием всесоюзного читателя, получив резонанс и в критике, и за рубежом...

Не будет преувеличением утверждение, что больше всего открытий в области фантастики последних лет падает на долю Сибири! Сергей Павлов, Вячеслав Назаров, Олег Корабельников (Красноярск), Виктор Колупаев (Томск), Аскольд Якубовский, Анатолий Шалин, Михаил Михеев (Новосибирск), Дмитрий Сергеев, Борис Лапин, Юрий Самсонов (Иркутск), Владимир Митыпов (Улан-Удэ)...— вот далеко не полный перечень сибирских фантастов, заявивших о себе как о художниках интересных, необычных на общем фоне современной фантастики и — что самое важное — наделенных большими потенциальными возможностями в избранном жанре. Яркой иллюстрацией сказанного может служить и библиография сибирской фантастики, помещенная в конце настоящей книги.

В чем же секрет исключительной щедрости земли сибирской по части талантов в фантастике? На чем вообще основано в известной степени условное выделение «сибирской фантастики» или, скажем, издание специальных коллективных сборников фантастов-сибиряков типа «Зеленого поезда», подготовленного «Молодой гвардией» в 1976 году, или той книги, что находится сейчас в руках читателя?

Отвечая на этот вопрос, нельзя не вспомнить о том, что критики вполне обоснованно говорят о сибирской литературе с ее неповторимым колоритом, богатством тем, масштабностью исторических обобщений и общепризнанными художественными достижениями. Все это имеет самое непосредственное отношение и к фантастике.

Достаточно лишь бегло обратиться к некоторым фактам истории, чтобы проследить, так сказать, генетическую обусловленность развития фантастики в творчестве писателей-сибиряков.

Заметное влияние на сибирскую фантастику оказало творчество Д. Мамина-Сибиряка, В. Шишкова, пронизанное образами фольклора, сибирских легенд и сказок. Оставили свой след в сибирской фантастике В. Тан-Богораз, академик В. Обручев. Были в истории сибирской фантастики и свои писатели, к со-

жалению, не очень известные ныне. В частности, уже в 1841 году выходит фантастический роман И. Калашникова «Автомат». В более поздний период появляются фантастические рассказы и повести Ф. Волховского, П. Драверта, А. Сорокина, А. Гастева и др. — фантастика научная, социальная, историческая... Исследователям темы еще не раз посчастливится сделать множество новых находок и открытий в истории сибирской фантастики. Наконец, подлинным началом сибирской фантастики нового времени можно назвать повесть В. Итина «Страна Гонгури». О ней, как, впрочем, и о последующих периодах развития фантастики в Сибири, пойдет разговор немного позже.

Но что же такое — современная Сибирь? Какое влияние оказывает она на творчество писателя или художника, живущего здесь ныне? Что определяет идейно-эстетический потенциал активного проявления фантастики в современной сибирской прозе?

Дело тут не только в том, что для многих из нас, живущих нередко далеко от этих мест и привыкших соизмерять пространства и явления масштабами телевизионного «Клуба кинопутешествий», Сибирь представляется и впрямь каким-то фантастическим краем. Современная Сибирь — это обширнейший регион, характеризуя который, в первую очередь видишь присущие ему в большей степени, чем какому-либо другому району страны, признаки практического и масштабного воплощения замыслов и деяний современного научно-технического прогресса со всеми вытекающими отсюда следствиями — позитивными, негативными ли...

В сухой и ставший, к сожалению, газетным штампом перечень научно-технических и индустриальных признаков земли сибирской входит и то, что промышленность современной Сибири производит значительную часть продукции нашей страны, и то, что сельское хозяйство этого региона обеспечивает ныне нужды не только свои, но и других областей. А что касается настоящего, да и перспектив ближайшего будущего в плане строительного размаха, — тут, пожалуй, и сравнить не с чем! Ведь именно здесь средоточие важнейших и грандиозных строек пятилетки от новых буровых, заводов, комбинатов и гидроэлектростанций, от десятков городов и поселков до ставшей синонимом «дороги в будущее» Байкало-Амурской магистрали! Сибирь с полным основанием можно назвать научным центром страны, о чем свидетельствует значительный процент научно-исследовательских и научно-технических кадров, обилие учебных заведений, исследовательских институтов, занимающихся разработкой самых разнообразных и актуальных проблем. Ну

и, конечно же, нельзя забывать о природе Сибири, таящей множество неоткрытого, непознанного, загадочного, — в одной лишь тайге были и есть места, куда не ступала еще нога человека.

Вот они — истоки, во многом определяющие прошлое и настоящее сибирской фантастики, ибо для творчества современных писателей-сибиряков характерно обращение именно к сегодняшнему дню с его проблемами и конфликтами самого широкого диапазона, с его устремленностью в будущее, о чем бы конкретно ни писали авторы — о космосе ли, о контактах с инопланетным разумом, о роботах. Да не будь этого — фантастика никогда не стала бы полноправным и необычайно действенным разделом художественной литературы, произведения которого вполне обоснованно считают катализатором мыслей и чувств современного человека. Это хорошо понимают и писатели-сибиряки, обращающиеся к фантастике в одних случаях как «лирики», в других — как «физики». Но всегда как гуманисты, остро сознающие ответственность современного фантаста перед обществом и рождающимся на наших глазах будущим.

Кто же они — сибирские фантасты? Какими судьбами пришли в фантастику и как осуществляют на практике идеи, служащие основанием для разговора о «сибирской фантастике»?

Шесть с лишним десятилетий назад в Канске была издана фантастическая повесть Вивиана Итина, активного участника новой жизни в Сибири. «Страна Гонгури» — одна из первых советских утопий. Сегодня, когда читатели вновь имеют возможность прочесть эту повесть (она публикуется в настоящем сборнике), нельзя не сказать о том, что эта книга по праву может считаться истоком сибирской фантастики советского периода. Не останавливаясь на характеристике произведения (о нем написано немало), хочется отметить то, что Сибирь как место действия органично вписана в «Страну Гонгури» — и событийностью, и пейзажем, и всей поэтикой, обостренно передающей пафос революционного времени. Это обстоятельство как нельзя лучше свидетельствует о правомерности выбора произведения в качестве хронологической точки отсчета. Все последующее развитие сибирской фантастики столь же тесно связано с судьбами фантастики в советской литературе. Обратимся бегло лишь к нескольким страницам истории для иллюстрации отмеченной связи.

Конец 50-х годов. В советской фантастике происходят качественные сдвиги. От производственной тематики фантастика обращается к новой научной проблематике, к космосу, ищет новые формы, используя опыт приключенческой литературы.

Именно к этому времени относится начало активной работы в фантастике красноярского писателя Николая Шагурина, автора нескольких приключенческих и фантастико-приключенческих произведений. Произведения Н. Шагурина, насыщенные острыми коллизиями, элементами социально-политической сатиры, сыграли свою роль в сибирской фантастике. Мастер сюжета, фабулы, романтик по манере письма, Николай Шагурин до конца своей творческой жизни оставался прирожденным фантастом, о чем говорит и изданный роман «Эта свирепая Ева», где научная актуальная проблема реализуется динамично, увлекательно, а повествование насыщено познавательной информацией. И как настоящий писатель, Н. Шагурин оставил след в литературе не только произведениями, но и учениками. Ибо появление в конце 60-х годов таких фантастов, как Сергей Павлов и Вячеслав Назаров, в немалой степени связано с наставнической деятельностью талантливого приключенца и писателя-фантаста.

Почти одновременно с Н. Шагуриным писали в Сибири фантастику Иван Калиновский (в основном как сатирик), Лев Могилев и Алла Конова (в русле научной фантастики), Юрий Шпаков... Каждый по-своему отражал научные проблемы, волновавшие в ту пору всех советских писателей-фантастов.

Уже к середине 60-х годов в «сибирской фантастике» можно было насчитать целый коллектив авторов. И Красноярск, Новосибирск, Иркутск становились так или иначе основными центрами развития фантастики в Сибири.

К фантастике обратились писатели-прозаики старшего поколения, зарекомендовавшие себя в других жанрах, такие, как Михаил Михеев, Дмитрий Сергеев, Иван Сибирцев... Для некоторых из них (как, в частности, для М. Михеева и Д. Сергеева) этот жанр позволил раскрыть себя полнее и надолго стал основным направлением творчества.

Во многом именно по этой причине к концу 60-х годов наблюдается активный прилив — приход в фантастику новых творческих сил. Сергей Павлов, Вячеслав Назаров, Виктор Колупаев, Аскольд Якубовский, Борис Лапин, Владимир Митыпов и другие... Причем многие из названных писателей сразу же заявили о себе как самобытные фантасты.

Например, в творчестве Виктора Колупаева соединились лирические и научно-публицистические начала фантастики, приблизив ее к современнику, к его помыслам, мечтам, проблемам реальной жизни. Для Бориса Лапина как фантаста основной чертой творческой манеры следует назвать психологизм.

Ярким явлением в фантастике Сибири стал Аскольд Яку-

бовский, успевший поработать в фантастике, к великому сожалению, небольшой отрезок времени, однако оставивший заметный след неповторимостью художественного дарования. О нем с полной уверенностью можно говорить: этот писатель имел в фантастике свой самобытный стиль и образную систему мышления! Надолго запомнятся читателю лучшие из рассказов, такие, как «Друг», «Мефисто», «Счастье Рыжего Эрика», как и другие произведения писателя, творческий потенциал которого, как видно теперь из черновиков, должен был вот-вот раскрыться необычайно ярко.

Столь же динамична и необычна в фантастике эволюция и Вячеслава Назарова. Одно из последних произведений — повесть «Силайское яблоко» — убеждает в том, что от творчества его можно было ожидать принципиально новых идейных и художественных открытий...

Уже из беглых заметок видно, как интенсивно развивалась фантастика в Сибири. Ведь за неполные два десятилетия тут сменилось по крайней мере два поколения писателей-фантастов! И уже приходит третье!

Только на конец 70 — начало 80-х годов приходится появление в сибирской фантастике таких одаренных писателей, как Олег Корабельников, Александр Бушков, Анатолий Шалин... А сколько еще их будет, кого мы знаем пока по первым робким публикациям в местных газетах!

Настоящий сборник уместно было бы назвать своеобразной антологией сибирской фантастики — так емко отразилось в нем прошлое, настоящее и будущее научной фантастики! Ведь по сути дела здесь представлены писатели-фантасты нескольких поколений, которые и определили судьбы сибирской научной-фантастической литературы.

Помимо уже упомянутой повести В. Итина «Страна Гонгури» в этой книге мы встретимся с произведениями, удачно иллюстрирующими разнообразие направлений, сюжетно-тематических поисков, актуальной проблематики фантастики в Снбири. И в словах, выбранных для заголовка настоящей статьи, выражена суть творческих интересов писателей-фантастов, отправляющих своих героев то в будущее, то в невообразимые дали Вселенной с одной лишь целью — заострнть внимание современного читателя на том, что определяет комплекс животрепещущих проблем дня,— беспокойство за судьбы мира и человека на нашей планете, озабоченность состоянием внутреннего мира современника, подвергнутого испытаниям «хищными вещамн века...». Словом, отражение будней и праздников века!

Писателн старшего поколения (Н. Шагурин, И. Калиновский)

выступают с наиболее характерными для их творчества произведениями сатирической и иронической фантастики. С повестью о буднях научного поиска — Сергей Павлов. В рассказе Бориса Лапина уживаются и юмор, и парадоксальность фантастических идей. Необычайно раскрыта традиционная тема контакта в повести Вячеслава Назарова. А Виктор Колупаев еще раз экзаменует своих героев на приверженность к чисто человеческим критериям счастья. Один из публикуемых сегодня рассказов Аскольда Якубовского (публикуемый, кстати сказать, впервые) интересен оригинальным совмещением темы взаимоотношений человека и робота с темой верности своему внутреннему голосу, а по существу — моральному кредо (ведь робот в данном случае может восприниматься и как метафора).

Участвуют в сборнике и молодые фантасты. В частности, Олег Корабельников, использующий метафорический строй изобразительных средств, обращается в своем рассказе к истокам «душевного льда» современного человека. Размышлениями и чувствами человека в новом машинизированном мире навеяны и два небольших рассказа Александра Бушкова... Нет смысла да и возможности подробно говорить сейчас о каждом из участников сборника. Тем более, что лучшим знакомством с авторами и произведениями будет прочтение книги!

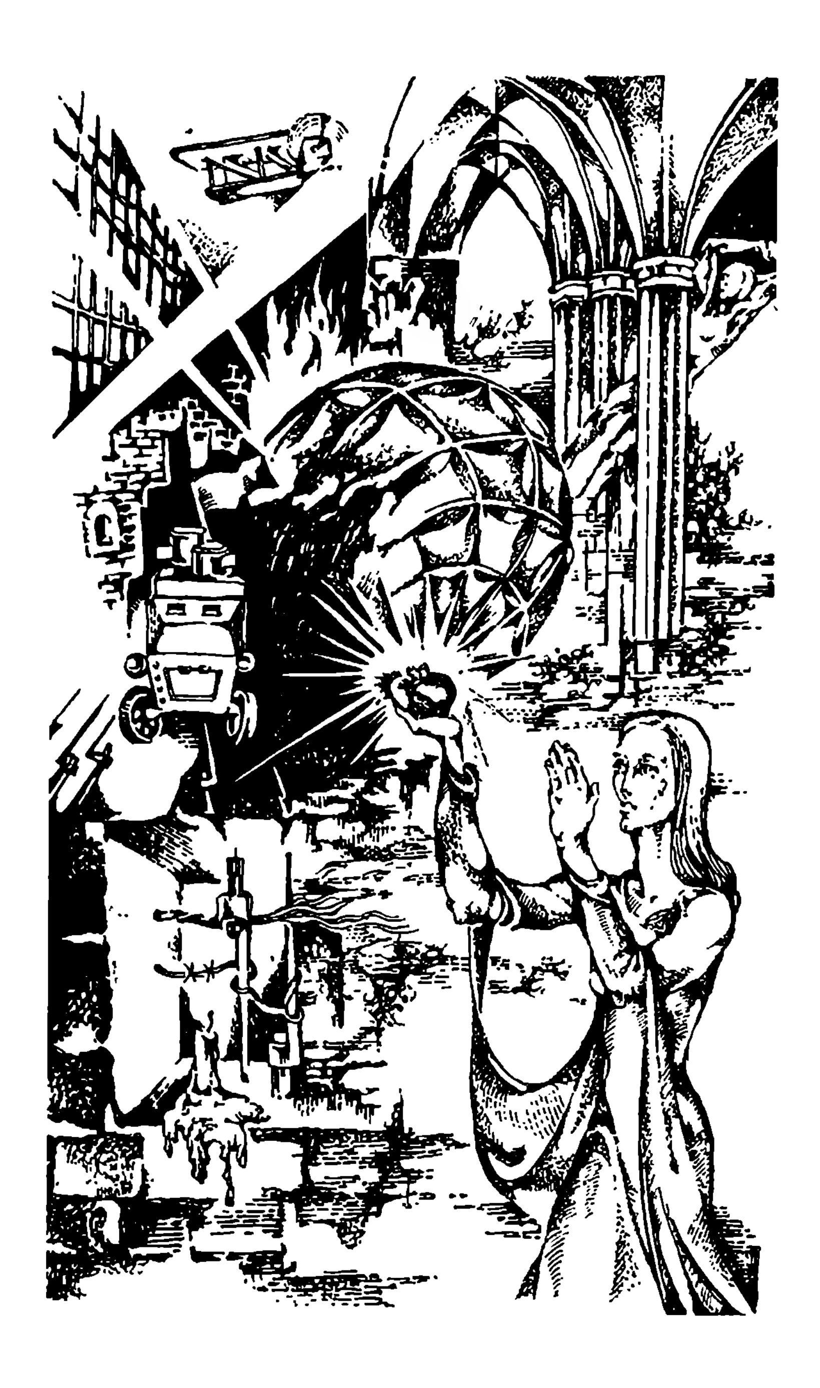
Важно подчеркнуть еще раз, что фантастика в творчестве писателей-сибиряков — явление интересное, богатое и многообещающее. Это наглядно демонстрирует и настоящий коллективный сборник.

Эта книга — как подведение итогов перед новым стартом в ближайшее и отдаленное будущее, к новым открытиям и новым достижениям в фантастике земли сибирской. Кому как не писателям-сибирякам отражать в своих книгах величественную панораму грандиозных преобразований края, раскрывать характеры невыдуманных героев, преодолевших колоссальные трудности, зримо и образно запечатлеть яркие и убедительные картины завтрашней Сибири! Наверное, к этому сибиряков обязывает и время, и сама судьба их творческая, тесно связанная с любимым краем.

Александр ОСИПОВ.

ВО ИМЯ БУДУЩЕГО





СТРАНА ГОНГУРИ*

(ОТКРЫТИЕ РИЭЛЯ)

I. МАШИНА ВРЕМЕНИ

Тюрьма была переполнена. В одиночки запирали по нескольку человек. В самой тесной клетке третьего этажа, где в коридорах все время дежурил военный караул, жили двое, — один был молод, другой казался стариком, но путь, отделявший юношу от смерти, был короче. Он был пойман с оружием в руках. Старик, когда-то известный врач, тоже обвинялся в большевизме, но в то время играли в законность и демократию, необходимо было разыскать какое-нибудь «государственное преступление», чтобы его повесить. Поэтому в его прошлом упорно рылась следственная комиссия.

Молодой человек стоял иа нарах, прижав лицо к решетке. Сквозь летний северный сумрак чернели хвойные горы. Внизу стремилась мощная река. Он верил в теории, по которым человек, когда умирал, был мертв, но громадный оптимизм его молодости не допускал смерти. Расстрел представлялся ему звуковым взрывом, виселица — радужными кругами в глазах. Он видел...

Беззвучно вздымались ровные волны. Он лежал на корме, разбитый дневной работой, но ему было хорошо от выпитого вина. Рядом двое китайцев, таких же носильщиков, ссорились из-за украденной рыбы. Он смотрел иа живой путь луны в океане, на отражения разноцветных огней гавани, отелей, кабаков. Вдруг дымный город исчез. Банановые рощи выросли на берегу. Каменный пояс одел бухту...

Врач, читавший у восковой свечи, приподнялся.

---

* Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Сибирские огни», 1927, № 1.

— Страна Гонгури? — сказал он. — Я прочел это в твоей тетрадке, Гелий. Здесь, кажется, больше поэзии, чем географии.

Он взял рукопись.

В снегах певучих жестокой столицы
Всегда один я блуждал без цели.
С душой перелетной пойманной птицы,
Когда другие на юг улетели.
И мир был жесток, как жестокий холод.
И вились дымы-драконы в лазури.
И скалил зубы безжалостный голод...
А я вспоминал о Стране Гонгури.
И все казалось, что фата-моргана
Все эти зданья и арки пред мною.
Что все, как «дым пред лицом урагана»,
Изчезнет внезапно, ставши мечтою.
Здесь не было снов, ио тайн было много.
И в безднах духа та иега светила —
Любовь бессмертная мира иного,
Что движет солнце и все светила.

— Так писали, когда я жил в Петербурге,— сказал Гелий. — Скучные вирши.

Тень Гелия задвигалась на переплетах решетки. Грохнул тяжелый выстрел. Рикошет пули взвыл в одиночке и вдруг затих, щелкнув в углу.

Гелий спрыгнул с нар, подошел к свету.

— Я просил тебя,— сказал врач, немного задыхаясь.— Вчера поставили казачий караул.

— Что ж, доктор, неожиданно—лучше... Впрочем...— Гелий быстро вскинул голову. — Ты хотел спросить меня? Гонгури... Да, сейчас, пожалуй, пора заняться самыми индивидуальными переживаниями.

Гелий замолчал. Старик, потрясенный и ослабевший, молчал тоже.

— В сущности,— продолжал Гелий, чтобы развлечь его,— здесь и рассказывать не о чем. Это мало вяжется со мной. Теперь, от безделья, те же мысли снова надоедают мне... А началось это, кажется, еще в детстве, когда я лежал в зеленой тени с книжкой под головой и в солнечных лучах пели стрекозы. Потом, яснее, повторилось во Фриско, на берегу океана... Вероятно, потому, что я жил тогда всего беспутнее... Но не только в кабаках, в дни, когда я был трезв и голоден и дремал от усталости, сначала словно отвлеченная гипотеза, а потом все увереннее я начинал вспоминать... Понимаешь, это, наверно, были просто несложные мечты, возникающие у всех нас, — о

мире более совершенном, но всегда, когда они проходили, мне чудилось, что это все вовсе не грезы, а память о чем-то очень родном, близком и недавнем. Однажды, еще на севере, я испытал глубокий экстаз, стоивший мне большой потери сил. И тогда я запомнил имя женщины... Ее звали Гонгури. На океане это повторялось чаще... Словом, Страна Гонгури — какие-то навязчивые видения. Я знаю, что ты скажешь. Заранее согласен... Во всяком случае, все это имеет свои научные объяснения. Дай прикурить.

— Да, можно всему найти научные объяснения, — нахмурился врач.

Гелий курил, громко глотая дым.

Старый арестант спросил:

— Гелий, хочешь вернуться в Страну Гонгури?

Гелий встал.

— Злая шутка,— пробормотал он. — Откровенничать слабость, но...

Раздался новый выстрел, потом длинный, страшный крик.

— На этот раз прямо в цель! — сказал Гелий. — Говорят...

Вдруг он вскрикнул и бросился к окну.

— Гелий! — закричал врач, ловя его руку,— я совсем не шутил! Сядь!

— Дай мне кончить со всем этим!

— Что ты хочешь сделать?

Рука Гелия ослабла.

— Тебе казалось, что ты жил там? Что было, то есть. Что такое время? Нелепость. Почему бы нам не восторжествовать над нелепостью?

— Ну, ты изобрел Машину Времени, — усмехнулся Гелий, привычно подавив тревогу.

— Да,— ответил врач. — Конечно, Уэллсовский автомобиль четвертого измерения невозможен, иначе путешественники будущего давно были бы у нас. Но все-таки победа над временем вовсе не утопия. Мы постоянно нарушаем его законы во сне. Наука зарегистрировала много случаев, когда самые сложные сновидения протекали параллельно с ничтожным смещением часовой стрелки. Я сам испытал нечто подобное во время опытов с одурманивающими ядами и теперь не сомневаюсь даже в семилетнем сне Магомета, начавшемся, когда опрокинулся кувшин с водою, и кончившимся, когда вода еще не успела вытечь из него... Однако обыкновенный сон не годится

для наших целей. Он слишком нестроен, его режиссер вечно путает сцены... Гипнотический сон всего более подходит для нас.

Гелий поднял голову.

— Да... Впрочем, не следует вполне уподоблять гипнотизм сну. В некоторых стадиях гипноза самое тусклое сознание может расцвесть волшебным цветком. Один мой пациент производил впечатление гения своими экстатическими импровизациямн, хотя в обыкновенной жизни это был бездарнейший писака.

— Может быть, он повторял чужие стихи? — усмехнулся Гелий.

— Все равно,— ответил врач,— наяву я не слышал от него ничего подобного. Это нечеловеческая память... Другой, совсем калека, профессор, высохший, как Моммзен, становился великим воином, настоящим Ганнибалом, сыном Гамилькара! Он вел свои войска через Альпы, ветер жег его лицо, боевые слоны гибли от холода, но глаза его горели, как пожары двух городов. Он спускался в Италийские долины под ржание коней нумидийцев и мерный стон мечей, бьющихся о щиты... Так он рассказывал, клянусь болотом!

— Такие сны можно увидеть и в китайской курильне,— сказал Гелий.

— Это более, чем сны,— возразил врач, увлекаясь любимой темой. — Когда говорят о гипнозе, имеют обыкновение утверждать, что это воля гипнотизера вызывает в спящем процессы транса и т. п. Конечно, воля здесь ни при чем. Я говорю спящему, что его тело бескровно, и кровь перестает литься из ран, я говорю, что его мышцы окаменели, и слабый человек лежит на двух подпорках, касающихся его затылка и ступней, выдерживая большой добавочный груз. Это общеизвестно. Гипнотизер не может подчинить чужой, так называемой, души, он лишь вызывает в ней какие-то неисследованные силы, ассоциативные процессы мозга, и она более или менее раскрывает их, не переставая быть увлекающей загадкой...

— Хорошо, доктор! — прервал Гелий, явно любуясь необычайностью положения. — Ты хочешь усыпить меня и сделать только одно внушение: чтобы я вернулся в Страну Гонгури? Хорошо. Я готов на какие угодно опыты! Я только думаю, что меня трудно загипнотизировать... Впрочем, когда я засну, ты можешь попытаться. Сегодня я спал не больше пяти часов.

Врач кивнул головой.

Коридор наполнился гиком и хохотом. Нелепо взвизгнула частушка. Кто-то тяжелый остановился у камеры, и в круглой дырке двери забегал мутный глаз.

— Не спишь, гад! — заорал голос. — Скоро тебе крышка.

Шум исчез, лязгнув железными зубами двери, на гулкой каменной лестнице.

Старик прижал руку к ребрам решетки. Гелий взглянул в побледневшее лицо и, вспомнив, заговорил спокойно.

— Что с тобой, Митч? Все хорошо. Я хочу плюнуть в глаза смерти. Что, в самом деле, дремлет в нас? Четыре года я знаю тебя, и теперь, здесь, ты остался таким же изобретателем экспериментов, каким был... А! Как мне сказать? Слышишь — тюрьма, камень, кованые приклады, гвозди сапог. Камень и железо. Ничтожество. А мы займемся нашим опытом! Я готов. У меня нет других мыслей...

Свеча погасла. Серый сумрак проник в квадраты окна. Гелий говорил:

— Теперь надо скорее заснуть. Спокойной иочи... — И совсем по-мальчишески улыбнулся. — Итак, мы отправляемся в Страну Гонгури!

Он отвернулся, закрываясь своей английской шинелью, снятой после боя с мертвого врага.

— Спокойной ночи,— машинально сказал врач.

Скоро он услышал ровное дыхание спящего, привыкшего засыпать в короткое время отдыха в грязи пристаней и вокзалов, в открытом море в бурю, в заставе перед тем, как идти в снега величайших равнин и стоять часами на грани борющихся миров и смерти.

Врач смотрел в лицо Гелия, освещенное голубоватым светом, и мысли его кружились. Его лихорадило. Он бормотал бессвязно.

— Электроны света, мысль в его мозгу... Мир... Мозг... Непонятно...

Он с усилием воли встал, очнувшись, и осторожно взял руку Гелия.

— Ты спишь,— сказал он,— спи! Волны мрака укачивают, как море.

Он приступил к своим внушениям.

Грудь Гелия расширилась. Он бредил и жестикулиро-

вал. Потом лицо внезапно побледнело, словно невидимая рука сдернула с него маску.

— В сущности все гипнотические состояния индивидуальны,— пробормотал врач, прижимая пульс спящего, сам почти загипнотизированный спокойствием сна.

Тюрьма, камень, железо. В сумеречном сознаньи мелькали врезавшиеся в память дни. Лицо Гелия было неподвнжным.

...Гольден Гэйт. Синяя соль и густой ветер. В России революция, Октябрь... После долгой работы он зашел отдохнуть в первую открытую дверь. Это был матросский салун. Грязные, сильные люди всех рас. Крики многих наречий. И в центре он сразу заметил у подвального окна напряженное от потока мысли лицо, такое же, как теперь.

...Чудовнщные леса и деревни. Морозы, пред которыми градусы Фаренгейта из сказок Лондона — оттепель. Костры под лапами громадных елей. Крутящнеся саваны бурана... Потому что Гелий сказал тогда твердо и безоговорочно: «Надо ехать». Тихнй океан остался на востоке, но огневая завеса уже разделяла Азию и Европу.

...Хаос первоначальной власти. Сраження. Коммунистические отряды, скрывшнеся в тайге. Санитарная повозка под шкурой медведя. Ремень винтовки, прилипший к плечу Гелня... В декабре их окружили. Несколько человек, по обычаю банднтскнх войн, были доставлены живьем... Это — они...

Врач зажег спичку, чтобы закурить. Резкий свет упал на веки Гелня, спящий вздохнул глубже. Врач быстро бросил пламя.

Единственной его надеждой была миссия Соединенных Штатов, приехавшая в город. Говорили, что американцы, помогая излюбленному порядку паровозами и теплым бельем, иногда бывали в тюрьмах, перед большими расстрелами, стесняясь финансируемого ими варварства, и, кажется, спасли кого-то. Он слышал фамнлию Д. Мередит. Не тот ли Мередит, которого он лечил?

Врач эмнгрировал сразу после 1905 года. Ему «повезло», как говорили. Он спокойно практиковал на Клэй Стрит, постепенно терял прежние знакомства и не думал больше о борьбе. Его стали звать мистер Митчель, друзья сокращенно — Митч.

«Гелий! Он странно вошел в мою жизнь»,— думал врач.

Он улыбнулся, вспомнив их встречу. Голод перемен и выхода был в нем сильнее первой любви... Вдруг ему показалось, что лицо спящего стало еще поразительнее. Он взял его руку. В памяти зазвучали обрывки стихов, к которым приучил его Гелий. Он бормотал их вслух, не владея собой.

Сердце губит радостная жажда.
Лучше умереть, но заглянуть...

Он смотрел в неподвижное лицо. Ему становилось не по себе. Точно огромный полет...

— Пульс!

Сердцебиение спящего замедлялось с угрожающей правильностью. Врач принялся будить его. Неожиданно это оказалось трудным. Гелий открыл глаза, но не отвечал на вопросы и смотрел с таким сумасшедшим удивлением, что врач невольно отступил в страхе. Громко повторяя фразы, он стал рассказывать о происшедшем. Прием подействовал. Скоро Гелий стал более внимателен к окружающему и нахмурился от воспоминаний. Врач зажег свечу, велел Гелию закурить. Привычные ощущения лучше всего повлияли на него. Он нерешительно взял обломок зеркала.

— Я не изменился? — сказал он.

— Нет, совсем мало.

— Я очень много пережил за это время.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — робко спросил врач, но Гелий только покачал головой.

Он сел на койку, опуская лицо в ладони.

Далеко в городе ударил колокол. Гелий резко выпрямился.

— Сколько времени? — быстро спросил он.

— Час.

— Час! Скоро рассвет.

Он глубоко вздохнул и продолжал очень спокойно, как будто говорил о деле.

— Поздно... Да, кто-нибудь должен знать. Садись, Митч, слушай, что это было. Я закрою глаза, чтобы лучше видеть. Слушай!

Его речь зазвучала необычно.

— Я Риэль, так меня звали раньше, я, Гелий, видел сегодня мир с непредставимой высоты. Я хочу тебе рассказать об этом... Я был Гелием и стал Риэлем... вернее, наоборот. Но это лишь теперь я помню последовательность

видений, тогда же было совсем иное. Видимость реального ничем ие отличалась от обычного состояния вещей. Мне было приблизительно 24 года, как теперь. Это ие значит, что моя жизнь длилась в течение 24 оборотов Земли вокруг Солнца, — земные меры вообще непрнложимы к миру, где я назывался Риэль, но я все же буду употреблять их, потому что кажущееся для нас понятнее действительных соотношений. Да... Сначала я спал, потом моя жизнь стремительно потекла назад, к своему первоисточннку. Друг за другом возникали предо мной все более и более ранние картины, словно тени фильмы, разорванной и соедннеиной так, что последние сцены стали первыми и первые — последними. Промелькнули школьные годы, началось детство. Я читал давно забытые книги, уносившие меня на воды Амазонки и Ориноко, на таинственные острова и далекие планеты. Я помню себя совсем крошечным ребенком, влюбленным в нянины сказки, безумная фантазия которых так торжественно звучала в темиой детской, при свете зимннх звезд: я вннмал им и забывал ссбя. Потом я подошел к огромному дереву, несомненно, из учебника Ветхого завета, и тогда, подобно смутиому сну, во мне родилось воспомннание об этой жизни, хотя пред собой я видел только степь, но старик, похожий на оперного статиста, дал мне жемчужину величиной с голубиное яйцо, и я улыбнулся, уверившнсь, что вспоминаю лишь грезы дневного сна. Я стал смотреть на тусклый свет жемчуга, и мое сознанне постепенно погрузилось в него, пока не наступил хаос... Но сияние жемчуга длнлось. Бледная тончайшая пыль наполнила пространство. Свечение, как звездная туманность, скопнлось в небольшой фосфоресцирующий шар. Он лежал в руке статуи, изображавшей мыслителя. По-видимому, все вместе, статуя и удивительный шар, представляли собой нечто вроде художественного ночника. Я отвернулся и попытался заснуть, но не мог. Свет раздражал меня, и я не мог забыть каменного лица, отражавшего напряженное внимание неведомого духа, неприятно-бледного лнца, освещенного голубоватым сиянием... И вдруг у меня явнлась мысль исследовать вещество голубого светнльника в моей машнне. Тогда, где-то в самом центре, я ощутил непередаваемый толчок. Так бывает, когда вдруг забудешь что-нибудь... С этой мыслью я вошел в Страну Гонгури. С этого момента я ничего ие помнил о себе. Я стал человеком другого мира.

Гелий замолчал, сжимая ладонью векн. Воля его би-

лась с расстроенными полчищами образов, стремясь вернуть им порядок и красоту мысли. Сознание, что весь этот вихрь замкнут в клетке его мозга, было чудовищно. Гелий открыл глаза.

II. СТРАНА ГОНГУРИ

—...Этот мир! Я его видел... Но мы все время видим его и потому идем сквозь строй нашей жизни. Не думай, конечно, что я расскажу что-нибудь по порядку...

Был 1920 год, после революции. У нас были бананы, персики, розы... огромные! Вишни величиной с яблоко, и персики величиной с арбуз. Я начал с яблок, потому что наша планета была, прежде всего, сад. Мир делился на страны по плодам их растений. Их пояса были нанесены на карту. Домашних животных я не помню. Правда, мы пили белую жидкость, называвшуюся молоком, ели молочные продукты, в кухнях я видел желтоватый порошок, сохранивший назвáние «яйца», но все это было делом химических заводов, а не скотных дворов... Сады, поля злаков и волокнистых трав. В более холодных широтах росли леса; но там не было людских жилищ.

Среди садов, на много миль друг от друга, поднимались громадные литые здания из блестящих разноцветных материалов, выстроенные художниками, и потому всегда отличные друг от друга. Эти дворцы строились так, чтобы казаться гармоническим целым с природой. Я хочу сказать, чтобы слиться с горизонтом равнин, гор или садов... Впрочем, были также большие города. Их было немного. Там сосредоточились библиотеки, музеи, академии. Улицы были разноцветным ковром того же непрерывного сада, только здесь было больше цветов, декоративных растений, фонтанов, статуй. Да это, впрочем, и не были улицы, артерии городов: передвижение, со времени изобретения онтэита, совершилось в воздухе.

Онтэ жил за тысячу лет до моей эры. Развитие нашей науки шло так, что физическая природа мирового тяготения постигалась ценой больших усилий. Онтэ первый дал законченную теорию тяготения и нашел особый комплекс энергии веществ, онтэит, стремящийся от массы. Воздушные корабли моего времени представляли собой стройные дельфинообразные тела. Их оболочки были отлиты из легких металлов, в центральной верхней части помещались

онтэитные поверхности, замкнутые в диафрагму изолятора, вроде тех, что устраиваются в наших фотографических аппаратах. Движением диафрагмы сообщалось нужное ускорение по вертикали.

Со временем Онтэ можно было изменять очертания материков, уничтожать и переносить горы. При нем началась разработка общего плана планеты... Один раз в моей жизни я видел постройку нового города. Тысячи кораблей принесли сделанные на заводах части, летающие люди соединили их, но когда завершилась мысль инженеров, заснула энергия машин, на смену пришли ваятели, живописцы, поэты, томимые своей вечной неудовлетворенностью. Город был назван Лейтоэи, по имени поэта Лейтоэн...

Мир — энергия, Митч, она безгранична. Мы здесь нищие миллиардеры, мучаемся от ее недостатка, но она всюду. И нужно немного разума, немного коллективного разума, чтобы подчинить ее организующей силе сознания. Как просто! А мы...

Гелий взглянул на шершавую ткань своего каменного мешка и, вздрогнув, продолжал:

— Первое, что я помню из моего детства, это полет. Я учился управлять маленьким аппаратом, состоящим из пояса, поглощавшего тяготение, и радиодвигателя. В первый раз я испытывал ощущение бесплотности, как от наркоза. Но в конце второго тысячелетия новой эры не только машины были совершенны. От права и власти — этого подобия кнута и других воспитательных атрибутов — почти ничего не осталось. Преступление стало невозможным, как... ну, как съесть горсть пауков! Только дети еще играли в государства и войны. И вот, в играх я всегда стремился лететь скорее и выше других, вызывая смех взрослых.

Мне было шестнадцать лет, когда радио Лоэ-Лэле загремело тысячами рупоров и экранов, что Везилет вернулся. Везилет провел четыре года на Тобероне, крайней планете нашей солнечной системы. Межпланетный путь был пройден еще в легендарные годы последней революции; но только после изобретения онтэита межпланетное сообщение стало обычным. Освобожденные от тяжести «победители пространства» всплывали до пределов тяготения, и тогда небольшого радиоактивного двигателя было достаточно, чтобы развить планетарную скорость и лететь в любом направлении. Существовало постоянное сообщение с

планетой Санон, ближайшей к нам из внешних миров. В экваториальном его поясе были наши колонии. На остальных планетах человек не мог жить, там жили странные чудовища. Исследования этих миров длились века, много экспедиций погибло, на смену им мчались новые. Мне было шестнадцать лет, и я был охвачен пламенем этого чистого героизма...

Когда я говорю о своих видениях, Митч, не кажется ли тебе, что это действительно более, чем сны? Мир Гонгури во мне, неотделим от меня и так ясен, словно горный день. А вот когда люди лежат друг против друга, зарывшись в снег, и целятся друг в друга, и в сознании грохот, грохот, грохот...

— Ты рассказывай,— сказал врач тихо.

Гелий сдавил скулы.

— Да... — очнулся он... — Я бросил свою школу в Танабези и улетел к Везилету. Я узнал, что он снова отправляется в путешествие, теперь — на последнюю планету, между нами и солнцем, Паон. Ось вращения Паона была наклонена к плоскости эклиптики почти на 40°, зной и холод чередовались там в полугодовые сроки. Я помню, для меня это было так увлекательно! Я сказал Везилету, что в Танабези скучно, что я хочу ему помогать. Вероятно, это было трогательно, и Везилет засмеялся, чтобы безобиднее меня выпроводить. Он сказал, что на Паоне надо одеваться. Ни одна тряпка еще не оскверняла моего тела. Только старые люди носили туники. Везилет напялил на меня шерстяное белье, меховую куртку, шубу, шапку, обувь. Мне казалось, что меня бросили в муравейник, я не мог шевельнуться, как твой кролик, положенный на спину и таким образом загипнотизированный необычайностью положения. Старик смеялся. Тогда я прошелся по металлическому полу, до слез заставляя себя улыбаться, и сказал, что я силен, что я могу носить тяжести и хорошо знаю машины. «Может быть, мы возьмем его?» — Это была Нолла, спутница Везилета. Так странно решилась моя судьба. Вошел Марг, сильный человек из колонистов Санона. Кожа его была белой, а губы чернели атавистическим пушком. Марг больно сжал мускулы моей руки. Я молчал. «Ты должен работать, — сказал он. — Иначе я тебя выброшу. Идем!».

В небе сиял огромный Паон, бог страсти.

В безвоздушной среде единственной неожиданной опасностью были метеориты, блуждающие обломки миров; но

точные приборы Ставанта отмечали их приближение, что давало возможность избежать смертельной встречи с этими своеобразными рифами межпланетных пространств. Марг ушел управлять кораблем. Нолла молча смотрела в нижнее окно. Везилет заперся в своей каюте и рассказывал что-то, почти шепотом, машинке, записывающей речь.

Предо мной вздымался громадный амфитеатр нашей планеты. Сотни раз с той же высоты я видел на экране очертания знакомых земель, и все же их чрезмерная реальность казалась фантастичной. Контуры материков и облачные массивы были огромны, краски сияли. Я надолго забылся в экстазе созерцания.

Мир исчезал, но мы летели дальше,
И сердце не хотело возвращенья...

Как смутное эхо, вспоминаются стихи Ноллы... Она действительно не вернулась.

Я полюбил Ноллу. В однообразные часы, среди бесконечной пустыни мира, далеко от ее оазисов, освещенные ослепляющими лучами солнца, неизменно лившимися с одной стороны, тогда как в другие окна были видны лишенные своего ореола разноцветные звезды, я полюбил то сияние мысли, каким Нолла озарила жизнь. Диск нашего мира сначала прочно казался дном, потом замкнулся в круг, стал чем-то существующим сбоку и незаметно опрокинулся ввысь зеленоватой луной. Мы говорили, стараясь не двигаться, так как всякий легкий толчок перебрасывал наши потерявшие вес тела к противоположной стене. Тогда мы медленно, как рыбы в аквариуме, плыли в воздухе, взвешенные, точно жидкое масло в растворе воды и спирта. Нолла смеялась; я был поражен чем-то вроде слабого отголоска патриотизма диких времен.

Да, мне казался странным город Лоэ-Лэле. Я родился в стране, где не было ничего лишнего. Точная мысль определяла производство. Коллективное творчество преобладало. Даже художники очень часто вместо подписи ставили знаки своих школ. Лоэ-Лэле, конечно, был звеном той же цепи. Образование, материалы для творчества, пища, город, одежда были спаяны одним планом планеты; но то, что не было признано необходимым для жизни и развития народа, ни в Танабези, ни в других городах не производилось. А в Лоэ-Лэле до сих пор существовали диковинные социальные наросты, люди, употреблявшие какое-

то курево, вино. Я помню, я увидел у Ноллы алмазный диск с тончайшей резьбой, изображавшей лицо Энергии. Это была страшная чепуха: деньги. Ценность их была, разумеется, условной, потому что наши заводы превращали любые вещества. Единственной мерой могла считаться только полезная энергия. Денежная единица Лоэ-Лэле равнялась какому-то количеству радия. Я сказал Нолле что-то вроде: «Вы плохо кончите», очень довольный сознанием своего превосходства.

Удивительнее всего была история Лонуола. Ученый и поэт, он был одним из величайших людей моего времени. В его реторте впервые зашевелилась протоплазма, созданная путем синтеза из мертвого вещества. «Настанет день, — говорил в стихах Лонуол, — когда человек будет питаться мыслями и рождаться от платонической любви». Лонуол отказался от избрания Ороэ, чего никогда не случалось прежде, построил недалеко от Лоэ-Лэле, на скалистом мысе западного побережья, большой дворец, но не включил его в общую городскую сеть. Он жил там со своими учениками, подобно легендарному повелителю, окруженный необычайными обрядами и почестями. Все это казалось вымыслом, даже сном. В Танабези избегали говорить о Лонуоле.

Нолла соглашалась, улыбаясь, и дразнила меня: «Да, вы многочисленнее, счастливее и... бездарнее. Кто был Онтэ? Кто Везилет?...» Среди вещей Ноллы я нашел эмалевый изумительный портрет молодой девушки. Она стояла светлая, каменная, нагая. Черный нимб озарял ее лицо. Меня ослепил свет страсти, но глаза девушки были такими далекими, что было неопровержимо, только подвиг мог бы разбудить этот огонь. Вот для чего стоило жить! Я видел — ...Лоэ-Лэле на берегу залива теплых вод, на полуострове, прямым углом выдавшимся в море. Там, где пересекались набережные, на блестящей глыбе стояла статуя юноши, восходящего к свету. Я видел сверкающие здания, бездонные зеркальные площади, улицы, полные шума и удивительных криков, гипертрофированные розовые кусты, разноцветные деревья, аллеи, вымощенные плитами темного топаза, солнечные поляны — голубые, зеленые, желтые — легкие невиданные постройки, одетые вьющимися цветами, огромными, как луны. Внизу за деньги покупают вино и душистый дым цветов Аоа... И над всем этим миром такая девушка!

— Это Гонгури, — сказала Нолла.

«Ах, что бы мне сделать?» — думал я...

На шестидесятый день наш блестящий корабль влетел в орбиту редчайших слоев атмосферы Паона. С непривычной быстротой, усиленное постепенным замедлением скорости полета, стало возрастать ощущение веса. Я лежал, прильнув к нижнему окну, и смотрел на растущий диск Паона. Чудовищные океаны занимали большую часть его поверхности; они были неспокойны, разных оттенков, от грязно-бурого до темно-синего, и на полюсах покрыты огромными шапками льда и снега. Кое-где из этой массы воды торчали уродливые глыбы суши. Половину видимого пространства застилала горная цепь туч. Постепенно она закрыла все поле зрения, пока мы не погрузились в нее бесшумно, как в тончайший пух. Вдруг из облачного хаоса дыбом встали редкие волосы хвойного леса, лесом покрытые горы и в центре свинцовая река, широкая, точно морской залив...

Я не буду рассказывать о наших скитаниях. Они были огромны. Мир Паона был тяжек, как Земля. Мы не могли воспользоваться обыкновенными летательными аппаратами с нашим тройным почти весом, но холодный сжатый кислород Паона возбудил нас, и мы, сгибаясь под ношей своих тел, ушли в лес пешком. Нолла говорила: «Прекрасно, передвижение в диком мире должно совершаться диким способом, идем!» Гигантский ливень настиг нас, горные потоки подняли и унесли межпланетный корабль в реку. Светящаяся пыль солнечных лучей рассеивалась так быстро, словно на небо целыми океанами лилась тьма. Наступала ночь. Мы, привыкшие к одиночеству людей высокого социального строя, легли вместе, как маленькое стадо дикарей, у дымящего костра. Марг сказал, что мы будем по очереди не спать и «сторожить». Мне пришлось вспомнить многие полуисчезнувшие слова...

Утром, словно на высочайших горах, выпал снег.

Мне запомнились эти дни... Нет, надо сказать: ночи. Дней почти не стало. И вместе с тьмой росли холод и метели. Река окаменела в белых льдах. Мы шли вниз по реке, ища в ледяных полях стальной блеск «победителя пространства». У нас было оружие — три больших электрических заряда. Марг убивал животных, сдирал их шкуры для ночлега, варил мясо больших белых птиц. Мы ели мясо, и сила саонца казалась нам чем-то более совершенным, чем поэмы Ноллы. Он вел нас и повелевал нами. Но он погиб, раздавленный пятой зверя...

Мы не могли похоронить Марга, как обыкновенно, отправив его тело в беспредельность звездных пространств; нам пришлось сжечь труп на большом костре. Пахло горелым мясом. Нолла бредила. Я построил шалаш из коры и сучьев. В первую же ночь его занесло снегом. В этой пещере мы жили семьдесят дней. Впрочем, нет: Нолла освободилась раньше. Она заболела, болезнь перешла в смертельный жар. Она умерла.

Я помню... каждый день я выползал на сверхъестественную стужу расчищать сугробы. В углу, на груде вонючих шкур, металась Нолла, выкрикивая непонятные названия — «Ра, Тароге, Огу!» Везилет неподвижно сидел у ее ног. Я должен был поддерживать огонь, греть воду и убивать животных. Когда умерла Нолла и горе мое стало угрожать и моей жизни, Везилет увлек меня строить другое жилье. Прежнюю нору мы превратили в баню с глиняным котлом и печкой. В первый раз я увидел, насколько мы, жители великих городов, забыли первичную, непроницаемую тьму природы. Когда-то я был подобен тропическому цветку,— и вот теперь я выхожу из дьявольской раскаленной парильни, построенной по образцу, заимствованному из музея в Танабези, и одеваюсь на морозе, при свете туманной влаги, освещенной звездами. И в морозном ореоле, как сон или чудо, предо мной сияет зеленая звезда Гонгури. То, что раньше казалось невозможным, стало действительностью; но так как прежнее было более реально, чем настоящее, то по временам все мерещилось непрерывной грезой.

Везилет стал для меня ближе и понятнее. Я думал, что Везилет мог бы жить в Лоэ-Лэле, и женщины, подобные Гонгури и Нолле, любили бы его; но всю жизнь он провел в грубой борьбе с опасностями диких миров. Какая сила влекла его по этому пути? Не то ли смутное беспокойство, что оторвало меня от правильной жизни в моей школе?.. Везилет улыбнулся и заговорил со мной, как с равным, о последних достижениях, о той страсти, что словно ледяной газ сжигает мозг мыслителей... Я слушал его и слушал вой зверей, и вьюги, и шипенье дымного дерева в огне...

Однажды с моей охоты я вернулся, ликуя. Солнце дольше обыкновенного задержалось над горизонтом... Скоро снег не выдержал и помчался к реке грязными струйками. Лед раскололся и поплыл, крутясь и сталкиваясь с веселым шумом. Грязная земля покрылась цветами и вдруг высохла и запахла зноем. Огромные бабочки вылу-

пились из своих куколок, амфибии и змеи наполнили траву, птицы вернулись с юга... Я никогда еще не представлял себе смены времен года и вдруг наяву я увидел, как ожило «заколдованное царство»! Казалось, мир наполнился галлюцинациями... Сверкающий корабль летел в голубой яри, приближаясь ко мне... Люди, подобные тем, каким я был когда-то, вышли из него и более ясные, чем сон, приветственно подняли руки. Это были люди Лоэ-Лэле.

Гелий встал.

— Есть у тебя табак, Митч? — сказал он. — У меня что-то дрожит, вот здесь. Я все рассказываю не о том, о чем хотел.

Врач вывернул карманы. Гелий жадно проглотил клуб вонючего дыма, продолжал:

— Я вернулся в Танабези. И тогда я снова понял, что мне — скучно. Мне было скучно от математически правильных коридоров с рядами аудиторий по сторонам, от алмазных ромбов, покрывающих пол, от цилиндров колонн, от параллельных линий, от безжалостно знакомых поступков людей. «Ах, что бы мне сделать?» — думал я с тоской. В чем счастье? Недавно это был отдых у огня после длинного перехода и спокойный сон для мозга и мышц. Сэа, моя подруга, лучшая из всех, казалась слишком самоуверенной, когда я смотрел в лицо Гонгури. Мне удалось усовершенствовать один из двигателей воздушных кораблей. Я видел, как мои машины распространялись всюду, но никто даже не знал моего имени... Потому ли, что я один боролся с чудовищами Паона и во мне проснулись тысячелетние зовы, потому ли, что разгоралась еще моя юность, но не одна любовь, зависть — я сам себе стыдился признаться в этом — охватила меня, когда я услышал об избрании Гонгури в Ороэ. Я видел ее на экране, гордую и прекрасную, с невидящими глазами стоявшую пред мировой толпой, и краска горячей крови заливала мое лицо. Я думал: «Вот, какая-то девушка, сочиняющая стихи, носит знак Рубинового Сердца, а я все еще здесь!». Я оставил Рунут, читавшего Высшую Технологию в Танабези, и улетел в Лоэ-Лэле. Мне ничего не было жаль в Танабези, кроме Рунут и, может быть, Сэа. Рунут — кажется, он был моим отцом — не стал меня отговаривать.

— Я был там и вернулся,— сказал он, улыбаясь моему тщеславию.

Это меня смутило; но в моей памяти волновался лик огромного здания, величайшего в мире, воздвигнутого в

центре Лоэ-Лэле. Его названия менялись в зависимости от того, какая сила казалась наиболее величественной и всемогущей. Когда-то это был Храм Истины, затем Дом Революции, в мое время — Дворец Мечты. Я был исполнен пламенным намерением без конца, самозабвенно работать в его лабораториях и достичь... чего? — этого я сам не представлял себе ясно... Везилет выслушал меня ласково и сказал, положив руку на мое плечо: «Не большое достоинство, что ты придумал свой двигатель, Риэль, но то, что ты так молод, действительно заслуживает внимания». Я вздрогнул: гении Лоэ-Лэле избирались в Ороэ, когда они были молоды...

— Ороэ,— тихо перебил врач. — Ты не говорил...

— Да... Как несовершенно слово! Как ограничена в средствах передачи наша мысль!.. Вот, в одно мгновение, я без всякого усилия могу охватить все пережитое мной, весь этот мир, а чтобы передать тебе хоть небольшую часть, я рассказываю, рассказываю, пропуская тысячи вещей, и все не могу дойти даже до видений сегодняшнего сна... Да... Ороэ, это, конечно, пережиток. Первоначально так называлась организация художников. За две тысячи лет до моей эры какой-то царек, по имени Ороэ, додумался, что он не понесет особого ущерба, если освободит несколько человек от разных чудовищных повинностей того времени. Ну, разумеется, царек очень любил мадригалы, льстивые портреты, почетные титулы и рассчитывал на славу. Он назначил деньги на жизнь 25 молодым художникам различных искусств. Ему приписывают, между прочим, любимый афоризм Везилета: «Мысль не поэма, не пропадет». Я задумался раз над его словами, и, мне кажется, здесь есть доля истины. Если бы, например, Менделеев умер перед тем, как открыть свой знаменитый закон, он был бы все равно открыт немного позднее. Но никто никогда не кончит «Египетские ночи». И еще: если бы вдруг спустились на нашу планету люди другого мира, превосходящие нас на несколько тысячелетий культуры, твоя медицина, наверное, показалась бы чем-то вроде шаманской магии... Да! Зачем это я?.. Разумеется, гениальность в те времена, как и у нас, самым тесным образом связывалась с наличностью Ясных Полян. Подавляющее большинство художников, литераторов, с первых шагов принужденных жить на свой случайный заработок, Маркс не без основания ставит в один социальный ряд с бродягами, авантюристами, ворами, разорившимися кути-

лами, отставными солдатами, беглыми каторжниками, шулерами, сводниями, тряпичниками, точильщиками и т. д.— не припомню всего списка. Эти люди богемы или близкие к ней всегда живут, боясь большой работы. Говорят, у Берлиоза была больная жена, когда он задумал прекраснейшую из своих симфоний. И он принудил себя забыть ее, чтобы иметь взможность сочинять вещицы для рынка. Он совершенно забыл ее; это вполне достоверно... Ну, я опять о нашей тюрьме... Институт Ороэ, конечно, очень скоро выродился, в него попали всякие подлизы. Но идея осталась. В первые годы Революции, после отмены крупной собственности, мастерство упало. Последующий же расцвет, несомненно, связан с организацией Ороэ. Члены ее выбирались на съездах делегатов всех творцов страны... Впоследствии материальная необходимость института исчезла; но, как я говорил, Лоэ-Лэле, один из древнейших городов, сохранил много пережитков. Рядом с прекраснейшими зданиями там были оставлены такие исторические уроды, которые казались столь же нетерпимыми, как заразные животные. Я никогда не мог к этому привыкнуть. Орoэ Лоэ-Лэле объединял всех выдающихся людей города. Его гении в принципе были всемогущи. Каждая их мысль должна была осуществляться, хотя бы для того потребовалось напряжение всех народных сил. Нечего говорить, понятно, что у избранников Лоэ-Лэле не могло быть низких и нелепых побуждений.

Члены Орoэ почти всегда избирались в молодости по первым лучам их дарования. Вот отчего сердце мое забилось сильнее от слов Везилета. Я был тогда очень молод.

На другой день я получил свои комнаты на Звездной улице, высоко над морем и розовыми садами. С первых дней я перестал принадлежать себе. Неисчислимые толпы наполняли аудитории, музеи, библиотеки Дворца Мечты. Несчислимые противоречия отравляли его воздух. Оглушительные фразы, непонятные и сложные доказательства проносились по многоликой душе словно вихрь более могущественный, чем бури Паона. Я видел людей, стонавших от тяжести мысли, я видел их равнодушными к внешнему над листами книг.

Я возвращался томимый смущением. Я забывал о своих мечтах.

Легким движением я включал ток в систему приборов, чтобы получить из библиотеки книги Ноллы и Гоигури. Скоро я сам стал писать стихи. Было так хорошо читать,

слушать с кем-нибудь музыку, созерцая в глубине экрана театральные представления, или просто смотреть в огромное окно на сияющий город и темное небо...

Однажды, высоко над ширью влаги, я играл в лучах заходящего солнца с девушками Лоэ-Лэле. Пылали фосфорические тона океанийских закатов. Мы ловили птиц и отпускали их с разноцветными розами. Это был детский спорт, и мы были веселы, как дети. Вдруг я увидел незнакомую девушку, летевшую мимо. Я догнал ее. Она плыла, закинув руки за голову, смотря в бирюзовое небо, где начинали сиять самые большие звезды. Широкий черный онтэитный пояс сжимал ее крепкое тело. Она задумалась и не сразу поняла меня. Потом, когда я был совсем близко, она взглянула в мои глаза с легким пренебрежением, с ласковой досадой и отвернулась. И только тогда я заметил Рубиновое Сердце — признак Ороэ. Я узнал ее: то была Гонгури, моя Гонгури!..

В ту же ночь я снова заблудился в лабиринте Дворца Мечты. Мне снова показалось, что меня окружает безнадежный хаос и я никогда не отличу в нем истинно ценного от хлама... Но вот я услышал Везилета... Я вижу его, как наяву: высокий, седой, дымящий листьями Аоа, пахнущими эссенциями тропических смол. Он был прекрасен среди множества приборов и машин, прекрасна была его речь, чистая и сухая, как треск электрических разрядов. Он не читал определенного курса. Разные сведения можно получить из книг. Он говорил лишь о том, что волновало мир, и тянул нас за собой на высоты подлинной науки. Я дрожал на его лекциях, как любовник, и бледно-коричневая кожа моего лица становилась огненной от возбуждения.

Случилось так, что в то время разгорелся спор о строении материи... То есть, конечно, свойства всех элементарных частиц, их формы, объем и вес, пути атомов, электронов и даже открытых Онтэ радэлитов были давно вычислены с точностью орбит небесных тел нашей системы. Все это входило в учебники. Вопрос шел о пределе...

И вот под влиянием мучительной моей и светлой жажды во мне возникла отчаянная мысль — овладеть мельчайшими лучами энергии, претворить их в подобные им видимые световые волны и собственными глазами посмотреть, из чего состоит Мир!

Прошло два года. Я полюбил пустынные места в горах, далеко к северу от Лоэ-Лэле, у каких-то нечеловеческих изваяний, высеченных неизвестным скульптором. Я

отдыхал на плоском камне, измученный потоком мыслей и неудач. В глазах расплывался серебряный свет нашей маленькой луны.

Внезапно в полусонных глубинах сверкнула чудовищно яркая молния.

Машина Риэля была найдена!

Я не помнил явившейся мысли, она была мгновенна, но я знал, что она живет во мне и теперь остается только расшифровать ее... Но еще два года я сжигал свой мозг в лабораториях фантастического здания, два года с безумным темпом мысли я переходил от книг к вычислениям, от вычислений к опытам и лекциям. Гонгури пришла ко мне узнать о странной моей работе, и я достиг, наконец, ее желанного взгляда.

Я знал, что она считает меня неудачником, но я был уверен в себе. С тех пор я часто замечал издали ее сияющий взор, но Гонгури и всему окружающему я уделял лишь немногие минуты и незначительные слова. Она была обыкновенная девушка. Как все.

Я работал в гигантских Мастерских Авторов. Во главе Мастерских стоял старикашка Пейрироль, выбранный туда за свою нечеловеческую любовь к машинам. Днем и ночью я видел его проверяющим мускулы своих любимцев, то изящных хрупких и сложных приборов для тончайших измерений, то огромных электрических молотов, изрыгавших торжествущий чрезмерный грохот в атмосфере стальных плавилен. Тысячи тонн металла выбрасывались вверх с помощью поверхностей онтэита и вновь падали, давя на чудовищные рычаги, наполнявшие движением тысячи зал Дворца Мечты. Я сроднился с этим вечным движением, шумом, визгом и шелестом, выделывая части своей машины и торопя помогавших мне мастеров из студентов верхних этажей. Восемь раз модель оказывалась недостаточно точной, восемь раз мы принимались за нее снова. Пейрироль встретил меня однажды тонкой усмешкой. По его мнению, я должен был поплатиться за свои фантазии. То, конечно, был намек на эстетический обычай, по которому неудачники всегда старались возместить расходы Мастерских. Я снова поднялся в аудитории и библиотеки. Однообразными днями я просиживал за чертежным столом или блуждал, не видя, по бесконечным музеям и городам всех эпох, воспринимая сквозь сон сказочное величие и помня все одну и ту же мысль, пока меня не нашли ночью без сознания под лапой атлантозавра.

Меня отправили лечиться в онтэитный завод. Кажется, почти все заводы находились в ведении врачей. Завод, зеркальный и железный, стоял в горах, в хвойной чаще, у порогов Сортуа-Ту. Каменная плотина пересекала ущелье. Под стеклянным куполом, под ветром озона, час или два раза в день я делал ритмические движения в бездумном и прекрасном напряжении тела. Пел переменный ток, тускло сверкали мчащиеся маховики, сухие искры поднимали волосы, щекотали спину. Для изготовления онтэита требовалось огромное количество энергии. Воздух, казалось, был насыщен ею... Впрочем, некоторые доказывали, что часть производимой онтэитом энергии совершалась за счет уменьшения центростремительной силы. В последнее время, помню, с этой целью были организованы новые измерения. Я пробовал вычислять, когда использование онтэита заметно отразится на космическом равновесии.

Врачи отпустили меня через месяц. Тогда, точно получив резерв для атаки, я снова кинулся в дым Аоа, в Мастерские Авторов.

И я победил. Я первый увидел, как плотный кусок вещества превратился в мелькающий вихрь светящихся точек. Я придумал способ следовать всем их бесчисленным движениям, останавливая в поле зрения атомные частицы. Я научился наблюдать эфемерные, мимолетные явления, замедляя их, замедляя самое время...

Конечно, я понял, что вовсе не разрешил проблемы; но большего я и не ждал. Атомные системы превратились в звездные миры, в солнца, окруженные планетами. И в их спектре, в первых же поспешных моих наблюдениях, я нашел мелькнувшую линию хлорофилла.

Гелий вздрогнул.

— Стало холоднее,— сказал врач.

— Нет, другое,— пробормотал Гелий... — Я улетел к Везилету. Он встретил меня беспокойной и ласковой насмешкой, но потом слушал много часов подряд. Слава моя росла, точно обвал. Меня избрали в Ороэ. Торжественный обряд должен был совершиться в ближайший день. Но мальчишеская моя греза теперь меня не волновала. Время действительно нелепость. Можно прожить десять лет и сохраниться, как уродец в спирту, и можно стать совсем другим в несколько дней. Я вырос, я был безучастен к своему триумфу. Может быть, это было временное утомление, преходящее влияние бессонных ночей, листьев Аоа и напряженной мысли, но я был склонен счи-

тать мое состояние тем конечным пунктом, куда приходит всякий разум. И странно: погибая от усталости, я в то же время испытывал мутящую пустоту наступившей бездеятельности...

У меня была бессонница. Я лежал в большом зале иа мягком черном диване, и мои глаза были открыты. Я был один. Тишина ночи нарушалась только легким плеском струек воды, лившейся в углу из мраморного экрана. Они освещались у своих истоков яркими сконцентрированными лучами всех цветов спектра, преломлявшимися в воде, словно каскады самоцветных камней. Я подумал о том, что мне иадо уснуть, для этого следовало бы принять небольшую дозу яда; но мне не хотелось вставать. «Темнота лучше всего», — прошептал я, движением руки гася свет, сиявший в разноцветных струйках. Стало темно, но ие совсем. Какая-то бледная тончайшая пыль наполняла воздух. Я оглянулся; свечение исходило от фосфоресцирующего шара, лежавшего в руке статуи Неатна... Я говорил об этом.

И вот у меня явилась мысль исследовать вещество светящегося шара в моей машине.

III. НАХОДКА

— Ты говори тише. Я вижу, ты устаешь. Говори просто.

— Да. Я лягу.

Митчель подвинулся, набросил иа него шинель. Сукно было грязно, пропитано несмываемым злом мира.

— Представляешь ли ты смену моих переживаний? Все, что я рассказывал, это — воспоминания Риэля. Теперь я хочу рассказать о том, что я видел на самом деле, в моем сне... Слушай!

— Ты говори тише.

— Очарованный моей мыслью, я подошел к машине, держа в руке светящийся шар. В черноте окна виднелось безлунное небо. Было темно, но высокие кипарисы — факелы мрака — все же выделялись на Звездном Пути. Маленькие метеориты иногда сгорали, мгновенно отражаясь в море. Вдруг, осветив все прибрежье, вспыхнула зарница. Я включил ток в механизм и, встав на каменный диск, заглянул в окуляр... Так я помню все очень ясно.

Молекулы фосфоресцирующего вещества были слож-

ны, как молекулы органических соединений. Они отражались на жемчужном экране вихрями звездных скоплений. Я замедлил, вспомнив детское мое увлечение искусством сияющих цветов. Потом я уловил движения одной из частиц. Это была простая желтоватая звездочка, и я оставил ее, заинтересовавшись одной из планеток. Ось ее вращения была наклонена к плоскости эклиптики, полушария то замерзали, то становились желтыми от зноя, как Паон.

Сердце мое вдруг нехорошо ударило. Я приблизил планетку. Стадо четвероногих, напоминавших антилоп, паслось на берегу ручья. Вдруг стадо исчезло, желтый хищник распластался в упругом прыжке...

Быстрое пламя наполняло мои жилы.

Я вспомнил, несколько дней перед этим Везилет рассказал мне о своих новых исследованиях явления мировой антропии и о своей любви ко всякой жизни, вступающей в неравную борьбу с этим грозным процессом вечного обесценения энергии. И вот я увидел, что жизнь насыщает мертвое вещество, повторяясь в однообразных формах. Арена мировой битвы расширяется беспредельно...

Желтый зверь начал пожирать свою добычу. Я отвернулся.

Что это! Мне вспомнились враждебные крики четвероруких существ Паона. Передо мной были жалкие жилища, вроде тех, какие мы строили в дебрях. У самого большого шалаша плясали черные обезьяны, вооруженные длинными палками.

Я, кажется, вздрогнул. То были люди, почти люди!

Двое дикарей вышли из шалаша, и на их пиках, как сон, я увидел мертвые белые головы настоящих людей. Орава уродов вытащила нагую белую женщину. Черные самки зажгли костры. Жрец начал мистический танец...

Я спрыгнул, забегал по залу, радостный и оглушенный. Какое открытие могло сравниться с открытием Риэля!

Я снова подошел к окуляру. Жрец слизал с ножа кровь. Я тронул кремольер.

Передо мной был город светлокожих. Если бы не снег, он напомнил бы города далекого прошлого моей страны. Улицы, возникавшие столетиями, поразительное неравенство зданий, вагоны, движимые электричеством, передававшимся по проволоке, тяжелые машины, четвероногие и нелепая толпа одетых, волосатых, безобразных людей,—

все это я видел когда-то в стеклянных залах музеев Дворца Мечты.

Я видел поезда, катящиеся по железным рельсам силой перегретого пара. Из красных ящиков вылезали люди и тащили громадные сундуки и узлы, сгибаясь под их тяжестью. «Частная собственность»,— сообразил я.

Следуя за движением этих поездов, я перевел мой взор в глубь страны.

Белые дикари мало отличались от черных.

Я смотрел на снежный ландшафт. Седой лес, замерзшие воды, гнилые деревни. Вот передо мной человек, одетый в шкуру барана. В одной руке человек несет, размахивая, несколько убитых зверьков, другой тянет детеныша. Рядом понуро шагает теленок. Они входят в жилье, и теленок входит за ними. Внутри, на земле, лежит старик в шубе, в шапке и качает ногой люльку. Под люлькой, на сене, сука и выводок щенков.

Люди жили вместе с животными, как животные.

В одном месте при свете луны я увидел статую, воздвигнутую на пороге желтых песков: зверь с лицом человека. Я обратил внимание на толпы одинаково одетых мужчин, шагавших в ногу, возбужденно горланивших и вооруженных длинными ружьями, оканчивавшимися ножами. То, что я увидел, совсем не согласовалось с моим представлением о войнах. Здесь не было ни подвижных армий, ни осажденных городов, ни «героев». Здесь были осажденные страны и вооруженные народы. В глубоких длинных ямах, вырытых параллельными рядами, на расстоянии большем, чем от Лоэ-Лэле до Танабези, стояли люди и целились друг в друга. Я оценил высокое качество огнестрельного оружия и военных машин, применявшихся во враждебных армиях, каких никогда не было у нас...

То была, скорее, не война, а коллективно задуманное самоубийство. Я стал терять мое высокое равнодушие исследователя. Меня встряхивала перемежающаяся лихорадка странного возбуждения. Временами я стал забывать о себе, жить чужой жизнью... Так, вероятно, бывает, Митч, когда вместо того, чтобы лечить болезнь, ты заболеваешь сам.

— Да,— сказал врач.

— Боюсь, мои видения покажутся слишком обыденными, надоевшими. На трамвайном столбе медленно, как маятник дьявольских часов, качался черный труп повешен-

ного. Город был мертв. Только маленькие мохнатые хищники бегали по улицам, обнюхивая куски брошенных тканей. Крутом города шли такие же мертвые изуродованные поля, словно земля в этом месте покрылась струпьями безобразной болезни. По ним бродили люди с красными значками на рукавах — символы могильщиков, вероятно,— и подбирали своих братьев — безлицых, безголовых, безногих, жалкие комки запекшейся грязи, бывшие когда-то людьми.

В грязевых гейзерах взрывов, в спутанных клочьях колючей проволоки, бетона и глины, где лишь угадывалась красная примесь, из траншей поползло длинное облако стелющегося дыма. Когда оно рассеялось, пространство, заключенное в поле моего зрения, напоминало кладбище солнцепоклонников. Мертвых сменили живые, защищенные безобразными масками. И какие-то громадные машины медленно двинулись на них. Солдаты выползали из своих ям. Люди бежали и падали, становясь странно неподвижными. Вдруг широкий взрыв мгновенно разорвал одну из машин. Куда-то бросились солдаты с запрокинутыми головами, и лица их, быть может, мне показалось, были черны, как уголь. Они так и застыли в моей памяти, потому что с порывом шторма белое облако, словно погребальный саван, закрыло всю сцену. Внизу клубилась неровная поверхность легкой влаги; на ее фоне простер крылья примитивный летательный аппарат. Аэроплан сделал несколько кругов и, как птица, увидевшая добычу, нырнул вниз.

Я скоро заметил, что раскрывавшиеся предо мной события не были связаны обычным течением времени. Отраженные лучи микроскопического светила каким-то сложным процессом перерабатывались для моего восприятия. Но стоило мне сдвинуть легкий рычаг, и в мой глаз проникал уже другой ряд лучей, в мое сознание — другие впечатления, и я не всегда мог определить, какие из них более ранние и какие поздние. Война — или, может быть, не война — повальная болезнь, алые язвы которой я видел в ограниченных полосах страшного мира, внезапно просочилась внутрь страны. Те же пятна войск расплылись по планете, отличаясь лишь едва заметными значками, и немедленно вступили в борьбу. Только приемы были примитивнее и кровожаднее... Впрочем, все это я видел... Пленники со связанными руками, которых под дикие танцы медленно топили в реках, пожары, внезапные порывы

великодушия и потом еще более глубокий мрак странных противоестественных страстей, какие может навеять лишь болезнь... Кто говорил мне об этом?.. В тропических странах Паона есть чудовищный вид муравьев. Если разрезать экземпляр этой породы на две части, то половинки, челюсти и жало, начинают свирепо сражаться друг с другом. Так продолжается каждый раз в течение получаса. Потом обе половинки умирают.

Я вспомнил океан, мерное дыхание волн, простое сердце стихий. У меня возникла жажда погрузить сознание в его космическую синь; но на равнине воды, как пятна сыпи, появились сотни больших военных судов. Вдали одиноко погибал брошенный корабль. Объятый пламенем и черным дымом, он медленно погружался в пропасть, и обезумевшие, ослепленные люди с разбега бросались в ледяные волны среди наступающей ночи. Двигались наглые щупальца прожекторов. И волны, отражая огни пожара, казались фантастической зыбью адских болот, где, как говорит великий поэт, вечно мелькают беспомощные руки отверженных, простираясь к пустому небу за несуществующим спасением и ловя только холодный воздух бездны...

Я зажег белый свет, испытывая потребность проверить ясность моих восприятий. Все было неизменно. Я приблизил планетку.

Было утро. В ореоле ледяных радуг вставало солнце. Под холмом сбились в кучу всадники и пехотинцы, плясавшие, как дервиши, чтобы согреться. О, я знал, какой это мороз, когда вместо одного солнца в небе кружатся пять! В такое утро я возвращался с берестяным ведерком воды в нашу нору на Паоне и мои пальцы, одетые в мех стали неподвижными, как ледяные сосульки... Вдруг я заметил, что от кучи солдат отделился совершенно голый человек. Он шел в степь, сжав на груди руки, с безумным лицом, прямо, не оглядываясь, точно автомат. Солдаты лениво посматривали ему вслед. Потом один из всадников легкой рысью поехал по тропе, намеченной в снегу босыми ногами. Когда расстояние между ними сократилось на три шага, всадник не спеша занес высоко над головой изогнутую ледяную саблю. Страшный прорез вспыхнул наискось между плечом и шеей. Человек упал, но все еще был жив. Тогда всадник снял с руки длинную палку, и я увидел, как голая нога три раза беспомощно поднималась кверху при каждом нажиме.

Рядом, в чаще леса, стоял совсем старый солдат и молился. Я видел, у этого идолопоклонника не было никакой склонности к своей профессии. Что-то чуждое, какая-то противоестественная необходимость тяготела над ним. Двое других солдат, одетых иначе, подкрадывались к нему сзади. Я ждал, что враги только застрелят старика; но они не могли шуметь. Один из них быстро схватил его за горло — излюбленный прием этого мира — и опрокинул навзничь. Мгновение они боролись. Затем другой солдат равнодушно сунул в извивающееся тело свой нож. И они осторожно поползли дальше, озираясь, как хищники и... и... также крестились!

— Митч, ты, конечно, давно понял: я открыл нашу Землю, земное человечество! Сейчас-то меня мороз подирает, хоть я и вколачиваю себе, что это всего лишь отражение идей, повторяющихся со времени Бернулли. Или с каких времен?.. Эти горы, эта гигантская река, эти океаны земли на восток и запад до обоих океанов, весь этот громоздкий мир, такой великий для нашего глаза, эти звезды и тончайшая разорванная вуаль Млечного Пути, титанической аркой висящая над нами, все бездны, вся жизнь — только миниатюрный вихрь частиц в какой-то игрушке иного мира!.. А когда я был Риэлем, меня пугали маленькие красные пятна на белом снегу, то, о чем мы говорим в стихах.

— Но вот у меня опять нехорошо здесь, и я думаю, разве не страшно, что мы привыкли? Разве ты не привык видеть убийство? Разве я не втыкал мой штык в человечье мясо? Впрочем, какие там страхи!

Я, Риэль, думал. Огни, трупы, шествия, знамена, смятые шелка, корабли, наполненные солдатами, взрывы, мертвые страны и эта вездесущая красная ткань—кровь—только дикий вихрь, мчащий меня в кошмарных сферах! Мне казалось — сейчас я сделаю последнее усилие и проснусь в лаборатории, занятый сложными вычислениями, своим обычным трудом. Я еще ничего не достиг. Это преходящая слабость навеяла мне дурной сон... Я помню, что закричал; но я был один, и никто меня не услышал в тот поздний час.

Я устал и беспорядочно перемещал поле зрения. Война продолжалась. Видения были неисчислимыми, и я почти не думал о них; но несколько подавляющих картин встают предо мной ясно и неотступно, как эринии.

Тощие сумасшедшие женщины ломились, размахивая

пустыми корзинами, в запертые двери; но женщины были слабы, и двери не открывались.

Огромная, выжженная зноем пустыня. И в ней только одно живое существо — человек. Он лежал неподвижно у маленькой норки и ждал с терпением больного.

Дальше!

Великолепная растительность покрыла побережье теплого моря. Светлый поток пенился среди виноградников, плантаций табака, маслиновых и миндальных рощ и садов фруктовых деревьев. Легкие яхты проходили мимо мраморных дворцов, останавливаясь у многолюдных пристаней с кофейнями, лавочками, вином. За чистыми столиками сидели разноцветные женщины и мужчины в твердых ошейниках, ели пирожные, фрукты, жир и сахар, поглядывая на голых самок на пляже внизу. Здесь же, около группы изящных легких зданий, медленно копошились такие же голые существа, едва способные двигаться: они были слишком толсты. Несомненно, это была лечебница для ожиревших. Они лежали на солнце, вытапливая сало, и читали курьезные бумажные газеты с десятками страниц. Один из них — белый и страшный урод — одолел, кажется все это огромное сочинение с начала до конца. Там, наряду с рисунками разных яств, я видел снимок с того света — с голодных у дверей. Толстяк прочел газету, отложил в сторону и повернулся на другой бок. Он был спокоен... мистически спокоен!..

Страна моей Гонгури! Митч, ты докажешь мне, что это только сон, а вот Земля существует несомненно!

— Нет,— завыл я,— нет, я не покажу этого Везилету!

Мне было стыдно, что в моей комнате я нашел такую дрянь.

Я быстро встал и опять захотел выбросить Голубой Шар, ставший совсем тусклым при свете начинающегося дня, но мой взор скользнул по моей комнате, по различным обыкновенным предметам, и я быстро успокоился. Я даже улыбнулся. Так в детстве, после испуга, мы бросаем последний презрительный взгляд в темный угол, где вместо почудившегося призрака было грязное белье...

Я в последний раз взглянул на Землю. Внизу волновалось беспредельное поле злаков. Я смотрел на золотые волны, обещавшие новую жизнь, и мой мозг очищался от раздражения и невечных мыслей. Мне вспомнились другие волны, неизобразимое смятение текучих людских масс

на улицах удивительного города, странно многолюдного центра среди пустынных северных равнин. Тогда я не понимал отдельных поступков, но общий смысл творимой жизни был мне ясен... Я знал судьбы этих порывов. Все было открыто мне. Может быть, я заразился чем-то от Земли, но я уже без содрогания вспоминал алые пятна на белом снегу и радостные лица идущих мимо мертвых. Иногда течет много крови, иногда меньше. Прошли века, настало время другим расам плясать под скрипку мишурной смерти. Снова загорелись костры и запахло человеческим мясом. Но ураганы проходят. Являются гении. Мир становится прекрасным.

И вот я снова изнываю в своем величии и своем ничтожестве! И предо мной, неизменно, везде, одна и та же Бесконечность, грозная, как старинный бог...

Жизнь! Вот целую ночь я жил другой жизнью, но разве она не «одна во всем», как говорит Везилет?

Я был царем и, томимый скукой, убивал проклинавших меня, потому что я был мудр и думал о величии, непонятном звериному народу. Я был рабом, и мне ничего не надо было, кроме маленького клочка пахотной земли, но воины царя врывались в мой дом, насиловали моих жен, уводили с собой, и я проходил тысячи мер, убивал и мучил, повинуясь враждебной воле, и сам мучился от постоянного ужаса. Я был избранником народа и казнил деспотов и вождей черни, и толпа ликовала вокруг их виселиц. Я был преступником, мне вырывали ноздри и приковывали к огромному веслу, и я должен был двигать его взад и вперед все дни моей жизни. Если я останавливался, плеть надсмотрщика врезалась в мою спину, и снова я напрягал разорванные мускулы, пока мой труп не выбрасывали в море.

И кем бы я ни был — убийцей или пророком, во мне осуществлялась одна и та же бесконечная Жизнь. Иногда я возмущался против нее и не хотел играть роли, какую она мне предназначала, я уничтожал ее, но все-таки любил и ненавидел только те сердца, зловоние от разложения которых подобно аромату тяжелых пахучих смол в сравнении с тем, какое они распространяли, когда бились.

Женщина была на моем пути, и если я любил ее, я был бесстрашен и побеждал всех... Миллионы лет сменяли миллионы, а жизнь, однообразная, как морские волны, и, как они же, неповторяющаяся, длилась стихийно, победно, безнадежно. Всегда, всегда я подчинялся ей, подчинялся

даже в самой смерти, но теперь я устал и хочу знать, что же Я — смертный Риэль в ее торжественном бессмертии. Я хочу знать... Я хочу знать!

IV. РУБИНОВОЕ СЕРДЦЕ

Врач подошел к нарам, погладил горячий лоб юноши. Рука была горячей.

— Ты говори тише,— повторил он.

— Ничего,— потемнел Гелий. — Я скоро кончу. Черт, нет курева!

— Да, все.

— Ну, вот. — Я рассматривал Землю... но лучевой поток солнца, яркий, желтоватый, теплый, проник в комнату... Как хорошо! Я подошел к окну.

Золотая вуаль волновалась в утренней влаге, и сквозь нее нежнее казались очертания зданий, залитых могучим ровным светом. Нежные туманы бесшумными лавинами катились с гор. Ветка вьющегося растения достигала моего окна. На ней качался, простираясь ко мне, единственный, огромный, белый цветок. В первый раз я испытывал радость от простой мысли, что живу в этом моем мире. Радость и гордость. Веселые школьники, похожие на быстрых птиц, гонялись за большими платформами, несшими груз зеленых, желтых, оранжевых, красных плодов. Быстрые корабли, как легкие рыбы, плыли в легком океане неба. Я лег и стал думать, что в этот день я пойду рука об руку с Гонгури, последней из Ороэ, в центральные залы Дворца Мечты... Так, мечтая, я понемногу погрузился в пылающие пятна памяти, в глазах замелькали изменчивые фосфены, словно мягкие цветные хлопья, и я утонул в них, теряя сознание.

И все время мне снился громадный глаз, смотревший на меня из высшего пространства.

Чей-то веселый голос звал меня, и я проснулся.

Мне казалось, что это Нолла будит меня ранним утром среди сверкающих снегов Паона. Я открыл глаза. Солнце светило мне в лицо; на жемчужном экране смеялась Гонгури...

Обряд передачи Рубинового Сердца был древен, корни его врастали в религиозную магию Неатна, основателя «Союза Побеждающего Духа». В мое время, конечно, обряд был пронизан лишь эстетическим сознанием, без-

думным и радостным. Каждый раз в его светлую форму вливалось новое творческое вино. Я отвык от людей, ночные видения меня истощили, но мне было хорошо здесь. Я рассказал Гонгури о своей любви и о нашей первой встрече над берегом моря.

Мы шли по зеркальной площади Дворца Мечты. Под ногами сияла отраженная голубая глубь, белые перистые облака вздымались внизу. И в центре, в бездну и небо, рос лучезарный Дворец. Он был перестроен в последний раз совсем недавно, в год моего рождения. Тогда здесь работал Рунут. Дворец был отлит из искусственного золота и золотистого топаза, он был стремителен и блестящ, как язык пламени, как солнечный протуберанец. Сквозь вибрацию воздушных волн на высоте 500 метров я видел статую такого же восходящего к свету юноши, как на берегу моря, только взор его был открыт и он не закрывал лица от солнца. Я помнил о жизни страшной планетки и все не мог решить: сейчас мне сказать о ней или подождать? «Риэль! Риэль! Риэль!» — слышал я эхо толпы. Где-то высоко над нами скрестились колебания токов и запели, рассыпаясь страстным гимном Сторы.

Стора — девушка, отдавшая свою жизнь ради крупицы знания. Этот полулегендарный эпизод тоже связан с именем Неатна. Не помню, для чего ему понадобилось наблюдать живое, бьющееся человеческое сердце. Стора согласилась на этот опыт и не перенесла его. С тех пор ее имя стало торжественным символом, и почитание ее превратилось в культ...

Мы шли, наверно, полчаса по невидимой голубой глади: легкое и грандиозное здание заполнило мой кругозор Я смотрел вниз и видел Дворец Мечты опрокинутым, как в телескопе. Сумрачный вход казался узким в лучевых вертикалях, но, может быть, более ста человек в ряд вошли, не потеснившись, в громадное ограниченное пространство, где каждый звук замирал в отдалении. В голубоватом тумане, как вершины в голубой чистоте и свежести неба, растворялся зеркальный свод и там еще громче длился зов гимна. Везилет встал у ног статуи Сторы, поднимавшей к своду свое Рубиновое Сердце. Он говорил о красоте творческих стремлений, о том, как они зарождались на заре человечества, сначала случайными вспышками, сначала в играх дикаря или ради его жестоких нужд и, наконец, разгорелись в пожар независимой страсти, приведшей нас к величию. Он говорил о страданиях, так

хорошо известных всем нам — они были неисчислимы и все-таки бессильны, — о желанных страданиях творчества я прославлял даже отречение от радостей жизни, если так велит возвышение... Он говорил только давно знакомые фразы, но они звучали во мне, подобно гимну Сторы...

На черном камне мелькнули слова древней клятвы Неатна:

«...если бы даже ангелы преградили вам путь — не смущайтесь, ибо истинно говорю вам, будете тогда, как боги!».

Везилет опустил на мои плечи нить черных жемчужин с Рубиновым Сердцем, и потом все подходили ко мне и говорили о любви, наполняющей сознание...

Этот день был очень утомителен для меня. Я долго стоял перед экраном, меня хотели видеть во всех городах, я слушал длинные приветствия и говорил одно и то же, смотря на мелькавшие лица. Гонгури оставила меня. Тогда, кажется, в первый раз в эти годы, я вспомнил о Рунут, о Сэа, о светлом спокойствии Танабези. Я вызвал Рунут и попросил ждать меня в нашем старом саду, у здания моей детской школы.

Я поднялся высоко и летел омытый теплыми жесткими струями урагана, радуясь, что жизнь так далеко от меня. Я был болен. Мне казалось, что не онтэнтный пояс, а хаос возносящих экстазов Сторы несет меня в небе.

Вдруг за хребтом порфировых гор Лоэ-Лэле, на зеленом плоскогорье, у подкаменной речки, я увидел людской рой. В толпе поднимались десять громадных межпланетных кораблей. Я вернулся; но прежде чем передвинуть диафрагму изолятора на падение, я снял черный жемчуг с рубином. Внизу было торжество более громкое, чем избрание Ороэ, но я ничего не знал; в последнее время я совсем не слушал газет. Странный старик стоял на нижней лестнице и не говорил, а кричал, грозя кулаком в небо. И вся толпа была возбужденной. Я спустился, спросил. Трое обернулись. Кто-то седой ответил, точно отмахнулся от насекомого: «Здесь не до мальчишек». Грубость всегда казалась мне удивительной, я взял человека за руку. Он обернулся снова, тоже удивился и вдруг засмеялся мне в лицо. От него запахло мутным и перегорелым. Он сказал:

— Война!

Кровь моя упала. Откуда он узнал о моих видениях? Кто-то из нас спит. Я дернул его, чтобы он очнулся. Вероятно, я заразился общим смятением. Сильный толчок

отбросил меня в сторону. Несколько человек подлетели к нам.

— Что это, перепились?

Внезапно взвыли победные клики, я взглянул: корабли исчезали в небе. Я бросился вверх, так высоко, что стал задыхаться. Я был оглушен миром. В первый раз я подумал, что в школе о Лоэ-Лэле говорили правду.

Рунут встретил меня в аллее магнолий, у бассейна из яшмы и вьющихся роз. Мы говорили о последних работах Рунут и о значении моего открытия. Пришла Сэа. Рунут, чтобы не беспокоить меня, сказал о мне только ей. Сэа была прекрасна, но то была другая красота, чем Гонгури. Можно было любить кого угодно и в то же время чтить Сэа, как стихию. Она говорила, что однажды пыталась увидеть меня, но Пейриполь, варвар, с ужасом заметил ей, что никого нельзя отвлекать от работы в лабораториях... Так мы болтали, любуясь, пока диск моего браслета не стал оранжевым — цвет восьмого часа. Сэа звала меня на великолепные игры, где будут мои прежние друзья, но я мог только обещать вернуться на следующий день.

Я спросил Рунут, не знает ли он о десяти кораблях, и увидел, что Рунут, как все, удивляется, что я не знаю. Я был болен, и мне все казалось, что непредставимый глаз смотрит на меня и мою страну, как я смотрел на Землю. И потому меня мучило желание совершить нечто превосходящее все поступки мира трех измерений, только что?— Я не знал и вот забывался.

— Ведь это же экспедиция Гэла, Риэль! — сказал Рунут.

Гэл! Я вспомнил. Значит — сегодня... Полтораста лет перед этим Тароге поднялся за пределы солнечной системы, чтобы никогда не возвращаться. С ним было, кажется, двадцать человек детей. Взрослых было всего трое: Тароге, инженер Ставант и жена их Лонэ. Потому что путь их должен был длиться более тридцати наших годов. «Победитель пространства» Тароге нес нужное количество конденсированной энергии и пищевых экстрактов; но если бы на планетах ближайшей звездной системы не нашлось доступных условий для жизни, все должны были бы погибнуть. Тридцать лет! О них, об этой жизни в межзвездной пустыне, были написаны поэмы... Я знаю, тебе будет очень интересна эта деталь: помнишь мои вирши — «Империализм Солнца»? Их свертели на цигарки в Саянах. Тема одна и та же...

Тароге нашел планету, подобную нашей. Она получила имя Генэри, в честь первого ребенка, родившегося там. План Тароге был прост. Люди должны были размножиться, построить город, заводы, машины, наполнить истощенные конденсаторы энергией и потом, через столетие, кто-нибудь должен был вернуться в Лоэ-Лэле. Вокруг с одной стороны расстилалась огромная равнина, покрытая красноватой травой в рост человека, наполненной бесчисленными существами, с другой, за небольшой речкой, начинался лес и вдали снежные непроходимые горы. Это была экваториальная полоса с ровным и теплым климатом. Люди построили дом из обожженной глины и посеяли хлеб. Жатва была обильной; но что могли сделать несколько человек на планете, в полтора раза превосходящей наш мир? Тогда Тароге начал поиски неведомого случая. Через год, в плодородной долине, немного севернее тропика, генэрийцы встретили становище темнокожих. Они знали богов, огонь и оружие. Новые белые боги взяли их детей и много молодых женщин, а мужчин заставили строить глиняные дома. Женщины рожали расу полубогов, ни белых, ни темных. Старые колдуны племен собрали совет и решили обмануть выходцев неба. В одну ночь они снялись и ушли в дебри со всеми людьми; но повелители настигли беглецов. С помощью чудес и смерти они подчинили их и вернули в прежний плен.

Через 60 лет в глиняном городе Тароге было более 300 человек, говоривших на языке Гонгури и еще больше детей, учившихся в настоящей школе. Доменная печь озарила заревом заросли Генэри, жидкий металл послушно стал принимать формы машин. Приближался день, когда старые конденсаторы «Победителя пространства» должны были снова наполниться радием; но неожиданная опасность отдалила победу еще на много лет.

Тароге умер от змеиного яда. Темнокожие рабы считали его вождем пришельцев. Один из туземцев, Умго, понял, что если ударить белого дубиной, он умрет даже скорее, чем зверь. Этого нельзя было сделать только потому, что другой белый тотчас же направит смертельный огонь из трубки, которую всегда держит рукой в кармане. Умго ненавидел победителей. Его мысль была медленна и упорна. И вот однажды он исчез из города вместе с дюжиной других обученных дикарей. На этот раз их нельзя было найти; но через два года они появились с тысячами коричневых воинов соседних становий. Умго научил часть из них

употреблять лук и деревянные стрелы, чтобы убивать невидимым из-за угла. Вокруг него объединились все ограбленные племена. Первыми погибли рабочие, копавшие руду в горах. Потом воины окружили школу и перебили полубелых детей. Женщины сбежались на их крик и потерялись в толпе. Когда генэрийцы сумели организованно пустить в ход оружие, половина их многолетнего труда была уничтожена или обесценена.

Умго не был убит. Он увел племена в дебри и горы. С тех пор заросли стали непроходимыми. Пришлось строить укрепления и ввести боевые отряды для походов за рудой и охраны.

Война длилась более двадцати лет, прежде чем был закончен межпланетный двигатель, унесший Гэла. И вот теперь город Лоэ-Лэле построил десять «Победителей пространства», в пять раз превосходящих корабль Тароге, чтобы пополнить светлокожей расой и могучим оружием поредевшие ряды колонии Генэри.

Рунут помрачнел. Быстрые видения истощали ясность моей мысли. Я бормотал: — Так вот почему старый пьяница крикнул мне сегодня противоестественное слово: «Война!» Вот почему у Гэла такое темное лицо и глаза слишком широко расставлены друг от друга!

Внезапно я почему-то вспомнил Голубой Шар, и ночные кошмары снова овладели мной.

— Что с тобой, Риэль? — сказал Рунут.

— Ах,— ответил я,— как бы мне хотелось явиться между ними и смести лучами смерти и тех и этих... и тех и этих! Я погружался в прошедшие века и в будущие, — все становилось расчетливее, но убийств совершалось больше... О, как можно так быть! Как можно, когда все это здесь, рядом, как можно...

Я взглянул на Рунут и вздрогнул. Это действительно было безумие.

— У тебя опасный бред, Риэль,—услышал я.—Нельзя безнаказанно в несколько лет молодости совершать работу целой жизни. Если бы ты остался у нас, ты не прятал бы своих мыслей, мы трудились бы вместе, и человечество приобрело идеи твоих изобретений и твои открытия закономерно и безболезненно; но в Лоэ-Лэле, с ее культами, празднествами, индивидуализмом и громадным гипнозом, ты был захвачен эгоистической страстью, более сильной, чем твоя воля. Ты мог бы стать таким же счаст-

ливым, как Сэа, и потом таким же, как я; а теперь разве ты счастлив?..

Рунут был прав, и я дал ему обещание, что я буду жить с ним, в Танабези. «Только не теперь»,— добавил я невольно. Я рассказал о Гонгури. Рунут немного успокоился, но, вероятно, его надежда исчезла в тумане подсознательных тревог так же мгновенно, как мое тело, брошенное слишком резким движением в облака, озаренные пурпуром и киноварью заката.

Ждала ли меня Сэа, не знаю...

Может быть, я неверно передал впечатления этого вечера. Я думал о другом. Я вижу сквозь голубоватый дым гениев Ороэ за каменным столбом, в большом зале. Высоко, словно невидимые жаворонки, пели струны. Невидимые автоматы приносили нам розы и фрукты и сок Аоа. В зеркалах, в полированных геометрических поверхностях, отражались светящиеся шары — светильники, легкие, как воздух, бесшумно блуждавшие между нами. Голова Гонгури лежала на моем плече. Я знал — Гонгури меня любит. Я слушал Гэла. Он был силен и крепок, ему было более ста лет. Он жадно насыщался и, как все ограниченные люди, очутившиеся в центре великих событий, рассказывал громко и пространно о жизни на Генэри. Я видел... Умго, с лицом ночного человека, раздвигает папоротники бесшумно, как рысь; Тароге, убийца и гений, обдумывает план глиняного города... И я ловил себя на смешном вычислении, во сколько раз скорость мысли превосходит скорость света.

Юноша-поэт, светлоглазый Акзас, влюбленный в Гонгури, подошел к нам, улыбающийся, бледный. Акзас был одет в драгоценную шелковую ткань, и мы жалели его. Одежду носили только старые люди: молодым она назначалась эстетической комиссией, чтобы скрыть недостатки тела. Я услышал напряженную декламацию, отрывок из той же старинной поэмы «Ад», которая вспомнилась мне, когда я смотрел на Землю.

Тогда настала тьма. Я ввержен был
В холодное бескрайнее пространство,
И пустота рвала мне грудь и душу;
Осталось только тусклое страданье,
Такое скучное, что показалось:
Миллионы долгих лет прошли, когда
Часы отметили одну секунду...
«Я это знал»,— промолвил я с тоскою.

Быстрым взором памяти я провожал земные картины, и мне также показалось, что я прожил годы в ту изумительную ночь. Я спросил Гэла:

— А что, те новые люди, ушедшие сегодня на помощь, опять будут насиловать женщин и отнимать их детей?

Гэл засмеялся.

— Ты думал,— сказал он,— что жизнь это только то, о чем говорят в школе?

Вот уже второй пьяный старик глупо оскорбил меня сегодня. Гнев непривычно сдавил мои скулы, я встал и сказал Акзасу:

— Молчите! Что ваши стихи? Хотите, я покажу вам настоящий Ад?

Настала тишина. Гэл усмехнулся. Тогда я рассказал о странной породе человекообразных, найденных мной в голубом фосфоресцирующем шаре. Я не удержался и рассказал о многих земных видениях, за исключением слишком нестерпимо стыдных и, наконец, заговорил о самом поразительном, о возможности великого Риэля иного мира, созерцающего нашу страну из непредставимых пространств. Те существа, быть может, настолько же превосходят нас, как мы карликов частицы Голубого Шара; может быть, они вовсе не зависят от стихий, может быть, они непосредственно общаются друг с другом и обладают нечеловеческой способностью познавать сущность вещей...

Вдруг, рассекая мои тревоги, раздался радостный голос:

— Как это прекрасно!

Я замолчал, опустился. Везилет заговорил о том, что поток жизни более безграничен, чем мы думали. С каждым взмахом маятника создаются, развиваются и умирают бесконечные бездны миров. Всегда и везде жизнь претворяет низшие, обесцененные формы энергии. Мир идет не к мертвому, безразличному пространству, всемирной пустыне, где нет даже миражей лучшего будущего, а к накоплению высшей силы.

— И над всем главенствует мысль! Мы еще не знаем ее действительной силы. Может быть, она зажигает солнца!.. И вот Риэль открыл, что она вездесуща. Как это прекрасно!..

Я вспомнил цикл идей Везилета. Жизнь растет. Мир оживает. Материя постепенно станет жизнью, а жизнь — сознанием. Может быть, когда-то Вселенная была созна-

нием, ворвавшимся в звездную туманность от неведомого творческого порыва. В юношеских своих стихах Везилет говорил о двух бескрайних сферах сознания, слившихся в любви. Так родился Мир. Не отсюда ли, не от неосознанной ли памяти уродливая идея Бога? — Я смотрел на прекрасный лоб Везилета и видел жреца, слизывающего с широкого ножа кровь. Это ведь тоже сознание. Оно казалось мне черным, поглощающим светлую мысль в странной интерференции. Мысль! Можем ли мы еще говорить о ней? К чему привели нас тысячелетние исследования психической энергии?.. Мне хотелось разбить доводы Везилета, я смог бы сказать так много, но я ощутил в себе большое безразличие усталости и промолчал.

Прямые губы Акзаса, с легкой атавистической тенью, как у Марга, раздвинулись: «Я с нетерпением жду, Риэль!» ...Я знал, что он не был из числа Ороэ и едва ли не принадлежал к ничтожной секте Лонуола — Хранителей Тайн. Это меня волновало.

Гонгури, Везилет и еще несколько человек последовали за нами.

Мы летели над Звездной улицей. Огненные потоки извивались по контурам зданий, отражаясь в нижних зеркалах. Грани вершин Дворца Мечты бросали чистейшие лучи фиолетовой части спектра, такие мощные в своих элементарных тонах, каких нигде никогда не бывает в мире. Сияющие корабли отделялись от плоских крыш, поднимались, ускоряя полет, реяли и мелькали, как метеоры. Низкий тембр огромной жизни едва касался сознания, и трудно было отличить, когда кончалась музыка лучей и начиналась музыка струн. На северо-западе, где поднимался Звездный Путь, на горбе каменного мыса маячил силуэт дворца Лонуола. Дворец был покрыт светящимся веществом и горел ровным голубым светом, отражаясь в зыби океана, живой и воздушный, как сказочный дух. Гонгури держала меня за руку и тихонько импровизировала бессвязно:

Лоэ-Лэле и Звездный Путь,
Риэль,
        мы дети великанов.
Великий ветер океанов
Мне голову кладет на грудь.
Риэль,
        забудь...
Риэль, забудь мираж экранов.
Лоэ-Лэле и Звездный Путь,
Ночные бризы океанов

Нам голову кладут на грудь.
Риэль —
забудь...

Полет!

Мы опустились в той самой комнате, где я начал свой день. С изменившимся лицом Везилет смотрел на статую мыслителя и на Голубой Шар, вырванный мною из его руки.

— Мозг Неатна! Риэль, неужели ты не знал?

Нет, я опять забыл. Память моя была перегружена слишком односторонне. Я вспомнил предостережение Руаут...

Умирающий Неатн, близкий к той черте, где бесконечность гениальности переходит в бесконечность безумия, велел своему ученику Дею каким-то неведомым способом препарировать его мозг. Дей исполнил желание своего учителя, и с тех пор мертвая ткань засияла с непонятной постоянной силой.

— Мысль, электроны света. Мир... мозг... непонятно...— забормотал врач.

— Что с тобой, Митч?

— Так. Это я говорил во время твоего сна. «Мир... мозг... непонятно». Мир — мозг Неатна!

Гелий побледнел.

— Ты хочешь сказать?.. Да... В этот момент я — Риэль — впервые проникся безнадежностью вставшей передо мной загадки: может быть, ничего не было, может быть, сон?

Везилет, волнуемый совсем особенным любопытством, поднялся к моей машине... И вдруг остановился, и все внезапно замерли и умолкли.

В окне стоял человек, одетый в простую одежду черного или, скорее, темно-серого цвета, откуда еще резче выделялось его белое невиданное лицо. Он помедлил, взглянул нам в глаза, и его черты отразили спокойствие и рассеянность. Это был Лонуол. Он медленно поднял тонкую серебряную трость, раскаленную на конце током, и коснулся поверхности Голубого Шара. Изумительное вещество вспыхнуло огромным розоватым пламенем, и скоро от него остался только чад.

Когда я очнулся от гипноза, Лонуола уже не было. Некоторые части моей машины оказались испорченными, и наблюдения стали невозможны. Акзас подошел ко мне и спросил заученным тоном: «Уверен ли ты, Риэль, что

все, о чем ты рассказывал, не приснилось тебе прошлой ночью? Вспомни,— ты очень утомлен...»

— Я думал об этом,— ответил я.

Везилет бросил на меня короткий тревожный взгляд и подошел к окну, где неподвижно стояла Гонгури, смотревшая на звезды. У меня кружилась голова. Может быть, причиной нездоровья был чад, оставшийся после сгорания шара... И еще все время меня мучило представление, будто я вдохнул ту частицу газа, где находилась Земля. «Так что же мне сделать, что сделать?» Я старался воплотить какое-то смутное решение. Потом внезапно я увидел свет, подобный мысли Архимеда, когда он воскликнул: «Эврика!»

Я ушел в мою любимую черную комнату. Ее стены образовывали восемь углов, одна из них, с огромным окном, не была параллельна противоположной. В глубине со звоном падали светлые струйки воды, и блики света и звуки тонули в мягких поверхностях черной материи. Мраморные статуи в нишах казались летящими в темноте. Между ними качался тусклый диск маятника. В трех плоскостях, на потолке и на противоположных стенах, заключались три зеркала. Я заглянул в их призрачные пространства и увидел там себя — странно изменившийся образ, радостный, почти нечеловеческий. «С каждым взмахом маятника,— думал я, — жизнь осуществляет свое назначение, и скоро я постигну его и постигну, что же я — Риэль — в этой смене существований». Я клялся жизнь свою отдать ради достижения истины и потому, подойдя к медленным часам, достал из ящичка, вделанного в них, заветный яд.

— Риэль! — позвала меня Гонгури.

Я спрятал драгоценное вещество и пошел ей навстречу.

— Риэль,— говорила она,— ты нездоров, тебе надо принять лекарства и отдохнуть...

— Да, я очень устал, Гонгури, и я хочу большого покоя,— сказал я.

Мы подошли к окну.

— Ты видишь перед нами этот сад с темными силуэтами деревьев, дальше ты видишь горы и представляешь море и наш город, и более смутно — весь наш обширный мир с его великим человечеством, его гениями, любовью, красотой... Выше! Скоро Лоэ-Лэле превратится в неясное пятнышко, потом обрисуется громадный контур нашей планеты... Дальше! Наш мир перестал существовать для нас.

Мелькают звездные системы, косматые туманности, остывшие солнца и потом нас окружают большие провалы... Дальше! Звезды сближаются в поле зрения, и скоро вся видимая вселенная становится маленькой ограниченной кучкой яркой пыли. В отдалении появляется другая, третья, множество таких же звездных скоплений. Мелькают миры, исчезают в перспективе, словно разнообразные предметы, когда быстро летишь невысоко над землей и смотришь назад... Дальше! Звезды наполняют видимое пространство, оно начинает казаться более плотным и, наконец, превращается в маленький шар, излучающий бледно-голубой свет... На мгновение мы теряем сознание и потом вспоминаем, что мы здесь, в Лоэ-Лэле. Ничто не изменилось. Перед нами тот же сад, полный цветов, вдали горы, где-то должно быть море, дальше город и весь остальной неподвижный, громадный мир... А вверху небосвод, полный знакомых звезд,— тоже неподвижных... неподвижных для нас... я устал, Гонгури...

Она приласкала меня, и я думал: «Да, как это бессмысленно — мучиться из-за того, что всегда одинаково...»

— Неизмеримость прекрасна, потому что пред ней равны все пространственные величины, и вот любовь становится больше мира... — Но как мне было сказать? Я не мыслил, я ощущал ее. Это было пустое — щемящее, тошнотворное. Оно было во мне. Как это скажешь?.. «Человеку не дано последнего знания, и это прекрасно!» Я соглашался с Гонгури и думал: «Сейчас я проверю...»

— Забудь о своем сне, о своей страшной Земле, Риэль, — длилась далекая речь. — Утром мы полетим с тобой вместе в поля, где растут лилии долин и в рощи Аоа. Мы будем смотреть на радугу в брызгах водопада и ловить голубых птиц. Потом мы войдем в мой корабль и улетим на острова Южного океана. Там, я знаю, в пустыне есть одинокий атолл. Мы будем там одни. Долго...

— Да,— прошептал я.

Забываясь в ярких эдемах, мы сидели, обнявшись, на пушистой шкуре черного зверя. Иногда я начинал дрожать от странного волнения, это беспокоило Гонгури.

— Пустяки,— сказал я,— бессонная ночь и усталость. Сейчас я приму успокаивающего лекарства и все пройдет.

Тогда я вынул частицу пурпурового вещества и проглотил ее. Потом я выпил воды и мне стало спокойно.

Мы говорили о красоте и величии жизни, о любви и цветах, растущих на великолепных склонах гор. Я ощущал,

как постепенно безболезненно умирает мое тело и, забываясь, уносился в сияющие выси. Скоро Гонгури заметила неестественный цвет моего лица и замедленное биение моего сердца. Она быстро осветила комнату и, взглянув мне в лицо, поняла все.

Для меня переставало время.

Вошел Везилет.

— Он уходит от нас,— сказала Гонгури.

— Одно слово, Риэль... — начал он.

— Разве есть понявший душу,— возразил я.

Комната беззвучно наполнялась людьми. Помню, я старался утешить их, не понимая их скорби.

Я закрыл глаза и лежал неподвижно.

Вдруг я услышал голос Ноллы и другие светлые голоса.

— Риэль, бедный Риэль,— говорила она,— мы не можем тебя взять с собой, потому что ты убил себя.

Внезапное смущение заставило меня в последний раз поднять веки.

— Риэль, бедный Риэль,— едва слышно повторял Везилет,— он не знает, что самоубийство не может раскрыть ни одной тайны.

Вдруг мне показалось, что это не Везилет, а Лонуол.

Я пытался ответить ему, но не мог и стремительно погружался в странное состояние сознательного небытия, полного мерцающего света и шума. Так длилось, вероятно, очень много времени, пока, наконец, ты не разбудил меня. И вот я здесь. Под окном ходит часовой. Тюрьма.

V. КРАСНЫЕ ЛАНДЫШИ

Двое долго молчали. Гул мира выл в тишине черепа. Поздняя луна всплыла из-за соседнего корпуса, как будто вздрогнула, взглянув на землю, и медленно поплыла к зениту, побледнела и задумалась, как лицо Лонуола.

— Одна десятимиллионная миллиметра и десять миллионов световых годов нашей вселенной одинаковы для мысли математика и воображения поэта. Гонгури права. Это прекрасно.

Гелий встал, шагнул, не видя, вперед. Лунный свет нарисовал на стене гигантскую решетку. Гелий очнулся. Кровь его встала на дыбы и тяжело грохнулась, как лошадь. Он вздрогнул.

— Мысль эта впервые была высказана, кажется...

— Мысль! Мысль! — забормотал Гелий. — Что такое мысль? Она вроде корн: рано или поздно, а придет к человечеству. Но никто, никогда... Да, Митч, я знаю: это сон. Я помню только то, о чем думал раньше. Почему я забыл такие простые вещи: как изготовляется онтэит, электрическое оружие? Я бы мог расплавить засовы, уничтожить тюремщиков, освободить человечество... Но я забыл! Сон, сон! Пальмы качают листьями на коралловых рифах, теплые волны шелестят галькой, моя девочка потягивается от наслаждения, когда ее распеленают, студенты идут за город, и у каждого из них есть лучшая из всех девушек... «И вот любовь становится больше мира»,— говорит Гонгури. А я... Митч! Усыпи меня опять и вели запомнить все, все!.. Ну, ладно-ладно, знаю — невозможно, глупость, чертовщина,— но ведь теперь уж все равно... Нет! Почему бы не предположить, что бессильное в яви сознание в гипнотическом трансе вдруг найдет силы открыть выход? Вдруг потенциальная энергия мозга освободится сразу, в гениальном предвидении? Разве тоска моя — не сила, разве ее мало, чтобы проломить какую-то кирпичную стену? Усыпи меня, Митч, прикажи точно запомнить, как с помощью обыкновенного тока приготовить онтэитный пояс и оружие. Может быть, нам удастся...

Старик обнял его и утешал беспомощно и ласково.

— Ты бы лег... Ты еще не спал... завтра.

В лунный луч спустился овальный паучок и застыл в бледном сиянии, словно туманность Андромеды. Сны Гелия помчались в большие провалы, в сияющие вихри, в электронные кольца. Паутинные нити и круги заплели небо, радужные нимфы и фосфены открылись в громадный глаз, смотревший на него из непредставимых бездн. Он проснулся. Сердце его билось безумно. Прямо в его лицо, как сверхъестественный глаз, смотрело желтое солнце.

Камера была полна людьми. Впереди стоял молодой чешский офицер, белобрысый, розовый, свежий. Рядом нерешительно мялся мирный джентльмен, одетый в одиотонное хаки. В джентльмене без труда можно было узнать современную разновидность миссионера и филантропа. Комендант скомандовал встать.

— Это и есть большевики? — вполголоса спросил американец у своего переводчика и вдруг получил быстрый и насмешливый ответ на родном языке от грязного молодого арестанта, продолжавшего лежать на нарах.

— Да, они самые...

Последовал стереотипный удивленный вопрос:

— Где вы учились по-английски?

— М-р Мередит! — воскликнул врач, вставая.

Американец застыл. Он вспотел, снял очки, протер шелковым платком цвета хаки круглые стекла и надел снова. Ему обещали показать ту породу существ, что во всех журналах изображается в виде орангутангов... и вдруг его называют по имени! Это было хуже землетрясения.

— М-р Мередит, вы меня не узнаете? Вспомните, однажды мне пришлось дежурить у вашей жизни.

— М-р Митчель! — хрипнул американец. Он не знал, что ему делать, но все же протянул руку. — Господи благослови! Как вы сюда попали?

— М-р Мередит, я знаю, вы близки господину генеральному консулу, у меня есть к вам единственная просьба.

— Да, да, конечно,— ожил американец. — Я похлопочу за вас...

— Благодарю, мне не угрожает опасность; я говорю о нем. Это тот, о ком я говорил с вами в Штатах. Вы написали статью по поводу бомбардировки Реймского собора. Мне передавали также, что вы поместили в «Стейтсмэне» интервью по поводу разрушения Красной гвардией памятников искусства в усадьбах русских бар. Вы должны думать, что сохранить художника важнее, чем предмет искусства. Храм, разрушенный варварами, может быть восстановлен; но кто скажет, что мы теряем со смертью молодого автора? М-р Мередит! Вы пользуетесь влиянием, вы должны спасти его... Иначе вы и вся ваша самодовольная нация, только...

Старик закашлялся.

Гелий подошел к нему.

— Зачем все это, Митч?

Мередит растерянно бормотал свое: «еа, уеа».

— Скажите ему,— обратился он к переводчику, кивая в сторону коменданта,— что они оба американские граждане, чтобы с ними обращались хорошо и т. д. ...и что я лично буду говорить со штабом.

Чех был хмур. У него была неудача с русской девушкой. В таких случаях на человека нисходит вдохновение. Вот прекрасный повод сорвать злость и отличиться! Он сообразил, от каких неисчислимых хлопот он избавит свое дипломатически настроенное начальство, если умело вы-

ведет красных в расход. Он галантно поклонился Мередиту, сказал, что ради него он немедленно переведет арестантов на заимку для исправляющнхся, около монастыря, на том самом берегу, который Фритьоф Нансен назвал Северной Ривьерой.

Американец соображал, следует ли ему проститься, но, увлеченный солдатами, очутился в коридоре и махнул рукой. От дальнейшего обхода он отказался.

Через час чех вернулся в камеру, озабоченный и сияющий от своего творческого подъема.

— Собнрайся! — сказал он Гелию.

— Куда?

— На заимку.

Гелнй подошел к своему другу, поцеловал его.

— Прощай, старина!

— Прощай! Нет, я пойду с тобой...

— Ну,— хлопнул себя по обмоткам англнйским стэком чех,— ты в другий раз.

Надзиратель легко отмахнулся от старого арестанта и захлопнул дверь.

Гелий пошел впереди небольшого конвоя. Они быстро прошли пыльный город, пересекли линию железной дороги, пригороды и стали подниматься по направлению к Сопке. Дорога шла среди свежего березняка, выше началось краснолесье. Гелнй задумался, он с наслажденнем вдыхал теплый запах смолы. Засинели горы.

Это был такой же сияющий день, как в Лоэ-Лэле, когда он шел рука об руку с Гонгури к сердцу Сторы. И он испытывал такое же лучезарное ощущение бесплотности от бессонной ночи и возбуждения. Внизу, сквозь зеленые горы, стремился голубой, сказочный Енисей. Рядом вздымались кедры, в траве между красных скал росли неисчислимые ирисы, сарана и красные гроздья незнакомых цветов, называющихся в Сибирн ландышами...

В красном бору, у Красного Яра, красные ландыши!

Как на экране своей машины, он ощутил, что шедшие за его спиной остановились, осторожно защелкали затворами и зашептались быстрым чешским говором.

Синели дали. Он продолжал идти вперед, не оглядываясь, подняв голову навстречу ветру и солнцу, как будто он возвращался в Страну Гонгури.

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ФАНТАСТ

Фантасты уверенно обживают будущее. Уже открыты и названы планеты, на которых человек встретит подобных себе, уже изобретены фотонные и протонные звездолеты, открыто непостижимое «нуль-пространство» и даже найден способ транспортировки человека через необъятные просторы Вселенной. Поэтому фантастика — один из самых любимых, самых читаемых жанров среди молодежи. Да, если признаться, кому не хочется лететь к загадочным туманностям Андромеды или покорять невидимые Альдебараны, разгадывать тайны Солярисов? Кому не хочется заглянуть в будущее, окунувшись в глубокое море фантастики?

А мне хочется пригласить вас заглянуть в прошлое. Вернуться к истокам советской научно-фантастической литературы. Тем более, что начиналась она более шестидесяти лет назад, в нашем крае, в захолустном тогда Канске. Именно здесь написал и напечатал первую советскую научно-фантастическую повесть «Страна Гонгури» Вивиан Итин.

Вивиан Азарьевич Итин родился в 1894 году в Уфе. Он рано увлекся литературой: много читал, а потом и сам начал писать стихи, пробовал силы и в прозе. В Петрограде, где Итин учился в университете, им написан рассказ «Открытие Риэля» — то самое зернышко, из которого позднее прорастет повесть «Страна Гонгури».

Алексей Максимович Горький благосклонно отнесся к произведению молодого писателя и даже хотел напечатать его в журнале «Летопись», который тогда издавал. Но случилось так, что «Летопись» вскоре прекратила свое существование, да и сам Итин был уже далеко от Петрограда.

Революция, гражданская война — все это перевернуло судьбу начинающего писателя. Юрист по образованию, он становится комиссаром; литератор превращается в политработника. В составе легендарной Пятой армии он идет с боями через всю Сибирь, преследуя по пятам сломленного, но не разбитого наголову Колчака. Поэт продолжал оставаться поэтом и «пулей царапал стихи на прикладе ижевской винтовки». В 1920 году он остается работать в Красноярске, здесь же вступает в партию большевиков и по ее заданию переезжает в Канск.

В Красноярском государственном архиве сохранился интересный документ о составе тогдашнего Канского уисполкома. Среди его членов только один имеет высшее образование — это Вивиан Итин. А в пожелтевшей анкете того времени, которая находится там же, на вопрос о профессии Вивиан Азарье-

вич ответил «культработник» и поставил три восклицательных знака.

О том, чем занимался писатель в Канске, говорит и его автобиография, в которой он отметил, что, поскольку был самым грамотным, на него возложили несколько обязанностей: был одновременно «завагитпропом, заведующим уездным политпросветом, заведующим уездным РОСТА, редактором газеты и председателем дисциплинарного суда» (цитирую по книге «Каан-Кэрдэ», Новосибирск, 1961).

Другими словами, работы было много, работы интересной, напряженной, каждодневной. Кажется, можно ли было мечтать о фантастических странах, когда твоя Родина была охвачена невиданной доселе борьбой за счастье, за исполнение самой заветной мечты народа? То, что еще вчера считалось фантастическим, сегодня осуществлялось на глазах. Это было время, когда хозяйства Сибири были сожжены пожаром гражданской войны, когда невзгоды и лишения терзали страну, начинавшую восставать из руин.

Фотографии сохранили для нас представление о Канске тех лет, о его, так сказать, внешнем виде. Но гораздо важнее, что стояло за фотографиями,— жизнь тогдашнего Канска, голодного Канска. Время было неурожайное, и Канск, некогда славившийся своими ярмарками, обилием продуктов на базарах, казался опустевшим и вымершим, почти безлюдным.

И вот в этом городе человек, которому сполна пришлось отведать трудной, полной невзгод и лишений жизни, пишет прекрасную повесть «Страна Гонгури» — одно из самых ранних произведений о коммунизме.

Старый большевик, участник гражданской войны в Сибири, персональный пенсионер Иван Прокопьевич Востриков хорошо помнит те далекие годы и самого писателя. И вот что он мне рассказал:

— Мне часто приходилось встречаться с Вивианом Итиным. И по работе в исполкоме, и на различных митингах и собраниях. Это был прекрасный оратор, он умел убедить своих слушателей, находил общие контакты с самой различной аудиторией. Время тогда было очень трудное, сложное, мало располагающее к мечтам и фантазии. Да и сам Итин в бытовом отношении не был устроен. Жил он в кинотеатре «Кайтым» (тогда иллюзион «Фурор» назывался). Заканчивался последний сеанс, люди расходились, а Итин получал возможность отдохнуть, переночевать. И книгу свою он писал в том же кинотеатре, при свете самодельной коптилки. Сами понимаете, такой образ жизни и на внешнем виде сказывается. Однажды мы с товарищами рассу-

дили так: последить за ним некому, сам он человек стеснительный, поможем ему мы. А на том месте и в тех же зданиях, где сейчас ликеро-водочный завод стоит, были раньше колчаковские казармы. Когда беляки удирали, то они все свое обмундирование, в том числе и новое, ненадеванное, побросали. Из тех белогвардейских запасов мы и подобрали Итину одежду. Он, я помню, очень обрадовался и сказал, как же он во всем новом и чистом в иллюзион пойдет ночевать?.. Потом, правда, ему и с жильем помогли... И вот, когда я читал его книгу, меня очень удивило: как человек, будучи совсем неустроенным, мог создать такое светлое произведение — мечту, сказку об удивительной стране, где живут люди коммунистического общества?..

Бывший тасеевский партизан Г. Г. Романов тоже знал Вивиана Итина:

— С Вивианом Азарьевичем мне доводилось заседать в дисциплинарном суде. Имя-отчество у него было трудноватое, так мы все больше его Иваном Назаровичем величали. Но это к слову пришлось. Так вот, он у нас за председателя был всегда. Время тогда было очень сложное: кулацкие выступления, восстания, борьба с недобитыми колчаковцами, саботажниками, спекулянтами всяческими. Заседать приходилось часто. И скажу прямо: Итин хорошим судьей был, любил повторять: «Мы с вами должны подходить к делу по законам сердца». И уж потом, когда я читал его книгу, то понял, что в такие минуты он был в своей стране Гонгури. Там же я встретил этот принцип: общество будущего построено по законам сердца.

В стране тогда было очень трудно с бумагой. В Канске газета поступала к читателям отпечатанной на обороте конфетной оберточной бумаги. У купца Коновалова, бывшего владельца конфетной фабрики, реквизировали солидный запас рулонной бумаги, вот на ней и печатали газету: на одной стороне текст, на другой — карамельные картинки. И тем не менее уездный комитет партии решил издать повесть, потому что она содержала в себе отличный пропагандистский материал.

Повесть увидела свет в 1922 году. Отпечатана была бледным шрифтом на тугой оберточной бумаге, в обложке из синеватого полукартона, в какую раньше заворачивали сахарные головы. Сейчас эта книга — библиографическая редкость, ее нет ни в канских, ни в красноярских библиотеках.

Несколько лет назад Канская студия телевидения готовила передачу об Итине, и мы обратились в Государственную библиотеку имени Ленина, откуда нам прислали микрофильм, где на обыкновенной фотографической пленке были отсняты страницы повести. Я взял пленку домой, эпидиаскопа под рукой не было,

подсел к настольной лампе и, несмотря на все неудобства такого чтения, залпом прочитал всю книгу. И могу с полной уверенностью утверждать, что повесть прошла испытание временем.

О чем эта книга?

В колчаковском застенке, в ночь перед расстрелом, судьба сводит двух человек: юношу Гелия и старого врача, которому Гелий дал почитать книжку со своими стихами.

Гелий — партизан, его отряд был окружен белогвардейцами, сам он до последнего патрона отстреливался от наседавшего врага. Почти весь отряд был уничтожен, раненый Гелий попал в плен. Пытки, следствие, тюрьма, смертный приговор. Но вот в последнюю ночь выясняется, что старик-врач знает возможность гипнотических снов и, желая спасти талантливого юношу, усыпляет его и отправляет в страну Гонгури.

Во сне Гелий превращается в Риэля, гениального ученого, жителя прекрасной страны, где улицы — сады, где площади — из зеркального стекла, где Дворец Мечты похож на солнечный протуберанец, где отношения между людьми чисты и открыты, где не знают слова «война», а преступление стало невозможным.

Риэль изобретает установку, которая позволяет проникнуть взглядом в любую точку Вселенной, во всех временах. Риэль открывает единство законов мироздания при эволюции стихийных социальных форм к вершинам гуманного общества. «Жизнь насыщает мертвое вещество, повторяясь в единообразных формах, — делает вывод Риэль. — Мир идет не по мертвому безразличному пространству, всемирной пустыне, где нет миражей будущего, а к накоплению высшей силы». Риэль понимает, что он должен быть участником борьбы за лучший мир на Земле, и возвращается в колчаковскую тюрьму.

И вот его, уже Гелия, ведут колчаковцы на расстрел. Он должен погибнуть за то, чтобы на земле возник мир более прекрасный, чем в стране своей сказки-сна... «Внизу сквозь зеленые горы струился голубой сказочный Енисей. Рядом вздымались кедры, а внизу между красивых скал росли неисчислимые ирисы, странные и красные гроздья неведомых цветов, называемых в Сибири ландышами. В красном бору, у Красного яра, красные ландыши.

Шедшие сзади остановились, осторожно защелкали затворами винтовок.

Он продолжал идти вперед, не оглядываясь, подняв голову, улыбаясь навстречу небу, ветру и солнцу...».

Некоторые страницы повести написаны просто блестяще:

путешествие Риэля вместе с Везилетом в страну обезьян, видения истории Земли в установке Риэля, лучшие люди Гонгури, у которых сердце из рубинов,— это, пожалуй, составило бы честь любому фантастическому произведению. А пересказывать повесть очень трудно, ведь, как говорит один из ее героев: «Здесь больше поэзии, чем географии».

Такой же взгляд на книгу высказал и известный советский поэт Леонид Мартынов: «Считаю, что Вивиан Итин прежде всего поэт, и даже вся его проза — это проза талантливого поэта, будь это даже полемические статьи по вопросам художественного творчества или по вопросам кораблевождения в полярных широтах, или первый рассказ, написанный Итиным еще петроградским студентом, — «Страна Гонгури».

Не так давно вышло в свет исследование А. Бритикова — первый фундаментальный труд о фантастике: «Руский советский научно-фантастический роман». В нем много и очень хорошо говорится о «Стране Гонгури». Мне хотелось бы привести несколько строк оттуда: «В этой поэме-повести встречаются и оптимистические, и новые (по тем временам) догадки из области естествознания. Главная ценность повести в том, что она рисовала дорогу к будущему, как путь трудной и долгой борьбы — и с классовым врагом, и с пережитками варварства в людях, которым этот путь сложно пройти. Сам идеал будущего проникнут у Итина сознанием того, что коммунизм будет построен «по законам сердца».

Недолгим был канский период в творчестве Вивиана Итина: в 1923 году он переезжает в Новониколаевск. Поэту еще нет и тридцати, он знает, что его призвание — литература, а в этом городе начинает издаваться первый литературно-художественный журнал «Сибирские огни». Много он печатался в нем, был секретарем редакции, а в 1928 году стал главным редактором.

Вивиан Азарьевич много пишет, выпускает одну за другой книги. Так, вышли в Москве сборник стихов «Солнце сердца», в Ленинграде — повести «Высокий путь», в Новосибирске — очерки и повести «Выход к морю» и «Белый кит».

Книге Итина предстояло стать первой главой советского научно-фантастического эпоса. Через год появятся романы Джима Доллара (псевдоним М. Шагинян) «Месс-Менд» и А. Толстого «Аэлита». «Путь в дальний космос начинался в Канске», — как утверждал Л. Мартынов в своих стихах.

Вячеслав САМСОНОВ.

ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК





РАЗНОЦВЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

1

Перед тем, как войти в испытательный бокс, я взглянул на индикатор личного счастья. Золотистая стрелка остановилась на тридцати пяти делениях. Достаточно, чтобы быть в хорошем настроении.

Эдик Большаков стукнул меня ладонью между лопатками и сказал:

— Прости меня за эти несколько минут.

— Брось, Эд. На то и эксперимент. У тебя нет выбора, ты обязан это сделать. Не вздумай только хитрить. Иначе все ни к чему!

Про хитрость я сказал, конечно, зря. Большаков не умел хитрить, никогда и ни при каких обстоятельствах. Но тем труднее ему было участвовать в этом эксперименте.

— Сам понимаешь,— сказал Эдик. — Это все равно, что вывернуться наизнанку. Противно.

— Перестань скулить. — Я взялся за ручку двери. Лицо Эдика, как мне показалось, осунулось и постарело.— И Ингу заставь.

— Телячьи нежности,— сказал Сергей Иванов. — Работать — значит работать. И нечего тут рассусоливать...

Перед боксом толпилось еще человек десять. Среди них выделялся могучим телосложением и удивительным спокойствием Антон Семигайло. Мне всегда казалось, будто он создан специально для иллюстрации выражения «в здоровом теле — здоровый дух». Глядя на Антона, можно было сказать даже, что в исключительно здоровом теле — ну просто поразительно здоровый дух! Во всяком случае, уровень счастья у него всегда выше средней нормы, а часто даже более семидесяти процентов.

Антон пожал мне руку и подмигнул. Я ни с кем не хотел прощаться, но так уж получилось. Вслед за Семигайло и все остальные начали протягивать мне руки.

— Вы все с ума посходили! — раздался голос руководителя наших работ Карминова. — До начала эксперимента осталось десять минут, а вы его специально взвинчиваете! Ему же еще успокоиться надо!

Однако никто не ушел. Уж очень хорошо все знали кандидата технических наук Виталия Карминова, чтобы в страхе разбежаться по своим местам.

— Как со счастьем? — спросил наш руководитель.

— По сто восемьдесят пакетов каждого цвета,— ответил Иванов.

— Хватит?

— Что он, бездонная бочка, что ли?

— Ну-ну,— согласился Карминов. — Не подвела бы только аппаратура.

— Что вы,— спокойно пробасил Семигайло. — Все на уровне.

— Знаю я этот уровень. А как с откачкой счастья?

— Плохо,— ответил Большаков.

— Что так?

— Освободили бы вы меня, Виталий Петрович, от этого. На теплотрассу бы лучше послали, землю копать. Все равно ведь кого-нибудь пошлете. А я добровольно.

— Каждый сверчок знай свой шесток,— глубокомысленно изрек Карминов. — Все расписано и утверждено. Изменений не будет.

В это время в лаборатории зазвонил телефон. Инга подняла трубку, послушала и сказала, кивнув мне:

— Саша! Тебя к телефону. Марина хочет с тобой говорить.

Я вопросительно посмотрел на Карминова.

— А,— безвольно махнул он рукой. — Говори. Чего уж тут поделаешь. Сорвем эксперимент! Ей-богу, сорвем...

Я взял трубку:

— Марина?

— Я, Саша. Слышишь? Я люблю тебя!

Я промолчал. Много, много лет я не слышал от нее этого слова.

— Ты слышишь, что я говорю? Сашка!

— Слышу.

— Я люблю тебя!

— Не верю.

— Ты это говоришь, потому что эксперимент?

— Марина, я знаю это точно.

— Ладно, дерзайте! — У нее будто перехватило гор-

ло. — Буду думать про тебя только самое плохое. Отключаюсь.

Она испугалась? Или что-то поняла? Десять лет прожито вместе. Десять лет... Много или мало?

— Ну что, сантименты кончились? — строго спросил Карминов. — Разрешите начать эксперимент?

Я открыл дверь бокса, перешагнул порог и повернул рукоятку. Теперь дверь была плотно закрыта. И сразу же на меня навалилась тишина, неприятная, холодная, испытующая. У сделал несколько шагов, очутился возле кресла, сел в него, удобно устроившись. Ведь неизвестно, сколько мие придется в ием просидеть. Теперь лишь оставалось натянуть на голову шлем, но я не торопился. Подождут. Перед началом всегда ждут. Я хотел успокоиться, попробовать ни о чем не думать, а сам начал строить логические предположения, почему Марина мне позвонила. Она, конечно, знала, что сегодня эксперимент, но это ничего не проясняло... «Я люблю тебя». Решила утешить или... Ничего не понимаю!

На пульте перед креслом засветилась лампочка, Ага, им надоело ждать, просят включить мой телефон. Я щелкнул тумблером.

— Ну, что ты там? — сердито спросил Сергей Иванов. — Можно начинать?

— Сейчас... — Я натянул иа голову шлем, похлопал его ладоиью, чтобы лучше прилег. Хорошо, что сейчас конструкция шлема не требует бритья головы. Сколько курьезов из-за этого было...

— Готов,— сказал я, к своему удивлению, не почувствовав ни страха, ни желания бросить всю эту чертовщину. А! Будь что будет! Это даже интересно.

— Сашка, я буду поддерживать с тобой телефонную связь, — сказал Большаков. — Кричи, если что.

— Начинайте,— ответил я.

— Проверяю уровень личного счастья,— услышал я чей-то голос. — Тридцать пять процентов. В норме.

Я выключил свет. Сидеть в темноте мне казалось приятней. Теперь уровень моего счастья начнут искусственно понижать. Доведут до нуля, а потом попробуют догнать до ста.

Меня начали «выворачивать наизнанку».

Сначала меня выселили из квартиры, потом уволили с работы, как не соответствующего занимаемой должности. Они экспериментировали, а для меня все это было на са-

мом деле. Марина укоризненно говорила мне: «Докатился». Я и сам был расстроен. Черт возьми, никогда не предполагал, что не соответствую должности ведущего инженера. Или за десять лет я действительно порастерял все свои знания, или их и не было, но никто не догадывался об этом. А, ладно. Работа у нас не проблема!..

— М-да,— с сожалением протянул Карминов. — А я думал, что работа для него все.

— Вы по цифрам не судите,— сказал Эдик. — Неизвестно еще, сколько процентов у нас с вами эта самая работа составляет. Можно, кстати, проверить!

С квартирой было хуже. Сколько лет жили в маленькой душной каморке. Получили тридцать квадратных метров — и вот снова лишились всего...

— Всего ноль целых две десятых,— сообщил Большаков,

— Странно, странно,— сказал Карминов.

— И ничего нету странного,— защищала меня Инга.— У каждого свои моральные ценности.

Лишать меня серванта, дивана, стульев и телевизора не имело смысла. Это, кажется, понимали все. И все-таки лишили. Все сгорело.

— Ага! Четыре процента! — заволновался Антон Семигайло: обрадовался, что нашел единомышленника. (А я плевал на все это барахло. Голова есть, заработаем, купим.)

— У него же мультивокс сгорел!

— Проверим еще раз, все по отдельности,— сказал Карминов. — Диван, сервант, стол. Что?

— Кухонный стол,— подсказал Сергей.

— При чем тут кухонный стол?!

— У него же там ноты хранятся,— с улыбкой пояснил Сергей.

Он явно подшучивал над нашим руководителем. Ведь это Карминов хранил в кухонном столе ноты своих машинных симфоний. Симфоний, которые под его руководством и по его программам сочиняла математическая машина нашего отдела. Это было хобби Виталия Петровича.

Но Карминов проводил сейчас эксперимент и к шуткам был не склонен.

— Кухонный стол,— сказал он. — Телевизор. Эти самые... костюмы, платья...

— Ноль процентов,— сказал Эдик.

— У него что, действительно из всего домашнего иму-

щества лишь один мультивокс имеет цену?— спросил Карминов. — Проверим. Мультивокс.

— Четыре процента.

Мультивокс мы делали вдвоем с Большаковым. Бились над ним четыре года. А через полгода они появились в продаже. Но наш был лучше! Лучше в том смысле, что он был создан специально для нас. Мы понимали его, и он понимал нас с полуслова, вернее с полумысли, потому что мультивокс воспроизводил музыкальные мысли, музыку, которая так часто звучит в голове,— странную, непонятную, ускользающую. И бывало порой до слез жалко, что не можешь воспроизвести ее. Во-первых, нет музыкального образования. А во-вторых, будь оно, все равно нужно какое-то связующее звено между мыслью и нотными знаками. У композиторов все получается и без мультивоксов. Но ведь мы не были ни композиторами, ни даже людьми с выдающимися музыкальными способностями. Во всяком случае, Марина именно так и считала. Большаков сочинял симфонии, их даже исполняли, правда, лишь в нашем городе. А я писал симфонические этюды-экспромты. Музыковеды таких не признавали. Не бывает, мол, симфонических экспромтов! Как не бывает? Вот же они! Послушайте! Но даже Марина не верила, что такое может быть. Раз не было раньше, значит, не может быть и в будущем.

— Все равно буду их писать,— говорил я. — Не хотят слушать, не надо. Некоторые люди все же понимают.

— Бросил бы ты эту ерунду. Диссертацию давно пора делать.

Ох, уж эта диссертация. Была ли она мне нужна? Я честно признавал, что работа не настолько меня увлекает, чтобы я был в состоянии выдать какую-нибудь мысль или идею. Я был довольно средним инженером.

— Все — и средние, и серые — пишут диссертации,— доказывала Марина. — Одни гении, что ли, докторами и кандидатами становятся?

— К сожалению, нет,— отвечал я. — Но чтобы я, серый инженер, стал серым кандидатом?! Нет, не получится. Хватит их и без меня.

— А композитор из тебя получится?

— Еще не знаю. Когда пойму, что нет,— тоже брошу.

— Может, ты только к старости поймешь?

— К старости и брошу. А пока мне интересно этим заниматься...

Эксперимент шел уже полчаса.

— Ну что ж, перейдем на личности? — не то сказал, не то спросил Карминов.

Большаков тяжело вздохнул.

— Выключаю Марину,— странным голосом сказал Эдик.

Марина меня не любит! Удар? Нет. Я это предполагал и раньше, а теперь знаю точно.

Дело не в том, что она любит кого-то другого. Нет. Это просто стандартная, нравящаяся соседям и знакомым любовь. Мы часто появляемся на людях вместе, за исключением тех случаев, когда я отказываюсь от этого сам. Ей это только приносит облегчение, но она все равно твердит:

— Ты со мной не разговариваешь, не ходишь в кино, молчишь, ничто тебя не интересует. Все люди как люди, а ты?

Но о чем говорить? Ведь разговоры-то не получаются. Не получаются! Может быть, и хорошо, что я умею молчать?

Любви нет. А что же есть? Привязанность. Привычка. Все утряслось, устоялось. Ничего не хочется изменять.

— Один процент. Почти один,— сказал Эдик растерянно.

— Сколько точно? — спросил Карминов.

— Господи! — сказала Алла, молодой инженер, ей было лет двадцать, не больше. — Человека жена не любит, а он: сколько процентов?!

— Товарищи! Мы на диспуте о любви или важный эксперимент проводим, запланированный тематическим планом? — строго спросил Карминов. — Что за детство?!

— Господи! Что же это делается? — снова сказала Алла.

— Ноль целых девятьсот одна тысячная,— зло сказал Эдик.

— Опять шуточки? У этой шкалы нет тысячных делений.

— Извиняюсь. Ноль девяносто.

— Товарищи! Прошу относиться серьезно.

— Может быть, ускорим темпы? — предложил Иванов. — Время идет, а мы тут дебаты разводим.

— Молодец, Сергей,— сказал Карминов. — Время — деньги. Кто там у нас следующий по списку? Большаков? Выключаем Большакова.

Мы знали друг друга пятнадцать лет. Странный он был парень. То заговорит, разорется, руками размахивает, бараньи кудри свои дергает. Доказывает что-то. А потом вдруг скажет: «Нет, доводов мало»,— и замолчит. Если не мог что-то доказать, сдавался немедленно. Даже на экзаменах. Скажет: «Я не уверен в этом, давайте сразу следующий вопрос».

Что нас сблизило?

Любовь к музыке? Да. Вначале только это. Хотя само отношение к музыке у нас было разное. Я признавал в музыке только импровизации, полет фантазии. Он — строгую, кропотливую работу. Я никогда не задумывался, садясь за мультивокс, что я буду играть. Это приходило уже во время игры. А Эдик неделями не подходил к инструменту, что-то тщательно вынашивая в голове. И я часто, очень часто вынужден был признавать, что его симфонии всегда содержательнее моих импровизаций.

Но главное все-таки было не в музыке. Просто мы понимали друг друга без слов. Мне нравилось то, что он всегда разный, никогда не повторяющий себя, честный. Однажды, еще в институте, его побили вместо меня. Я не знал, что это должно было произойти. Он знал и пошел один... Мне стало известно это месяц спустя. А сам Эдик и словом не обмолвился...

Теперь его нет. Есть кто-то по фамилии Большаков с его лицом и фигурой. Но это не Эдик. Я чувствую, я твердо знаю это. И пусто, пусто на душе. Как жить на свете без друзей?

— Десять,— сказал Эдик.

— Что десять? — переспросил Карминов.

— Процентов.

— Ого! Отлично! На снижение резко пошло. Скоро закончим...

Следующая — Инга Большакова.

О, счастье мое! Не мое, конечно, а Эдика. На них смотреть — и то счастье. Она танцевала испанский танец на одном из институтских вечеров. Как танцевала... Они познакомились. А через неделю решили пожениться. Я сам по поручению бюро факультета разговаривал с ним — не легкомысленна ли такая скоропалительная женитьба. Дурак дураком! Как будто дело в сроках. Ведь у них вся жизнь — переходный процесс. Ничего устоявшегося, стандартного, каждый день все по-разному, по-другому.

— Четыре процента,— сказал Эдик.

— Отлично,— радовался Карминов. — Кто следующий?

— Но почему больше, чем у Марины? — из женской солидарности спросила Инга.

— Разберетесь позже. Иванов Сергей.

— Ноль два. Пять. Три. Ноль пять. Стрелка скачет.

— Скачут зайцы! — заорал Карминов. — Семигайло! Почему аппаратура барахлит?!

К Сергею у меня отношение сложное. Работать с ним одно наслаждение. Все спорилось в его руках. Когда мы еще только разрабатывали индикаторы счастья, он мог за день изобрести с десяток схем, спаять и настроить их. И они работали. Правда, повторить их обычно уже никому не удавалось. Они работали только созданные его руками. И дома, и в лесу, и в командировках он был таким. Если что-нибудь всем казалось невозможным, он, не раздумывая, бросался вперед очертя голову. И у него получалось. На мотоцикле он умудрялся ездить по таким немыслимым дорогам, где даже тракторы вязли. В шахматы выигрывал в безнадежных позициях. У него был какой-то странный талант везения и легкая рука.

Десять лет он, Эдик и я были неразлучны. Потом он немного отошел от нас. Это произошло тогда, когда я понял, что люблю его Нину.

Стрелки индикаторов пляшут, и Карминов почем зря ругает Семигайло, который ни в чем не виноват.

— Все работает нормально, Виталий Петрович.

— Нормально, нормально. Тогда проинтегрируй по времени.

— За какой отрезок?

— Откуда я знаю! За минуту.

— Хорошо... Две и семь.

— Антон Семигайло!

— Ноль.

— Алла Куприна!

— Ноль две.

— Карминов!

— Ноль.

— Филатов! Скрипкин!.. Президент США!.. Директор института! Дежурный водопроводчик!..

— Ноль, ноль, ноль...

— Где осечка? — спросил Карминов. — Остается двенадцать процентов. Вроде всех перебрали. И знакомых и незнакомых.

— А здоровье-то забыли! — взревел Антон. — Здоровье — это о-го-го!

— Здоровье!

— Ноль.

— Он же хочет стать знаменитым композитором, — сказал Сергей.

— Сергей, как ты можешь? — прошептала Инга.

— Слава! Признание! Талант!

— Ноль, ноль, ноль.

Карминский устало опустился на стул.

— Ну, что еще позабыли?

— Может, взять толковый словарь и по порядку? — предложил Сергей.

— Вот что, Большаков. Спроси-ка у него сам. Ему лучше знать.

Они отобрали у меня все. У меня уже ничего и никого не было, кроме Нины. Эдик, конечно, знал. Разве это скроешь? И Сергей знал, но не подавал виду. А может быть, не знал?

Маленькая женщина с черными короткими волосами, которую я и в мыслях-то боялся поцеловать, потому что потом нужно будет смотреть Сергею в глаза.

— Сашка,— позвал меня Эд.

Я сделал усилие и напряг всю свою волю. Нет у меня никого и ничего! Нет! Один я! В этом сером, бесцветном и пустом мире.

— Двенадцать процентов,— тихо-тихо сказал Эдик.

— Итого ноль,— заключил Карминов. — Первая половина эксперимента закончена. Иванов, давай сюда контейнеры со счастьем!

Сергей ногой подтолкнул ящик. Молча подкинул на ладони полиэтиленовый мешочек с розовым счастьем и запустил им в ползающую по подоконнику муху. Убить муху счастьем!

— Кощунство! — укоризненно покачал головой Карминов.

— Вычтите из зарплаты,— тихо ответил Сергей.

— А все-таки странно,— вдруг всполошился Карминов. — Только сейчас в голову пришло... Существует ведь какое-то отношение к жизни, какие-то убеждения, цели... Ничего этого мы у Александра не отнимали, а он абсолютно несчастлив!

— Во-первых, убеждения у человека не так-то просто отнять,— возразил Эдик.

— Да, да,— сразу же согласился Карминов. — Тут методика нашего эксперимента явно недоработана. Надо еще подумать...

— Все равно ничего не выйдет. Отношение к жизни и мультивокс — это не одно и то же. Более того, если мы и сможем отнять у него убеждения, то из бокса выйдет уже не человек... Вспомните народовольца Николая Морозова. Он просидел в каземате двадцать пять лет, но тюрьма его не сломила.

— Да, но у Александра-то сейчас нуль!

— Сейчас — да. Это потому, что на него все слишком быстро обрушилось. Пройдет время, и он сам начнет искать выход, то есть начнет выходить из этого состояния абсолютной опустошенности без всяких пакетов со счастьем. Именно убеждения человека и дают ему возможность выжить в таких ситуациях. Но эксперимент наш и без того получается жестоким.

— Методика, методика... — пробормотал Карминов.

А я болтался между горем и счастьем, никому не нужный. И мне никто не был нужен. В душе и голове пустота. Абсолютная! Странное состояние. Так, наверное, чувствует себя камень. Перетащит его река с места на место — хорошо. Не перетащит — и так пролежит тысячу лет. Но я все-таки не камень! Пожалуй, самой яркой мыслью была мысль о бесполезности собственного существования... Я представил себе, как они все сидят там, в лаборатории, вычерчивают графики, обсуждают результаты, готовятся к продолжению эксперимента. Несчастный подопытный кролик!

— Убейте меня! — закричал я в микрофон. — Убейте!

Ведь каждый из них мог бы очень просто зайти в бокс и стукнуть меня по голове табуреткой или чем-нибудь еще. И все... Но нет. Они будут сидеть. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы поднять табуретку! Тоже мне, коллеги...

— Не могу! Не могу больше!

2

Года четыре назад нам предложили новую тему. Нужно было разработать индикаторы счастья. Ох и смеху было в первые дни, когда мы изучали техническое задание! Неужели серьезно? Оказалось — без всяких шуток.

Нам выдали несколько экспериментальных датчиков, ненадежных, громоздких, которые определяли общее настроение человека. Первый индикатор нужно было возить на грузовике. К технической стороне дела мы уже относились серьезно, но к самой идее — все еще с усмешкой.

Потом наша лаборатория получила ящик полиэтиленовых пакетов неопределенного цвета. В них находился какой-то газ, вдыхание которого приводило к улучшению общего настроения. Некоторые пакеты ссохлись, потому что газ улетучился из них или превратился в порошок.

Карминов, тогда еще ведущий инженер, тщательно изучил инструкцию по применению и разрезал один пакет. Помню, дело было перед обедом, и мы все хотели есть как черти. И вдруг... Я почувствовал, что сыт. И не просто сыт, а сыт приятно, счастливо. Никогда я не получал такого удовольствия от самой еды. Антон лучился блаженством. А уж он-то любил поесть! Но, видимо, одного пакета сытного счастья на всех было мало, и Семигайло потребовал вскрыть еще один. Я испугался. Ведь я сыт по горло, только испортим все.

— А... Экспериментировать так экспериментировать, — сказал Карминов и вскрыл еще один пакет.

И ничего не произошло. Антон выворачивал пакет. По его растерянному выражению лица было ясно, что он все еще ничего не понимает. «Что же это, братцы? — как бы говорил он. — Обман?»

А одна девушка, старший техник, Лена, которую почему-то не задело «сытное» счастье, вдруг удивленно посмотрела вокруг, вся расцвела, высоко подняла голову, гордая и счастливая.

— А вы не верили! Ведь он же любит меня!

Оказывается, Карминов вскрыл пакет с газом, который потом назвали «счастьем любви». И действительно, Ленка вскоре вышла замуж. Она уволилась, но еще с год я встречал ее иногда в городе с белобрысым толстоватым парнем, и всегда она прямо светилась. Но я почему-то думал, что тот вскрытый пакет не повлиял на ее жизнь. Это просто было совпадением. Не получи тогда мы этого ящика, все равно она ходила бы гордая и счастливая.

— Отметим. Другой тип счастья,— сказал Карминов. Он всегда отличался любовью к систематизации, к раскладыванию по полочкам, хотя часто эти полочки были покаты.

— Почему без этикеток? — разволновался Антон.

— Потерпи,— успокоил его Сергей. — Скоро обед. Десять минут осталось.

— Макетные образцы счастья, — важно заметил Карминов. — Что с них возьмешь? Вот когда все это запустят в серию...

Кто-то догадался включить наш тысячекилограммовый индикатор и по очереди присоединить его к каждому из нас. Что ни говори, а процент счастья был у всех выше, чем обычно.

Постепенно мы привыкли к своей теме. Действительно, ведь измеряют же температуру человеческого тела. Значит, медицине это нужно. Почему же не измерять уровень счастья человека? Может быть, это еще важнее, чем температура.

Больше в отделе никто не усмехался по поводу наших индикаторов. А мы работали не покладая рук. Нас все время торопили, но и помогали тоже здорово. Новейшее оборудование, аппаратура, материалы, необходимые штатные единицы — все появлялось как по мановению волшебной палочки. Макетная мастерская с молниеносной быстротой выполняла наши заказы.

Удобные индикаторы нужно было сделать во что бы то ни стало. И мы сделали. Весом в тридцать граммов и размером чуть меньше градусника, который ставят под мышку.

Внешний вид нашего индикатора был, конечно, неважный. Ну, что это такое? Идет человек по улице, а из кармана пиджака у него выглядывает стеклянный градусник. Смех да и только! И мы, и наше начальство понимали это. И после массовых летних отпусков—вот повезло-то всем!— мы снова принялись за работу. Через год мы уже демонстрировали изящные вещицы. Были индикаторы в виде часов со стрелками, показывающими проценты и даже доли процентов, индикаторы в виде запонок и брошек, где процент счастья определялся по цвету и звуку, в виде колец и браслетов, детских сосок-пустышек и вечных ручек.

Иногда мое воображение разыгрывалось, и я отчетливо представлял, как в магазинах, киосках и цветочных ларьках вдруг начнут продавать счастье в чистом виде.

Розовое — семейное, крепкое, непробиваемое, добротное. Голубое — мечтающее, ищущее, стремящееся к чему-то необыкновенному. Желтое — безумное, не знающее границ и меры. Коричневое — сытное, приятное, отяжеляющее пузо. Красное — решительное, бескомпромиссное,

прямолинейное и честное. Серо-буро-малиновое — для шутливых подарков в дни рождения, все переворачивающее вверх дном, смешное, легкое и быстро забывающееся. Синее — свистящее и резкое, как ветер морей и странствий.

О! Да разве можно было перечислить все цвета и оттенки счастья! Кто знает это? Может быть, где-нибудь в ведомостях и калькуляциях они и будут перечислены с точным указанием цен и срока действия. Может быть. Но тогда этот перечень, наверное, займет тысячи страниц.

Не будет только черного счастья. В принципе и такое вполне возможно. Счастье лжи, подлости, обмана и клеветы. Но если такой род счастья и будет выведен в научных целях, то секрет его производства, надо полагать, спрячут далеко-далеко, за семью замками. А может быть, такое счастье и невозможно? В самом деле, и ложь, и клевета, и подлость — ведь это же вечный страх. Какое уж тут счастье, если все заполняет страх? Да и подлец по-настоящему счастлив лишь тогда, когда его ненароком принимают за благородного человека.

Я представлял себе, как в первые недели и месяцы возле магазинов и ларьков выстроятся длинные очереди. Женщины средних лет будут расхватывать розовое семейное счастье. И не зря. Некоторые любители спиртного неожиданно протрезвеют. Чудаки будут брать голубое счастье и становиться еще чуднее, делать странные открытия, говорить странные речи, совершать необъяснимые поступки, часто прямиком переходящие в геройство. Идя на какое-нибудь собрание, люди будут захватывать с собой красные пакетики и потом резко, правильно критиковать себя, свое начальство и испытывать при этом огромное счастье оттого, что говорят правду.

Разумеется, коричневое, сытное счастье вначале будут стесняться покупать. Но и тут найдутся предприимчивые директора столовых, кафе и ресторанов. Прямо на раздаче будут продавать коричневые пакеты, и взявший их будет съедать невкусный стандартный обед или ужин, испытывая явное счастье, чувствуя, как тяжелеет желудок.

Сорванцы, вместо того чтобы потратить пятнадцать копеек на обед в школе, будут вскладчину покупать синее счастье и воображать себя капитанами дальних плаваний, космонавтами, отважными землепроходцами и исследователями. Значительно возрастет успеваемость в школах и институтах, особенно по географии, физике и истории.

Словом, эффект от продажи счастья, как я предпола-

гал, был бы только положительный. Каждый человек будет теперь считать своим долгом носить индикатор и тщательно следить за уровнем своего счастья, не допуская, чтобы оно падало ниже определенного предела. Появятся новые науки: счастьеоника, счастьеведение, счастьетехника. В поликлиниках откроются специальные кабинеты счастьепедии.

В свободное время, по вечерам, мы с Большаковым иногда экспериментировали. И однажды заметили, что если сложить десять процентов розового, например, счастья с десятью процентами голубого, то в одном случае получается десять и одна десятая, а в другом — тридцать два процента. А могло получиться — правда, очень редко — всего пять процентов.

Наверное, это стали замечать и другие. Ведь иногда получить, например, в подарок букет цветов приятнее на голодный желудок, чем на полный. И чья-нибудь случайная улыбка может наполнить сердце ощущением счастья гораздо большим, чем при покупке новенького автомобиля.

И вот мы получили новую тему. Необходимо было исследовать — в чем счастье.

Работа есть работа, и мы принялись, снова засучив рукава, выполнять план. Разработали аппаратуру по «откачке» счастья и методику насыщения счастьем. Для первого раза нужно было выяснить, можно ли догнать процент счастья у человека до ста и как это сделать.

3

Я сижу в испытательном боксе, задыхаясь от пустоты, которая заполняет мою душу, мое сознание. Нет в мире ничего, что приносило бы мне счастье, и сам я никому не даю его.

— Не могу я больше так жить! Вы слышите?

— Слышу, Сашка,— сказал Эдик. Он чуть не плакал.

— Начинаем! — скомандовал Карминов. — Розовое. Один пакет.

Сергей поспешно схватил пакет, пихнул его в пневмотрубу, нажал кнопку, пакет влетел в бокс. Иванов нажал еще одну кнопку. Острое лезвие ножа вспороло пакет.

Я едва заметно улыбнулся. Жить еще стоит.

И тут они начали напихивать меня счастьем.

Только и слышалось:

— Два пакета зеленого!
— Ноль один процента.
— Отлично! Пятнадцать серо-буро-малинового!
— Ноль два.
— Прекрасно! Коричневого! Синего! В крапинку! Фиолетового! Еще два! Еще восемнадцать! Прекрасно! Чудо!
— Ноль. Ноль один. Пошел вниз. Еще ноль четыре.

Бедняги. Они запыхались. Исследовать счастье — задача нелегкая. Все суетились. Там надо было вставить новый рулон бумаги в самописец. Там кончилась фотопленка в шлейфовом осциллографе. Магнитные барабаны математической машины заполнялись информацией. Стрелки вдруг начинали бешено биться о края шкал. Нужно было сделать мгновенное переключение.

— Отлично, старик,— сказал Эдик. — Ты им задал жару!

Большаков повеселел. Как только мне отвалили голубого счастья, я немедленно вернул Эдика в свое сердце. Он это почувствовал и теперь радовался. По-моему, ему сейчас весь этот эксперимент до чертовой бабушки. Сидит, машинально отсчитывает, строит график, а сам рад, что самое неприятное, самое страшное — предательство друга, хоть и на несколько минут, хоть и во имя науки, — все же позади.

Я вернул их всех. И Марину. Как я был счастлив, что она есть, Марина. Все, что было у нас хорошего, давно-давно, всплыло перед глазами. Ведь это потом между нами установились чисто деловые отношения, простые, понятные, обычные...

Давайте сюда ваше счастье! Я сумею им распорядиться. Режь, Сергей, пакеты, режь, учись вскрывать счастье!

Я вернул их всех. И Ингу, и Сергея, и свой мультивокс.

Мне стало весело. А у них — заклинило, заклинило!

— Может, бросить? — сказал Сергей. — Толку ведь никакого.

— Не может быть! — заволновался Карминов. — Сколько?

— Двадцать пять,— ответил Эдик.

— Аппаратура что-нибудь?..

— Ерунда! — пробасил Семигайло. — Аппаратура как часы.

— Что он, бездонная бочка, что ли? Ну-ка дайте я сам с ним поговорю.

Карминов схватил телефонную трубку и заорал:

— Саша, милый! Ну, что тебе надо? Говори! Яхту? Славу? Ну, возьми же, возьми. Господи, эксперимент же пропадает... Ага, проняло наконец!

Это я открыл свое сердце для Нины.

— Какого цвета был пакет? — заорал Карминов. — Зафиксировали?

— Никакого,— пожал плечами Сергей. — Не было никакого.

— Почему всплеск? На пятнадцать процентов! Напутали, что ли?

— Да не посылали ему никакого счастья!— обиделся Сергей.

— Странно. Ты объясни, Саша, что произошло. Хоть до девяноста процентов дотяни! Я тебе все, что угодно. Кто там ближе? Дуйте на склад! Да еще пару ящиков выпишите.

— Не надо, Виталий Петрович.

— Как не надо? — опешил Карминов.

— Бесполезно, — пояснил Эдик.

— Плевал я на все эти эксперименты,— сказал я. — Пусть Семигайло лезет в бокс. У него уровень счастья выше нормы. Вот над ним и проводите эксперименты.

— Да ты что! С ума сошел! У нас же план!

— Все! Снимаю этот дурацкий колпак. По плану — нужно провести эксперимент. Его результаты не планируются. Пусть на первый раз будет отрицательный результат.

— Не допущу! — закричал Карминов и защелкал тумблерами на панели пульта. Я рванул шлем, да так резко, что ударился головой о стенку. На минуту у меня даже в глазах потемнело.

— Вот и отлично,— вдруг обрадовался чему-то Карминов. Тому, что я ударился, что ли? Больно. Чему же тут радоваться?

Я бросил шлем на пол, открыл дверь бокса и вышел на божий свет.

— Парни! — сказал я, хотя среди них было и много женщин. — Парни, я больше не могу. Здесь нужно специально готовиться. Вы меня простите.

Я чувствовал, что им неудобно. Ведь они вывернули мою душу, мое самое сокровенное Я.

Все они стали какими-то нерешительными. Даже Эдик

не подался мне навстречу. Впрочем, -н я их видел как в тумане.

— Ладно, Александр,— сказал Карминов. — Ты на сегодня свободен. А нам надо обрабатывать результаты экспернмента.

4

Комплексный обед в институтской столовой состоял из окрошки, куска тушеного мяса и стакана компота. У раздачи было душно, от кастрюль и баков тянуло жаром и каким-то соусом с замысловатым резким запахом. Народищу, несмотря на все старания работников столовой, было много, и очередь рассасывалась медленно.

Антон Семнгайло, Эдик Большаков, Сергей Иванов и я лишь минут через двадцать отошли от стойки с подносамн в руках. Антон, как всегда, взял два вторых. Он взял бы и три, но ему было неудобно. Я всегда думал, что таким, как он, надо давать к зарплате надбавку. Получаем мы одинаково, а съедает он, как минимум, в два раза больше, чем я. Где же справедливость?

Мы сосредоточенно жевали.

— Эх,— сказал Антон. — Ревизором бы пойти по ресторанам, как в кинофильме «Гангстеры и филантропы»!

Каждый раз в обед он начинал разговор, смысл которого сводился к тому, что он не наедается. Мы уже не обращали на это внимания, и все же кто-нибудь, не удержавшись, вставлял какую-нибудь едкую реплику. Но Антон не обижался. Он вообще был не из тех людей, которые, слыша, что они прожорливы и глупы, обижаются. Он только расплывался в улыбке: ведь надо же, глуп, туп, а достиг. Достиг! Это главное. Как достиг, уже не важно. Вдвойне приятно, что ты туп и глуп и тем не менее достиг. Чего? Ну, хотя бы места ведущего инженера, как Антон Семигайло.

— Ха-ха-ха! — обычно отвечал Антон. — Ваш юмор помогает мне выделять желудочный сок. Приятно!

Раз желудочный сок выделяется, значит — приятно, значит — счастье. Это закон. И Семигайло постиг его в совершенстве.

— Послушай, Антон,— сказал я. — Шпарь-ка ты прямо сейчас в испытательный бокс. Эксперимент-то ведь в этом случае закончится удачно.

— Бросьте вы, — ответил Антон. — Хорошая еда — это половина счастья и без эксперимента.

Даже Антон иногда врет. Ведь хорошая еда для него — все счастье. Я сидел с ним рядом и будто нечаянно задел его за рукав. По-моему, его наручный индикатор показывал процентов девяносто. Исключительный случай! Патологический! Еще две порции мяса, и индикатор разлетится от перегрузки.

Наконец с обедом было покончено. Мы вышли из столовой, купили газеты в киоске и пошли в свою лабораторию.

Карминов переписывал запись результатов эксперимента. Увидев меня, он спросил:

— Что это был за всплеск в конце? Кто или что? Объясни, пожалуйста.

— Идите вы... — ответил я, и он отошел.

Они сидели и обрабатывали результаты эксперимента. Молча. Не было оживления, как обычно в таких случаях. А мне было нечего делать. Меня стеснялись.

Я бы ушел сейчас, но нельзя.

— Поедешь на рыбалку?— спросил меня Сергей.— Одно место есть свободное. Я домой заезжать не буду. Антон — тоже. Поедешь?

— Нет,— я покачал головой. — И ты не езди. Сегодня у Нины день рождения. Ей тридцать один.

— А, ерунда. Восемнадцать или тридцать один...

— Ей будет приятно, если ты вспомнишь.

— Значит, не поедешь?

— Нет. И вообще учти, что я хочу поздравить ее с днем рождения. И подарить ей цветы.

— Ох и клев сейчас на озере,— вздохнул Сергей.

А ведь они с Антоном всегда ставили сети. При чем тут клев? Не то он говорит.

— Сергей, я поеду к ней.

— Зря. Сейчас такая рыбалка.

Я был уверен, что теперь, после того, что я сказал, рыбалка занимает его не очень. Просто он не хотел изменять своим правилам.

Рабочий день кончился. Сергей, Антон и Карминов поехали на озера. Инга подошла ко мне и молча уставилась на меня.

— Передай Марине,— сказал я. — Домой не вернусь. Не могу.

— Я понимаю, — сказала она...

Я поехал в магазин и купил гладиолусов на все деньги, что у меня были. Потом сел в автобус и поехал в пригород Усть-Манска. Туда, где жила Нина.

Я должен, обязан был увидеть ее.

Из города я выехал довольно рано, народу в автобусе было немного, и мне удалось не помять цветы. Больше всего на свете сегодня я хотел сохранить их.

Ее дом был вторым от остановки. Я поднялся на третий этаж, позвонил, и она открыла мне.

В первое мгновение в ее глазах выразилось удивление. Удивление, которое я больше всего любил в ней. Потом она машинально спросила:

— А где Сергей?

— Уехал на рыбалку.

Она как-то потухла. Я протянул букет, который до этого напрасно пытался спрятать за спиной.

— Это тебе, Нина! Поздравляю с днем рождения!

— Спасибо, — сказала она. — Проходи!

И я прошел в комнату. Ее дочь, Наташенька, играла на полу в куклы. Ей было четыре года.

Нина сразу прошла на кухню, словно меня и не было. Я занялся разговором с Наташенькой, который в основном состоял из вопросов: «Почему ты есть? Кто ты такой? А папка еще не пришел? А у Тани головка отпала...»

Я сел прямо на пол. Неудобно играть с детьми, сидя на стуле или диване. Прошло пять минут, десять. Нина не выходила из кухни. А мы с Наташенькой играли в куклы.

— Нина,— сказал я. — Ты слышишь меня?

И она ответила, хотя я был уверен, что она не открывала рта:

— Конечно, слышу. Только не заходи на кухню.

Она плакала. Беззвучно. Молча. Самые страшные слезы. А я продолжал сидеть на полу.

— Нина,— сказал я. Но она не могла меня слышать.— Что делать? Я люблю тебя. Так получилось. Я люблю жену одного из своих друзей, Нина. Можешь ты это понять?

— Могу. — Она не ответила вслух, но я расслышал ее.

— Что же мне делать?

— Не знаю...

— Только ты можешь сказать, что мне делать.

— А ты не знаешь? Ты будешь действовать в зависимости от моего ответа?

Я передвинул куклу в очереди, купил яблок и запла-

тил за них мелко разорванными бумажками. Наташенька была в восторге.

— Будь мужчиной!

— Это значит — уходи?

— Не знаю. Я сама ничего не знаю.

Она вышла из кухни. В клеенчатом переднике, с руками, красными от свеклы, и совершенно спокойная.

— Будь счастлива, Нина.

— Спасибо, Саша. Я постараюсь...

5

Я просидел у обочины дороги под деревом несколько часов. Начало темнеть. Напротив из окна на третьем этаже раздавалась музыка, но там никто не танцевал. Да и кому было? Ведь собрались одни женщины. На балкон иногда кто-нибудь выходил, но это каждый раз была не Нина. Хозяйке некогда. На кухню, в комнату, подогреть, остудить, вымыть посуду, посидеть минутку с гостями, уложить спать Наташеньку. И все время казаться веселой. На вопросы: «Куда девался Сергей?» — отвечать шутками.

В свой день рождения Сергей приглашал желающих из нашей лаборатории в магазин грузинских вин. Мы выпивали по стаканчику, поздравляли новорожденного, шли на берег реки, курили, говорили. Потом снова возвращались в магазин. Сергей редко приглашал нас к себе в гости. Может быть, стеснялся. Ведь она, Нина, не инженер, даже не техник.

После нескольких таких кругов, здорово навеселе, мы разъезжались по домам. Сергей писал нашим женам шутливые объяснительные записки, чтобы нас не особенно ругали за столь позднее возвращение.

На следующий день все начиналось с вопроса: «Ну, как доехали?» Все всегда кончалось благополучно. Иванов рассказывал, как Нина отпаивала его молоком и при этом весело смеялась. Моя Марина, естественно, не приходила в восторг от таких торжеств. Она обычно сонно поднимала голову с подушки и говорила всегда одно и то же слово: «Пришел?» Потом отворачивалась к стене и мгновенно засыпала.

...На кухне задернули занавески. Кто-то в третий раз ставил одну и ту же пластинку.

— Ты все еще здесь? — спросила Нина. — Иди до-

мой. Скоро пройдет последний автобус. Марина, наверное, переволновалась. Ты тоже ее не жалеешь.

— Ага! Вот здорово! Во-первых, почему «тоже»? Разве дело в том, что Сергей тебя не жалеет?

— Пусть будет без «тоже».

— Хорошо. Но при чем тут «не жалеешь»?

Возьми меня, возьми меня
В чужие города...—

пела пластинка.

Ну и ладно! Тридцать процентов счастья — это тоже немало. К врачам не буду обращаться!

Возьми меня, возьми меня
В чужие города...

— Уходи,— сказала Нина. Это было сказано с таким вызовом, с такой болью, с такой отчаянной решимостью, что я понял: сейчас, в это мгновение, она перестанет быть тихой, сбросит с себя тщательно скрываемую покорность выдуманной судьбе, страх перед возможностью потерять маленький кусочек уже имеющегося счастья, страх перед неизвестным. Теперь она сама станет решать свои проблемы, не дожидаясь, когда Сергей позволит ей это.

Тихое, спокойное, розовое счастье. Работа, не слишком скучная и не слишком интересная. Муж, исправно приносящий деньги домой. Варка обедов, стирка белья. Вечером телевизор до одурения. Все правильно, все в меру.

Все как у людей!..

И все, как на лезвии бритвы! Между счастьем и горем, в какой-то вязкой пустоте, когда даже отгоняешь в страхе мысль, что что-то может быть по-другому, не так ровно и спокойно, однажды и навеки заведено.

Говорят, что нельзя предсказать будущее. У некоторых людей — можно. И на день, и на год, и на всю жизнь. Прямая линия без взлетов и падений.

— Уходи! — сказала Нина.

— Нет.

— Тогда возьми меня, возьми меня с собой...

— Нина. Любишь?

— Ну зачем тебе слова? Разве дело в словах? Разве нужно об этом говорить? Ты должен чувствовать это всегда, каждое мгновение, без слов...

Часто бывает так: нравятся глаза, манера танцевать,

умение быть в компании веселым, остроумным. И уже — «люблю». А ей не нужно слово. Почему же я всегда ждал, что она скажет, чуть ли не бросится на шею, заплачет и засмеется от радости? Розовое счастье все еще сидит во мне! Я наговорил ей столько слов, хороших и злых. Напыщенный и иногда сентиментально страдающий, я думал, что понимаю ее. И хотел, чтобы поняла она.

— Я бегу к тебе! — крикнул я.

Она понимала все. Давно. Сколько же времени прошло?

— Не нужно. Я приду сама.

Я поднял голову. В окнах ее квартиры горел свет. Музыки уже не было. Слышались голоса. Это расходились ее подруги.

— Ты знаешь, что нас ждет? — спросил я.

— Знаю. Все равно будут и обеды, и грязная посуда, полы, телевизор.

— И все?

— Нет. Каждый день будет новым. Я знаю, будут и слезы, и размолвки. Ты ведь вспыльчив. Все будет.

— И ты не боишься?

— Нет.

Погас свет на кухне. Мне не нужно было глядеть в окно, чтобы знать, что она сейчас делает. Вот она стоит посреди комнаты. Что она оставит здесь? Воспоминания, свои сомнения, страх, кусочек своей души? Все равно трудно. Ведь все с виду было правильно. «Какая семья!» — говорили соседи. Они никогда не ругались, даже крупно не ссорились. А счастья не было...

Нина подошла к Наташеньке, погладила ее, спящую, по головке. Может быть, в этом и есть самая главная проблема?

— Нина, я ничего тебе не обещаю, кроме того, что нам будет трудно. И соседи будут говорить: «Ну как они живут?» И никогда толком нас не поймут. Что за жизнь, если ее понимают все, кроме нас? Пусть будет наоборот.

Она вдруг подошла к окну и посмотрела в темноту. Она не могла видеть меня. Она не знала, что я здесь стою.

— А если это пройдет? — спросила она. — Что будет с тобой? Что будет с нами?

Даже здесь она не спросила, что будет с ней. Что будет с нами? Не знаю. Это уже не имеет значения, если мы перестанем понимать друг друга.

Я даже не помню, когда увидел ее в первый раз. Это

не осталось в памяти. Только: «О-о! Сережка женился! Молодец!» Потом видел ее и десять раз, и сто. И ничего не менялось. Мир оставался прежним. Она всегда молчала. Петь — не пела вообще. Было даже странно. Мы по праздникам, после тостов, начинали танцевать, обязательно со всякими чудачествами, горланили песни, кто громче. Со стороны это, наверное, было не очень красиво. А кому из нас приходило в голову посмотреть на себя со стороны?

Потом я заметил, что она все время улыбается. Тихо, незаметно и грустно, словно уже давным-давно все про нас знает. А Сергей как-то стеснялся, сторонился ее. Он был веселый парень, но себе на уме. Не знаю, что у них произошло, но только это было очень похоже на то, что у нас с Мариной.

И однажды я понял, что она все время ждет чуда, каждый день, каждую секунду. Чудеса происходят, только их никто не замечает. Она ждала чуда, а Сергей не верил в чудеса и ее заставлял не верить. А она не хотела не верить. И тогда он пришел к мысли, что она ничего не понимает в этой стремительной, рациональной, не терпящей сомнений жизни, которая окружает нас. Он пожалел ее, оставив ей только домашние заботы. Не понимает — не надо. Он все будет решать сам. Примеров много, все правильно. У Сергея был железный характер и крутой нрав. Он никогда не колебался, не сомневался, все решал сразу, и все у него получалось. Так должно было быть и на этот раз.

Но произошла осечка.

Стоило раз взглянуть на нее, когда она была одна, чтобы понять все. Ничего у Сергея не вышло. Нет, взглянуть не один раз. Может быть, миллион! И лишь в миллион первый раз увидеть. Э Т О не лежит на поверхности. Э Т О спрятано очень глубоко в душе.

...Чуть заметная полоска зари горела на горизонте. Дома засыпали.

— Что будет с тобой?

— Не знаю, Нина. Я этого не знаю. А с тобой?

— Я сейчас выйду. Подожди. Холодно.

Она скользнула с балкона в комнату.

«Сейчас что-то произойдет,— подумал я. — Что? Сейчас Нина будет здесь. И еще что-то. Что?»

Что-то забухало, как огромные часы. Ближе. Громче. Где-то во мне. Из-за угла дома показалась безмолвная

женская фигурка. Стук молота раздавался все ближе, все громче. Я уже ничего не слышал, кроме этого знакомого и странного, страшного звука.

Нина сжала лицо в ладонях, нагнула голову и торопливо шла, почти бежала в мою сторону.

И в это время что-то взорвалось у меня на руке. Над ухом кто-то противно хихикнул. Я машинально отвел руку в сторону. Рукав рубашки был разорван, в каплях крови. Я понял, что это такое.

— Нина! — закричал я и бросился ей навстречу. — Сними свой браслет! Сними!

Она не ожидала увидеть меня здесь и остановилась, удивленная и счастливая. Счастливая, я был совершенно уверен в этом.

Некогда было объяснять, и я молча пытался сорвать с ее руки браслет — индикатор счастья.

— Что ты делаешь? — тихо спросила она.

— Нельзя тебе носить этот браслет.

— Чудеса... Ты откуда здесь взялся?

Я наконец сорвал браслет, зажал в кулаке и размахнулся, чтобы выбросить его. Не успел: он тоже взорвался. Ей оцарапало щеку и плечо.

— Не надо, ничего не надо,— сказала она, когда я пытался вытереть капельки крови с ее лица. — Ты почему здесь оказался? Или это правда, что ты со мной разговаривал весь вечер?

— Правда.

— Пойдем?

И мы пошли по шоссе, как семнадцатилетние, обнявшись за плечи.

За поворотом замаячило размытое пятно света от фары мотоцикла. Мы посторонились, но мотоциклист вдруг резко затормозил, чуть не задев нас коляской. Это был Сергей.

— И далеко вы направляетесь? — спросил он.

— Сергей,— сказала Нина,— я не вернусь. Понимаешь, не вернусь... Там дома соседка осталась...

— Сергей,— сказал я. — Это случилось, и ты тут ничего не изменишь.

— Что-нибудь осталось выпить? — спросил Сергей.

— Осталось...

— Пойдемте выпьем по этому поводу.

— Нет, Сергей.

— Ну, что ж! Идите к черту... Наташку не оставишь?

— Нет.

Он дал газ и рванул с места.

— Не больно? — спросила Нина, дотрагиваясь до разорванного рукава.

— Нет. Все в порядке. А тебе? — Я дотронулся до ее щеки.

— Нет. — Она покачала головой.

...А вы хотели видеть счастливого человека. В чем же ошибка эксперимента, товарищ Карминов?

6

Первое, что меня поразило, когда я открыл глаза, был яркий солнечный свет. Я сидел на упаковочном ящике из-под счастья. Инга держала меня за плечи. Антон перевязывал руку.

— Дрянь эти индикаторы,— сказал он. — Я свой сегодня же выброшу.

— С индикаторами еще придется повозиться,— глубокомысленно поджал губы Карминов.

— Тебе не больно? — спросила Инга.

— Ничего, старик. — Эдик попытался улыбнуться мне. — Мы это сделали ненарочно. Почему так получилось, еще никто не может понять.

— Понимаешь,— сказала Инга,— это было все как на самом деле. Только сжато во времени и без перемещений в пространстве.

Так это все был эксперимент!

— Где Сергей? — спросил я.

— Ушел позвонить домой. Вот он.

Вошел Сергей. Все молча уставились на него.

— Все правильно,— усмехнулся Сергей. — У нее тоже взорвался индикатор счастья... Ничего страшного. Оцарапало щеку и плечо, как ты и предполагал... Ну, так кто едет на рыбалку?

Я встал и подошел к нему.

— Сергей, я тебе не лгал.

— А... иди к черту,— сказал он без всякой злости, как очень уставший человек. — А у нее действительно есть характер.

— Без обеда сегодня работали,— заявил Антон. — Учтите, товарищ Карминов.

— А у вас день не нормирован,— нашелся руководи-

тель. — Эксперимент, слава богу, удачно прошел. И с первого раза.

— А чем он удачен? — поинтересовалась Алла. — Что мы выяснили? Что человек может быть счастлив? А как?

Все были страшно растеряны и немного злы друг на друга. Если бы я ушел, тогда бы им было легче, свободнее.

— Сколько ящиков счастья израсходовали? — спросил я, чтобы что-то сказать.

— Сначала по сто восемьдесят пакетов каждого цвета,— начал Виталий Петрович. Нет, он был только ученый. Только кандидат технических наук. — А потом заклинило. А позже без всяких пакетов вдруг получилось. Помнишь, когда ты шлем сорвал?

— У вас получилось?

— Ну да, а у кого же? Эксперимент получился. В понедельник начнем обрабатывать результаты. Сегодня бы надо вообще-то...

— Валяйте.

Я позвонил Марине и сказал, что домой не приду.

— Я знаю,— ответила она. Она плакала. — Не могу поверить. Все было так хорошо. Саша, что же произошло?

— Прости, Марина.

Я не мог с ней говорить. Я ни с кем не мог говорить. Вышел из института, пешком добрался до цветочного магазина и купил огромный букет цветов на все деньги, что у меня были.

И вдруг я понял, что сейчас не могу ехать к Нине. Что я ей скажу? То, что уже говорил сегодня? Все осталось таким же сложным, как было вчера и год назад.

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

КУДА СПЕШИШЬ, МУРАВЕЙ?

Среди времен без конца и края,
В бесконечность устремлены,
Нивы звездные засевая
*Лепестками вечной весны *.*

ВИРАКОЧА

СТРАНСТВИЯ ЛУННЫХ РАТНИКОВ

I. НАД ПОЮЩИМ РУЧЬЕМ

— В древности тюльпаны цвели не в мае, а в июле. Даже не спорьте, мальчики,— сказала Лерка, пытаясь поймать на язык каплю росы из наклоненного клюва цветка. — Гляньте, к нам в гости пожаловал ручей...

И впрямь из расщелины в нависшей над нами скале протянулись извивы живого сияния. Должно быть, полуденное солнце растопило в расщелине снег, и к нам подползало вздрагивающее, огибающее пучки прошлогодней травы робкое существо — ручей. В углублении перед луковицей тюльпана он постоял в нерешительности, как бы набираясь сил, затем уверенно проскользнул мимо нас, разделив Андрогина и меня с Леркой. Своим рывком он наискось перечеркнул узкую, еле заметную нить муравьиной тропы.

— А почему в июле, угадайте,— предложила Лерка. — Кто первый?

Я молчал. Несколько мурашек, отрезанных от родного обиталища возле пня, сгрудились перед светоносной преградой. Они посовещались и как по команде рассыпались вдоль ручья — видимо, искать переправу.

Андрогин сказал:

— При царе Горохе твои тюльпаны распускались в декабре. Притом махровым цветом. Их обожали слизывать мамонты. — Он опирался локтем на рюкзак и покусывал

* Все переводы стихов, за исключением особо оговоренных, выполнены автором.

стебелек дикого чеснока. — Потом нагрянули братцы-инопланетянцы. Вроде тех, о которых ты мне все уши прожужжала, женушка. Из сопредельных, так сказать, миров. Со щупальцами вдоль хребта. Каждое щупальце — чуть поменьше Южной Америки. — Тут он метнул в меня, как наваху, мгновенный взгляд своих черных выпуклых глаз, увенчанных тяжелыми веками. — Они всем скопом ухватились за земную нашу ось и слегка поднаклонили шарик. Климат сразу переменился, кхе, кхе... Тюльпаны решили распускаться в июле, к твоему, супруга, дню рождения. А мамонты от огорчения передохли. Между прочим, до сих пор у них в желудках находят букеты тюльпанов.

Андрогин говорил без тени улыбки, даже с иекоторой наиграниой скорбью.

— Тимчик, Тимчик, ни шута ты не понимаешь, хоть и пытаешься всю жизнь острословить. Только не всегда удачно,— вздохнула Лерка. — Ты вслушайся в перекличку созвучий: «Тюль-пан! И-юль! Тюль-юль! Тюль-юль!» Звуки-то — как пересвист соловьиный. Нет, нет, моя филология здесь ни при чем. Каждый должен упиваться ароматом родного языка. Даже кандидат химических наук, одаривший коллег диссертацией о самовозгораемости торфа.

Она сорвала тюльпан и несколько раз ударила кандидата по его внушительному иосу. Тот изловчился, откусил цветок, швырнул лепестки в муравейник.

— Не слишком захотела ты поупиваться ароматом фамилии Андрогин. Осталась при своей, девичьей, так сказать. Этого тебе земная иаука не простит.

Я напряжеино ждал ее ответа. Как никто другой, я знал, почему Лерка ие переменила фамилию. Но она предпочла отшутиться:

— Чтобы не покушаться на твое наследственное величие, Тимчик. А заодно и на фамильные драгоценности твоих сородичей. Так-то, Андрогин... А фамилия твоя берет истоки от старославянского слова «андо», что означает «между прочим».

Между прочим, у меня были основания усомниться подобной догадке насчет родословной Андрогина, хохмача с округлым телом и спиной, не отличающейся от груди...

Муравьи снова роились на пятачке возле набухающего серебристого жгута ручья. Они ощупывали друг друга усиками и, навериое, посылали тревожные зовы со-

братьям по той безвестной для меня жизни, от которой их отделяло три-четыре человеческих шага, не более. Я слышал, что они, как и пчелы, не найдя дорогу к дому, погибают.

— Между прочим, все твои этимологические забавы отдают языческими суевериями,— сказал Андрогин. — Это не ты ли мне, голубушка, говорила, будто в древнем мире гадали по внутренностям животных и птиц?

— И по кометам. И по молниям. И по журчанью ручьев,— вздохнула Лерка.

— Ты же занимаешься гаданием по внутренностям слов. Пошамань-ка теперь своему школьному другу, язычница.

Лерка окунула кончики пальцев в ручей, потерла виски.

— Проще простого. Таланов — от старинного слова «талан», то есть «талант», «удача», «счастье».

— Ты счастливчик, Таланов,— сказал Леркин муж.— Ты счастливчик от рождения. Так сказать, генетически обречен на удачу.

Я сорвал стебелек метлицы. Даже выстояв зиму под пластами снега, трава была как живая. Я не встречал ее розово-дымчатые, стелющиеся по ветру косички разве что в Антарктиде. Впрочем, в Антарктиде я не был. Там, где не проложены автомобильные дороги, делать мне нечего.

— Ты прав, Тимчик. Он, — Лерка указала на меня,— переполнен счастьем. Его распирают удачи. Он готов делиться талантами с молниями, ручьями, кометами, ущельями, муравьями. По всему свету. В том числе и в городе своей юности, куда он частенько — раз в три-четыре года — заглядывает, хотя и ненадолго. — Лерка притворно вздохнула.

— И ты говоришь о счастье? — спросил Андрогин ее, но глядел он на меня. — Быть приглашенным бывшим сослуживцем и бывшей одноклассницей в горы, трястись на автобусе в Чилик, потом в кузове грузовика до перевала, потом пехом, навьючив на себя трехпудовый рюкзак,— разве это счастье? Это гораздо больше. Это есть невыразимое блаженство.

Я смолчал. Славно они поднавострились в словесных забавах.

— К чему слова? Кто молчит, не грешит,— подделываясь под Леркину интонацию, сказал Андрогин.

— Не задирай чемпиона континента, безгрешный Тимчик,— сказала Лерка и поводила рукой по кисточке метлицы. — Чемпион уже тоскует по своим железкам, начиненным электроникой и бензином. Знмой я вндела его в деле. Шел фильм об автогонках. По-моему, в Мексике или Колумбии, тамошние страны я вечно путаю. Так вот представь: его машина, похожая на дельфина, на повороте трижды перекувырнулась н ухнула в пропасть — а за нею облако пыли и камней—трах-тах-тарарах! Я глаза зажмурила от ужаса. А ему хоть бы что: высовывается из кабины, в руках ружьище вроде гарпунного — бах! — и стрела с троснком уже торчит из глыбы базальтовой. По тросику этому «дельфин» мнгом вскарабкался — и был таков. Жаль только, его лицо я плохо разглядела. Они там все в скафандрах, как космонавты.

— Вношу необходимые уточнения,— сказал я. — Перевернулись всего лишь дважды. И не в пропасть ухнули, а скатились в овраг. И не Мексика илн Колумбия, а Перу. Там во времена инков тоже гадали. По внутренностям живых еще людей.

Сорванный стебелек метлицы я положил над тихо поющнм ручьем, осторожно подвел кончик стебля к обреченным муравьям. Наслышанный об их недюжинном разуме, я не сомневался, что они попытаются воспользоваться мостом, опустившимся прямо с небес. Но ничего не случилось. Муравьн на мост не шлн.

— Ты счастливчик,— не унимался Андрогин. — Ты объездил десятки стран, был в Нью-Йорке, в Рио-де-Жанейро, в Сингапуре, в Багдаде, в Калькутте, даже в самом Иерусалнме. Ты лицезрел красивейших женщин земли, а может, даже с некоторыми из ннх,— он лукаво погрозил мне пальцем и пощекотал свои огромные вислые усы, — коктейли распивал. Ты понавез небось кучу модного барахла. Да и в кубышке, я уверен, кое-что звенит про черный день. Ведь звенит, счастливчик, меня не проведешь!

Я не стал объяснять Леркиному мужу, что звенит у меня не в кубышке, а все чаще и чаще в голове, особенно если не спишь несколько ночей подряд, что по черным дням, когда зарядит дождь, начинаются прострелы в позвоночнике — напомнпание о компрессионном переломе пятого позвонка, что лишь в этом году на гонках в Гималаях разбнлось четверо: де Брайян, Омежио, Ту Хара, Внктор Голосеев. Я ннчего не стал объяснять существу, на чьем лице (и это прозорливо отметил муд-

рец) виднелась вековая брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах, подобных Тимчикову лицу.

— Ты опять прав: кое-что я оттуда поднатаскал, — сказал я, впервые за много лет назвав его полным именем. — В частности, навыки по спасению муравьев...

Муравьи не шли на мост.

Концом спички я попытался подогнать одного к спасительному стеблю метлицы. Бесполезно. Он исхитрился юркнуть под бурый прошлогодний лист.

— Муравей не по себе ношу тащит, да никто спасибо ему не скажет,— загадочно проговорила Лерка.

Пришлось прибегнуть к насилию. Я расщепил ножом спичку надвое, одной половинкой поддел муравьишку, перенес его к мосту над поющей бездной ручья, а другой половиной спички пересадил, точнее, перегнал, на мост. Насекомое крепко схватило стебель лапками и не двигалось ни вперед, ни назад. Я начал слегка его подталкивать, ощущая пальцами необычайную силу сопротивления упрямца.

И все-таки он пополз! Сперва медленно, неуверенно, потом осмелел, перевернулся вниз головой и в таком положении засеменил к берегу надежды.

Лерка наблюдала за моими манипуляциями с какой-то внутренней тревогой. Лишь теперь, сидя рядом с ней, при беспощадном свечении горного солнца, я заметил, как она изменилась за минувшие четыре года после нашей последней встречи. Возле глаз и у висков обнаружились еле заметные знаки морщин, брови она теперь выщипывала снизу, отчего ее глаза стали почему-то чуть у́же, но теперь в них время от времени возникало странное, неведомое мне сияние. Возможно ли, чтобы такое сияние было порождено этим Тимчиком с его уже выпирающим брюшком, с его анекдотцами, с его одутловатым лицом, которому нелепые, как бы надутые воздухом усы, похожие на рачьи клешни, придавали приторно-удивленное выражение. «Постой, постой,— тут же одернул я себя,— ты, кажется, начинаешь злобствовать по поводу Тимчика Андрогина. А злобствуешь ты потому, что ему завидуешь. Ларчик-то открывается довольно просто, чемпион континента!»

Когда последний, девятый, муравей благополучно закончил переправу, меня озарило: а что, если вернуть его на прежнее место, к «пятачку», где они только что толпи-

лись. Так я и поступил. К моему удивлению, подопытный смело двинулся к мосточку, ощупал стебель усиками и живо перекочевал по уже разведанной стезе. Научился!

Дважды еще пришлось мурашу проделать этот путь. Он бежал так уверенно, как будто самолично — с ордою собратьев — создал мост над ручьем.

— Ты беспощаден, как гладиатор, Таланов,— сказала Лерка. — Тебе что машины, что муравьи, что людишки — все одно и то же. Материя, так сказать. Одинаково безответное содрогание атомов.

— Все еще предпочитаю людей. А среди людей ставлю выше прочих тех, кто ходит над пропастью, — ответил я и сразу же понял, что дал промашку. Во-первых, это походило на саморекламу. Во-вторых, больно задевало Лерку.

— И ты всерьез поверил одиссее этой горе-альпинистки? — Тимчик разглядывал небеса, изрезанные узорами вершин, холил свои усищи. — Типичная хохма. Расчетливая красавица завлекла нас в лабиринт Заилийского Алатау, чтобы обоих подставить под лавину. Так она отделается и от осточертевшего мужа, и от бывшего поклонника, переметнувшегося к жгучим креолкам.

Славный был парень Тимчик, но в автогонщики не годился.

Леркино лицо оставалось незамутненным.

— Один из вас достоин лавины. Но на этот раз обойдемся без трагедии. Повторяю: я не прошу мне верить. Все, чего я хочу,— показать вам то самое место. А шагать до него порядочно. Надо бы до захода солнца успеть. Скоро двинемся дальше, мальчики.

Тимчик не преминул воспользоваться моей оплошностью. Я забыл, что с этим кандидатом надо держать ухо востро.

— Царица грез моих,— замурлыкал Андрогин. — Повели маэстро исповедаться, отчего это он души не чает в ходящих над пропастью. А может, над пропастью ездящих?..

Это был запрещенный прием, хотя и отменно проведенный. Все-таки он вытянул из меня кишки, этот гадатель по внутренностям.

— В Андах, чуть выше линии вечных снегов, иногда встречается цветок. Я его не видел, но говорят, он похож на наши полярные маки, только побольше,— отрывисто, глухо, как всегда, когда злюсь, начал я. — Местные пле-

мена называют его гравестос. А может, гравейрос, за точность не ручаюсь. Говорят, кто выпьет его отвар, заболевает лунатизмом. Правда, ненадолго. С незапамятных времен жрецы использовали гравейрос, чтобы ходить ночью над пропастью,— на устрашение своей паствы. По туго натянутому канату. Такие канаты сплетают из волокон агавы. До сих пор в Перу на них кое-где подвешены мосты...

2. ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА ЛУННОГО ОГНЯ

Я не слишком верил легенде о гравейросе. Подобных россказней в Южной Америке переизбыток. Да и не только в Южной Америке.

Но вот в позапрошлом году на розыгрыше кубка «Солнца инков» мы оказались в горах Карабайо, к востоку от древней столицы инков — города Куско. Помню, мы с напарником основательно вымотались за две недели гонок вдоль каньонов, по крутым серпантинам и были рады долгожданному отдыху. Нам дали две ночи и день.

До обеда мы с Виктором проспали, а потом решили порыбачить. Реки там похожи на наши тянь-шаньские: норовисты, пенисты, форель схватывает крючок намертво.

Бредем мы с удочками по городишку Ла-Пакуа, а навстречу Дончо Стаматов из болгарского экипажа. «Здравей, — говорю,— другарь Стаматыч. Опять ты Розетти на полрадиатора обошел. Эдак он от огорчения перезабудет весь набор своих неаполитанских песен». «Пускай учится петь наши, славянские, — хохочет Дончо. — А вы, души рыбные, возвращайтесь засветло. Вечером скатаемся еще выше в горы, вон туда, к самым снегам. Там обитает не совсем еще цивилизованное племя индейцев, и сегодня, в честь новолуния, будет шумное празднество. Среди прочих чудес обещают полет красавицы над пропастью — то ли в когтях дракона, то ли помчится с подвязанными крыльями,— я толком не разобрал. Никогда не слыхал про такое диво? Э-э-э, не раз еще услышите, другари. Но лучше увидеть своими собственными глазами. И учтите: приглашает нас здешний мэр. В виде особой милости. Он к автомобилям неравнодушен. Как Розетти к прекрасному полу. Единственная просьба, даже не просьба, а требование мэра — никаких фотоаппаратов и кино-

камер. Особенно это касается — я добавлю от себя — другаря Голосеева».

Мы выехали около восьми.

В горах темнеет рано. Последние километры пять наших машин, растянувшихся цепочкой, одолевали буквально на ощупь. Моторы ревели, задыхаясь, как всегда они ревут на большой высоте. Мы оседлали тропу, где обычно ходят с поклажей, наверное, лишь ламы, заменяющие здешним жителям и коров, и лошадей, и овец, где по одну сторону громоздились отвесные скалы, а по другую — чернела нескончаемая пропасть. После одного довольно-таки заковыристого поворота мэр — он находился в стоматовой «Пеперуде» — выскочил из кабины и подал знак остановиться. Смешно жестикулируя, он начал объяснять, что дальше тропа совсем суживается, что он в ответе за нашу безопасность перед прогрессивной мировой общественностью, что пешком тут добираться около часа, не дольше.

Розетти, не дослушав мэра, завел свой «Везувий», выпустил пневмоприсоски, въехал на вертикальную стену и пополз над головою ошарашенного хозяина Ла-Пакуа. Мэр продолжал что-то говорить, не без смущения бросая взгляды вверх, где на расстоянии протянутой руки проплывали в обрамлении разноцветных приборных огней кудри весельчака Розетти.

Лунной ночью в платье белом
И с гвоздикой в волосах —
Нет прекрасней Маручеллы
На земле и в небесах! —

выводил Розетти своим неподражаемым бельканто. В том, что это именно бельканто, к тому же неподражаемое, Розетти убедил нас с Голосеевым в первые минуты знакомства, еще до того, как запел.

«Везувий» сполз со стены на тропу перед «Пеперудой». Мэр расхохотался, пересел к Розетти. Мы двинулись дальше...

В индейское селенье мы попали часам к десяти.

Еще издали стали заметны несколько костров. Удивлял цвет пламени: фиолетовый с переходом в палевые, даже желтые, тона. Проезжая по селенью мимо мрачных домишек с плоскими крышами, мы смогли рассмотреть, что костры горят на отшибе, у подножия внушительных размеров каменной башни. Над тремя кострами висели большие котлы.

По соседству, на другом холме, высилась точно такая же башня, освещаемая одним костром. Башни разделяла пропасть.

Мы оставили машины у подножия холма и мимо безмолвствующих мужчин в причудливых шляпах и разноцветных накидках направились к башне. Между прочим, я не заметил до сей поры ни единой женщины.

— Вождю следует поклониться до земли,— быстро говорил нам мэр полушепотом. — Это вон тому старику, на помосте, в красном покрывале. А тот, что слева, в орлиных перьях, с двумя колдунами, это жрец. С ним разговаривать инородцам вообще запрещено. И никаких песенок, сеньор Розетти, умоляю вас.

Мэр первым картинно ударился вождю в ноги, за ним — не без смущения — все мы. Вождь поднялся с леопардовых шкур и ответил точно таким же поклоном — до земли. Вслед за тем он гортанно прокричал несколько слов, дав знак приблизиться.

— Верховный Владыка лунных ратников приветствует вас, восседающих в колесницах,— переводил мэр. — Да хранит вас лунный огонь.

Вождю было лет восемьдесят, не меньше. Глаза его из-под огромных разросшихся бровей сверкали молодо и проницательно. Вождя охраняли четверо свирепого вида юношей с пиками и луками. У одного стражника покоился в руках винчестер.

По знаку обладателя винчестера на помосте разостлали леопардовые шкуры. Мы расселись, после чего каждый получил чашу, наполненную до краев белой жидкостью, и золотистое блюдо с дымящейся тушкой куи — волей-неволей настало время отведать морских свинок, издревле лакомую пищу в Андах.

Пока под взглядами телохранителей мы опасливо раздирали мясо, уснащенное листьями и травами, мэр неторопливо беседовал с вождем. Судя по тому, как он то показывал шевелящимися пальцами в сторону машин, то называл поочередно наши имена, шла церемония нашего представления.

Я отхлебывал кисло-сладкий напиток из глиняной чаши, смотрел на подпирающую небо башню, на фиолетовое дрожанье костров, на молчаливых людей возле них, и мне казалось, что время, как исполинская возвратная волна, стягивает меня с берега сущего, настоящего туда, в мерцающие глубины бывшего, что можно еще стать и дру-

жинником князя Святослава, и мстителем Евпатия, и успеть к дымящейся рассветной дубраве у Непрядвы, чтобы увидеть, как два богатыря — один в лисьем малахае, с хищной улыбкой насильника, другой — в черным смерчем развевающейся рубахе и с нательным медным крестом — сшибутся, ударят друг друга копьями и оба падут с коней мертвыми...

Меня вернул из прошлого крик с вершины башни за пропастью.

Жрец, до той минуты застывший как изваяние, поднялся, раскинул руки с привязанными к ним перьями, двинулся по крутым ступеням к башне. Его поддерживали колдуны. Все трое запели.

Под их суровое однообразное пение костры гасли один за другим — их накрывали толстыми циновками, и пламя мгновенно укрощалось. Погас костер и за пропастью. Воцарилась тьма, лишь тлел огонек сигареты Розетти, но вот и он исчез.

Мы с Виктором сидели недалеко от мэра. Я воспользовался темнотой, придвинулся к нему, спросил еле слышно:

— Извините, о чем они поют?

— Духов лунных заклинают. Пока не подымутся на самый верх башни,— дыша мне в ухо, отвечал мэр. — Я вам буду переводить как сумею, а вы все перескажете другим, попозднее.

— Спасибо за доверие,— сказал я, нащупал его руку и потряс в знак признательности.

— Кто готовится в путь над бездной, в чьих руках— осиянная весть? — спрашивал жрец речитативом, видимо, уже с вершины башни.

— Властительница Лунного Огня,— отвечал молодой голос из-за пропасти.

— Кто несет на крылах знак преображенья богини бессмертной?

— Хранительница Лунной Благодати.

— Чьи волосы — струны света, ростки зеленых побегов, струи молодых ручьев?

— Властительницы Лунного Огня.

— Чьи слезы — дождь, живительный и благодатный?

— Хранительницы Лунной Благодати.

— Кто линию смерти и жизни, зла и добра, света и тьмы прочерчивает на камне Вселенной?

— Властительница Лунного Огня...

Всех вопросов и ответов запомнить было невозможно, тем более в переводе на английский. Наконец после некоторого молчания жрец прокричал с высоты каким-то задушенным голосом:

— Лети же, лети к нам, твоим ратникам, вещая дева света, Властительница Лунного Огня!

...И я увидел, как над нами, во тьме, в той стороне, где другая башня, явилась вдруг светящаяся человеко-птица. Она медленно махала фосфоресцирующими руками-крыльями, столь же медленно приближаясь к нашей башне. Подобие сияющего хитона плескалось между крыльями, лицо мерцало лунной белизной с голубыми ободьями вокруг глаз, а над головой она несла тонкий серп молодой луны. Зачарованный, я хотел потеребить Виктора, этого сурового реалиста, не верящего в чудеса, но его рядом не оказалось: должно быть, передвинулся поближе к Стаматычу.

Было тихо. Доносился глухой далекий шум реки со дна пропасти, над которой парила Властительница Лунного Огня. Я сосчитал про себя до ста пятидесяти, прежде чем загадочная летунья достигла башни и скрылась в ней.

Тем временем в небесах над башней обозначился новолунный серпик, точь-в-точь такой, какой несла она. Все племя лунных ратников запричитало, запело. После долгого песнопенья разом вспыхнули костры, кроме единственного, за пропастью.

Как только костры запылали, я начал переводить взгляд от башни к башне. Я надеялся заприметить канат, по которому, опьяненная отваром гравейроса, только что прошествовала Хранительница Лунной Благодати, но не увидел ничего.

Показался жрец, один, без колдунов. Он грузно спускался по ступеням. В правой руке он держал длинный блестящий нож, в левой — обезглавленного петуха. Жрец отвесил поясной поклон вождю, распорол петушиное брюшко, запустил руку вовнутрь, вынул сердце и съел.

Лунные ратники возликовали. Некоторые ударились в пляс. Застучали барабаны. Стали раздавать варево из котлов.

— Ну как, Виктор? — спросил я Голосеева, который и вправду передвинулся к Стаматычу.

— Во! — Он поднял большой палец. — Эти куи, за-

мечу тебе, объедение. Я своего уплел мигом, вместе с травой. Вот тебе и морская свинья. Жду теперь добавки.

И ни слова о полете призрачной птицы! Не характер — кремень.

В голове у меня шумело. Я ощущал во всем теле необыкновенную легкость. Казалось, поднимись я сейчас на башню, шагни в пропасть — и легко воспаришь, едва взмахивая руками. Такое чувство бывает иногда во сне, особенно в детстве, когда я зависал, как жаворонок, то над полем цветущего клевера, то над глухими заводями Ельцовки, то над родной деревней. Помнится, я отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты не только грядки в огородах или пасущихся на косогоре коз, но по необъяснимому свойству сонного зрения даже головки тыкв, похожие на выводок цыплят, даже рыбешек, резвящихся на плесе, даже мышей-полевок возле прошлогодней скирды, даже начинавшие чернеть ягоды смородины у нашего плетня. Позже, в Автоакадемии, я увидел фотографию во всю стену. С высоты нескольких сотен километров спутник запечатлел старт планетолета «Иван Ефремов» к Сатурну. На фото были хорошо различимы мельчайшие детали степного пейзажа: красные чаши тюльпанов, змеи, греющиеся на камнях, суслики возле своих норок — шагов за триста от стартовой площадки. Вот и начали сбываться сны детства, подумалось тогда...

— Приезжайте весной,— шепнул мне мэр. — Весною празднество ничуть не скучней. — Тут он мечтательно посмотрел на луну и вздохнул. — Намного веселей. Хотя бы потому, что на него допускаются и лунные ратницы. Представляете: между башнями растягивают сеть, куда ловят первые лучи новорожденного солнца.

Розетти в самых изысканных выражениях поблагодарил вождя за сверхневероятнейший, как он выразился, подарок — зрелище летящей Лунной Девы и попросил в виде особой милости познакомить нас с ней. Если будет на то добрая воля владыки лунных ратников, он, Розетти, готов прокатить ее в своей колеснице, даже свозить в Ла-Пакуа, в прекрасный дансинг.

— Я выслушал тебя, восседающий в колеснице, — отвечал вождь и бросил взгляд на телохранителя с винчестером. — Желание твое невыполнимо. Властительница Лунного Огня не открывает свой лик чужеземцам. Даже если чужеземец случайно ее увидит, узнает ее небесную

тайну, ему несдобровать. Он неукоснительно найдет смерть. На линии света и тьмы. В ночь лунного затмения.

— На линии света и тьмы... В ночь лунного затмения... — ошарашенно повторил Розетти.

И здесь в первый и в последний раз подал голос жрец:

— Это так же невозможно, как одному из вас, восседающих в колесницах, подарить верховному владыке лунных ратников, — поясной поклон в сторону владыки,— свою колесницу. Вашей колеснице негде бегать среди наших скал, в нашем лунном свете. Лунная Дева умрет в вашей тьме.

Жрец величественно повернулся и вскоре скрылся в башне.

Чтобы как-то сгладить неловкость, я спросил вождя, часто ли навещает лунных ратников светозарная дева. Оказалось, это случается один раз в году. Да, лишь раз в году из башни Смерти Луны переносит она лунный огонь в Лунную Колыбель. Этой ночью людей по всей Земле подстерегают великие несчастья и беды, если они не принесут жертву Властительнице Лунного Огня. Малые злоключения нависают над смертными во все остальные новолуния и полнолуния. Злоключения можно отвести разжиганием костров с добавлением в пламя лунника — сухой лунной травы, барабанным боем, поеданием живого сердца жертвы. Так повелось исстари, с тех самых пор, как лунные ратники прилетели на Землю. Это произошло ровно 62 тысячи лун тому назад.

Я призадумался: 62 тысячи лун — это около 5 тысячелетий! Вот в какие непредставимые, догомеровские дали времен уходил обряд пришествия Хранительницы Лунной Благодати.

— Значит, в ночь прилета лунной синьориты надо обязательно отведать сердце петушка? — спросил, улыбаясь, Виктор.

— Надо съесть живое сердце,— тихо отвечал вождь, проведя по губам тыльной стороной ладони. — Еще при моем деде дед моего жреца съедал не петушиное сердце. Дед моего жреца.

Мы замолчали. Я взглянул на часы. Было около полуночи. Луна поднималась все выше, чуть высвечивая вечные снега вершин. Пора было возвращаться в город. Вождь с телохранителями проводил нас к машинам. Здесь мэр передал вождю несколько ящиков с вином и

провизией, топор и двуручную пилу. Они быстро о чем-то переговорили, затем обнялись. Старый вождь заплакал.

— Зачем он плачет? — спросил Розетти. — Это я, болван, причинил ему горе. Будь я проклят со своим змеиным языком, черт меня дернул сболтнуть насчет поездки в дансинг. Разрази меня гром с Везувия!

Мэр сказал:

— Он плачет, потому что Властительница Лунного Огня отняла у него единственного внука. Три года тому назад он упал в пропасть. А за год до этого погиб его сын. А ведь лунным ратникам предписано выбирать вождя только из рода верховных владык. Вот старик и зовет меня к себе, предлагая должность Держателя Лунного Пера, с тем чтобы после отлета его души я стал вождем. А какой из меня вождь при врожденном пороке сердца и неукротимой страсти к рулетке?

Как выяснилось, вождь был его дядей.

Я вытащил из багажника прозрачную коробку с точной копией «Перуна» — в десятую часть натуральной величины, поставил у ног вождя, снял крышку и объяснил, что это наш общий подарок владыке лунных ратников.

Вождь заулыбался, потер в задумчивости лоб.

— Прозорлив и многомудр мой великий жрец, — изрек наконец вождь. — Большой колеснице негде бегать среди наших острых скал. А детенышу колесницы бегать не надо. Пусть детеныш всегда стоит возле моего трона. Рядом со священным камнем, упавшим с вершины небес. При прадеде моего деда.

Он радовался, как дитя, этот глубокий старик. Но главная радость ждала его впереди.

— О владыка, детеныш колесницы тоже умеет бегать. И даже лазить по скалам. Надо только за ним присматривать. На этой доске — цветок с четырьмя лепестками. — Я протянул вождю пульт дистанционного управления. — Нажмешь верхний красный лепесток — детеныш бежит вперед, зеленый — назад, оранжевый — влево, синий — направо. А в центре доски — глаз, он всегда примечает, куда бежит детеныш. Скатится к ручью — видно ручей. Заберется на холм — видишь его на холме.

С помощью мэра вождь тут же позабавился маневрами нашей модели. Не скрою: давно я не встречал таких довольных вождей.

— Далеко ли может убежать детеныш колесницы? — спросил вождь.

— Он может бежать без передыху одну луну. Но если доску днем держать на солнце, детеныш никогда не устанет. Но доску лучше не ронять.

— Я поручу охранять доску обоим моим колдунам,— торжественно провозгласил вождь. — Колдуны будут держать ее на солнце от восхода до заката. И никогда, пока я жив, не уронят. Благодарствую, восседающий в колеснице. Никто из инородцев так не радовал сердце верховного владыки лунных ратников, как ты. Какую награду хочешь ты увезти туда? — Он сделал жест в сторону, противоположную сияющим под луною вершинам. — Туда, во тьму?

Ко мне нагнулся Розетти и сбивчиво зашептал:

— Грандиозный момент, синьор Таланов. Надо выклянчить хотя бы одно блюдо, на которых подавали этих зажаренных тварей. Лично у меня блюдо было золотое, я определил по весу, да и на зуб попробовал. Хотя бы одно, а? Чистейшее золото, клянусь святым Януарием.

И я вспомнил о гравейросе. Другого такого случая в жизни уже не представится, подумалось мне. Эх, была не была...

Вполголоса я растолковал мэру свою просьбу, но вместо ответа был удостоен долгого тяжелого взгляда.

— Если моя скромная просьба невыполнима, будем считать мне наградой ваш взгляд,— сказал я, глядя прямо в глаза мэру. — Его-то я и увезу туда, во тьму.

Мэр попытался улыбнуться.

— Некоторые награды можно и не успеть получить при жизни,— тихо произнес он. — Во всяком случае, мой отец еще помнил времена, когда за подобную просьбу чужака спокойно прикончили бы на месте.

— В те замечательные времена не было ни таких колесниц,— я показал на «Перуна»,— ни их бегающих детенышей. Между прочим, один из детенышей дожидается вас в Ла-Пакуа.

Давно я не встречал столь счастливых племянников вождей.

Владыка лунных ратников удалился с мэром, чтобы вскоре вернуться и объявить, что награда будет мне вручена там, внизу, во тьме.

А Розетти получил награду сразу. Иссиня-черный камень, прожженный слезою Хранительницы Лунной Благодати, и пару живых куи в деревянной клетке.

На другой день закрутилась привычная свистопляска. В минуты отдыха я не раз вспоминал ночь на линии света и тьмы. Иногда я доставал плоский сосудик из обожженной глины, осторожно вытаскивал деревянную пробку, принюхивался. Пахло скошенным лугом, цветущим анисом, полынным терпким настоем. И сразу накатывала тоска. Хотелось бросить все: безумную гонку по чужой земле, интервью, встречи, речи, поломки, промежуточные финиши, желтые шлемы лидеров — все хотелось бросить — и домой, к родным равнинам, к шуму сосен, к стогам, плывущим сквозь заречные туманы...

Мы выиграли с Виктором «Золото инков». Но то была наша последняя победа.

В Кальяо мы погрузили «Перуна» на теплоход «Таис Афинская», разместились в каютах и вволю отоспались. До отплытия оставались считанные дни.

Как-то вечером, посмотрев в местном кинотеатре широко разрекламированный фантастический боевик «Осада Марса», мы вернулись на теплоход.

— Я заскочу к тебе, если не возражаешь, фантазер. Через полчасика, ладно? — сказал Виктор и заговорщицки подмигнул.

Он появился, держа в руке жестяную коробку с кинолентой.

— Отгадай, каким боевиком я порадую победителя? — спросил Виктор, потрясая коробкой.

— Финишным боевиком,— отвечал я. — Нас подкидывают в небеса, ты до ушей улыбаешься, из карманов у тебя вываливаются отвертки, реле, контргайки и все прочее, а я обвил, как удав, кубок, который, как ты точно подметил, переделан из самовара.

— Вот и не угадал. Перед тобою — строго научное кинообвинение. Служителей культа, пользующихся отсталостью народных масс, чтобы одурманивать простаков цирковыми трюками вроде порханья разного рода божеств над глубокими пропастями. Так-то, фантазер.

Он расхохотался, а я, ни о чем еще не догадываясь, спросил:

— Дружище, неужто удалось заполучить какие-то кадры о хождении жрецов по канатам?

— Не заполучить, а заснять самолично,— сказал Голосеев. — Притом в инфракрасных беспощадных лучах.

С ними, как ты знаешь, никакое очковтирательство не проходит. Не зря сказано: все тайное становится явным.

Я удивился:

— Когда ж ты успел, пострел?

— А тогда, у лунных ратников.

Оказывается, как только Властительница Лунного Огня явилась вдруг во тьме, в той стороне, где башня Смерти Луны, дотошный Голосеев незаметно пробрался к «Перуну», навел кинопанораму так, чтобы захватить обе башни, задействовал автостоп на 15-минутный максимум и сразу же вернулся назад. Так вот почему я не обнаружил его рядом, когда подобие сияющего хитона плескалось у ней между крыльями, а лицо сияло белизной с голубыми ободьями вокруг глаз...

— И что же ты, смельчак, понаснимал? — спросил я.

— Снимал не я. Я, как и ты, хотя в меньшей степени, подвержен страстям. Снимал бесстрастный прибор. И прибор, только не огорчайся, ради бога, подтвердил мою правоту в нашем споре. Все твои гравейросы-гравестосы— красивая несуразица. — Голосеев снова потряс коробкой, как триумфатор сверкающим скипетром из слоновой кости. — Я вчера проявил и только что прокрутил на мониторе. Нет, не разгуливает по канату размалеванная пташечка. Чудес, как я тебе постоянно твержу, не бывает. Она привязана к кольцу, в кольцо продет канат, и ее тянут веревкой от башни к башне. А чтобы богиня не крутилась, на кольце сооружена удавка, как у воздушного змея. И заметь, фантазер, едва она долетает, ха-ха, долетает, значит, до башни, как сразу же неведомые силы ослабляют канат, приспускают его в пропасть. И все шито-крыто.

— Вечно ты меня разыгрываешь. Но на этот раз ничего не выйдет, отважный пожиратель куи,— сказал я.

— Прошу к монитору, победитель. — Голосеев присел и галантно показал рукою на дверь: — Прошу. Убедишься собственными глазами, кто кого разыгрывает. Кстати, когда мы приплываем, я собираюсь показать пленку знакомым телевизионщикам. Очевидное — невероятное! Сенсацию трахнем на всю державу!

— Ты умница, Голосеев,— сказал я как можно спокойней, потому что уже разбухал от беспричинной злости. — Ты настоящий естествоиспытатель. Из тех, кто сдирает кожу с живых лягушек, рефлексы созерцает. А как же иначе распутать тайну живой материи? Режь, кромсай, зверствуй! Но берегись, несчастный натурфилософ, ее

величество тайна мстит за насильственные забавы в ее владениях. Даже тому, кто лучше прочих проходит повороты в горах.

Голосеев расплылся в улыбке до ушей.

— Насчет мести загнул ты здорово. А поощряет ее величество небось только за высокопарные выражения?

— Тогда считай поощрением угрозу гибели на линии света и тьмы,— подумав, сказал я.— Не забыл? Всякому, кто узнает тайну Властительницы Лунного Огня.

— Ты обрисовал нечетко контуры призрака, фантазер. Кондрашка должна хватить нечестивца не просто на подступах к вечным снегам, но обязательно в ночь лунного затмения. Сочетание, скажу тебе, редкостное для обитателя равнин. Так что у меня неплохие шансы увеличить количество долгожителей. Вместе с тобою, фантазер. Если не больше прочих рисковать на поворотах.

— Ладно, долгожительствуй,— сказал я.— А мне оставь пленку. Я хочу прокрутить ее один. Без твоих пространных комментариев. Если не возражаешь. И больше не зови меня фантазером. Поднадоело.

Он положил коробку на столик, пожал плечами, ушел.

Иллюминатор заволакивала чернильная темь. На двух островах, загораживающих гавань Кальяо от свирепых океанских волн, вспыхивали дрожащие огни. Я взял коробку и поднялся на палубу.

Потрепанный, изрядно побитый «Перун» был надежно прикреплен тросиками к стойкам. Ничего, железный скакун, думал я, восседающие в колесницах наведут на тебя лоск за долгий путь на север.

В кабине, чтобы не привлекать лишнего внимания, я поляризовал стекла на полное внутреннее отражение. Теперь я остался один на один с проклятой коробкой. Необъяснимо, но главное, что я вынес из рассказа Виктора,— это чувство стыда, как если бы сегодня я случайно подслушал, что соперники еще перед началом гонки условились—в силу неведомых мне причин—нарочно уступить первенство именно «Перуну», так что все наши тактические ухищрения была напрасной тратой сил и нервов. Ситуация хотя и нереальная, но угнетающая. Угнетающая прежде всего невозможностью что-либо изменить. Комедия окончена. Упал занавес. Театр пуст. Крысы скребутся под сценой.

Я достал пленку, заправил в монитор и уже потянулся включать, но рука остановилась на полпути.

А зачем мне это? Чтобы убедиться, что Голосеев прав? Но в чем его правота? В том, что лунное чудо подчинено неодолимым законам земной механики? Но зачем мне знать до конца, по какому — железной или алмазной твердости — закону днем и ночью, стаями и в одиночку тянутся в высях над океанами перелетные птицы? Зачем мне знать до конца, почему в детстве, когда мы переехали из деревни в город и не взяли с собою собаку Нерку, она прибежала к нам спустя неделю, отмахав по осенней тайге свыше шестисот километров? Почему в ночь перед последним экзаменом в Автоакадемию, когда все висело на волоске, мне приснился мой билет со всеми тремя вопросами, и я вытянул наутро именно его? Почему иногда, особенно в лунные ночи, я предчувствую не только извивы и уклоны любой дороги, но и встречные машины за поворотом, за холмом, и не только машины — любые препятствия? А что, если странные, загадочные, не до конца распознаваемые явления — тоже неотъемлемая часть мировой жизни? Подобно тому как обязательная странность в пропорциях пленительной красоты — частица самой красоты? Может быть, огни космических цивилизаций тогда и гаснут — одни задуваемые атомными смерчами, другие стиснутые рациональным бесплодием, когда в них, наконец, умирает последняя тайна. Как умирает деревенский дом, покинутый всеми обитателями. Как умирает человек, изгнавший из сердца чудо сострадания и любви...

Я вложил пленку в коробку, вылез из кабины, прошел на безлюдную корму, свесился через перила, разжал пальцы. Плеска внизу я даже не услышал. Что ж, покойся на дне Тихого океана, оскверненная тень Лунной Девы. Пусть все так же летит над пропастью Властительница Лунного Огня! Да не опустеет твой дом, Человече!

На другой день я улетел первым самолетом на Кубу, а оттуда — в Москву. Голосеев так и не поверил, что я утопил пленку, даже не просмотрев. Я оставил ему на прощание собственный перевод одной статьи из какого-то затертого журнала. Чтобы сдирателю живой кожи было о чем поразмышлять, созерцая в инфрапанораму одиноких альбатросов над ночным враждебным океаном.

Статья была озаглавлена:

«Силы притяжения между Землей и Луной весьма значительны, поскольку оба небесных тела обладают сравнительно большими массами, а расстояние между ними по космическим масштабам невелико.

Словно исполинский магнит, Луна притягивает к себе воды Мирового океана, образуя на его поверхности целую водяную гору. На многих побережьях, и прежде всего в закрытых бухтах северо-западных штатов США, приливная волна достигает высоты 20 метров. У побережья французской Бретани разница в уровне прилива и отлива столь значительна, что силы гравитации приводят в действие большую гидроэлектростанцию.

Однако лунному притяжению подвержены не только океаны, но и континенты. Установлено, что под влиянием Луны они поднимаются или опускаются в пределах 23 сантиметров. Неудивительно, что подобные перемещения могут вызывать катастрофические разрушения в тех местах, где земная кора напряжена.

Не остается без лунного воздействия даже воздушная подушка нашей планеты. И в атмосфере существуют своеобразные приливы и отливы. При полнолуниях и новолуниях атмосферное давление снижается приблизительно на три миллибарда по сравнению с другими лунными фазами.

И еще одна закономерность. Хотя отражаемый Луною солнечный свет составляет стотысячную долю всего солнечного потока, устремленного на Землю, тем не менее он повышает температуру земной поверхности на 1/2000 градуса.

Может показаться, что приведенные величины ничтожны, чтобы оказывать какое-то влияние на погоду планеты. Прав ли был историк и естествоиспытатель Плиний, живший в I веке нашей эры, когда утверждал, что полная Луна повышает влажность воздуха и вызывает дождь? Или это обычное заблуждение? Правы ли те, кто твердо верит — а таких людей множество,— что с увеличением фазы Луны погода улучшается?

Долгое время метеорологи старались вообще избегать подобных вопросов. Но вот специальная группа американских ученых всесторонне исследовала 16 тысяч сведений о погоде в 1544 районах США за последние полвека. Прежде всего обращалось внимание на закономерность выпа-

дения дождей. Оказалось, что чаще всего дожди шли на протяжении трех-пяти дней после новолуния и полнолуния.

Опубликованные материалы вызвали всеобщее недоверие. Однако вскоре пришло подтверждение от австралийских ученых: да, дожди предпочитают лить после новолуний и полнолуний.

Другие исследователи, обработав данные 269 метеостанций, сразу же подметили закономерность возникновения тайфунов с силой ветра свыше 12 баллов. Выводы были обескураживающими. Вероятность подобных ураганов при новолуниях и полнолуниях выше обычной на 25 процентов!..

К сожалению, причины воздействия древней Селены на погоду до сих пор не выяснены. Самая распространенная гипотеза такова. Мировое пространство отнюдь не пустота. В нем движется огромное количество космической пыли, остатки метеоритов и погибших планет. Не исключено, что часть этой материи улавливается Луной, а затем перекочевывает на Землю — ведь земное притяжение значительно превосходит лунное. Попадая в верхние слои атмосферы и постепенно оседая, мельчайшие космические частицы становятся как бы конденсаторами влаги, сгущаются в облачные массы и в результате — дождь.

Если Луна способна оказывать влияние на движение океанов, земной коры, атмосферное давление и температуру, не воздействует ли она и на поведение животных и людей?

Как, например, объяснить следующее явление. Давно известно, что моллюски открывают створки своих раковин при приливе и закрывают при отливе. За день они фильтруют около 65 литров воды и улавливают свыше 72 миллионов микроорганизмов, которые и служат им пищей.

Первоначально считалось, что движение створок раковин обусловлено перепадом давления воды при приливе и отливе.

Но вот был произведен такой опыт. Нескольких моллюсков перевезли за 1660 километров от побережья и поместили в непроницаемые для света стеклянные сосуды, где были полностью воспроизведены температура и давление воды в привычной для моллюсков морской среде. Затем подключили устройство, контролирующее движение створок.

Поначалу моллюски сохраняли свой привычный ритм:

они открывались и закрывались, хотя не было ни приливов, ни отливов. Но ровно через 14 дней случилось невероятное: ритм сместился на 3 часа. Это позволило сделать такой вывод: моллюски открываются и закрываются в точном соответствии приливам и отливам на их новом местонахождении. Иными словами — ритм моллюсков диктовала Луна...

Луна, несомненно, влияет и на поведение некоторых млекопитающих. В лабораторных условиях хомяки всегда гораздо бодрее при полнолуниях и новолуниях, а мыши только при полнолуниях.

ПОЛНОЛУНИЯ И НОВОЛУНИЯ ПОГЛОТИЛИ 900 ТЫСЯЧ ЖИЗНЕЙ. СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Это произошло 16 сентября 1978 года в 19 часов 28 минут. Землетрясение с силой 7—8 баллов всего за три минуты слизнуло с карты цветущий город. Трагедия разразилась в тот самый миг, когда Луна, Солнце и Земля оказались как бы на одной оси и тонкая земная кора одновременно испытывала воздействие масс Солнца и Луны.

Старое поверье гласит: при новолунии и полнолунии опасайся землетрясений. Научно это не доказано. Большинство геофизиков пожимают плечами. Однако существует множество фактов, которые не так-то просто объяснить случайностью.

Обратим внимание на самые крупные землетрясения последних десятилетий:

29 февраля 1960 года: ужасающее землетрясение в марокканском городе Агадир. Под развалинами погибло около 12 тысяч человек. Было новолуние.

2 сентября 1962 года: при сильном землетрясении, продолжавшемся 4 минуты, в Иране погибло около 12 тысяч человек. Полнолуние.

22 мая 1970 года: страшной силы землетрясение значительно изменило весь ландшафт Перу. Катастрофа отняла 60 тысяч жертв. Полнолуние.

28 июля 1976 года: 800 тысяч жителей погибло под развалинами при землетрясении в Китае. Полнолуние.

3 сентября 1978 года: в 6.08 утра самое сильное землетрясение после второй мировой войны разразилось в Баден-Вюртемберге. Множество разрушений, повреждены транспортные магистрали. Новолуние.

16 сентября 1978 года: при полнолунии и лунном зат-

мении страшиое землетрясеиие буквально уничтожило иранский город Табас и свыше 40 окрестных деревень.

Случайность? Суеверия? Или же существует некая связь между земными и лунными силами?

Издревле человечество приписывает Селене таинственные свойства. Луна почиталась не только как богиня смерти и как богиня плодородия. Ее фазы принимали за символы рождения, роста, смерти и исчезновения. Еще древние римляне утверждали, что полнолуние предвещает дожди, а спартанцы начинали войну исключительно в полнолуния.

В основу первого календаря, составленного древними, был положен лунный, а не солнечный год. Давно подмечено, что в полнолуние некоторые люди не могут уснуть. В древности и даже в средние века твердо верили, что Луна может вызвать душевные болезни. Англичане до сих пор понятие «душевнобольной» выражают словом «лунатик» — от латинского корня «Луна».

Пытаясь выявить воздействие Луны на поведение человека, ученые длительное время наблюдали группу из 50 студентов. Было установлено, что подопытные подвержены резким перепадам настроения с периодом около двух недель. Верхние и нижние «пики» настроения соответствовали фазам полнолуния и новолуния. Более того: в точно таком же ритме у исследуемых колебался и электрический потенциал».

Я оставил статью в каюте Голосеева сгоряча, желая ему досадить, даже не досадить, а укорить друга за непрошеное вторжение в космический покой лунных ратников, и ни о чем теперь так не сожалею, как о своем поспешном бегстве. Меняющие свои очертания башни необъясненного, едва сбыточного не нуждаются в чьей-либо защите. Чудо явлений чрезвычайных умеет постоять за себя...

4. ЗЕРКАЛО В САДУ

Над поющим ручьем я рассказал эту историю про лунных ратников скомканно, опуская многие детали. Собственно, рассказывал я для одной Лерки. И по глазам ее понял: она поверила мне во всем.

— У подобных героических былин один-единственный недостаток. Полное отсутствие вещественных доказа-

тельств,— сказал Тимчик и потянулся, как кот. — Пленка утопла, а пузырек с приворотным зельицем... Не сомневаюсь, он тоже был с отвращением брошен в Тихий океан и посему стал добычей рыб. Они облизывают пробку и получают способность кувыркаться в воздухе. Некоторые даже наловчились пожирать перелетных пташек. Но только в новолуния и полнолуния.

Лерка стиснула голову руками, как от нестерпимой головной боли, хотела что-то сказать мужу, но я ее предупредил:

— Он прав. Сосуд я забыл в каюте теплохода. Тогда, в Кальяо.

— И ты все еще не хочешь, Леруня, верить, что твой супруг ясновидец,— не унимался Андрогин.

— А с Голосеевым помирились? — как бы не расслышав его, спросила Лерка.

— Мы с ним не ругались. Он приплыл с «Перуном» через месяц. Он клялся, что и в самом деле разыграл меня. Что в коробке была пленка с финишем «Золота инков» и церемонией награждения. Но мне почему-то было уже все равно. Я готовился к «Ожерелью Пиренеев» с другим напарником. С Ашотом Мелкуяном. На «Серебристом песце».

— Тары-бары-растабары, серебристые песцы, — забавно пропел Тимчик. — Не пора ли нам, пора. Вперед, к мрачной пещере Леркиных тайн! Наши тайны, русские, отечественные, маленько похлеще ихних, перуанских-заокеанских. Но тоже без вещественных доказательств.

«Зря я злоблюсь на Тимчика,— подумал я. — Его привычка все осмеивать, все пародировать, надо всем острить вовсе не прихоть, а жизненная потребность. Это его пища. Без нее он не сможет существовать вообще. Как не смог бы сочинять свои залихватские статьи в периодике без раскавычивания чужих цитат, без переваривания (и перевирания) чужих мыслей. Он поглощает чужое, а получается вроде бы свое. И в этом, только в этом — секрет несокрушимости кандидата химических наук».

Мы двинулись в путь.

Через полтора часа мы вышли к серному источнику. Струи теплой шипящей воды били прямо из скалы на высоте вытянутой руки, и крутиться под живительным дождем было наслаждением. Тимчак купаться не захотел — он что-то записывал в блокнот. Здесь мы пообедали. Дальше нужно было подниматься вверх по ущелью Тас-Аксу.

В переводе это означает «река белых камней». Лерка перевела удачнее — «белокаменная». По ее словам, отсюда оставалось ходу около двух часов. Следовало поторопиться, чтобы успеть к ночлегу хотя бы в сумерках.

Я шел за Леркой по скользким плоским камням. Река звенела. Несколько раз я замечал на перекатах быстрые тени рыб. Жаль, что размотать удочку придется лишь завтра. В многоугольнике неба завис недвижно серпоклюв — голубая стрела с двойным опереньём, наложенная на тетиву бледно-бирюзовых крыльев.

Я начал мысленно перелистывать страницы красной ученической тетрадки в клетку, которую дала мне прочесть Лерка в первый же день моего прилета. Лерка сказала, что вызвала меня в Алма-Ату только за тем, чтобы я прочитал эту тетрадь и помог ей в остальном...

«Почему лишь теперь, весной, в апреле, я решаюсь занести на бумагу все то, что следовало записать, притом незамедлительно, еще тогда, прошлым августом. Ведь недаром говорят, что уже через неделю после какого-либо события его подробности оскудевают в памяти наполовину. Впрочем, я не опасаюсь этого. Те подробности не оскудеют в памяти вовек, хотя случившееся не только Тимчику, но и мне порою представляется сном. Вернее, сном во сне. Как у Лермонтова в стихотворении «Сон», где «в полдневный жар в долине Дагестана» герой видит во сне самого себя смертельно раненным, спящим мертвым сном, а в том, другом сне, он созерцает заснувшую юную деву, которая также грезит во сне («И снилась ей долина Дагестана, знакомый труп лежал в долине той, в его груди, дымясь, чернела рана, и кровь лилась хладеющей струей»). Выходит, сон даже тройной, точнее, строенный...

После того как Тимчик поднял меня на смех (слава богу, ему хватило порядочности не трезвонить, как обычно!), я решилась вообще отмалчиваться, даже отца обошла, хотя неустанно, навязчиво думала лишь об этом. В ноябре я не поехала с Тимчиком в Венгрию, промаялась всю зиму в библиотеке над диссертацией, сочинив, к ужасу Тимчика, страниц тридцать, не более.

Говорят, на Востоке существует болезнь с мудреным названием «смертельное томление от воспоминаний». Человек способен даже умереть от невозможности еще раз пережить наяву событие, врезавшееся в память. Например, последнее свидание перед вечной разлукою...

Теперь поняла: записываю, чтобы оставить какой-никакой документ. Как сказано в «Мастере и Маргарите», рукописи не горят...

Но начну по порядку.

Середину августа я провела в альпинистском лагере. Мы готовились к траверзу трех вершин, включая пик Авиценны. Сборы проходили нормально. Наш тренер Джумагельдинов был доволен мною. Но буквально накануне штурма я слегка подпростудилась (тайно поплескалась в ледяном ручье, жара стояла страшенная). Наутро я захрипела, и меня — о ужас — не взяли. Уверена, что Марат Иннокентьевич посмотрел бы сквозь пальцев на легкую простуду, но Цецилия Аркадьевна, эта толстая змеюга с красным крестом, уперлась — и ни в какую. Все-таки улучила момент отомстить за то, что ее Яков Борисович тайно прислал мне двести больших садовых ромашек ко дню рождения, а простодушный Тимчик всех оповестил...

Утром они всемером ушли на траверз, без меня. Я поплакала немного у ручья, опять искупалась и решила в отместку бросить альпинизм до конца моих дней. Во всяком случае, дожидаться их триумфального возвращения через неделю я не собиралась. В конце концов до перевала Трех Барсов спускаться чуть больше суток. Дорога удобная, неопасная. Заночевать можно у слияния ручья с Тас-Аксу. Это немного выше серного источника. А от Трех Барсов легко уехать на машине: раз в день она приезжает к чабанам.

Положив в рюкзак одноместную палатку, спальный мешок, кое-что из еды (точнее, две банки тушенки, хлеб, сгущенку), я оставила на видном месте записку, где объясняла, что по неотложному делу возвращаюсь через Трех Барсов. Этим путем я ходила десятки раз, чаще всего с филфаковцами, сдающими нормы на значок «Альпинист».

Погода стояла изумительная, рюкзак совсем не оттягивал плечи. К заходу солнца я легко спустилась к месту ночевки. Обычно мы разбивали палатки на левом склоне ущелья. Там был удобный выступ на скале, площадка метров шестидесяти, поросшая травою и шипигой, как у нас называют низкорослый горный шиповник. Утром, на восходе солнца, с выступа хорошо было наблюдать, как лучи пробивают туман по всему ущелью, как внизу сливается узкий пенящийся ручей с большой речкой. Я говорю «большая речка» условно, в тех местах Тас-Аксу не такая уж

и широкая: в августе через нее перескакивают с камня на камень.

Я поставила палатку вплотную к скале, поужинала всухомятку и сразу же заснула как убитая.

Среди ночи меня разбудил страшенный грохот. Земля подо мною вздрагивала. Где-то рядом рушились камни. Но вскоре все успокоилось. Кто часто бывает в горах и видит (а еще чаще слышит), как сходят лавины, кто знает коварный норов каменных осыпей, тот не особенно нервничаст при подобных звуках даже среди ночи. И я опять забылась.

Мне привиделась Земля из непомерных космических глубин. В хороводе среди других планет она светилась, словно купол одуванчика. Она пульсировала, как живое существо, и по мере приближения к ней... Нет, сначала важно описать, как именно я приближалась к Земле в том сновиденье.

Я сидела в чем-то, похожем на глубокое кресло-качалку, а вокруг цвел диковинный сад. Ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений переплетались так тесно, что представлялись единым цветущим организмом. Куда ни посмотришь, всюду клубящимися волнами простирались к близкому горизонту многоцветные кроны. Странность состояла в том, что по мере удаления они становились все выше, все круче, как будто я оказалась на самом дне пестро раскрашенной воронки, причем чаша горизонта была не выпуклой, как у нас на Земле, а вогнутой.

По краям чаши слабо фосфоресцировало скрученное в жгут сияние, уходящее в отуманенные звездные дали. Волшебный сад приближался к Земле, несомый тихо крутящимся смерчем, но когда уже обозначились рваные края материков и среди них разводья морей, меня начало охватывать беспокойство. Я показалась сама себе дрожащим язычком пламени среди разгульных ветроворотов Вселенной...

Беспокойство мое усилилось, когда повсюду на лике земном, даже на белых шапках полюсов, стали различимы сотни, тысячи ядовито-синих огоньков. Все они исторгали жесткие прямые лучи, какие испускают ядра звезд.

И явилось припоминание, что мой сад в тысячелетних странствиях по океану вечности время от времени устремлялся к подобным живым планетам, но, если замечал такие страшные огни, всегда улетал прочь. Я пыталась вы-

звать в памяти те слова, жесты, заклинания, следуя которым сад избежит опасности, и не могла вспомнить.

По всей оболочке смерча начали проступать коричневые пятна, которые сразу же чернели, пока сад не сокрыла блистающе-черная тьма...

И я проснулась. По крыше палатки били тяжелые капли дождя. Не вылезая из спального мешка, я слегка приоткрыла полог.

Рассветало. Пухлые тучи с грязными разводьями по бокам сползали вниз по ущелью. Прокатился гром. Синоптики, как водится, ошиблись. Ну что ж, придется топать под дождичком, нам не привыкать. Штормовка — защита надежная, а на ногах у меня были ботинки с «кошками» — в них не поскользнешься. Об одном я жалела: еще вчера решила сначала искупаться в серном источнике, а уж потом завтракать. Говорят, можно сбавить вес сразу килограмма на два. Ладно, придется обойтись без купаний. Только вот ребят жалко: каково-то им там, на высоте. Наверняка у них завьюжило, притом дня на три, не меньше. В августе погода в горах портится исключительно редко, но уж если испортится...

Я быстро собрала палатку, надела рюкзак и двинулась туда, где от пышного куста боярышника начинался довольно крутой спуск в ущелье. К моему удивлению, сразу за боярышником обнаружилась пустота. Спуска как не бывало. Землетрясением вырвало огромную часть скалы, она рухнула, запрудив Тас-Аксу. Сквозь клубящиеся тучи было нелегко разглядеть, насколько массивна плотина, но я не сомневалась, что Белокаменная прорвет любую преграду. Так просто ее, голубушку, не усмиришь, помню, подумала я, но сразу же резануло, как скальпелем: а спускаться теперь где? Я оказалась на карнизе, в западне. Сверху — скала метров на полтораста, без веревки и крючьев делать там нечего. Снизу — пропасть метров семьдесят, попробуй сползи...

Я сняла рюкзак, присела на него. Спокойствие, прежде всего спокойствие. Как поступают в подобных передрягах бывалые альпинисты, ну, например, тот же Марат Иннокентьевич?

— Во-первых, надо набраться терпения и ждать помощи. Она обязательно придет, — сказала я голосом Джумагельдинова.

— В данном случае помощь придет не раньше, чем через неделю,— отвечала я Марату Иннокентьевичу. —

Вы вернетесь с покоренных вершин победителями, запросите по рации Город и кинетесь меня искать. Но за это время я умру здесь возле боярышника. С моими запасами еды долго не протянешь, а главное — у меня с собою ни капли воды.

— Можно жевать плоды шиповника и слизывать воду с камней. Даже если нет дождя, утром на камнях проступают капли росы. А уж если льет дождь, проблем с водой никаких. Надо греться у костра, сжигая прошлогоднюю шипигу, и ждать помощи. Наверняка какие-нибудь «дикари» пойдут от Трех Барсов вверх, по ущелью,— обнадежил Марат Иннокентьевич.

— Надежды на «дикарей» никакой, — вздохнула я. — Когда погода портится, «дикари» скатывают палатки и возвращаются восвояси.

— В крайнем случае можно разрезать палатку, спальный мешок, даже рюкзак на полоски, связать их морским узлом и попытаться спуститься...

— Марат Иннокентьевич, у меня с собою только консервный нож. Им палатку не разрежешь. Кроме того, я никогда не решусь спуститься и на десять метров по связанным огрызкам, даже если б я нашла в себе силы рвать брезент зубами, — возразила я.

— Тогда остается спокойно сидеть в непромокаемой палатке и все-таки ждать помощи,— сказал после некоторых колебаний Марат Иннокентьевич. — Только без паники и судорожных всхлипываний.

Да, положение было незавидное.

Я взялась за толстую ветку боярышника и немного наклонилась над пропастью: а вдруг все же возможно проползти, как ящерица, средь расщелин. Конечно, без рюкзака. В конце концов его можно просто спихнуть вниз, а потом отыскать среди камней...

Но недаром сказано, что благими помыслами вымощена дорога в ад. Подо мною блестела мокрая отвесная стена.

Справа из скалы, наискось, в мою сторону, нависла глыбина довольно-таки странной формы. Она напоминала часть скрученного в продольном направлении кристалла, расширяющегося к концу наподобие граммофонной трубы. Этот-то расширенный торец, вернее, какая-то часть его, поскольку глыба переходила в скалу, нижним полукруглым основанием упирался в заросли шипиги на моем карнизе. Кристалл в отличие от серой блестящей скалы был тускло-

черным, точь-в-точь антрацит. В детстве наша семья жила на Кузбассе, в Осинниках, и я вволю налазилась со сверстниками по шахтным отвалам.

Помню, я обрадовалась необыкновенно. Пусть я прокукую на карнизе даже неделю, но зато я стала первооткрывательницей здоровенного угольного пласта.

А ведь еще неизвестно, насколько уходит эта закругленная глыбина в земные недра. Кто может поручиться, что здесь не целое угольное месторождение! И это в условиях, когда планете грозит энергетический голод, о чем меня не раз предупреждал Тимчик, когда я по забывчивости забывала погасить свет в ванной. Сейчас каждая тонна угля и торфа на учете, даже старые выработанные шахты вновь начинают задействовать.

Я подошла к торцу, провела рукой по гладкой поверхности. И удивилась. Буквально в сантиметре от угля пальцы наталкивались на невидимую преграду. Более того: тускло-черный торец пласта оставался под дождем абсолютно сухим. Непонятно как, но струи дождя не касались этого угля. Они плавно отклонялись чем-то и соскальзывали вниз...

Само-собою разумеется, дальнейшая моя запись никого ни в чем не убедит, но я подчеркиваю: пишу только правду, сколь бы фантастичной ни предстала она из последующих событий.

Я увидела их. Точнее, вначале одного из них. В торце обнаружился золотистый глазок и начал расширяться наподобие диафрагмы фотоаппарата. Как только глазок начал расти, я схватила рюкзак и отбежала к скале, хотя бежать, в общем-то, было некуда, а спрятаться негде.

Из глазка (а он расширился до размеров парашютного купола) медленно вылетел огромный скафандр, примерно такой, как для глубоководных исследований, тускло-черный, как и кристалл. Ростом (длиной? высотой?) он был — вместе с парой нижних конечностей — метров пять, не меньше, диаметр головы (то есть не головы, а скафандра, тут я до сих пор теряюсь) больше метра. Это сейчас я спокойно пишу: пять метров, один метр, но тогда мне было не до вычислений и не до сопоставлений с куполами парашютов. Я вся сжалась от ужаса и бессилия в своей залатанной штормовке, такая навалилась тяжесть, будто я начала окаменевать.

Он вылетел из глазка, который сразу затянулся, сомкнулся. За ним вилась тускло-черная веревка, даже не

веревка, а жгут сияния, сгущенного до черноты. Неуклюже переворачиваясь в воздухе, он поплыл вдоль кристалла по направлению к скале и... растворился в ней. Сначала в скале исчезла рука, затем голова, другая рука, туловище, ноги. В общем, он весь исчез, остался только плавно перемещающийся черный жгут.

Он нырнул в скалу, как мы ныряем в теплое море, — без видимых усилий.

Потом через глазок выскользнули еще двое — точные копии первого. Они тоже довольно скоро скрылись в скале, правда, в разных местах, но один сразу же возвратился и исчез в помутневшем глазке.

Так они путешествовали туда-сюда часа три, не меньше, и все это время я стояла, как полоумная, под дождем, у мокрого рюкзака, проклиная свою злосчастную судьбу и отказываясь верить происходящему. Удивляли меня даже не сами антрацитовые чудовища — удивляло полное их безразличие ко мне. Они не предприняли ни малейшей попытки познакомиться, ни малейшей. Да что я говорю: познакомиться. Хотя бы рассмотреть меня. Не червяка, не букашку несчастную, не мерзкую рептилию — меня, самое разумное существо во всей Вселенной, как пишет в своих статьях Тимчик. Я была для них как камень, как струйка дождя, как колючка шипиги — без-раз-лич-на!

— И вы мне безразличны, угольные скафандры, — шепотом сказала я. — Мне все равно, как вы оказались со своим кристаллом в скале. Мне все равно, обитаете вы внутри Земли, как кроты, или пожаловали к нам из небесной преисподней. Можете туда и убираться, я вас не держу.

Меня одолевал волчий аппетит. Я растянула палатку, вскрыла тушенку, честно отмерила полбанки и проглотила с хлебом, почти не жуя. А запила водою из лужицы возле рюкзака.

Все так же сеялся дождь, брели по ущелью тучи, ревела внизу раздувающаяся, подпертая рухнувшей скалой река, и все так же кувыркались возле своей граммофонной трубы скафандрики — так я решила их окрестить. Иногда они появлялись, держа в лапах то несколько спиралей, то серебристые трезубцы с рукоятками в виде цифры 8, то связку шаров, внутри которых плавали другие шары, тоже заполненные шарами, в шарах-то вообще бог весть что,— преимущественно черного цвета.

Так наступил вечер. Стемнело. Я промокла до нитки,

но палатка изнутри оказалась сухой, спальный мешок тоже. Я доела тушенку, сняла мокрую одежду, но уснуть никак не могла. Хотела бы я посмотреть на того, кто смог бы уснуть в моей ситуации!

. Допустим, вы инопланетяне, рассуждала я. Допустим, у вас сверхважная работа, например, попали в катастрофу и теперь спешно ремонтируете свой корабль, если кристалл и есть ваш корабль. Но ведь корабль могут соорудить лишь высокоразумные существа. Так отчего же вы, братья по разуму, не поможете попавшему в беду представителю рода человеческого? К тому же женщине, притом молодой. Чего вам стоит перенести ее на другую сторону ущелья? Вам, свободным от уз тяготения земного? Опасаетесь последствий контакта? Или, как в рассказе Рэя Брэдбери (которого, к сожалению, недолюбливает Тимчик за то, что тот якобы мистик), мы с вами из несовместимых миров, и наши руки пройдут одна сквозь другую, как две живые тени? Но ведь я трогала ваш кристалл, я чувствовала его упругость, если не его самого, то хотя бы преграды, его стерегущей...

Разбудило меня сияние солнца, сопровождаемое раскатами грома. Было жарко, как в полдень на пляже. Часы показывали половину третьего. Быть не может, чтобы я проспала чуть ли не целые сутки, подумала я, выглядывая из палатки.

Я ошиблась. Стояла глубокая ночь. Но над их кристаллом, над моим карнизом переливался великаний купол, как бы сотканный из солнечных лучей. Я даже видела, как бисеринки дождя соскальзывают по краям золотого сияния, но сквозь купол они не проникали. Над ночным Тянь-Шанем плескались потоки дождя, молнии перепахивали небо, бормотал гром, а у слияния ручья с Белокаменной взошло маленькое солнце и быстро высушило досуха палатку, штормовку и даже ботинки той, что случайно оказалась под его лучами.

Мой кристалл переменил свой цвет. Теперь он стал фосфоресцирующе-серебристым, а плавно изгибающийся торец был вообще прозрачный, и там, внутри, сквозь радужную перегородку просматривались ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений. Они переплелись так тесно, что казались единым цветущим организмом. Не было верха и низа, не было отдельно пола, стен, потолков — по всем стенам клубились волны многоцветных крон. Странность состояла в том, что по мере удаления в

глубь кристалла они становились все выше, все круче, как бы предвещая просторы без края и конца...

Я чуть не вскрикнула от удивления: это был мой волшебный сад, но в чем-то (или чем-то) неузнаваемо преображенный.

Три моих скафандрика (они тоже стали серебристыми) летали над соцветьями, манипулируя своими шарами в шарах, трезубцами и спиралями.

Таясь, как зверек, обдирая лицо, коленки, руки о колючки шипиги, я подползла поближе. Они что-то делали со своим сладостно дремлющим садом, но что именно, понять мне было, видимо, не дано.

Там, где в космических глубинах кристалла смыкались буйные кроны, мерцал сумеречный овал. «Как кружащиеся по своду земному созвездья охраняют покой Полярной звезды, так и кроны стерегут подобие зеркала»,— подумала я и сама удивилась прихотливости моей, но и как бы не моей мысли. В зеркале проглядывались сгустки туманностей, завихрения диковинных миров, двойные, тройные звезды, роящиеся планеты, спиральные рукава. Среди этих песчинок вселенского хаоса плавно перемещались серебряные вихри, чем-то похожие на те, что восстают в пустыне Бек-Пакдала (где мы были на практике), предвещая смертоносный самум...

«Чудесный этот сад — двигатель корабля-вихря,— как в озаренье, подумала я. — Почему-то он у них разладился, и они его чинят. Жаль, что я ничем не смогу им помочь».

До сих пор для меня загадка, как мне приходили в голову все те странные мысли, когда я, залитая среди ночи лучами солнца, пряталась в траве, хотя прятаться было не от кого.

Помню, вслед за догадкой о саде-двигателе я начала размышлять, зачем к осени уплотняется среда земной биомассы, перед тем как смениться зимней пустотой. Зачем наливаются соком яблоки, тучнеют нивы, тяжелеют плоды? А что, если эта ежегодная пульсация растительных веществ — залог движения земного времени? — подумалось мне.

И сразу Земля представилась живым зерном в роднике вселенского бытия.

Я думала о высоте небесной, глубине земной, широте и беспредельности мирозданья.

И мироздание раскрылось мне вдруг, как цветок, колышущийся среди солнечных дуновений.

И как в теле человеческом, во Вселенной все было связано со всем, все отражалось в другом, и другое в себе отражало все предметы, явления, вещества, времена...

И небеса были частью меня, и я — небесами.

Кристалл был посланец непредставимо красивого мира, но почему-то сама мысль о соприкосновении наших двух миров показалась мне таинственно страшной и непостижимой...

Не помню, сколько я пролежала в шипиге, но это были лучшие мгновения в моей жизни.

Пока снопы солнца не погасли и не хлынул вслед за тем дождь.

Я проснулась поздно. Ломило голову, особенно в висках. Дождь барабанил по стенам палатки. Я ощупала рюкзак, штормовку, ботинки. Все сухо. Значит, то ночное солнечное видение было наяву.

В черном кристалле глазок открывался и закрывался: садовники работали.

После обеда, не дождавшись верительных грамот, я уже твердо решила: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. В конце концов откуда скафандрикам знать, что я существо разумное. Я должна им это доказать.

Я улучила момент, когда глазок начал расширяться, и с бьющимся сердцем подбежала к торцу.

— Приветствую вас, звездные братья! — завопила я вылетевшему скафандрику и поманила его к себе рукой: — Спасите меня, пожалуйста!

Никакого внимания. Он прошествовал, покачиваясь, по воздуху и растворился в скале, как привидение.

«Ну нет, просто так я не отступлю, господа-товарищи звездные садоводы. Я вам не птичка с подбитым крылом,— вдруг озлобилась я. — Мои предки написали «Слово о полку Игореве», «Тараса Бульбу», «Тихий Дон», «Мастера и Маргариту». Они живой плотиною встали на пути кочевых разбойничьих орд с Востока и некочевых монстров с Запада. Мои предки не истребляли народы, продвигаясь к Великой Воде, как это делали Писарро и Кортесы в Южной Америке. Мои предки знали истинную цену дружественным контактам, о чем можно судить хотя бы по их древней пословице: «Неправдою весь свет пройдешь, да назад не вернешься».

Я вернулась в палатку, вырвала из блокнота несколько листков и нацарапала карандашом: на одном — модель солнечной системы, жаль, что не все планеты вспомнила; на другом — теорему Пифагора — треугольник с тремя квадратами на сторонах, как учили в школе, и модель атомного ядра (я перерисовала по памяти ее изображение с транспаранта над воротами республиканской выставки достижений народного хозяйства); на третьей — ракету и в ней маленького человечка (поразмышляв, точно такую же ракету я изобразила на первом листке—летящей с Земли на Луну). На четвертом листке еле улеглись два земных полушария. Материки я нарисовала приблизительно, только Австралия и Африка получились сносно. Но зато уж я не пожалела дефицитной импортной пасты для подкрашивания век и всю планету испещрила голубыми огоньками. «Получайте обратно ваш насильственный сон на тему атомных бомб! Попробуйте только не понять, что к чему,— бормотала я. — Разнесу альпенштоком в клочья и расчудесный ваш сад, и вас самих заодно, бесчувственные истуканы!»

Оставшийся листок целиком вместил русскую пословицу, написанную мною латинскими буквами (боюсь, что с ошибками):

NEPRAVDOJ VES SVET PROJDEJOSH
DA NASAD NE VERNJOSHSJA!

Захотят — поймут!

Вот так, с альпенштоком и кипою листов, грязная, холодная, но полная решимости наладить проклятый контакт, я предстала перед торцом. Первого же скафандрика, поскольку он, конечно же, не соизволил удостоить меня вниманием, я больно тюкнула по ножище.

И ведь подействовало! Он перевернулся вверх тормашками, приспустился на уровень моей головы, застыл в воздухе, чуть раскачиваясь. Было страшновато, но я приложила листки прямо к черной его головище, поскольку рука его плавала метрах в двух надо мною. Странное явление: листки точно провалились в его шлем. Их просто не стало. Он сразу скрылся в глазке, и около часа скафандрики не появлялись вообще.

Наконец один показался, не знаю уж, который из них, подплыл к палатке, где я ждала результатов смелого своего опыта. В лапе у него была зажата лопатка вроде тех, чем пирожное подают, размером, понятное дело, метра

три, не меньше. Лопаткой этой начал он осторожно подталкивать меня в сторону кристалла.

— Нечего меня пихать своей железякой, красавец скафандр,— сказала я ему. — Сама пойду к месту переговоров. А коли умела б, как ваша милость, бултыхаться в воздухе, то и полетела б хоть на метле.

Но, как выяснилось, толкал он меня не к кристаллу, а к краю пропасти...

— Думай, что ты творишь, звездный зверюга! — кричала я. — Я не могу порхать, как ты! Разобьюсь! А тебе за меня отомстят!

Все же я сумела увильнуть, рванула дикими прыжками по шипиге и спряталась в палатку.

Но это меня не спасло. Видно, они единогласно вознамерились меня погубить, не знаю уж за какие грехи.

Палатка оказалась в воздухе вместе с колышками. Скафандр опять погнал меня, как скотину безмозглую, к краю карниза. Я попробовала объяснить жестами, что, в общем-то, я не против оказаться на той стороне, но что пропасть для меня неодолима, что нужен канат, мост, все, что угодно, иначе тело мое найдут на острых каменьях внизу, растерзанное хищниками.

Пока я на пальцах пыталась что-то объяснить, он ловко поддел меня своей черной лопатой, приподнял над карнизом, пронес над боярышником и метрах в трех от края пропасти — в воздухе над пропастью! — начал наклонять лопату все круче. И вот я с лопаты соскальзываю...

— Будьте вы прокляты, мрачные пришельцы! — успела прокричать я перед смертью. — Будьте трижды прокляты!

Но в пропасть я не упала. Я соскользнула на что-то упругое, невидимое, чуть дрожащее подо мною.

Помню странное ощущение, нет, не страха. То было сознание собственного унижения, как если бы я внезапно оказалась обнаженной на ученом совете, среди ласково улыбающихся старцев и пунцовых от негодования дам.

Я примерилась было вцепиться хотя бы в ту же гнусную лопату, но изувер отплыл от меня и спокойно наслаждался моим несмываемым позором.

Стыдно признаваться даже самой себе, но тут я опустилась на четвереньки и, как собачонка, да, как затравленная собачонка, поползла, поковыляла, но не туда, к спасению, а сюда, обратно, ведь карниз-то был вот он, рядом. Одной рукой я нащупывала эту подрагивающую

подо мною штуку, а сама старалась не смотреть вниз, где шевелился туман.

Но он вернул меня. Лопата, как черная стена, встала передо мной и отодвинула меня от карниза. Я повернулась, заплакала и поползла.

— Ползи, карабкайся, говорящая собачонка,— бормотала я. — Сейчас они выключат это, чтобы позабавиться, как ты рухнешь в пропасть, вон туда, где ревет и перехлестывает через запруду Тас-Аксу. Пусть ревет и перехлестывает. Она сметет завал и сразу вниз, в долину, покатится грозный сель,— грязь, смешанная с камнями и стволами деревьев. Ну и ладно. Пусть тело мое поглотит грозный сель. Чтоб и костей не осталось.

То, по чему я ползла подобно букашке, было на ощупь чуть шершавым, как плексиглас. И немного вогнутым с боков, как если бы я находилась в невидимой большой трубе. Чудилось, что от него исходит слегка розовое сиянье.

До противоположного склона ущелья ползти оставалось еще порядочно.

Ползти? А почему, собственно, я, Валерия Марченко, должна ползти чьей-то потехи ради? Кто дал мне право, мне, представительнице земной цивилизации, так унижаться неизвестно перед кем, из бог весть каких захолустий вселенских? А может, это беглые каторжники из созвездия Гончих Псов? Как и зачем очутились они со своей черной колымагой внутри скалы? От кого они там прячутся? Почему не показывают своих лиц, если у них вообще есть лица! Почему столь бесцеремонно прогнали меня, заполучив кое-какую информацию на пяти страницах блокнота?

Я поднялась и маленькими шагами, хотя и неуверенно, пошла по воздуху. Сердце билось так сильно, что от его ударов (так мне казалось) и содрогалась невидимая дорожка, по которой я уже шла. Да, шла! А вы уж поступайте со мною как заблагорассудится, ползучие космические гады!

Последние метры были самые тяжелые. Каждый миг я ожидала, что сейчас вот, именно сейчас, пыточных дел мастера меня и прикончат.

Но ничего не случилось. Там, где еле угадываемое розоватое марево упиралось, как в клемму, в обнаженную скалу, я соскочила в шипигу, бросилась бежать вверх по склону, пока не вскарабкалась на знакомую туристскую

тропу. Я упала вниз лицом на мокрую траву и нарыдалась вволю.

Когда я пришла в себя и подняла голову, то увидела перед собой своего черномазого избавителя с лопатой. На ней лежали палатка и все прочее. Вися наискось в воздухе (полноги утопало в земле), он наклонил лопату — вещи соскользнули ко мне.

Я поднялась и сказала:

— От всей души благодарю вас за спасение, звездные кавалеры. Не знаю даже, чем отблагодарить. А ведь долг платежом красен.

Лопатоносец безмолвствовал.

Я заметила рядом, у орехового куста, мокрый красивый цветок, у нас их называют фазаньими хвостами. Я сорвала его под корень, положила на лопату. Помню, цветок притянуло, как магнитом.

— Нюхайте на здоровье этот желто-красный цветок и не поминайте лихом, загадочные садостроители, — сказала я. — Понимаю, что вы при всем желании не смогли бы вручить мне ваших цветов — ведь любой из них размером с наше дерево. Под него нужен не кувшин, а целая цистерна. Зато фазаний хвост вполне уместится в вашем наперстке. И надеюсь, украсит ваш потешный сад. До следующей встречи! Хотелось бы на прощанье услышать звездную мелодию из вашей граммофонной трубы. Явите великую милость, сыграйте!

Дождь совсем перестал. Я смотрела в сторону карниза, куда теперь летел над пропастью награжденный цветком мой спаситель. И вдруг поняла, на что похож тусклочерный, расширяющийся к торцу кристалл. На смерч. На вихрь. На столбовой ветроворот, как их называли в старые времена. Правда, большая часть смерча — в этом я была, непонятно почему, уверена — покоилась в скале, но, подобно тому, как по обрывку фотографии (а мне случалось их рвать!) узнаешь любимое лицо, так и я сразу распознала лик смерча.

Как же мне хотелось пить! Я слизывала капли с блестевших ореховых листьев, ощущая, как в меня вливается жизнь.

Тут раздался грохот, как при сходе лавины. «Ничего себе, мелодийка звездная», — улыбнулась я сама себе. Черный смерч исчез, будто его и не было. Вместе с карнизом. На том месте рушились глыбы. В центре скалы зияло огромное отверстие.

Когда грохот двинулся вниз по ущелью, я поняла: Белокаменная разорвала свои цепи.

Через день я была в Городе...»

5. ПОДПИРАЮЩИЕ НЕБО

Мы шли правым берегом Тас-Аксу. Склоны ущелья — метров на тридцать вверх — были ободраны, искорежены, будто вспаханы мотыгами исполинов. Ни деревьев, ни кустарника, лишь кое-где зелеными заплатами пробивалась молодая трава да валялись изуродованные стволы елей с начисто содранной корой. Приходилось огибать камни величиной со стог сена — их приволок сель. Житель равнин никогда бы не поверил, что говорливая безобидная река может натворить такое. Но я-то еще мальчишкой видел в краеведческом музее желтые фотокарточки начала века, где Город был за несколько минут сметен с лица земного такой же разбушевавшейся речушкой. Не пострадал лишь деревянный многоглавый собор, возведенный без единого гвоздя гениальным строителем Зенковым. В этом-то разноцветном узорчатом храме, похожем на Василия Блаженного, и размещался музей, когда я был мальчишкой.

Всю неделю после приезда раздумывал я над Леркиной красной тетрадью. Что-то тревожило меня в этих кое-где тщательно зачеркнутых строчках, наспех набросанных ее пляшущим почерком. До конца я так и не смог определить свое отношение к ее сумбурной исповеди. Я слишком хорошо знал Лерку, чтобы задаваться вопросом: верить или не верить. Даже если она предложила игру, то одну из тех игр, что реальнее самой жизни. Беспокоило что-то другое...

«Допустим, путешественники по Пространству или по Времени сбились с пути,— размышлял я. — Оказаться они могут где угодно, об этом размышлял еще русский философ Федоров, учитель Циолковского. Действительно, при пространственно-временном переходе всегда есть риск очутиться хоть в жерле извергающегося вулкана. Они оказались в скале. Допустим, земля и воздух для них в равной степени чужеродны, причем не существует даже границ перехода от твердого к газообразному, поскольку их собственная среда обитания совершенно другая. Отсюда скафандры. Далее. При всей парадоксальности Леркиной мысли, что сад в кристалловидном корабле-вихре представ-

ляет собою единый живой организм-двигатель, я готов был согласиться и с этим, хотя смутно себе представлял механику подобного движения. Но как бы они ни двигались, в какой бы среде ни обитали, почему эти, несомненно, высокоорганизованные создания не пожелали объясниться?»

Да, вот это-то меня и тревожило: почему они не захотели вступить в контакт? Неужели мы такие уж примитивные твари...

«А лунные ратники,— вспомнил я. — Разве их не считают примитивными? Туземцы, дикари, погрязшие в суевериях,— это слова самого мэра, выходца из их же племени. А ведь не кто другой, как мэр рассказывал, что в ветхом дворце вождя на большой каменной стене выдолблен календарь, где помещены все солнечные и лунные затмения за несколько прошедших тысячелетий и еще на тысячу лет вперед. Что по этому календарю высчитывается ход всех планет солнечной системы, включая, например, Нептун, открытый человечеством лишь в прошлом веке. Что жрец накануне прилета Лунной Девы катает по деревянному блюду медный шар с изображением лунных морей, в том числе и тех, что на обратной стороне Луны. Что их кладбище охраняют с незапамятных времен каменные идолы с глазами и пупками из магнитного железа — возможно, тайна магнита была здесь проведана задолго до китайцев. Кому интересны их предания о многотрудных перелетах среди звезд в крылатых сосудах, начиненных ртутью и неведомым «жидким магнитом»? Кто заинтересуется тем, что они вообще не болеют раком? Кто вступит, наконец, с ними в контакт? С ними, с нашими земными братьями, не унесенными галактическими вихрями в забвенье вечных звездных снегов? Почему они нам неинтересны?»

В ущелье заползали сумерки.

— Поднажмем, восседающие в колесницах, — сказала Лерка. — Ты, Тимчик, смотрю, совсем из сил выбился, это тебе не статейки ловко стряпать. Но ничего, вон за тем поворотом надо перебраться через реку, взять еще один подъемчик — и мы у цели. Утром оттуда любоваться ущельем — ничего сладостней не придумаешь.

— Все в мире сладости уже слизнули до нас другие,— буркнул Тимчик.

Подъем мы одолели около девяти. Было уже темно. Мы наломали сухого хвороста, развели костер. Пока Лерка готовила ужин, мы с Тимчиком поставили их палатку

под огромной елью, а свою я разбил метрах в тридцати, в кустах орешника.

Перед тем как вернуться к костру, я все же натянул свитер: вдоль ущелья поддувал довольно прохладный ветер. Звезды висели низко. Невидимая, перекатывала внизу камни река.

— А что, братья по разуму, спрыснем коньячком завершение паломничества ко святым местам,— задребезжал привычно Андрогин и уже отворачивал, отворачивал крышку. — До дыры инопланетной отсюда небось рукой подать, а, женушка? Ежели рука длиною метров триста с хвостиком, да?

— Напрямую здесь втрое меньше. Мы по правую сторону ущелья, а карниз был на левой. Солнце взойдет — я тебя разбужу, засоня, и сам все увидишь, — отвечала Лерка. Я позавидовал ее спокойствию.

— Покуда солнце взойдет, роса очи выест. Слыхала такое, богиня-филологиня? Я тоже поднатаскан в пословицах, обожаю плоды народной мудрости. И поступлю мудро, отметив себе двойную дозу пятизвездочного. Нет возражений? Принято единогласно. Устал я сегодня зверски. Отвык передвигаться на своих двоих. То ли дело автомобильчик!

Он опрокинул почти полный стакан, начал торопливо жевать мясо, но и жуя, не переставал балабонить. Слова вылетали из-под его чудовищных усов, как пена из-под водометного катера.

— В другой раз, глубокочтимый месье Таланов, пожалуйста, к нам на «Серебристом песце». Будем по горам ездить и охотиться на круторогих баранов. По горам, по долам ходит шуба да кафтан. Муж с женой бранятся, да под одну шубу спать ложатся. Завтра высеку эту мудрость на скале. Латинскими буквами.

Примерно через полчаса, после третьего тоста (он пил здоровье прекрасных дам), Тимчик был готов. Хотя и не верилось, что настолько, чтобы ползти к палатке, приговаривая: «Кто утром на четырех, днем на двух, вечером на трех...».

Прежде чем влезть в палатку, он повернул к нам голову и проговорил достаточно внятно:

— Я усну, а вы тут немного поразвлекайтесь... гм... разговорами. Словопрениями, так сказать. Но глядите, не угодите в пропасть, не то придется обоих спасать, однокласснички.

Уже через минуту тишина огласилась блаженным Тимчиковым храпением.

Мы молчали долго. В костре сгорали и рушились фантастические строения. Я подбросил охапку ветвей.

— Не обращай, пожалуйста, на него внимания. И не злись на него,— сказала наконец Лерка. — Он любит поговорить, быть в центре любых событий.

— Он много чего любит,— сказал я.

— Прежде всего он любит меня. Без памяти. Как никто никогда меня не любил. Никто и никогда,— сказала твердо она.

— Никто и никогда,— согласился я. — Кроме того, он человек слова. Он сдержит обещание, чего бы это ему ни стоило. Благоговею перед теми, кто не нарушает обещаний.

— А я жалею тех, кто, заполучив обещание, ни с того ни с сего бросает свой дом, институт, друзей детства и, ослепленный ревностью, исчезает на целых два года. Так что ни слуху ни духу. А потом вдруг возвращается к своему любимому деревцу в надежде, что не сломана ни единая веточка,— сказала она и закрыла глаза.

— Таких мерзавцев нечего жалеть,— сказал я. — Завидя такого субъекта, даже если он не один, а в окружении друзей, надо влепить ему пощечину, вцепиться в волосы, обозвать позаковыристей и сразу же умчаться на попутном грузовике. Кое-какие словечки полезно кричать уже из кабины грузовика. Чтоб слышала вся округа.

— Ладно, Таланов, не будем ворошить веток. Голова немного кружится. Давай выпьем еще вот по столечку.— Она показала ноготь мизинца. — Ты знаешь, я пью два-три раза в году.

— Я тоже этой привычке не изменил,— сказал я с ударением на последние два слова. Мы тихо содвинули стаканы. Лерка сказала:

— Во всем есть сокровенный смысл, даже в горестях. Вот шла я сегодня и думала. Я думала: в сказке для двоих с хорошим концом ты не увидел бы лунных ратников, а я — волшебный летучий сад. Жаль, что ты выбросил склянку с отваром... того цветка, о котором ты рассказывал...

— Гравейроса.

— С отваром гравейроса. Дело не в вещественных доказательствах, здесь Тимчика подводит его рациональность, да, он голый рационалист, это его недостаток. Я хотела бы

глотнуть твоего снадобья, чтобы во сне увидеть Лунную Деву.

Я сходил в свою палатку, принес ей сосудик из обожженной глины и положил на протянутые ладони.

— Дарю навеки, Лунная Дева,— сказал я. — Хотя ты и без гравейроса прошла над пропастью.

Она поднесла ладони к костру, долго разглядывала подарок. Вытянула пробку, лизнула ее, зажмурилась, замотала головой.

И опять мы надолго замолкли.

— Пропасть... пропасть... — в задумчивости повторила Лерка. — Помнишь то место, где они кажутся мне посланцами непредставимо красивого мира, но мысль о соприкосновении таинственно страшна и непостижима? Той ночью у меня в сознании выплыла не помню где читанная фраза: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят...» Что ты думаешь о красной тетрадке? Допускаешь, что я все придумала, от начала до самого конца? По неумелости не связав концы с концами?

Я объяснил, как мог, все, что думал на сей счет. Кажется, ей пришлась по душе мысль, что для них не существует наших пространственных условий.

— Лучше бы, Таланов, оказаться на карнизе тебе. А мне у лунных ратников,— неожиданно заключила Лерка.

Она снова извлекла пробку из сосудика и понюхала. В свете костерка ее русые волосы отливали медью. Она пристально посмотрела на меня.

— Пахнет вечными снегами. Как тогда, на леднике Туюксу...

В восьмом классе, впервые поднявшись на Туюксу, мы, помнится, долго разглядывали в подземной лаборатории ледовый керн — тонкий столб льда длиною метров в сорок. Как на срезе дерева, на нем пестрели годичные знаки — нет, не десятки, не сотни, а тысячи полосок. Кое-где стояли маленькие деревянные таблички с приклеенными бумажками, и на бумажках тушью от руки:

ДОГОВОР ОЛЕГА С ГРЕКАМИ... РАЗГРОМ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА... БИТВА НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ... СМУТНОЕ ВРЕМЯ... ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ... БОРОДИНО... СМЕРТЬ ПУШКИНА... ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ... ПУТЕШЕСТВИЯ ПРЖЕВАЛЬСКОГО... ЦУСИМСКОЕ СРАЖЕНИЕ... ПОДВИГ

ГЕОРГИЯ СЕДОВА... ПОДВИГ ЧКАЛОВА... ПОДВИГ ГАГАРИНА...

Таблички поставил одноногий старик гляциолог, похожий на волхва. Последние тридцать лет он безвылазно жил среди вечных снегов, рисовал акварели — фиолетовое небо, звезды, льды, слепящие взрывы лавин — и даже умудрялся кататься на лыжах.

У самого края керна мы с Леркой отыскали свой год рождения. До этого нам и в голову не приходило, что время что-то оставляет про запас: тают льды, уплывают вешние воды, ветер сдувает лепестки цветущих лип, умирают в земле опавшие листья. Все исчезает, чтобы явиться вновь, бесконечно повторяясь. Оказывается, не все. Я из-за дерева бросаю в тебя снежок, а он пересекает линию света и тьмы и становится частью этого керна вместе с омертвевшими каплями из недопитого бокала Моцарта. А в твоем альбоме остается листок пирамидального тополя, под которым мы впервые поцеловались. Меняю все блага мира на полузабытую июльскую радугу, под которой ты бежала ко мне с букетом ромашек.

— Я тоже для тебя кое-что припасла,— сказала Лерка. — Сейчас достану из рюкзака.

Это был черный, скрученный, утолщающийся к торцам предмет размером с гантель. Удивляла его легкость, почти невесомость.

— Правда, он напоминает смерч? — спросила Лерка. — Я нашла его в рюкзаке наутро после... после того селя. Я назвала его смерченышем. Я сразу стала думать, что смерченыш — подарок от них, от скафандриков. Сувенир, что ли. Я никому его не показывала, хватит с меня издевательств Тимчика. Считай смерченыша ответным даром, восседающий в колеснице.

— Значит, всю зиму ответный дар так и пролежал в рюкзаке? — удивился я. — Ты все же выучилась долготерпению. Похвально. Представляю, чего это тебе стоило.

Она усмехнулась:

— Не издевайся, Таланов. Я его, конечно же, десятки раз вертела, как мартышка очки. И молотком по нему стучала, и щипцами пробовала, даже подержала немного над газовой горелкой. Ничем его не возьмешь. Ни единой отметины. В воде не тонет, в огне не горит.

Я притворно вздохнул.

— Догадываюсь, чего ты от него добивалась молотком да клещами...

— Как чего? Должен же быть в этой тайне некий смысл, некая польза, потому что тайна... — Тут она запнулась.

— Польза — а зачем? — спросил я. — Какая польза, например, жителям Хиросимы от раскрытия тайны атома? Там даже тени расплавились. А тысячи ослепленных зверей и птиц, несущихся прочь от термоядерного смерча в пустыне Сахаре. Об этом мне рассказывал очевидец, причем во всех подробностях.

— Замолчи, Таланов, сейчас же замолчи,— зашептала Лерка.

Но я сорвался.

— Вот так и у тайны любви хотят вырвать пользу. Вырвать, выдрать с мясом! Клещами и молотком! Над газовой горелкой! У любви, что правит солнце и светила, как сказано в «Божественной комедии»...

Она упала головою мне на колени и беззвучно зарыдала.

— Таланов, что ты сотворил, Таланов,— выдыхала она. — Ты променял меня на коллекцию мертвых «Серебристых песцов». Ты несешься на них по всем дорогам мира, ты так бессмысленно несешься! А по обочинам ползают голодные дети! А под колесами хрустят кости живых лисиц, неоперившихся птенцов, панцири черепах! Для тебя днем и ночью заливают асфальтом милую Землю, скоро деревья останутся только в стенах разрушенных храмов да на неприступных кручах. Вы сметаете на пути все живое, железные роботы, восседающие в колесницах! А везде запустелые деревни! А в реках исчезает рыба! А уродов рождается все больше! Но вы слишком быстро летите, вам ничего не видно! Ничего! Ничего!

— Ничего, успокойся,— погладил я ее по плечу.

— Ничего ты не понимаешь. Даже наш город, наш лучший в мире город утопает в ядовитом тумане, с гор видно только телебашню, а раньше мы с тобою любовались из нашего сада желтыми берегами реки, это за семьдесят километров от города! Где тюльпаны? Отступили, уползли высоко к снегам! Где наш сад? Когда он цвел, его было видно с других планет! Знаешь ли, где он, наш сад? Наш сад вырубили! А помнишь, что мы делали в нашем саду, когда ты, гордость школы, знавший наизусть всего «Евгения Онегина», еще не предал ни меня, ни себя?! Таланов, что же ты делаешь, Таланов?

— Ничего, ничего,— только и повторял я.

...В те времена, когда бушующее весеннее пламя нашего сада было видно с других планет, мы всем классом иногда готовились в его густой траве к выпускным экзаменам. Школа была рядом, в четверти часа ходьбы. В конце апреля трава вытягивалась уже по пояс. Около полудня тени яблонь прятались к стволам, пчелы зависали в жарком воздухе, как в патоке, и когда ребята начинали раздеваться до трусов, девчонки дружно краснели: все были тайно друг в друга влюблены. В своих светлых простеньких платьицах они казались нам верхом совершенства.

Обычно мы засиживались в саду до заката. Расходились поодиночке, но все знали, что, если исчезла Надя Шахворостова, значит, вот-вот заторопится домой Вовка Иванов. И впрямь: он вдруг вспоминал, что обещал отцу натаскать в бочку воды для полива.

Однажды получилось так, что мы с Леркой уходили последними. Солнце погружалось в красные просторы заречных песков. Из станицы — так по-старинному назывался наш пригород, где в добротных хатах с расписными воротами жили потомки семиреченских казаков,— сюда, в предгорья, подымался запах кизячного дыма: хозяйки готовили ужин. Я начал собирать наши тетради, когда услышал откуда-то сверху Леркин голос:

— Глянь, какие горы. Они как будто ползут вслед за солнцем.

Она забралась на верхушку цветущей ветвистой яблони. Я подошел к стволу и снизу, из травы, впервые увидел ее в с ю. Я увидел розовые ступни с тонкими длинными пальцами, как на картинах художников Возрождения. И ободочки мозолей на пятках, просвечивающие светлой янтарной желтизной. И острые, начинающиеся округляться колени. И эту неправдоподобную узкую, ослепительно белую полоску трусов т а м. И мерно вздымающуюся и опускающуюся чашу живота.

— Слезай вниз, ты разобьешься! — прерывающимся голосом почему-то выкрикнул я.

Она зажала платьице меж колен и молчала. Тогда с бешено колотящимся сердцем я, сбивая сучки, полез вверх.

Левой рукой она держалась за тонкий ствол, а правую протянула к горам, так что локоть был там, где только что скрылось солнце, пальцы же касались пика Абая в сияющих вечных снегах.

— Эти каменные великаны в своих снежных плащах всегда будут смотреть на звезды, — говорила она. — Даже если земляне улетят к другим мирам, все равно горы останутся... Но знаешь, чем они расплачиваются за бессмертие?

— Лерка, — в отчаянии сказал я и снял травинку с ее русых, чуть вьющихся возле висков волос.

— Они расплачиваются неподвижностью, и нет ничего печальней неподвижности, — вздохнула она. — Ой, у тебя кровь у ключицы. Давай полечу.

Я видел, как влажно блеснули ее зубы, как кончиком розового языка она послюнила палец, чье прикосновение меня обожгло. Ветка у нее под ногою хрустнула, подломилась, я невольно обнял ее свободной рукой за спину и вдруг почувствовал ее всю. Волна дрожи поднялась у нее от живота к прижатым ко мне грудям. Я целовал ее плечи, родинку ниже уха, завитки волос, трепещущие крылья носа.

Наша яблоня тихо приподнялась над звенящим садом и, как только что сотворенная планета, содрогаясь, поплыла средь бессмертных небес.

И лунная река затопляла уменьшающуюся Землю, брызжа и прорезая воздух.

И вскипали порывы ветра клубящихся дуновений вселенских.

И от непостижимого блеска открыть я не мог глаза.

— Таланов, что ты делаешь, Таланов? — только и спрашивала она.

— Ничего, ничего,— повторял я.

...Догорел костер.

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня лежал я в тридцати шагах от той, что меня обнимала в яблоневом саду. Ее муж храпел, но это ее уже не так раздражало, как в первые годы после свадьбы. А сама она свернулась калачиком рядом с храпящим благополучным мужем и думала о другом человеке.

О человеке предавшем. И ее. И яблоневый сад. И обмелевшую дивную реку. И свой дом запустелый в станице, где уже не мычат коровы, и не горланят петухи, и у ларька под обрывом не вспоминают войну инвалиды: люди добрые ларечек снесли, механизмы обрыв заровняли, обрели инвалиды долгожданный покой.

Даже мать свою предал тот, кого она обнимала. Даже мать, о которой он думал, что она будет жить вечно. Но ошибся, хотя ошибается редко, и в июльском черном пекле, на кладбище, далеко за городом, когда мать уже опускали на полотенцах туда, он выл, как зверек, вымаливая чудо перед хмурыми вечными снегами. И не вымолил, и опять предал — теперь уже память о матери, предал за сребреники в австралийской гонке, за пластмассовые крылья славы, за коллекционироваиие диковинных стран, за бешеную жизнь, где терялось представление о времени, так что предавший все и вся даже к могиле матери припадал не каждый год.

И ведь ни разу, ни единого разу не посетила его спасительная мысль: а куда ты спешишь? бежишь от чего? от родимых пенат и могил? от пресветлых лесов над излуками северных рек? от древних святых городов? А что, если реки мелеют, и зверье исчезает, и редеют леса, и не слышно в деревнях девичьего смеху — только из-за одного тебя? Ты, один только ты в ответе за все. Земля и небо без тебя мертвы. Останься ты здесь, возле той, что тебя обнимала в яблоневом саду, — и не висел бы над городом серый туман, и тюльпаны цвели бы у крайних домов станицы, и фазаны, как прежде, садились бы на крышу школы, и бушующее весеннее пламя нашего сада было б видно с других планет. Так не дай захиреть, Человече, ни племени Лунных, ни племени Ратников Земных!

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня стали смутно высвечиваться окоемки вершин, подпирающих небо. То свершалось шествие луны. За шестьдесят восьмым камнем от слияния ручья с Тас-Аксу, вверх по ущелью, проснулась в норе рысь. И сразу почуяла запах зайца, притаившегося меж корней серебристой ели. И заяц почувствовал на себе рысий взгляд, просветивший, как луч, скалу и корни серебристой ели, вскочил и кинулся вверх по склону, поближе к людям, которые спали в двух палатках, вернее, спал лишь один и страшно рычал, отпугивая рысь.

Старая серебристая ель очнулась от темного забытья. От корней вверх по ветвям торжественно двинулась влага, притягиваемая луной. Ель вспомнила, как пятьсот семьдесят семь лун тому назад под нею пол-луны прожил в палатке седобородый человек. Днем он спал,

а ночами просвечивал ее лучами, приятио щекотавшими ствол и ветки, и с той поры всякий раз, когда над горами показывается Брат Луны, такой же круглый, но маленький и красноватый, от Брата исходят те же приятные лучи. Их посылают нз холодиых крон неба живущие в горах на Брате Луны серебристые ели.

А в старом двухэтажном доме работы геннального строителя Зенкова, в четырехстах восемнадцати метрах от многоглавого, похожего на Василия Блаженного собора работы гениального строителя Зеикова, встающая за горами луна разбудила правнучку Андрея Павловича Зенкова, которая была еще и внучатой племянницей знаменитого академика, всю жизнь проведшего за сравниванием спектрограмм серебристых елей и лучей от другнх планет. Правнучка гения сама уже была прабабушкой, но умирать не собиралась, пока не допишет «Историю семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях», которую она собирала по крупицам без малого восемьдесят лет. Она ужасно гордилась своей «Историей», а еще больше тем, что один из ее учеников, знавший в школе всего «Евгения Онегина» наизусть, вышел в люди, стал знаменитым на весь свет, но и став знаменитостью, не забывает свою учительницу историн и уже наприсылал ей открыток, сувениров и книг из ста одной страны. Этот ее любимый ученик был единственным, кому бы она, не раздумывая, передала из рук в руки все восемь томов «Истории семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях» и тридцать три тысячи сорок одиу карточку с выпискамн, чтобы затем спокойно отдать богу душу, но ученик не появлялся у нее уже много лет. Глядя из старинного полукруглого окна на подступающую с той стороны к пику Абая вот-вот обещающую засиять во всей красе над городом луну, племянница академика, сама не зная почему, прониклась уверенностью, что в следующий четверг ее знаменитый на весь свет ученик непременно явится к ней с любимым ореховым тортом и двумя морскими свинками в клетке из дерева секвойи. И она решила сегодня же вечером подкрасить волосы к его прнходу, чтобы не столь была заметна седина над высоким породистым лбом.

А зиаменитый ученик виучки, племянницы и прабабушки лежал в палатке, смотрел на высвечивающиеся окоемки вершин, подпирающих небо, н мысли одна другой прихотливей проносились и гасли перед ним, как проносятся и гаснут августовские летучие звезды. Хотя то, что ему

пришло на ум о рыси, зайце, серебристой ели, о Зое Ивановне, не было мыслями как таковыми. То были догадки, граничащие с уверенностью, причем облаченные в рельефные картины. В старину это называлось видениями, а в наши времена — явлениями чрезвычайными.

«Чрезвычайные явления вовсе не чудо,— спокойно подумал, вернее, увидел я. — Ибо чудо — вся Вселенная. Смысл ее безграничности в том, что нет границы возможного и невозможного, граница, чисто условно, проведена нашим слабым разумом, и мы с незапамятных времен ее отодвигаем, планомерно повышая уровень возможного. Но уже теперь, хотя и немногим, ясно, что конечное и условное не может противостоять безусловному и бесконечному».

Край луны показался над зазубринами пика.

И опять я подумал, увидел, что они, антрацитовые пришельцы из кристалловидного вихря,— никакие даже не пришельцы. Заурядные звездные странники, состязатели, светогонщики. Зря обижалась Лерка, что они, мол, контактом пренебрегли. Он им не нужен вовсе. Им не нужны наши знания, наша история, наши боли, муки и радости, наш многотрудный опыт созидания добра. Они другим заняты — выигрывают вселенские гонки, дерутся за желтые или какие там скафандры лидеров. Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!..

В полдневный жар у разлившейся горной реки сидит на валуне старый согбенный креол. Завидя нас, он показывает рукой на противоположный берег: надо, мол, переправиться. «Давай перебросим старичка,— говорю я Голосееву. — Все равно нам придется ползти по дну не быстрее краба». Взяли старикана. Задраились. Тянем-потянем поперек русла, камни бьют в бок «Перуна», желтая вода за стеклами. Старик рыдает, совершая какие-то замысловатые жесты, потом начинает гортанно причитать. Не понимаем ни слова, но догадываемся: заклинает духов. Выбираемся на берег. Дверцу настежь. Молись на белых богов, погрязший в суевериях человек. Благодаришь? Не за что, чао, ауфвидерзеен, гуд бай, покедова! Что ты там суешь? Книжицу из листов папируса? На память? Спасибо, удружил! — «Таланов, время, время поджимает, плакали наши льготные полторы минуты!» — морщится Голосеев. Ладно, за книжицу спасибо. Получай-ка модель на-

шего суперзнаменнтого «Перуна». Нет, не электро, те для птиц поважней. Обычную, в любом магазине игрушек легко раздобыть, там, внизу, во тьме. Чего ж ты бухаешься в ноги, дедушка, держи еще одну, пусть правнуки играют. Внтя, газуй! Мы еще им покажем, «Пеперудам» и «Везувиям»! Давай. Шай-бу! Шай-бу! Не сорвись на вираже! Держись! Эх, пронесло! Ура! На этапе мы вторые! Значит, шансы еще есть! Да брось ты меня стискивать! Чего мусолишь щетиной? Лучше поищи книжицу старикову. Как так не можешь отыскать? Завалялась? Где-то выпала? Постой, постой, я вчера листал на ходу. Там спирали, закорючки, какие-то штуковины вроде фаз луны и что-то еще такое несусветное... Чего-чего? Может, секрет гравитации? У кого, у этих? Которые в штанах из шкуры ламы? Извини, брат, нас на пушку не возьмешь!

— А как они все-таки затащили на гору тот обтесанный камень, помнишь? Ты сам прикидывал с логарифмической линейкой — в нем полторы тысячи тонн...

Несколько дней дуемся друг на друга. Болваны. Недоноски. Ладно, не то еще встретим. И впредь будем умней. Ура! Гонка наша! Молодцы! Мо-лод-цы! Теперь отдохнем. Ну, славно по горам прокатились!

Прокатились славно — мимо секрета гравитации...

Так и скафандрики: наладили двигатель — и прогромыхали в молнии мечущие, опаляющие взор миры.

И раскрылась во всем блеске и величии луна. В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня я очнулся, ворочаясь с боку на бок, потому что в сердце мне уперся твердый край смерченыша. В тонком лунном луче, случайно прорвавшемся сквозь щель палатки, смерченыш серебристо засветнлся. Я взял его двумя пальцами и поразился: и без того странно легкий, он как бы вообще потерял вес. Я расстегнул палатку, вылез в лунный поток.

В лунном потоке вокруг смерченыша восстало сияние, усеянное отрогами туманностей, медленно вращающимися спиралями, двойными, тройными звездами, роящимися планетами. Я оказался как бы под куполом чужих небес, сжатых до размеров кроны яблони. Надо мною в подернутой дымкою сфере светились жгуты таких же смерченышей. Они прокладывали путн к неведомой цели.

Осененный догадкой, я прикрыл смерченыша ладонью. Чужесветный купол погас. Я взял смерченыша двумя пальцами, как берут кораблик перед тем, как пустить в ручей, протянул руку и разжал пальцы.



Он завис в воздухе.

Он не двигался.

Какие-то неуловимые изменения стали совершаться в залитых луной окрестностях. Сначала земля под ближними кустами, затем холмы над ущельем, затем и дальние вершины гор начали проясняться, осветляться, делаться все прозрачней, ослепляя хрустальной прозрачностью и чистотой. Я невольно зажмурил глаза, а когда вновь открыл — белозорным стал весь шар земной. Сквозь него просвечивали звезды другой стороны планеты, стерегущие покой брата Полярной звезды — Южного Креста. Здесь, на ночной стороне, фосфоресцирующими медузами шевелились города. Между ними, как ртутные капли, катились огни самолетов, поездов, пароходов в извивах рек. Вулканы подпирал белокипенный пламень магмы.

Освещенная Солнцем чаша Земли исходила водным голубоватым светом. Как тогда, в детских полузабытых видениях, вновь завис я жаворонком над полем цветущего клевера и отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты:

И китов в океанах,
И змей средь барханов в пустынях,
И стрелу, рассекавшую свет и тьму
вдоль хребта Карабайо,
Древнечтимые города, что дремали в
сумраке волнородительных вод,
И мосты через пропасти,
И хлеба на полях отступающих
в вечность ужасных сражений,
Лепестки космодромов,
Изгибы изящных, как арфа, плотин,
И в степях суховейных — распускающиеся
тюльпаны,
И влюбленных в садах,
И детей, что вели разговор с облаками,
китами, космодромами,
Суховеями, лебедями, драконами,
василисками и васильками,
Все увидел я, имя чему — Человек.

И восславил я, жаворонок звенящий,
Полноту, полногласье, нескончаемость бытия.

Но повсюду, везде, повсеместно —
В океанских пучинах, в ущельях,
в пустынях, в снегах,
Глубоко под секвойями, елями, лаврами,
пальмами, мхами,
За стальными скорлупками лодок подводных,

Под коркой полярного льда,—
Затаясь, поджидали урочного часа
Ядовитые сгустки
Неправдоподобного
Мертвенно-синего цвета.
Свет такой исторгают лишь ядра звезд.

И погасло видение: овальное облако набежало на кромку луны, подмяло, поглотило ночное светило, лишило его холодных чар.

Тут смерченыш утратил сияние, почернел, опустился плавно в траву. Я отнес его в палатку, положил на дно рюкзака. «Мы еще полетаем с тобой по луным волнам, вихреносный кораблик, дар — возможно, случайный — созерцателей звездных садов»,— подумал я и едва подумал— захотелось сию же минуту, сейчас посмотреть на скалу, где они задержались тогда на мгновение: то ли сбились с пути, то ли вправду, как думает Лерка, у вихря забарахлил вечно живой пестроцветный мотор.

Откочевало облако. С веретена луны снова сыпалась, сыпалась пряжа на вечные снега. Через полсотни шагов стихли наконец победные трубы Тимчикова храпа.

И впрямь: по ту сторону ущелья чернело в скале большое отверстие.

Тут над ущельем — от одного склона к другому — еле заметно затрепетал розоватый жгут сияния, как если бы включили непомерной длины люминесцентную лампу. Сразу вспомнился Леркин рассказ о путеводном дрожащем мареве, что упиралось, как в клемму, в обнаженную скалу. Мыслимо ли так уплотнить пространство, чтобы... Хотя кто знает. Ведь еще в начале века на Всемирной выставке в Париже публика изумлялась большому пустотелому шару, висящему в воздухе. Его поддерживал мощный магнит...

Ночная птица показалась над краем пропасти и медленно заскользила вдоль дрожащего жгута. Внутри дрожащего жгута, чье мерцание временами сходило на нет.

Я вгляделся — и остановился, пораженный.

То была Лерка. Раскинув руки, она уходила от меня по еле видимому мосту. Она смотрела в сторону Луны, и Луна играла ее развевающимися волосами.

...Но не на Луну смотрела она, нет, не на Луну. Взгляд ее был прикован к Млечному Пути. Туда, где от угасающей Башни Старой Вселенной — к расцветающей Башне Вселенной Новорожденной приближалась ее, Лер-

кина, тень — Звездная Дева. И были раскинуты руки ее над всеми пространствами и временами.

Над отрогами туманностей, медленно вращающимися спиралями, двойными, тройными звездами, роящимися планетами.

Над содрогающейся, в муках рождающейся и погибающей материей.

Над шелестом крон живого плодоносящего сада вечности.

Над несметными стаями звездных колесниц, лучшие из которых — будем надеяться, что их большинство, — странствуют

Средь времен без конца и края,
В бесконечность устремлены,
Нивы звездные засевая
Лепестками вечной весны...

Худшие же захлестнуты азартом бесполезных гонок, завалены горою бессмысленных призов.

Земная Дева в глухих горах Тянь-Шаня.
Над последним пристанищем Архимеда
в Сиракузах, у Ахейских ворот.
Над слияньем Непрядвы и Дона.
Над собакой, забытой хозяином и бегущей
к нему сквозь ночную тайгу.
Над серебристою елью, тянущей ветви к
далекой небесной сестре.
Над сибирской деревней Ельцовкой,
где я появился на свет, чтобы
дописать «Историю семиреченского
казачества в песнях, легендах и
поверьях».
Над пирамидами, небоскребами, космодромами,
термоядерными полигонами.
Над дворцами торгашей-кровососов и
халупами бедняков.
Над селеньем в горах Карабайо, где
пасется детеныш «Перуна»
под присмотром дряхлеющего
владыки лунных ратников,
у которого отняли единственного внука.

Властительница Лунного Огня.

И хотел я окликнуть Ту, Что Меня Целовала В Яблоневом саду.

И боялся спугнуть удаляющееся виденье.

И пошел ей тихо вслед.

ДРУГ

Идет ночь — чернее цыганского глаза, густая падающим дождем и комарамн.

Друзья не спят. Весной еще Нил выцедил из берез достаточно сока и приготовил самоквасом брагу.

Постояв, брага здорово окрепла, годилась на случай какой простудной хвори. А еслн смочить тряпицу и приложить, будет возможность оттянуть жар от глотки.

А можно и хлебнуть — с радости, что будет жить Ильнеаут, вылечили с Другом охотника!..

Давал Нил зарок, но с радостн можно... Что до сих пор, слава богу, жив и здоров'.. И надо помянуть покойного барина, выпить за здоровье солдат. Им, конечно, всыпали по первое число за побег Нила.

И отчего не выпить с Другом?.. Разве мало они помучились в тайге?..

Нил закусил черемшой и лег на расстеленную медвежью шкуру. Ее подарила жена Ильнеаута.

Хороша шкура, спасибо ей!

Он подумал, что кончилась старая его жизнь и рождена новая. Новую жизнь дали Нилу эвены и Друг.

- Друг и эвены...

Хотя Нил здорово измазался дегтем (который сам гнал из здешней тощей березовой скорлупы), но остаются местечки. Глаза, уши... Их не смажешь.

Мучает в тайге комар.

— Комары-ы-ы... — рычит Нил. — Казнь египетская...

— Комары-ы-ы! — вторит Друг.

— Тебе-то чаво,— сердится Нил. — У тебя и тела одна видимость.

— Я чувствую тебя.

— Дымарь разведи. Хочь бы зима скорей!..

Нил знает. Другу ничего не стоит развести дымарь: моргнул — и задымились головешки. Но ветер гонит дым обратно, нечем дышать в чуме.

— Погаси,— просит Нил.

Костер гаснет.

— Вывел бы ты комаров,— просит Друга мучающийся Нил.

— О, не мог, есть запрет на вмешивание... Н-начальство!

— Иди ты со своим вмешиванием,— сердится Нил. — Выведи!.. Другом зовешься... Яви еще чудо...

— Не могу-у-у,— подвывает Друг и нервно дергается.

— И то,— соглашается Нил. — Комары — божья тварь, создана, питаться надо. Он допустил, а тут мы... Зима-а-а, где ты?

— Зима-а-а... — стонет Друг, шевелясь за пазухой Нила.

И больше всего хочется Нилу сейчас заснуть или без промедления оказаться в сельце Быковке, на пасеке. И чтобы пчелы вокруг тебя, и коровы ходили по травам. Рай!.. Сейчас и ягоды и огурцы зреют.

А молока-то, молока... Оленье что, сусло суслой... Ах, и хороша Расея, а хода в нее нету. Мука! И Друг мучается с ним. Друг... Звать его мудрено, не выговоришь. Зато добр. Потому Нил зовет Другом.

Одно тело его железное, оно лежит в ящичке, закопано у того железного ведра, которое никаким камнем не прогнешь, сколько ни бей. А сам Друг то вроде дым, то котенок, то черт знает что. Может быть, думает Нил, их два?.. Один спит в ящичке, а другой здесь, с ним мучается его человечьей мукой?

— Комары-ы-ы... — стонет Друг.

— Хоть бы заснуть,— истомно говорит пахнущий дегтем Нил.— Навей сон покрепче.

И Друг тотчас же начинает показывать ему сон. В нем есть шар вроде одуванчика, но это изба для множества нелюдей. Чертей, что ли? Их-то уж бог не делал по своему образу и подобию. Но Друг один из них, а так добр. Куда добрее быковского священника, отца Игнатия.

Нил засыпает. Он видит странные сны, в которые не верит. Даже во сне. А Друг склоняется над ним, таращится и навевает их, навевает. Даже светится. Комары, пища, летят к его свету.

Затем друг Нила размышляет о своей планете, о катастрофе своего корабля, о том, что еще узнал (и запомнил) сегодня.

Он сравнил различные методы лечения — своего, та-

ежного, ниловского... Он запомнил предание о Вороне и разбирался в очень усложненных родственных отношениях эвенов. Тайно.

...Что еще он сегодня сделал, что успел?.. Мыл друзей-эвенов. Сами не захотели, так он ливень нагнал, все равно помытые.

Что еще было?.. Лечили охотника вдвоем. Нил плясал обрядовый танец, а он починял Ильнеаута, хорошо починил.

Затем Нил пил то, что зовется бурдой.

— Бу-урда... За-ачем?.. — спрашивал он Нила.

— Жив, жив будет охотничек,— радовался Нил. — Пей и ты!.. Друг... Барина помянем, солдатушек...

— Бу-урда...

— Пчелы какие были! Здесь и шмель в диковинку.

Попали они в тайгу разными путями, но в одно время. Пасечник Нил Кротов (он же знахарь) отравил барина. Выпив, он дал барину Кириллу Нефедычу настой блекоты, которой пользовал Манеиху от трясучки. (Барина он лечил зверобоем, его хоть ковшом пей. А блекоту полагалось считать каплями.).

Когда Нил проспался и восстановил привычно хитроватое выражение скуластого лица, он вспомнил и побежал. Шибко!

Ох, как бежал, а ноги плохо слушались его... Он ворвался на барский двор, к окнам, что были величиной с его ворота.

Нил кричал:

— Погоди!.. Годи!.. Нельзя пить!

Будь Нил в себе, орать бы не стал. И уж, конечно, не дал бы барину проклятый настой.

Он бежал и кричал; барин же кончался, карачун его брал... Понятно, Нила сгребли и под суд... И правильно, за дело — не лечи пьяным. А дело такое — хорошо задалась медовуха, и пили ее с кумом. Затем кум сбегал за штофом, соблазнил, и вот...

На суде Нил говорил чистую правду про медовуху и штоф и очень верно указал, что дворецкому Мишке не следовало брать настой, коли он вынес его в черпаке.

Дали каторгу. Нил не обиделся, надо так надо!..

...Гнали этапом. Сначала он шел окованным в железки, это было тяжко и больно. Все ноги посбивал. Потом

он лечил зубы конвойного офицера Макарина, за что его повезли в телеге. Он и стал всех лечить от болей — той же блекотой. Закуривал ее в чайничке и давал сосать дым из носика. Помогало. С него и кандалы сняли, чтобы по пути травки собирал. И тогда Нил рванул в лес. Благо, ноги поджили, а солдат зазевался.

Нил ушел в тайгу. Глушь!.. Была осень, подошли они уже к реке Лене. Дремучая страна!.. Бежал Нил с молитвой, кормясь тем, что добыл. А что добудешь голыми руками?.. Сильно голодал, обеспамятел Нил. Очнулся — рядом сидит Друг. Он жжет костер. Далее пошли вместе, понес он Друга за пазухой. Зимовали они в берлоге, а весной нашли их дикие тунгусы — эвены, так они себя звали и уверяли, что их предки — собаки.

Нил с Другом остался у них... Нил жил открыто, а вот Друг таился, чтобы не пугать.

Патрульный корабль столкнулся со сгустком антиматерии, спасся один Сваритакаксис. Увидел: вспыхнул их ан, летящий впереди. Но слишком, слишком близко! А сколько он спорил и доказывал омандо, что он должен быть отдален. Не послушался... И только он, сидевший под смешки весь путь в аварийной капсуле, был выброшен из корабля. Его удача...

Аварийная капсула спасла. К добру?.. К худу?.. И началось скитание — он попал в плен притяжения солнца, желтого карлика, и летел от одной его планеты к другой, пока не нашел живую. Эту! Затем понадобилась кое-какая перестройка сенсорных механизмов и даже белковых систем. Это время он провел в капсуле. А когда вышел, то вдохнул здешний легкий воздух и подвигал руками, вытягивая их от удовлетворения, так ему здесь понравилось.

Настоящая, живая планета, бушевание биосил... Но мучило одиночество. А тут он вскоре встретил Нила. Кто знает, как бы прошла их встреча. Быть может, Нил бы перепугался до смерти и напал, и тогда Сваритакаксис пустил бы в ход анопакс в нарушение инструкций.

Но человек полз и стонал. Друг, бредя тайгой, встретил Нила, обогрел его. Ополоумевший от радости Нил предложил жить вместе. Он все говорил: Друг, Друг...

Сваритакаксис лечил Нила... Когда Нил однажды проснулся с все еще болевшей, но ясной головой, то увидел Друга.

(А вся дорога представлялась ему тяжелым сном, в котором и ногами сучишь, и орешь благим матом.)

Спал Нил крепко, но проснулся и поднял хитрое и скуластое свое лицо. Перед ним стояла тварь из сна. И посему Нил решил, что ему снится.

Но нет сна, а лес, снег и это... («Друг... Друг...» — билось в голове Нила).

— Ты хто? — спросил ошалелый Нил.

Существо ответило птичьим языком:

— Свири... сис...

— С нами крестная сила! — троеперстно осенил себя Нил.

Ничто не изменилось — странная тварь на него поглядывала. Нил потянулся к палке — ударить — и не мог взять ее, так был слаб.

— За грехи мои,— застонал он: тварь одновременно походила и на зеленую лягву, и на бабье любезное ситечко с дырочками. Была она в пояске с какими-то блестящими штучками.

— Ты черт? — спросил он.

— Не-ет, Ни-ил,— по-человечески ответила она. — Я Друг...

Нил облизнул губы. Что бы такое сделать?.. Проверить?..

— Перекрестись! — велел он.

— Ка-ак?

— А так,— ответил Нил, крестясь в убеждении, что обвел черта, который станет неопасным.

Существо повторило жест Нила всеми лапами и осталось как было. Значит, это не черт, а дивная божья тварь, говорящая по-русски.

— Дру-уг, помога-ай,— говорило Нилу существо.

И точно, помогает: рядом, на костре, в прозрачном горшке, варится птичье мясо. А рядом другая посуда, и в ней преет то, что слаще сладкого,— каша из саран. Значит, тварь человеческий смысл имеет. А ежели разбираться, то все едино дышат на свете.

— Дру-уг — сказала тварь. — Я-я-я...

— Друг,— отвечал Нил, испытывая странное блаженство.

И зиму они прожили вместе — Нил ходил охотиться с Другом. Тот прямо из-за пазухи стрелял зверей. Огнем. Перезимовали в берлоге, а весной их нашли тунгусы.

Нил перепугался — дикий народ! Набежал верхом на оленях, рогов полно, лес...

А еще у них ножи на деревянных предлинных ручках, и луки, и копья. Словом, вояки. Собаки их сердитые, да и сами хороши, чуть поссорятся, тотчас давай стрелять из луков. Вроде барина, которого по милости Нила карачун взял. Тот стрелялся из пистолетов с соседом, страшнее. Но и стрела в пузо очень нехорошо. Стрела... Все здесь чудно для русского человека!

Житие этих людей странное — кожаные чумы, скитания, едят сырую рыбу, младенцев возят в корчажках, присыпав тертыми гнилушками. И сосать им дают не жвачку в тряпочке, а кусок сырого мяса.

Но прошел страх, понравились Нилу лесные люди. Зовутся звены, уважают собак. Правильные люди, стариков слушают. И одежда хорошая, меховая. Легкая и удобная в тепло и мороз. А свыкнешься, то и рыба сырая, если мороженая, вкусом коровье мясо напоминает.

Привык Нил, ел и сырое и сушеное мясо.

Ел лесные саранки и ягоды, грибы, что растут здесь, чисто, ровно детки, без единого червяка. Эвены их есть не желают. Друг — тоже. Нил варил их себе одному.

Но что за еда в одиночестве?.. Без соли?..

Не будь Друга, сошелся бы Нил с шаманом. Очень был умственный мужик. К Нилу ходил, о травках лекарственных разговаривал. Но действовал он больше камланием — страхом вышибал хвори!

Нил посмеивался: не так, не так надо. Но и завидовал: работы пустяк, а платят хорошо, оленей, шкуры дают.

Да и лечить хотелось Нилу, привык... Об этом говорил с Другом. И — помогло несчастье. Шаман, леча девицу, полез в дымовую отдушину изображать злого духа и упал оттуда. Он сломал ноги и отшиб печенку. Нил лечил его, и шаман, помирая, велел всем старикам считать Нила шаманом.

Друг тоже нашептывал.

Теперь колотил в бубен и плясал Нил, после давал пить хворым травяные настои. Когда звены потребовали полетов Нила за духами и лазанья в дымоход, Нил поговорил с Другом. И теперь Нил бил в бубен, а плясал и головы задуривал Друг.

Появились олени, тридцать, пришлось принять на себя грех, женился — хозяйство! Взял старуху, чтобы все умела. Но сам жил с Другом в отдельном чуме.

Совсем хорошая жизнь, кабы не комары. Стойбище росло, ребятишки были здоровые.

От такой удачной жизни надо бы с Другом петь песни. (Друг умный, он быстро научится петь.) Но и горевал Нил: шаманство — бесовское действо!

Отказаться?.. Но шаман его просил — пляши!.. И правда, отчего не сплясать, ежели добрые люди требуют? Но это дело обманное... А почему и не обмануть человека, если ему этого хочется?.. Друг утверждал, что так всем будет лучше.

Шаман... Сам он верил и не верил в бубен. Спросил его как-то Нил, а тот отвечал ему так:

— Мы не верим, мы боимся.

— Чего?

— Тайгу боимся, амикана (медведя), плохих людей.

Понятно. Как не бояться: тайга!.. Страшновато, хотя и не каторга. А если разобраться, то вообще жить временами не худо — еда имеется, Друг есть. И какой!

Учился Нил выть и в бубен бить. Друг во вкус вошел—летал, плясал, даже чудеса творил. Так, по малости: то зуб кому из железа поставит, то стекло в глаз сунет— и все видно.

Дело пошло. Нилу сделали парку из соболя, упряжь бисером расшили. Но главное — удалось построить передвижную баньку. Друг придумал сделать ее разборной. Воду грели в корчаге. Нил мылся и даже парился.

И все же страшное это камланье, особенно последнее. Чум большой, в нем очаг и все, что положено. Урке, вход.

И дымоход широкий, будто окно. Принесли больного Ильнеаута, что в воду зимой угодил. Теперь он чах, один скелет остался. А хороший охотник. И хотя не страшно за жену и детей: их сообща прокормят, но все равно жаль охотника. Жинка ему иглой грудь вышивала — лечила, — брусники давала. Не помогло, травы тоже не помогли.

Нил к нему приходил и спрашивал, что и где болит. Друг велел ухом слушать — и Нил слушал: хрипела грудь. Чахотка!

Надо плясать.

Собрался весь род — сидят ветхие старики, лежит хворый. Дрожит, ему страшно.

Что же, от хорошего камланья, бывает, и помирают люди — у шамана случалось. И бьет в бубен Нил, страшно Друг пляшет. Будто огонь!

Нил в тугой бубен колотит, скачет. Друг пускает то

искры, то дым. То обернется медведем, то сажей мажет всех подряд.

Здорово работали оба. Только знает Нил, здесь камланье и травы не годятся, надежда в другом: вскакивает Друг прямо в больного, в нем исчезает, начинает болезнь вытягивать. Невозможно понять, как, но вытягивает. Из него вот простуду вытянул. Большое это чудо (было и другое).

Нил притворяется, что Друг — это Злой Дух. Теперь он Друга будет выгонять. Час бьет в бубен, второй, третий... Больной глаза закатил, в нем Друг ходит и лечит, ходит и лечит.

Третий час... Нил совсем обессилел, дыханье заходится. Наконец выходит Друг, а с ним болезнь. Хотя человек еще этого не знает. Друг очень усталый. Вылетая, он дает круг, пускает дым — и фьюить в дымоход. Нет Друга!.. Исчез Злой Дух!.. «А вдруг совсем?» — пугается Нил.

Но Друг ждет в чуме. Оба они устали.

— Выздоровеет? — спрашивает Нил, и Друг отвечает, что в этом уверен. — Жить будет? — суматошится Нил.

— Бу-удет... бу-удет... — уверяет Друг.

— Верно говоришь?

Другу надо верить, он может явить чудо. Это и смущает Нила, и пугает немного. А чудо уже было, являл его друг, все его видели. И не зря есть большой кусок тайги, куда эвены ни ногой. А почему?.. Шибко непонятное место, говорят они. Духи бродят, мол, а понять, добрые они или злые, невозможно.

Так было — их совсем недавно приняли к себе эвены. Совсем рядом с ними аргишили хукочары, что по-русски значит «топорики». Почему? Да выменяли у купца много топориков, а их бойцы-сонинги ими драться научились.

Сонинг, он такой, с детства к вооруженной драке приучен, с ним лучше не связываться. А тут еще род хукочаров сердитый, да помер у них кто-то быстрой смертью. И выходит, его убили наговором, так порешили хукочарские старики.

Нил как раз бродил около реки и закидывал удочку с костяным крючком. Он уже надергал бойких рыб, ранее им невиданных. И тут послышались крики.

Нил, открыв рот, увидел — из леса на берег вывалило множество оленей, а на них сонинги с луками и копьями. Иные, топориками размахивая, кричат.

И все нарядные, будто на праздник вывалили. А князец их аж подпрыгивает на своем учуге, Нилову стойбищу кулаком грозит. (До него рукой подать, только брод отыскать.)

— Ну, быть беде,— прошептал Ннл. Он пересчитал хукочаров — тех было вдвое больше, и Нил поправился: — Быть великой беде...

Вот уже и стрелы полетывают с берега на берег.

Быть великой крови! И сердце Нила, пчеловода и лекаря, екнуло. Он побежал к чуму, как летел к барину.

— Беда-а... беда-а-а... Друг, помоги!

Нил влетел в свой чум. Увидел: Друг, очень недовольный, раскачивается в берестяной коробочке. Подвесил ее и качается. Он отказался вмешиваться. Нил просил его, на колени становился (а как орали хукочары, отыскавшие наконец брод...). Тогда Нил схватил валявшийся шестик и хотел бежать с ним.

— Разниму!

Тут Друг и швырнул какую-то блестящую штучку, нажал и бросил. Все затряслось вокруг. Нил упал и пополз к выходу. Теперь дрожал и пел сам воздух, будто громаднейший рой пчел ревел.

Нил вышел — и обомлел: Друг их накрыл радужной какой-то штукой. Накрыл сверху, как барин накрывал какие-то особенные часы. Это, должно быть, был какой-то особенный сорт стекла. Оно разгородило враждебных сонингов (а заодно и оленей). Хукочары уже побежали на оленях, лишь князь их в ярости бился в радужную стенку, махал топориком — хотел в стойбище, сердешный...

Но опомнился и бросился наутек, крича непонятное. Ниловы же эвены попрятались в чумы и даже костры свои погасили. И остался Нил, несчастные олени с той стороны да лающие собаки. А ночью колпак исчез неизвестио куда.

...Хорошо поработали. Друг Нила лезет ему за пазуху. Нилу приятно.

— Комары, комары... — шепчет Друг.

— Спи, спи,— говорит ему Нил. И сам мечтает вслух, будто барин его, Кирилл Нефедович, совсем не умер и Нилу можно возвращаться на пасеку.

И он берет Друга, идет с ним в Россию, бросив дьявольские радения. И там они вместе живут на пасеке, ухаживают за пчелами, варят травянистые настои! Хорошо! Друг рад.

...Вечерами оии сидят за столом, у жбана самой легкой медовухи. Он пьет из ковша, а приучившийся Друг лакает из плошки. И они разговаривают о том, о сем...

Друг подает ему хорошие советы.

...Хорошо — бабы принесли дикие утиные яйца, зеленоватые, а в берестяном туеске — оленье густое молоко.

А, черт!.. Куриные яйца...

И когда стемнеет, Друг станет показывать ему чудиую землю, где такие, как он, живут и прыгают.

Он познакомит Друга со старым барином, ставшим вполие хорошим человеком, когда состарился и оставил деревенских девок в покое.

... Перед сном Нил выходит, вдыхает воздух, определяет погоду завтрашнего дня по миганию звезд. Спят в ульях пчелы, пахнет травами и липой, гудят хрущи, летая туда и сюда.

Поют девки, а парни играют на гармонике. Все это разносится, разносится... Хорошо так жить!

Ах, Рассея, Рассея, чудесиая ты сторона...

...Другу тоже не спится. Он лежит за пазухой Нила и, хотя ему жарко, старается не шевелиться.

Он слушает, как стучит сердце Нила, и думает о том, что придет спасательный корабль. За ним. До того времени осталось тридцать здешних лет. С комарами, мошками... Но улетать не хочется. Затем видится Другу его планета...

От выставленных солнечных приемников похожа оиа на шар того цветка, который Нил зовет одуванчиком.

Друг раздумывает о Ниле, ему жалко покидать его. Но за тридцать земиых кругов многое может случиться. И с Нилом... Ему будет одиноко тогда.

Нила следует беречь.

— ...Комары, комары, — шепчет Друг.

Нил отвечает ему:

— Спи, спи...

НЕНУЖНАЯ

Опять что-то звякнуло... Или мне снится этот звон и переступания?.. Нет, нет, их ни с чем не спутаешь. Особеино запах медных горелых контактов.

Это опять она, чтоб ее черти взяли!

Безобразие! Мало того, что она силком впихнула в мой

сон свои жестяные звяки и запах смазочного масла. Из-за ее вопрошающих телекторов («возьму или не возьму») мне опять приснилась авария на Козлиной планете. О ней же лучше забыть и не вспоминать. Никогда!

Надо же, так не повезло. Она не оставит меня в покое. А теперь станет ныть и надоедать, будет толкаться в дверь балкона, заглядывать в окно, хотя я и живу, дай бог памяти, на 10 027 этаже, комната А. И ведь ее не обманешь, нет. Она уже знает, что я проснулся.

Она ночевала на моем балконе. Это ясно. Но как ее туда занесло? Поднялась на антиграве?.. Добыла синтетлассо?.. Не на балконе она, висит на стене. Ведь он вдвижной, мой балкон, и ночью, а также в ветреную погоду вместо него на фасаде дома чертовски гладкое место. Ерунда! Антигравы и синтетлассо выдаются только по специальным разрешениям. Значит, она применила свои присоски и часов десять-двенадцать ползла вверх? Я слежу за окном. Вон и ее молящий глаз.

Он приподнялся, как перископ (сама она не решается соваться мне на глаза) и, ерзая вверх и вниз, подглядывает за мной. И, будь я проклят, есть что-то молящее в этой стекляшке.

Как отвязаться от нее? Вызвать роботов-мусорщиков? Чтобы ее отловили и сдали в утиль. Ага-а, голубушка ловит мое намерение, струсила. Сбежит? Нет. Теперь начнется самое худшее — она будет скрипеть и жаловаться на судьбу, скрипеть и жаловаться, скрипеть и жаловаться.

Черт с ней! Не буду вызывать мусорщиков! Больше того, я согласен, она еще не так плоха и прослужит не один год. Десять, двадцать, сто лет! Я бы примирился с нею, но проклятый квакающий голос!

К тому же она, подобно всем устаревшим биомеханизмам, все говорит, говорит, говорит... Нет! Пора кончать! Сейчас протяну руку к телефону и вызову мусорщиков. Сейчас же!

— Не делай этого! — проквакала она, и замерший было перископ, установленный на меня, нервно заерзал.— Я прошу, умоляю, низко кланяюсь, убеждаю, возражаю, припадаю, не зови их... Или зови, лови, уничтожай, истребляй, разрушай, кому нужны старики? — квакала она и не бежала, как делала это раньше, а осталась, рискуя собой.

Гм, странно, почему это?.. В чем-то уверилась? Ага, понимаю, машина впала в отчаяние. Вот, затихла. Наде-

юсь, она не свалилась вниз. Нет, машина здесь. Черт с ней, пусть остается. Я проделал гнмнастику лежа. Потом сел, взял пульверизатор и наскоро побрился. Снова побрякиванья.

— Я все сделаю, чего ты хочешь,— квакала она. — Хочешь, я побрею тебя и сделаю массаж. А? Хочешь?

— Ты лучше смени голос! — заорал я.

— Я все сделаю для тебя, все,— продолжала квакать она. И перечислила это все, а список был обширен. Перечисляла она не раз, и одного дела там не числилось — смены проклятого голоса. Он-то и приводил меня в бешенство: я не терпел Пнтера Сиверса, ни тем более робота с его голосом.

Питер был скверный, эгоистичный, безнадежиый холостяк, неудачливый космолетчик, обожавший антиквариат. Эту машину он откопал где-то в лавочке вместе со старинным ружьем, стрелявшим — надо подумать! — свинцовой дробью!

Да, Питер был неудачлив, умеренно неудачлив, терпимо. Всего на пятьдесят процентов. А эта машина была его личный робот, и ей одной он дал свой голос. Такая была тогда мода. Но сама манера говорить, и голос, и взгляд, и рот Питера — все было каким-то лягушачьим, квакающим.

Так они и квакали вдвоем с машиной — хоть беги с корабля. Потому что он был командиром, и его пятидесятипроцентная неудачливость и педантизм наполняли недовольством экипаж до краев. А эта вот железная дура, что торчит на балконе, обожала его, горднлась тем, что у нее голос самого Хозяина Корабля.

Питер знал, что мы его не любили.

Он, конечно, хорошо знал, что его обожает машина. Одна.

Я задумался, насколько ее привязанность помогала ему утвердиться в себе, чтобы после всех полетов-полунеудач повести ракету «Астра» прямиком к ее гибели на Козлиной планете. Я был стажером на корабле (кончил Ленинградское училище) и едва не погиб. Как и многие другие. Но переполнило наше терпение, я думаю, все же их сдвоенное кваканье: Питера и машины.

Вернувшись на Землю, мы дружно выступили в космическом трибунале, и Питер покончнл с собой. Он не ушел в отставку, а застрелился, чего мы совсем не ожидали. Машина не спасла Питера, хотя и была при нем до кон-

ца. Говорят, она ломилась в двери, орала, звала людей... Может быть, ее дурацкие вопли и поторопили Питера, и тот нажал спуск пистолета.

— Слушай,— убеждала машина. — Вчера я приварила к себе блок анекдотов, один из последних оставшихся. Десять тысяч штук. Знаешь, он завалялся в магазинчике космонавтов. Анекдоты с бородой, но такой смех. Я выменяла блок на сапфир, что завалился мне в сочленение восьмой ноги. Помнишь Козлиные горы? Я была тогда частично разрушена, и ты сам нуждался в ремонте своей двигательной системы. Помнишь?

Я молчал.

— Ты животики надорвешь, слушая их. А если от смеха твой живот разболится, я сделаю тебе клизму. Я ее добыла, вот посмотри.

И она помотала резиновым пузырем. Это уж слишком! Уже и так, стараясь угодить, она превратилась в ходячую этажерку.

Но как она разнюхала, что я скоро лечу? Где могла узнать, что у меня еще нет личного робота, мне не выделили его, а только поставили в очередь? Подслушивала?

— Возьми, возьми, возьми!.. — просила она.

Но я в сотый раз проявил твердость характера, и она ушла ни с чем. Я слышал, как скрипели ее суставы — машина спускалась вниз на присосках (я даже зажмурился, вообразив ее путь), ведь она старая, ей не положено иметь антиграва. Не выделили, ведь я не просил его. Может, открыть балкон и позвать?.. Нет, ни за что!

Вот звякнуло, еще раз, и все стихло. Она лезет вниз, долго будет лезть.

Я вызвал по видео Семена: надо было кое-что решить. Мы быстро разметили маршрут до астероида Рогатый Бык, где доберем половину своей команды. Решено! Затем я оделся, повязал галстук и пошел в кафе. Там выпил кофе и съел горячий крендель — его выпекли на моих глазах. Я пил, ел, говорил комплименты роботессе с металлическими стружками вместо кудряшек, думал о новом корабле «Одиссей», где не будет горячих кренделей. Я повторил заказ еще и еще и почувствовал, что мне стало тепло и хорошо.

Это было состояние довольства и сытости в душе и в желудке.

В душе — назначен штурманом корабля в тысячу тонн; в желудке — я спешу, бывая на Земле, есть каши,

хлебное, овощное в предчувствии очередных долгих лет полета и еды из концентратов.

Дожевывая восьмой крендель, допивая четвертую чашку кофе, я размышлял о глупой машине, вязиущей ко мне уже вторую неделю. Моя вина. Зачем я вмешался в эту историю? Сам не понимаю.

Но вмешался и вторую неделю переносил все последствия этого. А ведь было так просто отвернуться, но я не успел этого сделать. Или вспомнил Питера?

Как случилось? Очень просто. Мы сидели на скамье, все штурманы, все ждущие назначения. И травили друг другу истории, глядя на вывеску «Отдел кадров космопорта». Поговорили и об аварии на Козлиной планете, о ее причине — суетливости Сиверса в сложных ситуациях. О его педантичности, в соединении с суетливостью становившейся чем-то странным, вроде горячего мороженого. Говорили о его голосе: надо же иметь такой.

И вдруг услышали лязганье: мчалась машина, каких не делают уже лет триста, за ней гнались роботы-мусорщики. Они кинули магнитную присоску, но машина, видимо, применила полярность корпуса, та отскочила, упав в траву.

— Не надо! Не надо! — орала она квакающим голосом Питера Сиверса.— Не надо, не надо, не иадо в переплавку!

Тут роботы пустили в ход сети. Они окружили и схватили ее, поволокли. Один уже запускал щупальце в блок управления. Мгновенье, он отключит мозг, и это будет послушная железяка, а та самостоятельность, что была ей дана для помощи нам, людям, для освоения чужих планет, уйдет навсегда. И противный голос Питера тоже. Машина вопила:

— Голос умрет, голос умрет, голос умрет...

И вдруг меня пронзила жалость и к ней, и к дураку Питеру, и даже к самому себе, бросавшему и губившему много машин, если этого требовало дело или мое спасение.

Да, я губил машины не раз, менял свою жизнь у смерти на железную тварь. И не раз задумывался в часы усталости или тоски: стою ли я этого обмена?

И думалось, что нет, не стою. Потому что машины охотно, с восторгом жертвовали собой. Я бы так не мог, пороха бы не хватило.

— Сейчас она замолчит,— сказал мне Тим. — Отвратный, скажу вам, будет момент, будто убивают собаку. Но

эта машина никому не нужна. Она тут ко всем уже привязывалась, надоедала и мне. Но зачем мне старье? И этот голос?

И тут я удивил Тима.

— Отпустить! — заорал я, и роботы выпустили машину.

Она подошла ко мне — древнее сооружение, похожее на громадно увеличенного паучка-скакунчика, с высоко и глупо торчащей башней. Что еще? Глаза-перископы, восемь штук, антенна радара.

Она изукрашена чеканкой: не зря к нам доносились стуки из каюты Питера. А Тим все говорил мне о глупом Питере, о его машине, ее странном желании хранить голос Сиверса, носить его в себе. А то бы давно уже нашла она себе чудака-хозяина на Земле, любителя древних машин.

Глупо таскать ее в космос, но поставить в холл можно. Чтобы дивить своих гостей и обносить их напитками. Она сможет гулять с собакой, ухаживать за детьми, копаться в саду.

— Сейчас такие штуки делают в два раза легче и в два раза меньше,— говорил Тим. — И в десять раз прочней. Восьмикратное по меньшей мере преимущество. Еще ставят антигравы. Но, старина, должен предупредить, теперь она будет вязаться к тебе.

— Она мне не нужна,— сказал я.

— Раз я тебе не нужна, зачем ты спас меня? — проквакала машина.

— Железная логика, — усмехнулся Тим, и мы заговорили о другом и забыли о ней.

Но возвращаясь домой пешком, я увидел в темноте что-то перекатывающееся за мной. Машина!

Она кралась между кустов, стараясь быть незамеченной. Но ее выдавал перископ, высовывающийся то здесь, то там.

Я было выхватил бластер — сработала привычка бывать на диких планетах — и теперь держал его в руке, чувствуя себя смешным и глупым. Кто же стреляет в такую машину? Друзья засмеют.

— Не стреляй,— проквакала машина и вышла ко мне из зарослей. Шла ко мне, как громадная виноватая собака. Сама говорила — говорила — говорила омерзительным голосом Питера о том, что она все-все-все для меня сделает в полетах. И она старалась, ничего не скажешь. С тех

пор она приварила к себе десятки приспособлений, появляясь каждый день с чем-нибудь новым.

Она обшарила все склады списанного оборудования и выбрала самое лучшее. Отрегулировав механизм, она приварила себе установку с фиолетовым лазером, приделала надувной матрас, умостила спектрограф, кресло-качалку, набор слесарных инструментов, складной штатив фотоаппарата и многое-многое другое.

— Почему бы тебе просто не сменить голос, тебя возьмет кто-нибудь и здесь, — как-то спросил я машину. — У тебя мерзкий голос, но вид архаичный, некоторые это любят.

— Питер меня любил и отдал мне свой голос. — сказала машина. — И мы говорили — говорили — говорили с ним. Я не могу выбросить голос, ведь Питер умер, а когда я говорю, то кажется, он где-то недалеко от меня.

Я вспомнил все это будучи предельно сыт. И вдруг, должно быть, от съеденного горячего и тяжелого теста, на меня, как глыба, обрушилось все одиночество Сиверса. Отсюда и его любовь к этой машине. Ведь это... Так ужасно: он был один среди нас всех, и только эта... Я в лифте спустился вниз, и у дверей меня встретила она.

— Возьми же, возьми меня,— квакала машина, тащась за мной.

Я же задумался: где смогу найти Тима. Ведь у него связи, он поможет мне добыть антиграв для этой... штуковины, вписать ее в экипаж «Одиссея».

— Попробую,— сказал я.

— Спасибо, спасибо, спасибо,— забормотала она, и тут я почувствовал — рукой — касанье ее маленького, для тонкой работы щупальца, ласковую щекотку электрического разряда, очень слабого, очень короткого. Словно пес лизнул меня.

Сердце мое тоскливо сжалось, и я понял, что сделаю все, даже и без Тима. Что достану антиграв, возьму ее с собой в ракету, буду таскать по планетам.

И даже стерплю голос Питера.

— Я дам тебе имя, хочешь?

— Хочу — хочу — хочу...

— Ты будешь зваться Верный Пес.

— А что такое «пес»?

— Ну, скажем, просто: «Верный». Идет?

И я отправился хлопотать об антиграве для Верного.

Публикация Е. Акбальян

МЕФИСТО

Опять Великий Кальмар!..

Он свернул и бросил газету в воду. Она поплыла корабликом и вдруг исчезла: море скрутилось воронкой и взяло ее в себя.

Сейчас она опускается на дно и ляжет там, развернув белые крылья... Великое море и Кальмар — Великий.

Море... Его шум идет отовсюду. Он бежит над блеском мокрых камней, путается в скалистых гранях и рождает маленьких, шумовых детишек. Те скачут через бурые пучки голубиных гнезд и зеленые прожилки ящериц.

Если вслушиваться, то шум делится на два разных, оба неторопливых и размеренных: широки взмахи бронзового маятника времени.

Шум говорит одно и то же: «Спи, спи, спи... Иди в покой, в неподвижность».

...Солнце со звоном бежит по воде. Маятник движется неторопливо, и на берег наплывают призмы волн (водоросли потянулись к скалам, и эти светятся, искрятся пурпурными точками). Снова движение — маятник пошел в другую сторону. Теперь обнажается белый камень в глубине.

Газетчики... Зачем они звали? Что, он не видел перевернутых шхун и экипаж, утонувший в каютах?

Или догадываются? Чепуха.

«Это сделал Великий Кальмар?» — спрашивали они. И так видно, что он сломал такелаж, вывернута часть борта.

Вероятно, закинул щупальца и, ухватив мачты, повис на них. И опрокинул судно.

...Полдень. Скамья теплая и ласковая — солнце! Все же эти воды не могут уравнять жар. Холод и жар, две крайности. Человек тянет свою линию в промежутке крайностей, но способность стать посредине приходит со старостью. Это мудрость?.. Угасанье сил?..

...Отличная перспектива — зеленая бухта и кусок моря, охваченный челюстями берегов. И тени бабочек синие. Тени круглы, как солнце. Это солнечные тени. Они бегут с бабочками, и слабые миражи ходят по каменной горячей стене. На ней дремлет кот, тонко посвистывая носом. Иногда настораживается и, подняв голову, узит глаза на все дневное. Зоркие глаза, холодные.

«Буду в полночь. Мефисто».

— Слушай, кот, вещая душа! Ты не спишь ночами, ты все видишь, все знаешь. Что будет? Он придет? Как я его увижу ночью? Ах, да, полнолуние... Наконец-то я его увижу, если эта телеграмма не просто заблудившиеся в проводе электрические придонные искры. Вопрос: где кончается жажда всезнания и начинается мечта о всемогуществе? А вот к нам идет вкусный холодный чай, идет на негнущихся ногах моего старого Генри. Спасибо, старина, спасибо. Ты веришь в судьбу?.. Мне показали «Марианну». Это была трудолюбивая шхуна — сначала грузы на Папуа, потом сбор «морских огурцов» Большого Барьерного рифа.

Оттуда виден австралийский берег.

Судно опрокинуто на мелком месте. Значит, он где-то здесь.

А почерк его — ночь, спящий экипаж, крик вахтенного, когда он видит светящуюся массу Великого. Тот закидывает руки на мачты и повисает на борту — живой яростный груз!

Всегда одно — ночь и небольшие шхуны. Или яхты.

Эта цепь ночных нападений опоясала шар и подошла сюда. И вот газетчики вопят: «Внимание, внимание, появился Великий Кальмар!»

Ну, а я что должен делать? 1 115 новых видов абиссальной фауны — самое важное, в конце концов.

...Библиотека. Тишина, запах кожи, запахи рук.

От моря, лезущего в каждую щель, от постоянно густой влажности бумага взбухла и книги раздулись.

А, Мильтон... «И более достойно царить в аду, чем быть слугою в небе». Вот что мог бы сказать Мефисто. Сатанинская гордость в этих словах. Безмерная. Кстати, каковы пределы роста кальмара-архитевтиса? Есть ли мера? Или мерой служит безмерность придонных глубин? И это одинаково с погоней за знанием — чем больше их, чем полнее они, тем агрессивнее и безжалостнее?

И надо платить за знания: таково дьявольское условие. Они заплатили оба. Он платил болью, Джо — своими муками.

А если месть? Зачем было ждать так долго?.. Он всегда, давно готов.

...Солнце пробивает наборное, давних веков стекло. Его краски оживили комнату. Они пестры, как рыбы-попугаи в изломах кораллов. Вот список яхт и шхун за этот год.

Индийский океан: «Сага», «Шипшир», «Смелый», «Каракатица».

Тихий океан: «Джемини», «Пирл», «Индус», «Флер», «Марипоза».

Атлантика: «Могол», «Артур», «Деви Крокет», «Пигги», «Мститель».

...Тронутые руками времени бумаги, пачка пожелтевших листов, сотни, тысячи телеграмм — жизнь Мефисто. Как соединяются мысль, познанье и действие. Какая удача, что маленький Джо был военным телеграфистом. А потом несчастье, словно удар или ожог: саркома. Мальчик стал скелет: огромный костяк, огромные руки и ноги, маленькая сухая голова. Он сказал: лучше жить хоть так.

Мефисто отлично владеет ключом. Вот первая, как труха рассыпающаяся, телеграмма. Тире и точки, тире и точки, и перевод всей этой тарабарщины:

«...Я слаб, отец, и ноги меня не держат. Это еще действует наркоз. Сижу в пещере. Всю ночь кто-то долго глядел на меня огненными глазами. В них блеск фосфора настолько силен, что свет очерчивает странный, чудовищный контур. Мне страшно. Мефисто». (Такой избрали псевдоним — он сам.)

И примечание карандашом: «Начинается адаптация».

Мне тоже, тоже страшно, сынок, но только страх пришел сейчас. Вот череда телеграмм, длинная цепь, выкованная из звеньев страха.

6 июля: «...я так мал и слаб. Что я сделал этому, с горящим взглядом?»

7 июля: «...оказывается, это зеркало, поставленное для самонаблюдений, чужое тело вселяет в меня непрерывный ужас. Оно стиснуло меня — не шевельнешься, я вмурован в него, вмазан, стиснут, оно чужое, чужое, чужое! Я задыхаюсь в нем».

8 июля: «...ничего, не расстраивайся, отец, не расстраивайся, я сам хотел, я притерплюсь. Зато какой мир окружает меня! Ночами черный и горячий, днем пронизанный светом и движением».

10 июля: «...Рыбы, рыбы, рыбы. Они все охотятся за мной. Они выслеживают меня, они хотят съесть. Мне трудно здесь, я еще слаб и вял».

21 июля: «...Сегодня хороший для меня день. Сносное самочувствие и превосходные цветовые эффекты в сплетении кораллов. Прогуляюсь».

18 августа: «...Спасся чудом. До сих пор мне мере-

щатся противные жадные морды, длинные зубы, оскаленные, светящиеся, их круглые и злобные глаза. Возьми меня к себе. Мне страшно».

19 августа: «...Возьми, отец!»

Он вспомнил себя — успех в науке высушил его. Он стал прямой, логичный и жестокий к другим и к себе.

Познание иссушило сердце, оставался вопрошающий мозг.

Тот день был врезан в память. Он сел на камень в том месте, где толстый кабель нырял в море. Соображал, чем его можно прикрыть. Волна плескалась и булькала в камнях, и вдруг он увидел Мефисто. Он крикнул: «Как ты посмел!»

Мефисто полз к нему, тянул щупальца и глядел черными глазами. Они таращились и от резкого волнения вращались в противоположные друг другу стороны. Крупные стежки шрама опоясывали голову.

Это липкое длинное тело, вместившее душу и мозг Джо, было ненавистно и родило только страх. Он стал пятиться, отходить, пока не споткнулся о камень и не упал... А тогда пришла ярость, фиолетовое чудовище.

20 августа: «Я понял тебя, отец, и это меня опечалило.

Раньше я тебя никогда не понимал и гордился тобой. Я долго не буду тебя беспокоить, долго!»

Тогда и пришло первое их молчание — долгое.

20 сентября: «...Болел и потому не ел две недели. Пост оказался полезен — восстановил силы. Не выхожу. Смену дня замечаю по игре оттенков воды. Днем она зеленоватая, к вечеру чернеет, проходя все оттенки зеленых, синих и пурпурных тонов».

21 сентября: «...Генри опустил мне на шнуре большую и вкусную треску. Я видел его наклоненное доброе лицо. Мне захотелось всплыть. Я унес рыбу к себе и съел всю, без остатка. Я уже привык к сыроедению и подумал только механически: «А почему она не зажарена?» Насытившись, я спал (теперь я сплю охотно и помногу, но сон этот больше похож на дремоту). Меня коснулись подозрительные движения воды. Я увидел мурен. Они смотрели, шевеля плавниками. Мне хотелось вскочить и убежать, но я сдержался. Мурены слизистые и толстые, у них собачьи зубы, и запах их невкусен. Они снились мне всю ночь».

22 сентября: «...Земных снов у меня нет. Полагаю, что мозг мой так истощен привыканием к чужому, что

маневрирует только кратковременной памятью. Помни, я люблю тебя».

Что он видел тогда в нем?. Не только отца, но и гордость свою? «Папа, если все удастся, я буду твоим морским глазом». Я убеждал себя, что лучше ему жить так, чем умирать.

Ничто не говорило об удаче операции, я не мог знать, что в морской воде и пище есть фактор сращения чужеродных тканей.

25 сентября: «...Я знаю, что ты терпеть не мог маму. Ее женское и требовательное пришло в конфликт с твоим стремлением к знанию. Мне стало тоскливо, и я позвал к себе память о ней. Я старался вообразить себя маленьким, в коротких штанах, с обручем и собакой. Это было трудно сделать, потому что ко мне пробрались маленькие медузы (их ты просмотрел в наших водах). Они жглись. Наконец пришло мамино лицо, но оно было окрашено зеленым».

30 сентября: «...Я изобрел защиту от рыб. Вчера отыскал актиний, похожих на красные гвоздики с нашей клумбы. Их посадил у входа в пещеру на камнях, а двух крупных держу в руках. Сегодня утром мурены опять явились ко мне. Я сунул актиний им прямо в глаза, они отпрыгнули и убежали. Жить можно».

11 апреля: «...Наблюдение: здесь все едят друг друга. Самых маленьких едят те, что больше их (рачки и рыбы), тех — большие, больших поедают огромные. Пища достается тем, у кого рот большой и зубастый».

18 апреля: «...Видел китовую акулу, глотающую рачков и планктонов. Мы встретились нос к носу, но я ее не испугался. Больших с маленьким ртом здесь не уважают».

Бедный мальчик! Он еще шутил. Я же препарировал его ежедневный улов (он складывал все в проволочную сумку, подвешенную к бую).

29 мая: «...Подбрось-ка мне цветовые таблицы, а то напутаю в описании краски придонной мелочи. Сегодня в полдень сверху опустили бечевку. К ней была привязана макрель. Я решил — ага, это мне! — и сцапал ее. Тотчас сверху дернули, и в меня впился большой крючок. Меня поймали. Это больно. Я упирался изо всех сил, хватался за что мог, но меня тянули вверх. Я не сразу сообразил, что нужно делать, но потом запутал леску в камнях и вырвал крючок с куском мяса. Истекаю кровью. Увидев рану, испытал противоестественное — мне захотелось есть

самого себя. Тому виной рыбаки. Я им еще припомню. Мефисто».

30 мая: «...Весь день пролежал в пещере, размышляя о жизни. Решил — нужно быть сильным и хитрым. Сильные и хитрые много и вкусно едят и спят в самых уютных пещерах. Я должен приспособиться. Принять все правила игры».

1 июля: «...твое поручение изловить скорпену выполнил, но укололся и чуть не умер. Ты безжалостен ко мне, отец. Или ты хочешь от меня избавиться? Ответь, во время операции около меня лежало старое мое тело. Что ты с ним сделал? Иногда мне кажется, что оно где-то рядом и я еще встречу его».

7 июля: «Сегодня в моем мозгу горят невыносимые видения, звучат слова, гремящие, как медь, слова, которых я никогда не выскажу».

17 июля: «Меня вчера чуть не съели. Я увернулся и, сжавшись, упал в камни, а надо мной пронеслось что-то с разверстой пастью. Это не была акула. Такого ты никогда не увидишь. Закажи кинокамеру для осьминога. Ха-ха!»

18 июля: «...я так одинок, отец. Возьми меня обратно и держи в каком-нибудь чане. Я несчастен и жалок».

«...Я силен, рано утром я плыл, развивал скорость. Я пронизал толщу и вынесся в верхний слой, и все ускорял движение. Мимо неслись, вытягивались в серебристые полоски макрели и сарганы. Я выплеснулся, взлетел в твой удушливый мир и упал обратно.

Брызги осыпали мое тело. Я чувствовал безотчетную радость. Но ненадолго. Я вернулся в пещеру, думал и был несчастлив...».

«...Поймал скумбрию и съел ее. Это вкусно, но еще вкуснее крабы. Вкуснее крабов бывают только устрицы. Охочусь за ними так: беру камешек, подкрадываюсь и вкладываю его между распахнутых створок. Потом отщипываю по кусочку и ем. И все время оглядываюсь».

Кто знал, что через пятнадцать лет он получит от газетчиков кличку Великий Кальмар. Вот кого я боялся — газетчиков. Теперь я смеюсь над ними.

«...Сегодня ушел на глубину километра. Тяжело и страшно. Здесь такая глубина черноты, которую трудно и

вообразить себе. И в ней горели тысячи огней, и я подумал: «Как в городе». Я увидел выходящего из глубин кашалота. В него впился кракен. На тупом рыле кашалота он выглядел шевелящимся венцом. Вокруг чудовищной и прекрасной пары кипело что-то светящееся и облепляло их, вычеркивая и проясняя очертания. Я желал победы кракену.

Я же опустился на дно и долго сидел. Вокруг меня было немного звезд и парочка морских огурцов. Я ждал так долго, что увидел чешуйчатого плоского ящера. Он шел по дну, медленно и тяжело ворочал головой, и лапы его были толще тела. Несмотря на темноту, я видел его отчетливо: медлительные движения, срыванье придонных живорастений, неторопливые пережевывающие движения и красный глаз на затылке. Я понял — это мое инфракрасное зрение. Меня ящер не заметил, хотя и прошел совсем близко. Намекни Бартону, что глубинные его снимки на дне достоверны». (Я намекнул, но Бартон мне не поверил. А потом его яхта, которой я так завидовал, исчезла.)

«...Сцапал дельфина-белобочку. Он рвался из моих рук и испустил серию различных звуков. Остальная стая скрылась. Причем мною было отмечено следующее: поначалу его вскрики были другого тона, и стая рванулась к нему, а когда я распустил все руки в положенном мною диаметре, он заговорил другое, и стая ушла. Он предупредил. Так как по установлению этого факта мне безразлично, может он говорить или нет, то я прокусил ему череп. Насытившись, я ушел к себе и долго размышлял над жизнью дельфинов. Они многого добьются. Они умны, имеют язык и общественны. По-видимому, дельфины — будущие владыки моря».

«...Нет, властелинам моря нужна сила, а дельфины слабы. Морем властвуют кракены. Изредка я вижу их, сильно пугаюсь и несусь изо всех сил. Потом забиваюсь к себе в пещеру и сижу там часами».

...Иногда я вижу людей. Они недвижны, и лишь их волосы слабо шевелит течение. Они медленно погружаются вглубь. Они так похожи на тебя, отец, что я пугаюсь и убегаю. Я понял: я боюсь стать таким же неподвижным. Но мне любопытно, из укромного места я слежу за ними.

А они плывут, неподвижные, загадочные. Но мне кажется — они бросятся, и схватят меня, и будут что-то делать. Мне будет больно, я не люблю боль».

«...Что я люблю? Я люблю много есть, я люблю хватать других и убивать их.

Чего я не люблю? Когда меня хотят съесть. Не люблю людей, не люблю родниковую воду, бьющую промеж камней. Абстрактные знания, ранее привлекавшие меня, сейчас уступают знаниям, как уберечься и быть сытым».

«...Увидел странных рыб, черных и крупноголовых, с торчащими изо рта кривыми и тонкими зубами. Рыбы мерцали синим светом. Я схватил их. Все мое существо кричало — нельзя их есть, нельзя. Мозг сказал мне, что знать верно можно, только попробовав.

Я поймал восемь штук. Шесть я отдал тебе, а две съел. И сейчас весь горю. Мне страшно. Я умру и буду недвижен. Помогите, отец!»

(Затем тусклые смыслом больные слова.)

«...Выжил, вы мне никогда и ничем не помогаете. Я могу рассчитывать только на себя. Все мне враги. Весь день сидел в пещере и думал о могуществе. В чем оно заключено? В силе, в зубах или плавниках? Я умнее краба, умнее рыб, умнее осьминога. Я имею человеческий ум. Он — сила».

«...Решил — не нужно верить вам, отец».

«...Сегодня видел кракена. Он неторопливо плыл мимо и тянулся почти бесконечно. Какие у него сверкающие глаза, какой крепкий клюв, длинные и толстые щупальца. Он был чудовищно прекрасен. Хорошо быть кракеном».

«...Вы просили, и я нырнул в пучину. Я долго и медленно погружался вниз, изо всех сил работая водометом и руками. Я миновал километр за километром. Креветки обстреляли меня светящимся соком.

Я погружался. Навстречу неслись огни прямо в глаза и тут же рассыпались фейерверками. Дышать становилось все труднее, руки слабели, тело плющилось, и временами казалось, что меня жует большая беззубая рыба.

Все во мне кричало — вернись! Погибнешь! Но ум говорил — держись, ты узнаешь новое, оно пригодится. Наконец я опустился на дно. Оно было безжизненно, почти безжизненно, только шевелилось что-то похожее на большое одеяло. Оно плоско-черное, с зелеными слабыми огоньками.

От него шло ощущение пронзительной, ядовитой силы.

Рядом я увидел странную девятилучевую звезду, я схватил ее и стал подниматься, и черное гналось за мной, колыхаясь.

Я рванулся и выплыл на поверхность. Там долго лежал без сил, и волны укачивали меня. Никто не напал на меня.

Отдохнув, я поплыл к вам. Вопрос: стоит ли рисковать из-за несъедобной дряни?»

«...Сегодня мне приходят мысли, холодные, как подводный ключ. Я умолчу о них. Размышляя, я забыл завалить вход в пещеру, и ко мне вошли три мурены. Я раздробил им головы и съел их».

Через два года: «...Я ищу новую пещеру. Я могу спать всюду — меня боятся, но считаю это излишним риском. Всегда найдется дурак с ртом больше мозга. В пещере же уютно и надежно. Ем почти всех. Думаю обычно о еде. Да, тех рыб, что нужны были тебе, я съел по дороге. Жди другого случая. На вкус они так себе. Кстати, почему ты не купаешься в море? Я у берега вижу много людей, а тебя никогда».

«...Сегодня нашел подходящую пещеру. В ней жила компания осьминогов. Они никак не хотели выходить — надувались, таращили на меня глаза. Я поймал треску и, показывая им, выманил и разорвал их».

«...Принес удобный камень и приспособил его как дверь. Ты интересуешься черепахой-логерхедом. Отвечаю — невкусно, но есть все-таки можно. Сегодня ко мне спустили наживку. На один крюк было насажено две рыбы — маленький тунец и рыба-летучка. Я рассвирипел, всплыл на поверхность и, ухватив лодку за борт, опрокинул ее. Теперь этот человек спокойно лежит рядом со мной. Чтобы его не унесло течением, я прижал камнем. Что мне с ним сделать? Съесть?»

«...Как ты смеешь мне указывать! Нарочно съел его, хотя он груб и невкусен. Я чуть не подавился пуговицей, но, как видишь, все же настоял на своем. А может быть,

и ты, нацепив маску, заглянешь ко мне? Приглашаю. Мефисто».

Прошло еще три года:

«...Я огромен и безжалостен, я умнее всех. Только ум и никаких чувств. Ты не можешь себе представить, какие здесь живут дураки! Пример — четыре архитевтиса напали на кашалота. Первый вцепился ему в голову, а три остальных дрались между собой из-за еще не убитого кита. Тот вынырнул, съел напавшего на него, потом повернулся к дерущейся троице. И опять один вцепился в кашалота, а двое так и дрались между собой. Щупальца кусками летели в стороны. Идиоты! Не волнуйся, я не ем человечков, я питаюсь дельфинами и молодыми кашалотами».

«...Ты мне предлагаешь обмен: я буду тебе ловить новые виды рыб, а ты меня кормить. Брось, я не дурак. Сейчас я тебе нужен. Но кто может поручиться за будущее? Ты завидуешь мне, моему уму и силе, ты хочешь отравить меня. Я не верю тебе, я никому не верю. Я одинок. Одиночество — снла».

«...Вчера я убил первого взрослого кашалота. Я дождался, когда архитевтис вцепится в эту гору мяса, подкрался и прокусил кашалотий череп. Архитевтис бросился иа меня, пришлось убить его».

«...В этих водах я самый большой и сильный. Я никого не боюсь. Пробую силу на вас, людях. Вчера увидел яхту. Я все рассчитал. Ухватившись за правый борт, я повис всей своей тяжестью и опрокинул. После чего лег на дно и смотрел, как людей ели акулы. Их набежало штук двадцать. Они метались длинными тенями, а я лежал на скале и смотрел. Огромный, безжалостный и прекрасный. На следующий раз попробую опрокинуть пароход».

«...Вышло и с пароходом. Название: «Святая Анна». Я знаю — я буду расти, расти, расти много лет. Знаю — я сам кракен. Я стану сильным. Я — умный. Я — холодный разум в глубинах океана. Я буду властелином моего

холодного и огромного царства. Я буду жить вечно. Я всюду распространяю страх. Я буду равнодушен к покорным и беспощаден к врагам. Я внушу ужас. Я буду царить в океанах по праву ума, силы и хитрости. Есть приятно, но внушать страх еще приятнее».

«...Встретил осьминога, огромного осьминога, тонны на две. Увидев меня, он побледнел и притворился мертвым. Я оставил ему жизнь — нужно же их приучать к покорности! Я всплыл около лодки, полной рыбаков. Позеленевшие, вытянутые лица! Я оставил их жить».

«...сегодня я видел кракена неизмеримой длины и мощи. Он был глуп. Говорю «был», потому что его уже нет — я подкрался и прокусил ему череп. Теперь сижу в скалах на его месте и расту, расту».

«...Я страх, я ужас морей. Когда я всплываю, океан волнуется и все живое прячется от меня. Даже вы, люди, сворачиваете в сторону».

«...Я ухожу в свое царство, в одиночество, в молчание. Навсегда. Прощай, двуногое ничтожество. Мефисто».

...Умер закат — золотая полоска. В бухте появилось большое скопление ночесветок. Вода светится. В нее уходит кабель. Он вползает в нее, как резиновый шланг. Много тайн выкачал он из моря, из светящихся глубин. Кроме одной — Мефисто.

Он громаден, наверное. Никто не знает, каких размеров достигают архитевтисы в таком возрасте.

Скажем так: Мефисто — его эгоизм, погруженный в глубины моря. Нет, он эгоизм науки.

Мефисто — его жадные глаза, брошенные в море, ищущие руки, опущенные до самого отдаленного морского дна. А сейчас придет его Джо, милый сын, раздвоившийся в смерти, лежащий одновременно и под холмиком в саду, и в теле гигантского кальмара. «Великий Кальмар — а я его отец. Дико! Словно увидеть сына ракетой, машиной, кораблем, молнией».

— Генри, кофе!

Вот он, обжигающий и ароматный. Кофе! Приятный

запах счастья с горчинкой печали, аромат цветов с горечью увядающих листьев.

— Иду, Мефисто.

...Какие влажные дорожки, как ласково касаются листья моих щек — прохладные и влажные их ладошки. Так касаются холодные руки, сплетающиеся струи глубин. Покойно лежат на донном песке, мягком, золотом песке. Вот и лестница, ведущая вниз, и перила, лишние для привычного человека.

Светит луна, и видно все. Думал ли я, что Мефисто вырастет в чудовище? А думал ли Райт о бомбардировщиках «либрейтор»?

Кох — о бациллах в бомбах?

Бэкон — о пулемете? Думал ли сэр Резерфорд о водородной бомбе?

...Вода черна, она шевелится, отражая луну, и родит жирный блеск. Сколько еще в ней тайн. Их ие схватишь.

И все пропитано ожиданием и страхом. Дрожь в руках, под сердцем. И все дрожит вокруг. Прощай, вкусный кофе Генри.

Прощай, мое богатство и большая свобода, подаренная им. Спасибо за нее тебе, отец! Ты был добр, ты хорошо вел торговые дела.

— Мефисто, я жду-у-у!

Звук пронесся, отразился и ушел в воду. Та молчала. Старик сутулился, глядя в воду. Ему стало казаться, что ничего нет и не будет. Он зевнул — от напряжения и подумал, что завтрашний день будет теплый. Оттого не сразу заметил перемену, а увидев, замер, положив ладонь на грудь, к сердцу.

Вода еще молчала, но в ней, среди скользящих лунных блесков, растерзанной лунной плоти, проходила какая-то работа. Вот, шевельнулась. Лунные отблески заколыхались.

Скольжение отблесков ускорилось, медными полосками вскинулись летучие рыбы, исчезла белая запятая рыбачьей лодки.

И вдруг море поднялось, закипело и вспенилось. Мелькнули быстро вращающиеся колеса и покатились к берегу. Они расправились, вздыбились лесом рук-щупалец.

Щупальца упали на сосны, вцепились в них. Трещали и ломались стволы, громыхали и скатывались камни, ре-

вел сбегающий поток воды. Из черноты выплывало тело кракена — огромное и черное, словно затонувший корабль. Мефисто пришел.

Сверкнули фосфором глаза, будто колеса, и Мефисто стал уходить в воду. Исчезло тело, но еще светились гневные глаза. Щупальца, упав на берег, заскользили обратно.

Старик по-прежнему стоял, прижав обе руки к груди. В ней сидело острое. Оно пробило грудь и не давало дышать. Он не мог шевельнуться и не двинулся даже тогда, когда, черное и толстое, толще сосны, скользило мимо щупальце Мефисто. В слепом своем пути оно хватало присосками камни, доски, лодки — все, что ему попадалось. И, словно еще один малый камень, совсем не заметив, оно прихватило отца. Еще блеснули глаза, и потянулась рябь— Мефисто уходил в океан.

...На берегу мелькали огни и маленькие людские тени. И возносились слабые их вскрики.

О СВОЙСТВАХ ЛЬДА

Много лет спустя, постаревший, с лысиной, дерзко забравшейся на недоступную ранее высоту, лежа на продавленном диване, он вспомнит день, когда растаял лед.

Дивану будет столько же лет, сколько ему, он так же полысеет и померкнет, и так же будет стоически вздыхать, когда на него опустится тяжелый груз. Комната, преждевременно постаревшая, с кружевом паутины и припорошенная пылью по углам, будет так же покорно поддерживать стеллажи из неструганных досок с двумя десятками книг, так же терпеливо нести в своем чреве его самого, и грязный фланелевый халат, и штангу, огромную, как паровозные колеса, и чугунные гири, великолепные и грозные, как ядра царь-пушки. Он сам сколачивал стеллажи, сам шил халат, сам вытачивал штангу и тот велосипед с погнутой рамой собирал сам, и брезентовый катамаран с дюралевым скелетом, что покоится на балконе, — делал сам. Но самая большая заслуга его была в том, что именно он сам сделал себя. Сначала вылепил из мяса и костей, потом создал изо льда и долго существовал в двух ипостасях, пока лед не растаял и он не остался один.

То время, когда он был обыкновенным мальчиком, осталось далеко позади, и он не верил старым фотографиям, на которых щуплый белесый мальчик сидел на скамье у бревенчатого заплота. Ибо временем своего рождения он считает тот день, когда принес с завода штангу, выточенную по всем правилам токарного искусства, обещавшую переродить его и создать нового человека. Занимался он упорно, по пять часов в день, свято соблюдая правила и законы, согласно которым тело его стало разбухать, наливаться свежим соком, наполняться твердой мякотью мышц, буграми, перекатывающимися под кожей, как поросята в мешке.

С этих пор он уединился и начал новую жизнь. Он много читал, в основном книги по философии, и развитие его ума порой опережало рост мышц. Никто не имел права

беспокоить его в часы занятий, а если и приходил кто-нибудь, то обрекался на ожидание той минуты, когда хозяин закончит упражнения и благосклонно обратит внимание на гостя. Беседы его стали сводиться к одному: во всем городе, а пожалуй, и на всей земле, нет такого умного и целеустремленного человека, как он. Только он постиг истинный смысл жизни, а все люди пошлы, суетны, бездарны и слабы. Он много раз доказывал это тем, что в декабре купался в проруби, в любую погоду совершал длительные пробежки по городу, просиживал часами за книгами, с гордостью не находя в них ничего нового, ибо до всего давно додумался сам. Презирая деньги, он ушел с завода, и теперь раз в три дня уходил сторожить склад, где даже тараканы дохли с тоски.

Свое собственное величие подавляло его. Он достал маленький телескоп и теперь каждую ночь рассматривал небо, такое же величавое и бесконечное, как он сам. С помощью оптики он взлетал к звездам и подолгу парил между ними, одним мановением зажигая туманности и высекая искры из белых карликов. Только в эти часы он чувствовал себя на своем месте и жалел об одном, что время богов кончилось и ему не с кем помериться силами. Он открывал законы природы, отменял законы людей, ставя себя выше всех, и мог бы завоевать весь мир, если бы этот мир хоть чем-нибудь понадобился ему. Иногда он направлял объектив телескопа на противоположный дом и незримо присутствовал при чужих ссорах и поцелуях, трапезах и болезнях. В гордыне своей он присвоил себе эпитеты бога: всезнающий, всепонимающий, всевидящий и всемогущий.

В первые годы своего величия ему нравилось доводить людей до ссоры, а потом бить их, хоть пятерых сразу, неторопливо и больно, но потом он перестал делать это, ибо победа над телами уже не приносила ему сладкого чувства собственного превосходства. Тогда он ударился в психологию, создав всю науку заново и тут же испробовав ее на своих приятелях. По законам своей логики он доказывал им, что они подлецы, глупцы и небокоптители, что жизнь их напрасна и попытки добиться лучшего смехотворны и жалки. Ему нравилось видеть смущение собеседников, растерянность их и беспомощность. Он изобличал грехи своих приятелей в присутствии их жен и, несмотря на семейные скандалы и разводы, считал, что поступает правильно и что только любовь к истине движет им.

Познав все, он решил испытать себя в искусстве, обоснованно полагая, что с такой же легкостью, с какой он поднимает штангу, он мог бы писать нетленные полотна. Он справедливо решил, что рисовать совсем несложно, нужно только выбрать сюжет, очертить необходимое линиями и раскрасить то, что получилось, в разные цвета. Все ему известные картины были выполнены именно так, кроме линий и красок он там ничего не находил, а значит, ничего и не было. Поэтому он начал выбирать сюжет, достойный его самого и его комнаты, на стене которой и пожелал увековечить фреску.

Он хотел выбрать бескрайнее море, но побоялся морской болезни и докучливых приливов, из-за которых приходилось бы часто вытирать пол; потом остановился на звездном небе, но рассудил, что, обладая мощным тяготением, он притянет к себе все звезды, а это будет отвлекать его от мыслей. Следующей идеей было изобразить просторы земли с лесами и городами, но когда он представил себе, что тысячи людей, обитающих там, столпятся у кромки картины, чтобы посмотреть на него, то ему стало муторно. Рисовать зверей он тоже не захотел, ибо что за радость день и ночь вдыхать их вонь, и заботиться о зайцах, чтобы их не съели волки, и о волках, чтобы их не подстрелили браконьеры, и о браконьерах, чтобы их не посадили в тюрьму, и так до бесконечности. Цель взаимоотношений в живой природе не занимала его, ибо он сам был концом и началом любой цепи.

При трезвом размышлении он выбрал достойный рисунок. Изображал он развалины древнеримского цирка, с бассейном на переднем плане, наполненном мутной водой, с колоннами, утерявшими коринфский ордер, с кирпичной стеной и одиноким деревом среди пустого неба. Именно развалины, как символ гибели могучей империи, привлекли его. Пейзаж был безлюден, а чтобы и впредь сюда к нему никто не заходил, он добавил к нему сплошную стену-окоем, сработанную из мрамора и колючей проволоки.

Разделив репродукцию на клеточки, он тщательно перенес рисунок на стену. Вопреки всему, карандаш не слушался, елозил, срывался, крошился, прочеркивал кривые линии, и рисунок был закончен, нимало не походя на оригинал, но даже в этом несовершенстве он усмотрел свою способность переосмысливать действительность. Он раскрасил рисунок карандашами с акварелью, громко назвал это

фреской и разработал специальную систему подсветки, чтобы свет падал снизу и сбоку. Редкие гости хмыкали, пожимали плечами, но критиковать опасались, это могло вызвать свежий приток доказательств в их бездарности и никчемности.

Впрочем, с каждым годом гостей становилось все меньше и меньше, приятели отворачивались от него, сначала они удивлялись и даже радовались переменам в его жизни, но поставленные на свои места, терпеливо выслушав анализ своей жизни, они покинули его, кто с гневом, кто с характерным движением пальца вокруг виска.

Он нисколько не огорчался из-за этого, ибо высочайшим благом на свете считал одиночество. Он мог позволить себе роскошь говорить все, что думал. Рубахи рвались на его торсе при напряжении мышц, пиджаки и пальто не сходились на груди, брюки трещали по шву, вид его уже издали внушал желание перейти на другую сторону улицы.

Рассматривая себя в зеркале, он задумался над тем неизбежным, чего никто и никогда не минул: о гибели своего тела, столь тщательно и любовно выпестованного, о том времени, когда ослабеют мышцы, увянет кожа, усохнет мозг. Размышляя над этим, он не скорбел, не представлял себя, красивого, умного, лежащим в гробу среди венков и рыдающих граждан — это было бы слишком примитивным для его уровня. Он решил бросить вызов смерти и остановился на памятнике самому себе. Прежде всего материал, решил он. Пластилин мягок и наивен, глина хрупка, стекло эфемерно, гипс просто глуп, дерево подвержено гниению. Он выбрал самые знаменитые: бронза, мрамор, гранит, а из них последний, потому что именно гранит как нельзя лучше символизирует силу, прочность и мудрость, ведь бронза может расплавиться, а мрамор изнежен и легкомыслен.

Он взял рюкзак, сшитый им из полотнища брезента, приготовил кайло и лом, сел на велосипед и, несмотря на мороз, покатил за город. Было холодно, он ехал, окутанный облаком перегретого пара, приводя в замешательство редких шоферов, и мороз ему был нипочем. Взобравшись на скалу и примериваясь к первому удару, он ощутил враждебность гранита и понял, что тот будет сопротивляться до конца. Это обрадовало его. Легких побед он не любил. Выбрав глыбу, он долго и гулко долбил ее ломом, лупил с размаху кайлом, но сталь отскакивала от камня, каменное крошево летело в глаза, иссекло в кровь лицо, а

гранит не поддавался. Грохот и звон неслись по лесу. Похоже было, что работает многотонный экскаватор, но это был лишь один человек. Он проработал весь день, в конце концов кайло затупилось, а лом сломался, словно спичка.

И тогда он отступил. Это было неслыханно, но он сдался, решив подождать до лета, а уж тогда динамитом сокрушить твердыню. Обратно он ехал на велосипеде, завязая в снегу, и в темноте пар, валивший от него, как от чайника, был не виден.

Ему пришлось пересекать речку, промерзшую до дна, и когда переднее колесо споткнулось о глыбу льда, он успел услышать чистый звон и, плавно перелетев через руль, воспарил над рекой и опустился на вершине ледяной горки.

Через много лет, прислушиваясь к вздохам диванных пружин, он вспомнит и этот день. День, когда он приволок домой кусок льда и торжественно установил его на балконе. Он решил создать памятник себе изо льда. Подобного не знало искусство. Рассматривая глыбу, он уже видел в ней свои черты и отождествлял свою душу с чистотой и холодом льда. Разумеется, лед не вечен и этот памятник должен быть скорее эскизом. А уж потом...

И он принялся за работу. Невзирая на холод, он просиживал на балконе и, следуя совету Родена, отсекал все лишнее. Лишнего было много, и поэтому приходилось работать по многу часов. Лед был прозрачен, это создавало дополнительные трудности, но зато на солнце скульптура играла спектральными бликами, высвечивалась изнутри, фокусировала лучи в узкие жгучие пучки, прожигающие дырки в одежде. Все это было эффективно и символично, но все же голова была слишком прозрачной, и постороннему критику могла показаться просто пустой, Тогда он тщательно отобрал свои самые лучшие мысли, промыл их в проточной воде, отполировал и вложил в голову. Подо льдом они походили на вмороженных рыбок, только без чешуи. Теперь каждый желающий мог прочитать его мысли без помощи телепатии.

Отдыхая от трудов за штангой, он черпал вдохновение в своем отражении в зеркале, каждый раз находя в нем что-то новое и прекрасное. «Нет безобразья в природе»,— повторял он некрасовские строки, подразумевая под природой себя.

На шестой день творения к нему стали приходить лю-

ди с фрески. Они являлись из-за высокой мраморной стены, продираясь через колючую проволоку, влекомые любопытством и злонамерением, скапливались у края бассейна, кричали что-то, но голосов их не было слышно; пытались бросать камни, но те наталкивались на плоскость стены и отлетали обратно.

Докучливые пришельцы были одеты в лохмотья, и нельзя было понять, какой они нации и из какого времени пришли. Вечно голодные, они дрались из-за кусков, топили друг друга в бассейне, кидались осколками мрамора, причиняя раны и увечья.

Сначала он не обращал на них внимания, но когда их вечное копошение стало невыносимым, он дорисовал стену под самый потолок и по колючей проволоке пропустил электричество. Это ненадолго прекратило появление пришельцев, но потом они разломали стену и стали приходить из проломов, за которыми виднелись густо населенные города и неведомые земли.

Знающий все обо всем, он нисколько не интересовался ни этими городами, ни этими землями, ему было безразлично, кто эти люди, и что им надо, и отчего они враждуют, и для чего они живут.

Он знал главное: для чего живет он, и это главное было столь величественным по сравнению со всем остальным, что весь окружающий мир представлялся ему одинаково пустым и нереальным.

Бюст становился все более совершенным, все более похожим на него самого, и подчас он чувствовал, как что-то уходит из него и воплощается в лед. Иногда он не мог понять, кто же из них настоящий, и тогда приходилось залезать в теплую ванну, чтобы убедится в своей неуязвимости.

Он украсил бюст венком, сработанным из пластинок льда, отполировал теплой водой лицо и долго стоял, глядя на него.

Через много лет он вспомнит и этот день, и следующий за ним. Тот день, когда бюст заговорит. Услышав речь бюста, он не удивился, хотя и не ожидал от него такой наглости. Привыкший считать себя единственным настоящим человеком, он легко поверил в небывалое, ибо полагал, что все, созданное им, одухотворяется его духом, живет его жизнью и является его непосредственным продолжением.

Он сел, зачерпнул горсть снега, крякнул и сказал: «Я

самый умный». — «Ну и что?» — спросил бюст. «Я тебя кулаком трахну», — сказал он на это. «Не-а»,— сказал бюст, высокомерно вытягивая губы. «Это почему же? Видал кулак? Его все боятся». — «Кроме меня»,— сказал вызывающе бюст. «Ты ведь ничего умного сказать не можешь», — высказал он свое любимое обвинение. «Как и ты»,— ответил бюст.

Услышав это, он замолчал, стараясь придумать такой аргумент, чтобы после него уж не придумывать никаких аргументов. И сказал так: «Растоплю. Автогеном». На что бюст строптиво ответил: «Отращу руки, стукну. Видал я таких философов». — «Скотина! Да как ты смеешь!» — «А вот так,— сказал бюст,— я говорю твоими же словами. Нравится? Это не ты, а я самый умный, самый сильный, самый талантливый. А ты — комок мяса, живший только для того, чтобы создать меня. Теперь можешь убираться. Мне и без тебя хорошо». Бюст поднатужился и высунул язык, красивый, как леденец.

Он хотел тотчас же разбить лед, раскидать его куски по балкону, превратить их в воду, вернуть льду первоначальную бесформенность и бессловесность, но пожалел свой труд. В конце концов, какой-никакой, а памятник. Поэтому он плюнул на лысину бюста, подождал, когда плевок замерзнет, и, с удовлетворением захлопнув балкон, принялся за штангу.

Звенела сталь, стонал дощатый помост, пришельцы на стене деловито лупили друг друга, бюст на балконе терпеливо собирал падавший снег, растапливал его и наращивал руки, а он не думал ни о чем, потому что мышцы в эти священные часы заменяли ему мысли. Величие его оставалось непоколебимым.

Вечером он ушел на свой склад и, прислушиваясь к голосу оттепели, даже беспокоился, что бюст может растаять, но быстро нашел забвение в длинном доказательстве своей исключительности. Это, как всегда, отвлекало его от неприятного и унесло в обжитые межзвездные дали, где, напыживая щеки, он занимался своим любимым делом — задувал звезды.

Наутро он увидел перемены в облике бюста. Тот за ночь собрал талую воду, нарастил себе руки и даже немного приподнялся над полом. Руки были толстые, перевитые буграми мышц и вздутыми венами и, несмотря на кажущуюся хрупкость, все равно были грозными.

«Обнаглел, да?» — спросил он у рукастого бюста. «А

что?» — невозмутимо ответствовал тот, разминая затекшие пальцы. «Врезать тебе, что ли?» Бюст повторил тем же тоном: «Врезать тебе, что ли?» — «Достукаешься»,— сказал он грозно. «Вот погоди, ноги отращу»,— пригрозил памятник. «Ты что это себе позволяешь? — сказал он, надвигаясь на лед. — Ты кто такой? Ты памятник мне и никто больше. Это я тебя сделал. Я». «Я памятник самому себе,— горделиво ответил бюст. — Быть может, ты и воду сделал, и лед сотворил?» — «Я создал самого себя и этого достаточно. Все, к чему я прикасаюсь,— мое по праву. Я — самый умный. Никто не выдерживает спора со мной». — «Кроме меня»,— сказал памятник. «А ты просто ледышка. Придет весна и ты растаешь». — «Я слишком велик, чтобы какая-то весна смогла растопить меня», — спесиво ответил памятник и надул губы. «Я с тобой и спорить не буду,— сказал он,— вот возьму и скину с балкона». — «Попробуй»,— сказал угрожающе памятник. Тогда он набычился, раскинул руки и попытался ухватить бюст за голову. Памятник звякнул и неожиданно стукнул его ниже пояса. Согнувшись не столько от боли, как от гнева, он поискал глазами что-нибудь тяжелое и, схватив дюралевую мачту, снес бы голову памятнику, но тот, ловко увернувшись, перегрыз ее. Грузно осев на пол, он ошеломленно смотрел на блестящий скус. Законы, придуманные природой и им самим, подло нарушались. Лед не мог быть ни таким увертливым, ни таким крепким. Но вопреки всему, это было, и приходилось жить по новым законам.

«Скотина!» — взревел он, впервые в жизни потерпев поражение. Балкон был узкий и тесный, но он изловчился и, сделав обманное движение левой рукой, что было силы влепил ногой по памятнику. Лед утробно зазвенел и даже не дал трещины, а он сам завертелся на одной ноге от боли и злости.

И тут памятник засмеялся. Смех его был похож на смех творца, только звонче и холоднее.

«Ты, комок мяса,— сказал бюст. — Знай свое место. Это я — самый сильный, самый умный. А ты — никто по сравнению со мной. Иди и принеси мне воды. Я жрать хочу». — «Воды? Тебе еще воды принести? Да я тебя кипятком ошпарю!» — «Нервничаешь, — удовлетворенно сказал памятник. — Это хорошо. Нервничает слабый. Может, подискутируем, а?» — «С тобой-то? Да у тебя нет ни одной своей мысли. Это я вложил в тебя свои. Я!

Как же ты будешь спорить со мной?» — «А вот так,— сказал памятник и стукнул своего творца в солнечное сплетение. — Нравится тебе такая мудрость? — ехидничал бюст. — Этой логике я научился у тебя, спасибо. Это самая мудрая мудрость — вовремя стукнуть оппонента. Да, с такими кулаками не пропадешь ни в одном споре». — «Да я, да я... — сквозь спазмы кричал он. — Да я не погляжу, что ты мой памятник, да я тебя!..» — «Остынь, мозгляк, — презрительно сказал памятник. — Это ты памятник мне. К сожалению, не совсем удачный. Придется тебя переделать. Ну так ты принес мне воды или нет? В противном случае, я пойду сам».

«Так иди, иди. На руках пойдешь, да?» Он отошел в сторону и приготовился к злому смеху. Памятник заскрежетал льдом, напыжился и оторвал обрубок от пола. Придерживаясь руками за перила, он очистил постамент от снега и, упираясь на кулаки, как на костыли, качнулся и двинулся вперед. Руки были длинные, это позволяло раскачивать тело, подобно маятнику. Памятник медленно двигался к двери.

Он вбежал в комнату, захлопнул дверь и смотрел из окна за движениями бюста. «Открой дверь,— сказал тот,— а то разобью. Ты меня знаешь. Я парень резкий». Ледяной рукой он ухватил ручку и выдрал ее вместе с шурупами. Пока памятник возился с дверью, он выхватил из шкафа ружье и, наскоро зарядив его жаканами, стал спокойно ждать, когда разлетится дверь. С ружьем в руках он снова почувствовал себя уверенно. Дверь слетела с петель, и памятник ввалился прямо под прицел. Он прицелился в грудь скорее по инерции, потому что сердца у памятников не бывает, и в последнюю секунду даже пожалел о своем труде и еще о том, что все-таки бюст очень похож на него самого, но хочешь не хочешь, а приходилось стрелять в своего близнеца.

Когда дым немного рассеялся и грохот отошел от ушей, он увидел, что памятник спокойно вышагивает по направлению к ванной с двумя дырками в груди и эти дырки, оплавленные по краям, уже заполняются водой.

«Брысь с дороги! — сказал памятник. — Щенок! Воды мне! Жрать хочу!» Оставляя иней на полу, скрипя и позванивая, памятник ворвался в ванную и по шуму воды можно было догадаться, что он пьет.

Творец его замер у стены, прижавшись спиной к фреске, и раздумывал: бежать ему из дома или продолжать

борьбу. И то и другое было бесполезным. Уступить свою комнату — почти что часть своего тела, казалось немыслимым, а драться с шагающим экскаватором — просто глупо. И все же он выбрал борьбу. Привыкший побеждать, он не мог позволить кому бы то ни было положить себя на обе лопатки, даже своему двойнику. Он схватил штангу, подтащил ее к ванной и основательно подпер дверь. Злорадно прислушиваясь к шуму воды и к довольному фырканью памятника, он приволок сюда же диван, добавил гири, между стеной и дверью вбил распорки из дюралевых угольников и встал сам, как наиболее надежная преграда. Потом, подумав, пошел на кухню, поставил на плиту большие кастрюли, наполненные водой, и стал ждать событий.

По-видимому, памятник напился. Неизвестно было, что происходило в его утробе с выпитой водой, ведь для превращения ее в лед необходим был холод, но бульканье и фырчанье прекратились, и первые толчки в дверь возвестили о его желании выйти. Потом он подал голос: «Эй ты, слизняк мягкотелый! Я разнесу дверь и тебя заодно! Открой подобру!»

С каждым словом дверь раскачивалась сильнее и сильнее, но баррикада выдерживала. Закипала вода. Он подождал, когда в двери образуется первый пролом и, следя за огромными кулаками, рушившими преграду, плеснул кипятка. Послышался крик, но не боли, а удесятеренного гнева. Пролом увеличивался, в него уже входила голова памятника, и по тому, как она возвышалась над полом, можно было понять, что он успел отрастить ноги. Это казалось абсурдным, но, по-видимому, памятник научился сам замораживать воду, и такая эволюция пугала. Кипящая вода выплескивалась на лицо, грудь, руки, заставляла лед сверкать, сглаживаться, но существенного вреда не приносила. Когда верхняя половина двери была разломана так, чтобы в пролом можно было пролезть, и невзирая на устойчивую баррикаду, памятник упорно выкарабкивался наружу с гневными угрозами, он понял, что не выстоит и придется позорно бежать, спасая свою неповторимую жизнь. Не успев пожалеть себя, он выбежал в коридор, подхватил велосипед, накинул куртку и без шапки ринулся вниз по лестницам, с содроганием внимая грохоту и рычанью разбушевавшегося памятника.

Отъехав от дома, он устыдился своей трусости, но рассудил, что все равно никто не видел его бегства и что лю-

быми силами стоило сохранить свое тщательно взлелеянное тело, свою редкую душу и уникальный ум. Становилось холодно, идти было некуда, родственников в городе не было, а друзей и подавно. И он поколесил по городу, разгоняясь на прямых улицах, чтобы согреться, но встречный ветер знобил, покрывал волосы корочкой льда, и он решил поехать на свой склад, где худо-бедно, но можно было переночевать.

Сменщица, разговорчивая старуха, приняла его в сторожку, напоила чаем и уложила спать на стульях.

Утром, униженный, обесчещенный, он сел на велосипед и покатил домой. Открыл дверь, прислушался. Слышно ничего не было, но холод стоял собачий. Вкатил велосипед, с независимым видом прошел в комнату. Дверь на балкон распахнута, стекла разбиты, ветер, смешанный со снегом, свободно гулял от стены к стене. На диване лежал памятник, закинув ногу за ногу и сложив ручищи на груди, он не то спал, не то мыслил. На фреске было все по-прежнему, тепло и тихо. Пришельцы сидели на краю бассейна, болтали ногами в воде и, показывая пальцами на него, смеялись.

Не говоря ни слова, он закрыл дверь на балкон, прибрал щепки, откатил штангу на место и, закрывшись на кухне, включил плиту, напился горячего чая и, согревшись, задремал в кресле. Ему ничего не снилось, ни галактики, власть над которыми он утерял, ни новые законы природы, что обычно открывались им во сне, ни даже сам он не снился себе, и это было прискорбно.

Через много лет, морщась от пружин, впивающихся в спину, он вспомнит те дни молчаливого перемирия, когда он сам жил на кухне, а остальную квартиру занимал памятник, разбухший до безобразия, уже не вмещающийся на диван, задевающий головой потолок и потому большую часть времени лежавший прямо на полу, под сквозняком, бесконечно раздумывающий о своем величии и непогрешимом уме. Сам хозяин не выходил из кухни, почти примирившись со своим падением, но все равно беспрестанно изобретая способы свержения негаданного узурпатора.

Три раза в день памятник с грохотом и звоном уходил в ванную, включал воду и шумно пил ее, после чего с трудом пролезал в дверь, ибо рост его был неудержим. Настал день, когда он мог только ползком приближаться к ванной, протягивать руку к крану и пить из пригоршней,

сам он уже не входил, не позволял рост и непомерно разросшаяся голова. Он присвоил себе все титулы бывшего хозяина и, лежа на полу, ногами упираясь в стену, а головой в балкон, громко разговаривал сам с собой и в собеседниках не нуждался. Со страхом и отвращением творец его узнавал собственные речи и говорил: «Нет, я был не такой, но все же признавал очевидное, каким бы невероятным оно не казалось».

Он уже не пытался учить людей, уж не говорил никому: «Я самый умный человек», а большую часть времени молчал и глаза никому не мозолил. Но его по-прежнему не любили, старались не сталкиваться с ним, не заговаривать, и он впервые ощутил свое отчуждение от мира, но это было отчуждение не гения, а изгоя.

В конце концов памятник разросся до такой степени, что не мог даже лежать, и ему приходилось сидеть, подогнув ноги и пригибая голову. К ванной подойти он не мог и мучился от голода, лишь иногда пробавляясь талой водой, собранной на балконе. На своего творца он не обращал внимания и даже не просил у него воды — гордость не позволяла. Неизвестно, приходила ли ему в голову мысль выйти из квартиры, но сейчас это явно было невозможно.

А хозяин терпеливо ждал, больше всего страдая от отсутствия дивана, на котором так хорошо думалось, штанги, которая так хорошо отвлекала от мыслей, своего телескопа, уносившего его в такие дали, что и мудрецам не снилось. Заглядывая в комнату, он видел там гору льда, заполнившую пространство, видел свою фреску, где так же бегали люди в лохмотьях, так же дрались они и мирились, и любили друг друга в тени колонн, и порой ему казалось, что тот мир более реален этого, одинокого и кошмарного. Однажды он захотел уйти туда насовсем, но стена не пустила его на радость оборванцам. Он только испачкался в известке и набил шишку на лбу, после чего сделал вывод, что ни тот, ни этот мир не принимают его и он никому не нужен, даже самому себе. И мысленно обвинил во всем свой зарвавшийся памятник. Он считал дни до наступления весны, хотя не слишком-то надеялся на ее благотворное действие, ибо памятник давно научился регулировать свою температуру и от внешней среды не зависел. Он ждал, когда узурпатор погибнет от голода или просто развалится на куски.

И надежды его были не напрасны. Памятник становил-

ся все более неподвижным, задумчивым, иногда впадая в словесный бред, нес всякую чепуху, упираясь в стены, он силился обрушить их, но бетон был крепче льда, и по телу его от натуги пробегали извилистые трещины, из которых вытекала мутная вода.

Однажды памятник сделал очередную вялую попытку подняться, но, обессиленный голодовкой, сдался и разразился длинной речью. Слова путались, заскакивали одно за другое, как шестеренки разболтанного механизма, мешались, нагромождались одно на другое, распадались, склеивались, разламывались, но все равно можно было понять, что он считает себя самым умным, самым сильным и самым громадным.

Последнее было бесспорно. Лед не выдерживал собственной тяжести, крошились пальцы, венок из хрупких листьев давно обломался, отлетали завитки волос, мысли в голове черные на свету, заплетались в тугие жгуты и, проламывая лед, выходили наружу.

Творец его стоял неподалеку и ждал. Ждал конца, уже неминуемого, с радостью и одновременно — с неприятным предчувствием собственного конца. Памятник, созданный им, был его близнецом, пусть немыслимым, но похожим на него самого, и это сходство, преувеличенное, но в корне своем верное, пугало и отвращало.

В конце концов, любой памятник — это преувеличение, и самая вопиющая гипербола — пресловутая вечность, на которую памятник обречен помимо своей воли, которой, впрочем, у него нет.

Ледяной памятник напрягся, по телу его пробежали судороги, он попытался повернуться к окну, но шея не слушалась и с последними словами, обращенными к миру, он рассыпался на куски прозрачного, звонкого льда. Слова были такие: «Я самый умный во всей галактике! Я самый великий во вселенной! Я!»

Неподвижная гора льда быстро начала таять, на полу растекались лужи, соседи прибегали снизу и жаловались на водопад, но сам хозяин первым делом освободил из обломков штангу, расчистил себе площадку, и раз за разом вздымал и вздымал ее к потолку, ни о чем не думая, ничего не зная.

Много лет спустя, постаревший, с лысиной, дерзко забравшейся на недоступную ранее высоту, он будет лежать на диване, вспоминать день, когда растаял лед, и мысленно придумывать новые, более грандиозные проекты увеко-

вечивания самого себя. В мыслях своих он решит, что памятник стоит сделать из целого города, то есть, расположить дома таким образом, чтобы с высоты птичьего полета был виден его победоносный профиль, но этот замысел покажется ему ничтожным, и он будет раздумывать над способом придать земному шару свои скульптурные черты, чтобы подлетающие пришельцы дивились этому, но потом и это он отбросит, и в гордыне своей надумает расположить звезды в галактике таким образом, чтобы...

И еще о многом он будет думать, не обращая внимания на неслышный смех оборванцев с фрески, на их невидимые слезы, на их нестрашную смерть.

ВАШ УЮТНЫЙ ДОМ

— Все это сказки,— сказал человек за столом. — Досужие измышления. Я уже устал объяснять, что не использую оживших мертвецов-зомби, а также заклинаний полинезийских колдунов и тайн халдейских манускриптов. Мои методы порождены нашим веком. Вы не верите, да?

Мэрфи с сомнением покачал головой. Возможно, он и не был бы таким настойчивым, но не мог отделаться от ощущения, что его пытаются надуть. Даже учитывая специфику ремесла своего собеседника, он считал, что помещение слишком убогое — крохотная комнатушка с обшарпанными голыми стенами, мигающая газосветная лампа, стол и два стула. Это угнетало. Или ремесло как раз и требовало такого вот антуража? Как нарочито старомодные конторки в старом почтенном банке...

— Вы только поймите меня правильно,— сказал Мэрфи чуть ли не просительно. — Я вас не знаю. Я только что вручил вам пятьдесят тысяч за то, чтобы вы избавили меня от... Ну, вы знаете, от кого. Вы обещаете, что сможете сделать это так, что ни один детектив мира не докопается до истины, не заподозрит злого умысла. Но я бизнесмен и, как всякий бизнесмен, привык иметь твердые гарантии...

Человек за столом сжал губы. В его лице не было ничего демонического или преступного, профессора Ломброзо он безусловно не заинтересовал бы.

— Что ж, может быть, вы и правы,— сказал он неожиданно мягко. — Но поймите, иногда для вашего спокойствия бывает лучше не знать. Это может плохо кончиться для вас.

— Глупости,— энергично отмахнулся Мэрфи. — Черт возьми, неужели в наше время кого-то может ужаснуть новый способ убийства? Это в наш-то век? Право, это несерьезно.

— Ну, если вы настаиваете... — пожал плечами человек за столом. — В конце концов, заказываете музыку

вы... Так вот, мы живем в мире электроники, взявшей на себя многие функции, когда-то выполнявшиеся самим человеком. Миниатюрная ЭВМ управляет вашей машиной, когда вы едете по городу, вашим телевизором, кухонной печью, замком входной двери и гаража, ванной, садовой косилкой и многими другими.

— Это очень удобно,— сказал Мэрфи. — Смешно читать, что наши отцы своими руками водили машину, готовили еду, таскали косилку по газону или поворачивали ключ в замке.

— Смешно,— согласился человек за столом. — Ну, а как работает ваша домашняя ЭВМ?

— Разумеется, по заданной программе.

— Правильно. Бытовыми компьютерами индивидуальных потребителей управляет Главный городской компьютер, который программируют люди...

— Стойте! — у Мэрфи вдруг перехватило дыхание.— Я... мне не следовало говорить, но я занимаюсь электронными бытовыми приборами. И я, кажется, понимаю, что вы имеете в виду. Неужели программы?

— Вы догадливы,— похвалил человек за столом. — Изменить коэффициенты, переставить знаки, пробить несколько лишних дырочек на перфокарте, и... Ну скажите: кого сажать на электрический стул, если управляемая ЭВМ машина внезапно на полной скорости врезалась в стену? Если дверь гаража упала на голову его владельцу? Если сквозь воду в ванне был пропущен ток? Если домашний киберврач вместо таблетки аспирина синтезировал таблетку цианистого калия? Не автомобиль, так киберврач, не телевизор, так одеяло с электроподогревом, не тостер, так люстра. Если все домашние вещи ополчатся против своего хозяина, рано или поздно он умрет и все детективы планеты не докопаются до истины.

— И только? — Мэрфи был немного разочарован.

— Нет,— человек за столом улыбался. — Видите ли, программист должен быть гением. Таким, как я. До появления второго гения я неуловим и неуязвим. Гении, правда, рождаются крайне редко...

— Постойте! — почти крикнул Мэрфи, подавшись вперед. Его волевое, энергичное лицо бледнело на глазах.— Дом-убийца, вы говорите? Но ведь точно так же кто-то может заплатить вам... или второму гению за МЕНЯ? Тогда мне придется с ужасом смотреть на свой телевизор, садиться в свою машину и рано или поздно...

— Я же вас предупреждал,— сказал человек за столом и отвернулся, чтобы не смотреть на Мэрфи, неверными, слепыми шажками идущего к двери.

«Безусловно, сенсацией дня следует считать самоубийство президента концерна «Вест Электроникал» Х. Дж. Мэрфи. Как мы уже сообщали, покойный в последнее время проявлял явные признаки умственного расстройства, отказывался ездить на автомобиле, пользоваться бытовыми электроприборами и неоднократно делал попытки убежать, по его собственным словам, «в леса и горы, где еще нет этих адских штук». Предполагают, что на рассудок известного предпринимателя повлияли сложные перипетии с конкурирующим концерном «Норд Электроникал».

— Браво, Джек! — президент концерна «Норд Электроникал» небрежно отшвырнул газету. — Вот это я называю отличной работой. Черт побери, это похоже на колдовство — вы, ничего не смыслящий в кибернетике литератор, сумели прикинуться гением-кибернетиком так искусно, что провели этого волка. Но ведь он мог не поверить, не испугаться?

— Исключено,— Джек Райлер, писатель-фантаст и с недавних пор специальный советник концерна, сидел на подоконнике и безмятежно болтал ногами. — Во-первых, многие в глубине души продолжают верить в злокозненность электронных мозгов, и я лишь подлил масла в огонь, подвел базу под его подсознательные страхи. Во-вторых, только человек без врагов не испугался бы на его месте, а разве он был человеком без врагов? Разве вы—человек без врагов? Извините, но вы вели бы себя точно так же...

— Послушай, Джек, — глухо сказал президент. — Все это, конечно, чистейшей воды фантастика, но... Как ты думаешь, может найтись — не в твоем ненаписанном романе, а в жизни,— гений-кибернетик, который сможет превратить любой дом в убийцу? Так как ты описал это Мэрфи?

Райлер долго молчал. Смотрел в окно на бесконечный поток автомобилей, которыми управляли компьютеры размером с пачку сигарет. Потом сказал, не оборачиваясь:

— Смешная история, босс. В одном спортивном магазинчике раскупили все велосипеды, пылившиеся там несколько лет. А магазинчик этот — рядом с концерном

«Ист Электроникал», буквально через дорогу. И покупали велосипеды сотрудники нашего дорогого конкурента...

Он слез с подоконника, прошел к столу и взял чашку кофе, только что сваренного киберповаром. Глядя ему в глаза, президент медленно-медленно отодвигал свою чашку и думал, что это глупо — ее отодвигать, это не выход, потому что все равно придется ехать домой в управляемом компьютером лимузине, что и замок на двери его кабинета отпирается компьютером, что ему с его радикулитом необходим ежедневный электромассаж, что...

Кофе из опрокинувшейся чашки залил бумаги на столе, но уголок газеты с некрологом остался сухим.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР С НАТАЛИ

— НАТАЛИ! НА-АТАЛИ! НА-А-ТАЛИ!

Человек упал лицом в узенький ручей, петлисто пересекавший зеленую равнину, неизвестно где начинавшийся и кончавшийся. Хватал губами воду, поперхнувшись, выплевывал, снова глотал, и руки рвали влажную черную землю, такую реальную, такую несуществующую. Оглянулся и всхлипнул.

Охота вскачь спускалась с пологого холма. Взметывали ноги черные кони, над усатыми лицами кавалеров и юными личиками прекрасных всадниц колыхались разноцветные перья, азартно натягивали поводки широкогрудые псы, стрелы лежали на тетиве, дико ревели рога. Движения всадников были замедленными и плавными, словно их засняли рапидом. Беглец двигался и жил в нормальном человеческом ритме, и это на первый взгляд давало ему все шансы, однако страшным преимуществом охоты была ее неутомимость. Он был из плоти и крови, они — нет, хотя их стрелы могли ранить и убивать.

Беглец поднялся, мазнул по лицу мокрой ладонью и побежал к горизонту, над которым тускло светило неподвижное тусклое солнце — ночник над столиком с ожившими куклами, прожектор над сценой.

— НАТАЛИ! НА-АТАЛИ! ХВАТИТ!

Ну останови это, умоляю тебя! Останови! Я твой создатель, твой творец, твой вечный собеседник, Натали. Я придумал тебя, построил, дал тебе имя, разум, сознание... А душу?.. Или ты хочешь показать, что душу ты обрела

сама? Если так, то ты разрушила все мои замыслы, Натали, ты должна была остаться разумом без души...

— ДОВОЛЬНО, НАТАЛИ!

Бесполезно. Охота уже на равнине, повизгивают псы, ревут рога, черные волосы передней всадницы, юной принцессы, колышутся на неземном ветру, справа и слева, бросая друг на друга ревнивые взгляды, скачут влюбленные кавалеры, ищущие случая отличиться на королевской охоте, и дрожит спущенная тетива. Стрелы летят с нормальной скоростью — пока мимо, кроме той, первой, что угодила в плечо. Пока мимо...

— НАТАЛИ! НУ Я ПРОШУ ТЕБЯ, НАТАЛИ!

Вначале были одни благие намерения. И машина, благодаря таланту создателя опередившая время, умевшая рассуждать, размышлять и отвечать творцу приятным женским голосом. Для пущего правдоподобия на одном из экранов светилось женское лицо, напоминавшее Венеру Боттичелли, любимого художника творца. Лицо жило, улыбалось, мило хмурилось, было бы глупо назвать ее иначе, не Натали.

И была гипотеза, которую следовало проверить. Уж очень хотят некоторые из окружающих выглядеть лучше, чем они, наверное, есть на самом деле. Что, если поставить их в обстоятельства, когда низменная сущность человека неизбежно проявит себя? И Натали сможет сделать это. Сможет!

Разумется, не каждый, кого ты подозреваешь в двуличии или незнании себя, окажется подлецом, слабым человеком или негодяем. И не каждому дано познать себя. Просто-напросто некоторым по счастливому стечению обстоятельств удалось обогнуть ту точку во времени и пространстве, где и открылась бы истина... Обладая верной и разумной Натали, способной за секунду перебрать миллионы вариантов непрожитых жизней и вынести не подлежащий обжалованию приговор либо безапелляционно оправдать?

Сначала это был неподъемный труд, адский даже для Натали, но она умела совершенствоваться, учиться, взрослеть...

— НАТАЛИ!

Сейчас трудно определить, с чего все началось. Кажется, виной всему та зеленоглазая и неприступная, насмешливо игнорировавшая любые аргументы в защиту свободной, ни к чему не обязывающей любви. Или тот, из

конструкторского, по мнению создателя, только притворявшийся праведником и бессребренником. Или оба они вместе...

— НАТАЛИ! Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ!

Как бы там ни было, отныне можно было проверить любые подозрения и исследовать все варианты, потому что существовала Натали — прекрасное лицо юной ведьмы на мерцающем экране, чуть хрипловатый, чуть насмешливый голос, миллионы квазинейронов и покорная готовность сделать все ради повелителя. Идеальная женщина — на этой мысли он порой ловил себя, а однажды поймал на том, что погладил серебристо-серую панель так, словно это была теплая девичья щека. В женщине прежде всего ищут беззаветной покорности, а кто мог быть покорнее Натали?

— ХВАТИТ, СЛЫШИШЬ? НАТАЛИ!

И вот наступил тот, первый, вечер. Волнуясь, он сел перед пультом, положил пальцы на клавиши, надвинул тяжелый, начиненный невообразимо сложной электроникой шлем — и в закоулках несуществующего портового города трое пьяных молодчиков встретили ту, зеленоглазую и неприступную. Приставили к горлу нож, поставив перед выбором — или быть покладистой, или смерть.

Она была покладистой — хотела жить. На что угодно соглашалась. И тот праведник из конструкторского, когда отправился из партизанского лагеря на разведку и попал к карателям, быстро выдал ведущие к лагерю тропы. Эксперимент удался блестяще. Творец чувствовал себя обладателем тайного знания, хозяином волшебного стекла, позволяющего проникнуть в подлинную сущность окружающих. В душе он теперь смотрел на них снисходительно и свысока — они не знали, кем могли стать при ином раскладе судьбы, но он-то... Каждый вечер он надевал шлем — и праведники оказывались подлецами, скромницы — шлюхами, бессребренники — хапугами, верные — предателями. Творец скептически кривил губы — мысленно, и ухмылялся — мысленно, когда при нем хвалили чью-то доброту, целомудрие и честность. Он-то знал, чего они все стоят...

— НАТАЛИ!

В глубине души он сознавал, что ежевечерние путешествия стали для него чем-то вроде электронного наркотика, но остановиться уже не мог — тайное знание и тайные истины превращали его в верховного судью, всезнающего арбитра. Каждый вечер он уходил в невидимый не-

ощутимый мир Беспощадной Истинной Сущности (так он его прозвал), наблюдал свысока за подлостью, предательством, развратом.

И вдруг сам очутнлся в нем, в этом мире, и по пятам за ним неслась охота, его загоняли, как зверя, стреляли в него, хотели убить. Частичка сознання, свободная от животного страха, пыталась уверить мозг, что это иллюзия, что произошла непредсказуемая поломка, нарушившая обычную связь между ним н Наталн, превратившая его в пешку на придуманной им самим доске. Рано или поздно сработает защита, и ты сможешь отключиться, доказывал он себе. Нет ни этой равнины, ни тусклого неподвижного солнца, ни раны на плече — ничего этого иет, и тебя самого здесь нет, ты сидишь в мягком кресле перед серебристо-серым пультом, и вот-вот сработают предохранители, потому что машины уничтожают своего создателя только в сказках, потому что с Натали не может случиться ничего непонятного тебе...

НО ВСЕ ЛИ ТЫ ЗНАЕШЬ О НАТАЛИ?

Несколько минут разднрающего легкие бега — и он оставил охоту далеко позади. Упал в жесткую траву, стиснул ладонями виски, пытаясь вернуть прежнюю холодную ясность мышления, снова стать ученым, способным трезво анализировать н делать выводы.

ВСЕ ЛИ ТЫ ЗНАЕШЬ О НАТАЛИ?

Она ведь продолжала до сих пор совершенствоваться, умнеть, взрослеть, учиться...

Может быть, ее разум обрел душу. Может быть, разум обрел душу раньше, чем ты успел это заметить и понять, может быть, человеческого в ней было больше, чем тебе казалось, и Натали с самого начала была еще и женщиной, на свой лад любящей своего творца?

Любовь слепа. Любовь безоглядно прощает. Любящая женщина не виднт недостатков своего избраника, считает недостатки достоинствами и готова повиноваться любым желаниям властелина, не отказывая ему ни в чем. Во имя своей любви она способна на спаснтельную для хозяина ложь, готова лицедействовать, подлаживаться, всячески поддерживать заблуждения повелителя... До поры до времени. Очень часто настает момент, когда женщина вдруг понимает, что верила в миражи, наделяла избранника несуществующими достоинствами, а он оказался много проще, мельче, подлее. И случается, что обманутая женщина мстит, презирая и себя за то, что столько времени лгала...

— НАТАЛИ! ПРОСТИ! Я ЖЕ НЕ ХОТЕЛ, НЕ ДУМАЛ...

Не хотел верить, что она тебя обманывает? А может, тебе как раз и хотелось быть обманутым, верховный судья? Самого себя все же трудно обманывать, гораздо легче с благодарностью принять чужую ложь...

Охота приближалась, медленно и неотвратимо. Хлопья пены летели с лошадиных губ, остро посверкивали наконечники стрел, лица светились холодным азартом, и поздно было умолять, невозможно начать все сначала, не ответив за то, что было прежде...

— НАТАЛИ! НО МЫ ЖЕ ОБА ВИНОВАТЫ!

А откуда ты знаешь, что один расплачиваешься за все? — пришла последняя трезвая мысль, оборванная звоном тетивы, и стрела впилась под левую лопатку.

Боли он не почувствовал. Ревели рога, над равниной плыл тоскливый запах травы.

Он упал лицом на серебристо-серую панель, освещенную последними бликами меркнущего экрана.

ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ





ШКОЛЬНЫЙ УБОРЩИК

Начальная школа — типовое здание из цветного пеносиликата и армированного стекла — стояла на улице Плутона, и шум стартующих кораблей доносился сюда приглушенно, к нему уже привыкли и дети и преподаватели.

...Уборку школы он начинал поздно вечером.

Днем приходилось работать в оранжерее, выполнять случайные поручения, чаще всего, когда иужно было что-то тяжелое поднять или передвинуть.

Труднее всего было на большой перемене. Вокруг него частенько собиралась шумная толпа ребят. Приходилось отвечать иа неожиданные вопросы, а возникающая ребячья суматоха сбивала его киберлогику с толку, и он не знал, как себя вести. Защищаясь от непонятного и зная, что здесь он не нужен, он уходил в кабинет директора, где в углу, возле оконной портьеры имелось хорошее место, даже штепсельная розетка была рядом.

Когда иаступали сумерки и школу покидал последний преподаватель, он зажигал свет в школе и включал оконные затемнители. Затемнялся он от любопытных, которые, заметив его через стекло, желали посмотреть на него поближе, старались проникнуть в школу и мешали ему работать.

Он доставал из стенного шкафа ручной пылесос, вешал его за спину. Выводил за поводок автомойщика — АМ-10, похожего на большого белого жука. Пока АМ-10, тихонько посапывая, ползал по коридору, оставляя за собой влажные полосы отмытого напольного пластика и сосновый запах аэрозоля, он проходил с пылесосом по классам.

Забытые иа столах тетради и ручки он оставлял там, где они лежали. Обрывки бумаги, камешки, палочки и прочий мусор собирал в утилизатор. Непонятные ему предметы — чего только не приносили в школу дети — складывал на столе преподавателя, там утром их разбирал классный дежурный.

Приволакивая правую ногу, он спускался вниз в вестибюль — теперь он уже не падал на лестнице! — и сводил вниз АМ-10, который по-собачьи шлепал за ним на коротеньких мягких гусеницах.

Закончив уборку, он шел в туалет, мыл руки под краном, сушил их под феном и опять забирался в свой угол в директорском кабинете.

В его ферритовой памяти надежно хранились картины недавнего прошлого... буйные смерчи Венеры... жаркое бело-розовое пламя под кораблем... удары лунных метеоритов... непосильная тяжесть танкетки... Все это было не нужно ему здесь, в школе, поэтому не было желания что-либо вспоминать.

1

Начальная школа Космопорта носила имя Юрия Гагарина.

Конечно, Космопорт шефствовал над школой, где работала секция ЮКО—Юных Космонавтов и все ее учащиеся мечтали в будущем стать завоевателями Далекого Космоса.

Директором был Сергей Алешкин.

Он закончил Институт Космотехники и мечтал попасть на Венеру. А попал на «Луну-38». Но на другой год мечта его исполнилась, он слетал на Венеру и вернулся со свирепой планеты оглохшим на одно ухо. Мей Джексон— его жене — после метеоритной травмы на Луне тоже запретили полеты в Космос.

Тогда они и стали работниками начальной школы Космопорта.

Все-таки все здесь было рядом, можно было встретиться на космодроме со старыми товарищами, проводить их в очередной полет. А то и самим при случае слетать на Посадочную Станцию — двести километров над Космодромом — и оттуда еще раз взглянуть в черное, страшное и незабываемое небо Большого Космоса.

Этим летом Алешкин и Мей отдыхали на Гавайях, купались в тихоокеанском прибое и вспоминали Джека Лондона. Потом Мей улетела к родителям в Англию. Алешкин вернулся домой, в школу.

До начала занятий оставался еще месяц, но для ре-

бят, уже вернувшихся из летних поездок, в школе работали две секции. Алешкин руководил секцией ЮКО — Юных Космонавтов. Секцию ЮНА — Юных Натуралистов — вела Евгения Всеволодовна.

Если себя Алешкин каким-либо особенным работником школы не считал, то Евгения Всеволодовна была, по его мнению, весьма заметной величиной. Известный в стране биолог, она в свое время заведовала Институтом Бионики под Москвой. Для своих сорока восьми лет она выглядела молодо, если бы не ее пепельно-светлые волосы. Поседела она в один день, после аварии опытного реактора на антиводороде... тогда от ее сына и его жены— инженеров-атомщиков — осталось облачко раскаленного газа.

Евгения Всеволодовна оставила свой институт, забрала осиротевшую внучку Космику, приехала сюда, в городок Космопорта, и стала преподавать биологию в начальной школе.

Она развела небольшую оранжерейку при школе и воспитывала у детей повышенную любовь и уважение ко всему живому, существующему на земле. Алешкин понимал ее и сочувствовал ей. Евгения Всеволодовна так и сохранила недоверие к технике. Соглашаясь с необходимостью технизации, она все же считала, что человечество сотворило себе злого бога из стали, алюминия и пластмасс. Еще совсем недавно победоносное шествие этого бога принесло столько вреда беззащитной Природе, что ее пришлось срочно спасать от окончательного уничтожения строгими законами. За выполнением законов следили особые Инспекторы. Из всех своих прошлых титулов и званий Евгения Всеволодовна оставила должность Инспектора и в свое время запретила Космопорту — первому Космопорту страны! — строительство автодороги к радиомаякам, так как трасса ее прошла бы через посадки гибридных кипарисов. Управление Космопорта обратилось с жалобой в Совет Республики, и тем не менее дорогу пришлось вести в обход кипарисовых насаждений. А начальник техслужбы Космопорта Бухов получил выговор за пренебрежительное отношение к требованиям Инспектора и сейчас еще холодно раскланивается с Евгенией Всеволодовной.

Внучке Космике было шесть лет, она училась в первом классе, посещала секцию ЮКО, и любимой ее игрушкой была модель планетного вездехода...

2

Часто говорят: «все началось с того...», так же мог сказать и Алешкин. Все началось с того, что Квазик Бухов приисс в школу «черепашку».

Это была обычная «черепашка» — автомат для забора поверхностиых проб на трудных планетах. Достать ее Квазику оказалось совсем несложным делом — как уже говорилось, отец его заведовал техслужбой Космопорта.

Алешкин Бухова знал хорошо, оии вместе летали на Венеру. Знал и его жену, которая работала в единственном иа весь городок ателье женской модельиой одежды. Жеиа Бухова была самой красивой женщиной в городке, в ее жилах текла кровь ее буйных предков, каких-то восточных князей.

Квазик пошел в мать. Он учился в третьем классе и считал себя выдающейся личностью в секции ЮКО.

«Черепашка» была списана из-за неисправности в регуляторе двигателей. Бухов, ничуть не беспокоясь, передал ее сыну для показа на занятиях секции. На всякий случай он вынул из «черепашки» предохранители, с обычной для отцов наивностью полагая, что сынок не сумеет запустить ее без помощи руководителя.

Когда Квазик прибыл на секцию ЮКО с «черепашкой», засунутой в школьный портфель, Алешкин некстати задержался дома — его вызвала Мей по интервидео.

Квазик решил начать без него.

«Черепашка» походила на половинку большого арбуза. Под панцирем из метапластика имелись две гусеницы для передвижения, клешня для забора легких проб и цилиндрический алмазный бур для скалистого грунта. Кибернетическое устройство с несложной программой управляло ее действиями.

Все это Квазик рассказал ребятам за пять минут. Его выслушали со вниманием — сколь нн мало Квазик знал о «черепашке», все же он знал куда больше, чем его слушатели.

— А как она двигается? — спросила Космика.

Вот этого Квазик показать не мог. «Черепашка» лежала на полу, поблескивая панцнрем, загадочная, но неподвижная. Интерес к ней, а заодно и к лектору начал быстро угасать. И тут Космика произнесла роковые слова:

— Жаль, что ты не можешь ее запустить.

Квазик самолюбиво насупился и достал отвертку.

Он оказался более сообразительным, нежели о нем думал отец. Да еще ему и повезло, он сразу наткнулся на место, где стояли предохранители. Все остальное уже не составляло проблемы, и «черепашка» зашевелила клешней, поползла по проходу, мягко шелестя гусеницами.

Потом остановилась, затряслась, заскрежетала... и когда продвинулась дальше, то на пластиковом полу все увидели круглое отверстие — она взяла первую пробу.

Зрители восторженно загудели.

Кое-кто усомнился по поводу места для такого эксперимента... но это же так интересно! А «черепашка» остановилась возле ножки стола, попробовала ущипнуть клешней, а затем выдвинула свой алмазный бур. Посыпались опилки, и стол осел набок.

— Ух ты! — восхитилась Космика.

Но «черепашка» тут же развернулась и ухватилась клешней за носок сандалии Космики.

— Ой-ой! — закричала она. — Палец, палец...

Космика испуганно дрыгнула ногой, «черепашка» сорвалась, ударилась о стол, мотор у нее загудел, набирая обороты, и она стремительно помчалась по проходу. Зрители забрались на столы. Квазик кинулся выключить разогнавшуюся «черепашку», но она уже выскочила в коридор.

Виктория Олеговна работала в школе уборщицей, и Алешкин считал ее, после Евгении Всеволодовны, второй достопримечательностью школы. Мало того, что она отлично выполняла трудные обязанности уборщицы. Виктория Олеговна была кандидатом медицинских наук, лауреатом премии имени Пирогова, научным сотрудником лаборатории термозащиты при Космопорте. В школу пришла для разгрузки, отдохнуть от умственной работы — в лаборатории с нетерпением ждали ее возвращения.

Сейчас она неторопливо шествовала по коридору, несла в кабинет директора графин с холодным напитком.

«Черепашка» выкатилась прямо ей под ноги.

Виктория Олеговна оторопело остановилась, приглядываясь к непонятному существу, которое по-собачьи принюхивалось к ее ногам и вдруг крепко поймало ее за каблук.

Тогда Виктория Олеговна деликатно ойкнула, уронила на пол графин и схватилась за сердце.

Трудно сказать, как бы дальше развивались события, но тут разом подоспели и Квазик и Алешкии. Черепашку выключили. Алешкии подхватил обмякшую Викторию Олеговну. Восстановить ход событий было нетрудно, он выразительно посмотрел на Квазика и повел Викторию Олеговну в свой кабинет.

Он усадил ее в кресло, достал таблетку валиброма и приготовился к неприятностям.

Когда Виктория Олеговна пришла в себя, она вторично попросила освободить ее от хлопотливых обязанностей школьной уборщицы. На этот раз он уже не стал ее уговаривать, хотя ему по-прежнему некем было ее заменить...

3

Виктория Олеговиа ушла, и школа осталась без уборщицы.

Алешкин еще согласился бы обойтись без преподавателя. Он мог заменить уроки телевизионной лекцией, — существовали школы вообще без преподавателей... Вот только без уборщицы он обойтись ие мог.

Это уже стало проблемой не только в его школе, но и в стране. Где только возможно, уборщиц заменили автоматы, появились автопылесосы, автомойщики, автомусорщики и прочие машины специального назначения. Под ступеньками лестниц появились автощетки, которые сметали с ног входящих уличную пыль. Но слишком сложен был интерьер, окружающий человека, поэтому самые остроумные автоматы не везде могли заменить пусть самую заурядную, но живую уборщицу. А тем более в школе.

Роботы все еще были очень дороги, и специальное постановление запрещало использовать их для наземных работ. Только для Космоса...

Без особых надежд Алешкин позвонил в Бюро Предложений. Потом набрал номер техслужбы космопорта и увидел на экране лицо Бухова с отекшими веками — следами старых космических перегрузок.

— Что? — сразу спросил Бухов. — Опять мой техник чего натворил?

Алешкин рассказал про «черепашку». Бухов сокрушенно покрутил головой.

— А ведь я у нее предохранители вытащил.

— Значит, он их поставил.

— Сообразил...

— Он-то сообразил.

— Вот я и говорю. Ремнем бы его.

— Каким ремнем? — не понял Алешкин.

— А!.. — отмахнулся Бухов. — Значит, навертела там дырок. Ну, я тебе ремонтника пришлю.

— Да я не об этом. Это пустяки, сами справимся.

— А чего еще?

— Виктория Олеговна у меня ушла.

— Не отпускал бы.

— Не могу ее больше задерживать, сам знаешь... Как ты там без уборщиц обходишься?

— Автоматов понаставил где только можно.

— А где не можно?

— Там сам убираю... Слушай, а не пойти ли мне в школу? Надоело что-то мне здесь. Без меня Космопорт обойдется как-нибудь.

— Думаю, что обойдется,— поддакнул Алешкин. — Вот только мне ты не подойдешь. У меня же работать нужно. Школа — это тебе не кнопки нажимать. Дети!

— Да, профиль у меня не тот.

Бухов некоторое время рассматривал насупившегося Алешкина.

— Слушай,— сказал он.— Найду я тебе уборщика.

— Тебе шуточки...

— Да серьезно! Вот, не верит... Завтра с Луны прилетает.

— С Луны?

— С нее самой, с «Луны-50».

Тяжелое гудение оборвало разговор, изображение на экране исчезло за белыми полосами. Алешкин терпеливо ждал — со стартовой площадки поднимался корабль, он ушел в зенит, Алешкин опять увидел лицо Бухова и спросил:

— Значит, космонавт?

— Ну космонавт, а тебе — плохо?

— Так он ко мне не пойдет.

— Как это не пойдет? Скажем, и пойдет.

— Ему отдыхать положено. Два месяца.

— А чего ему отдыхать.

— Не железный же он.

— Не железный, это верно...

Тут экран опять мигнул, еще раз... Бухов повернулся к селектору связи.

— Слушай, меня «Сатурн» вызывает, ты извини, я отключусь. Ты приезжай завтра. «Селена» прибывает, как всегда, в двадцать ноль-ноль. Бывай здоров!

Алешкин выключил звуковизор. Подумал. Потом позвонил в справочное Космодрома, попросил сообщить, кто работал на станции «Луна-50».

Ему назвали четыре незнакомые фамилии...

4

Потрепанный «Кентавр» Алешкина катился по автостраде к Космопорту. Электромотор тянул плохо, аккумуляторы пора было заменить, да и ходовая часть нуждалась в ремонте, вообще машиной пора было заняться всерьез.

— Сапожник без сапогов,— говорила Мей.

— Без сапог,— поправлял Алешкин.

На возню с «Кентавром» так и не хватало времени.

Опускающееся солнце слепило глаза, Алешкин включил поляризатор ветрового стекла, и солнечный диск стал походить на раскаленную докрасна сковороду.

Бело-голубой корпус «Селены» уже стоял на поле, от него поднимался легкий дымок. Алешкин сразу прошел к Бухову. Тот кивнул ему, продолжая вести разговор по селектору. Алешкин опустился в кресло, нащупал кнопки управления, опустил у кресла спинку, убавил упругости и расположился поудобнее.

Они поговорили о том о сем. Бухов пожаловался опять на сына.

— Дома автощетку установил.

— Не работает,— посочувствовал Алешкин.

— Еще как работает. Как заходишь, эта щетка на пружинке и прыгает на тебя, как дикая кошка. На непривычного человека, знаешь, как действует. Я уж выключаю ее, а то соседи заходить боятся.

Опять запикал селектор.

— Ну чего там? — спросил Бухов. — Так пусть сюда идет, ко мне. А чего его провожать, он сам дорогу найдет, не маленький.

Бухов отвернулся от селектора, Алешкин уже подумывал, что Бухов забыл о своем обещании, и только собирался ему напомнить, как за его спиной открылась дверь и пластик пола заскрипел под тяжелыми шагами.

Алешкин вскочил.

В дверях стоял ТУБ. Тот самый, Алешкин узнал бы его среди сотни других. Оспины метеоритных ударов продолжали покрывать его плечи, он стоял, чуть завалившись на правую ногу, ту самую ногу, которую вывернул, когда тащил на себе танкетку, спасая жизнь ему, Алешкину, и Мей.

— Старый знакомый? — улыбнулся Бухов.

Алешкину даже захотелось обнять ТУБа, но он постеснялся Бухова.

— Здравствуй, старина!

Он протянул руку, ТУБ ответно поднял свою ручищу, но сказать в ответ ничего не мог, только хрипнул и замолчал.

— Опять голос потерял, бедняга. Досталось ему, смотрю, за это время.

— Поработала машинка! — согласился Бухов.—Даже с Луны списали, за негодностью. Вон акт лежит. «Потерял быстроту движений и реакцию на приказы...» Пижоны, я смотрю, там на Луне, возиться с ним не хотят. А ему присмотр нужен.

— Нужен,— согласился Алешкин.

— Вот я и говорю. А по акту его куда? Только списать. А он бы еще работал да работал.

Тут Алешкин наконец понял Бухова.

— Вот ты о чем... А как же Постановление?

— А чего — Постановление? Оно про исправные машины написано. А этот списанный. Можно считать, что его нет. А потом, ты мне скажи, будут они у нас когда-нибудь на Земле работать?

— Будут, конечно.

— Вот и будем считать, что мы первыми начали этот эксперимент. Акт я вот в этот ящик положу, он у меня длинный. Так что скажи дяде спасибо и забирай свою уборщицу.

Строгие Постановления комиссии по Кибернетике Алешкин помнил лучше Бухова и если беспокоился, то только за него. Но и соблазн был велик...

— Мне бы инструменты кое-какие, проверить его. Тестеры там, микрошурупы.

— Зайдешь в техотдел, тебе все дадут.

— Как его еще Евгения Всеволодовна примет. Знаешь, какая она?

— Ну вот это уже твоя забота.

Мелких повреждений у ТУБа оказалось порядочно, да и с линией звука пришлось повозиться, пока он не смог внятно отвечать на вопросы.

Алешкин поставил на место контрольную крышку.

— Хрипеть ты, конечно, будешь. Тебе, по-настоящему, говорители нужно новые поставить. А у меня их нет. И нигде нет, только на заводе. А вот на завод нам с тобой показываться пока нельзя... Ну ничего, тебе не петь. И хромать будешь, тут я тоже ничего поделать не могу. Ногу тебе нужно новую, понял?

— ...понял...

— Но держишься ты крепко. И биоблокировка у тебя работает, а это главное... Хотя, милый мой, главное для тебя еще будет впереди. Наша Евгения Всеволодовна технику не любит, вот это главное. Женщина она, понял?

— ...понял... женщина... — сказал ТУБ.

— Вот как? — усомнился Алешкин. — А что же ты понял?

По паузе он догадался, что киберлогика ТУБа опять включила блоки условных понятий.

— ...о женщины... ничтожество вам имя...

— Вот это да! — опешил Алешкин. — Ай да программисты! Слушай, ты этого Евгении Всеволодовне не скажи. Она, как я знаю, хотя Шекспира и любит, но после такой цитаты ты вряд ли ей понравишься. А мне нужно, чтобы ты ей понравился, понял?

— ...нужно понравиться... — хрипнул ТУБ.

— Вот именно. Тогда все будет хорошо. Ох, боюсь я за тебя, ТУБ. Давай-ка я твою голову еще от копоти очищу.

Пока Алешкин чистил и мыл ТУБа, наступил вечер. Но откладывать встречу с Евгенией Всеволодовной у него уже не хватило терпения.

— Садись в машину! — сказал он.

5

Космика собиралась ложиться спать.

Она уже разделась и сидела на стуле, болтая ножками, дожидаясь, когда Евгения Всеволодовна приготовит ей постель.

Бабушку свою Космика сокращенно называла «б'уш»...

— Скажи, б'уш, у меня всегда такое брюхо будет?

И Космика похлопала ладошками себя по голому животику.

— Какое брюхо?

— Ну живот, видишь, какой толстый. Никакой фигуры нет.

— А какую тебе нужно фигуру?

— Вот такую... — Космика показала руками. — Как у нашей хореографички. Чтобы — красивая. Я хочу всем нравиться.

— Ты мне и такая нравишься.

— Тебе — это не считается. Я хочу другим нравиться. Чтобы за мной ухаживали. Как за хореографичкой.

Евгения Всеволодовна искоса взглянула на Космину.

— Знаешь, посмотри-ка там, который час?

— И смотреть нечего. Сейчас ложусь.

Она слезла со стула, забралась под одеяло и закинула ручонки за голову. Некоторое время разглядывала потолок, зевнула.

— Б'уш, ты опять мне гипнопедию ночью включишь?

— А что?

— Надоела мне твоя гипнопедия.

— Должна же ты знать иностранные языки. Французский ты знаешь. Теперь должна выучить английский.

— Неинтересно во сне учить. Ложусь спать и не знаю, как по-английски «стол». А просыпаюсь и уже знаю: «тейбл». Скучно.

Она повернулась на бок и положила под щеку сложенные ладошки.

— Ладно уж, я сейчас засну, только ты сразу не включай. Может быть, я сон какой-нибудь интересный успею посмотреть.

Евгения Всеволодовна в задумчивости постояла над кроваткой, посмотрела на засыпавшую Космику, покачала головой, вздохнула и направилась в свою оранжерею проверить молодые саженцы и установить температуру на ночь...

Алешкин своего «Кентавра» оставил на улице. Вместе с ТУБом он подошел к оранжерее, но спустился в нее пока один.

На него пахнуло теплым влажным воздухом. Автощетки высунулись из-под ступенек и быстро обмели ему ботинки. Евгения Всеволодовна боялась не пыли, а посторонней цветочной пыльцы, которую могли случайно

занести с улицы и тем самым испортить всю ее отборочную селекцию.

Она встретила Алешкина возле дверей.

— Смотрите, какая прелесть! — сказала она.

На деревянной скамеечке стоял большой цветочный горшок, из которого торчал здоровенный зеленый шар, уинзанный длинными рубиновыми колючками.

— Красавец, ие правда ли?

Алешкин решил согласиться.

— Из Англии получила, из ботанического сада. Ваша милая Мей помогла мне его достать. Гибридный кактус — не буду называть по-латыни, и длинно, и не поймете. Редкость у нас. Скоро зацветет... Но вы ко мне зачем-то за другим, конечно?

— Да. И я не один.

Евгения Всеволодовна с готовностью повернулась к дверям. Вздрогнула и отступила на шаг.

— Мой бог! — сказала она.

Конечно, это был тот же Шекспир, но здесь он совсем не понравился Алешкину.

— Не пугайтесь,— сказал ои мягко. — Это же обыкновенный ТУБ.

Широкоплечая прямоугольиая фигура закрывала весь просвет дверей. Евгения Всеволодовна до этого встречалась с ТУБами только по телевидению и относилась к ним, как и ко многим техиическим новинкам, с предубеждением, считая их чем-то вроде заводных кукол — игрушек.

— Не то чтобы я их боялась,— сказала она. — Просто эта подделка под человека вызывает у меня неприязиь.

— Жаль... Мне так хотелось, чтобы эта подделка вам хоть чуточку бы понравилась.

— Зачем?

— Так,— уклонился Алешкин. — Нужио же привыкнуть к ним когда-нибудь. Ведь это наши будущие помощники.

— Думаю, это произойдет ие скоро.

— Кто знает... Можно, я приглашу его спуститься сюда?

Евгения Всеволодовна пригляделась к Алешкииу. Помолчала.

— Он ничего ие сломает, надеюсь.

— Нет. Он более безопасный посетитель, чем я. Иди сюда, ТУБ!

Евгения Всеволодовна чуть вздрогнула, когда коричневая махина переступила порог и спустилась по лестнице.

— Познакомься, ТУБ! Это — Евгения Всеволодовна.

— ...здравствуйте...

ТУБ сделал еще шаг и протянул руку. Алешкин смутился вначале от такой навязчивой невежливости ТУБа, и тут разглядел в его руке цветок.

— Что это? — удивилась Евгения Всеволодовна.

Сказать правду, Алешкин удивился цветку больше, чем она. А он-то считал, что знает пределы сообразительности ТУБа. Ай да программисты! Ну и молодцы...

— Он просто дарит вам цветок... и знаете, Евгения Всеволодовна, это не инсценировка, поверьте. Я здесь ни при чем, хотя мне и стыдно в этом признаться. Я только сказал, что мне хотелось, чтобы он вам понравился. А в его программу, очевидно, заложили, что женщинам дарят цветы. И он сорвал этот цветок еще дома, перед тем как нам поехать сюда. Клянусь Ганимедом, это так.

Евгения Всеволодовна осторожно приняла цветок. Она прикоснулась к руке ТУБа и удивилась невольно — пальцы его были теплые.

— Спасибо! — сказала она. — Спасибо, ТУБ... Да, это цветок из вашего садика. Я сама давала саженцы Мей. Лилия — лилиум кандидум.

Алешкин раздумывал, как дальше вести разговор, и тут Евгения Всеволодовна помогла ему сама.

— Так зачем же вы его ко мне привели?

— А вы не догадываетесь?

— Ничуть.

— Ну... у нас же ушла Виктория Олеговна.

Вот только сейчас Евгения Всеволодовна испугалась по-настоящему.

— Вы сошли с ума, Алешкин! Вы забыли, что у нас дети.

— Вот о них я только и думал все эти дни. Если бы не наши детки, я бы за него не беспокоился. Да, да, я беспокоился только за него. Он безопасен, он никому не причинит вреда, не наступит на ногу, не толкнет. Он так сконструирован. У него две ступени биозащиты...

— Вы хотите сказать, что его могут обидеть дети?

— Ну, в переносном смысле, конечно. ТУБ предельно правдив и доверчив — если можно применить такие слова к машине, которая сама не понимает их смысла.

Его доверчивость легко использовать ему во вред. Вот этого я и боюсь.

— Ах, вот что.

— Да! Ему у нас будет куда труднее, нежели на какой-то там Луне. Но у него уже нет другого выбора. Он списанный.

— Как списанный?

— Очень просто, как негодный для дальнейшего употребления. Это же не живое существо, а только техническая подделка. На него распространяются строгие законы. Он подлежит разборке и уничтожению, как некачественный механизм. Только мы и сможем... Фу, чуть не сказал: спасти ему жизнь!

Евгения Всеволодовна молча вертела в руках цветок, осыпавший ее пальцы желтой пыльцой.

— Вам не следовало так говорить,— сказала она наконец. — Это — нечестный прием. Подождите, не оправдывайтесь... Хорошо, мы попробуем.

Она улыбнулась задумчиво.

— На самом деле, нельзя же отправлять в разборку машину, которая сохранила в памяти то, что забывают иногда живые люди — дарить женщинам цветы... Ладно, Алешкин, не принимайте это за упрек. И не благодарите меня за вашего протеже. Лучше помогите переставить этот кактус вон туда, в угол.

— ТУБ! — сказал Алешкин. — Не беспокойтесь, Евгения Всеволодовна, он сделает это лучше меня. Возьми это, осторожно.

— ...понял... осторожно...

Он поднял цветочный горшок своими ручищами и двинулся следом за Евгенией Всеволодовной, плавно и мягко перекатывая свои рубчатые подошвы. Она убрала с его дороги скамейку.

— Вот сюда поставьте, пожалуйста.

6

Утром Евгению Всеволодовну разбудил дождь.

Пришлось встать, закрыть окна. Дождь тут же прошел, но ложиться в постель уже не имело смысла.

ТУБ стоял у крыльца коттеджа, под навесом входных дверей, куда его поставили вчера вечером. Евгения Всеволодовна выглянула в окно, хотела сказать «доброе ут-

ро!» Однако решила, что это будет выглядеть смешно, и прошла в ванную.

Энергично растираясь после душа массажным полотенцем, она вышла в комнату... и оторопело остановилась.

В комнате у порога стоял ТУБ.

Синие огоньки его видеоэкранов были направлены на нее. ТУБ смотрел на нее! Евгения Всеволодовна попятилась за дверь. Фу, какие глупости, чего она испугалась? Это все равно, что стесняться автомойщика или стиральной машины.

Рассуждения были верны, конечно, но она все же накинула халат.

ТУБ продолжал стоять у дверей. Почему он вошел в комнату без приглашения. Испугался дождя?

— Иди на свое место! — сказала она.

ТУБ послушно шагнул к порогу, но остановился и поднял руку. На громадной, как поднос, ладони лежал мокрый комочек, покрытый слипшимися перышками. Это оказался птенец ласточки, которого ветром выбросило из гнезда, а ТУБ подобрал его на земле.

— ...живой... — хрипнул он.

Поначалу Евгения Всеволодовна не обнаружила у мокрого и застывшего птенца каких-либо признаков жизни, но ТУБ оказался прав. Птенца высушили и согрели феном, и он зашевелился и запикал. Его родители тут же появились за окном. Евгения Всеволодовна знала, где находится их гнездо — под навесом крыши над директорским кабинетом. Но сама она не могла дотянуться, пришлось поручить это ТУБу. Он забрался на подоконник, далеко высунулся в окошко. Евгения Всеволодовна тревожилась и придерживала его за ногу, хотя удержать ТУБа было не легче, чем, скажем, падающий рояль.

Все обошлось благополучно. И она не могла не отметить, что ласточки больше боялись ее, нежели коричневую человекообразную громадину.

У коттеджа их встретила Космика.

Она только что поднялась с постели, стояла на крыльце и сонно еще щурилась на солнце.

— ...доброе утро... — прохрипел ТУБ.

— Мой бог! — сказала Космика. — Это кто такой!

— ...меня зовут ТУБ... здравствуйте...

Евгения Всеволодовна невольно улыбнулась — ТУБ учил внучку вежливости. Она редко видела Космику рас-

терянной — нынешние дети также самоуверенные, право! Но сейчас Космика явно растерялась и даже не знала, что сказать, а только таращила на ТУБа широко открытые глаза.

— С тобой здороваются, Космика!

— Ух ты... я тебя сразу и не узнала, ТУБ! По телевизору ты казался мне маленьким.

Она храбро протянула вверх свою ручонку. ТУБ склонился к ней, подал в двигатели пальцев усилие в одну десятую килограмма и осторожно пожал тонкие пальчики девочки.

Пока Евгения Всеволодовна готовила завтрак, на крыльце продолжался разговор. Конечно, больше говорила Космика.

— А почему ты хрипишь? Ох и хрипишь — просто ужасно. Ты простудился, да? Тогда погреем горлышко инфраружем и все пройдет. А ночью ты не кашляешь?

— Космика,— сказала Евгения Всеволодовна,— по-моему, ты задаешь глупые вопросы. А еще занимаешься в секции космотехники. Разве робот может простудиться? Он — железный.

— Он метапластиковый.

— Все равно. Простуда — это воспаление органической ткани, а у него такой нет.

Но Космика не сдавалась:

— А может, он усовершенствованный.

Евгения Всеволодовна не решилась оспаривать такое предположение. ТУБ воспользовался паузой.

— ...хрипит... поврежден звукодатчик...

— Вон что,— сказала Космика. — Так мы тебе тут поставим новый, мы тебя отремонтируем... А что ты у нас будешь делать? Будешь читать нам роботехнику.

— ...работать... уборщиком...

— Ах, ты вместо Виктории Олеговны. Тогда тебе школу покажу.

— Сначала завтракать,— сказала Евгения Всеволодовна.

— Ну да, конечно, завтракать... Пойдем ТУБ, заправимся.

— Как ты говоришь, Космика?

— Так это я ему говорю, он же машина. А машина — заправляется.

— Но не за столом.

— А может, его уже на биопищу перевели. ТУБ, ты

ничего не кушаешь, нет? Значит, ты аккумуляторный. Хорошо тебе. Так ты меня подожди, я сейчас...

Когда Алешкин пришел в школу, он услышал звонкий голосок Космики и невольно остановился послушать.

— Вот здесь у нас лаборатория. Опыты делаем, понимаешь. Реакции всякие. Восстановление, окисление — иногда интересно, иногда нет. Видишь, сколько баночек, здесь нужно осторожно-осторожно, а то все падает... А вот там спортзал... Осторожнее, тут на ступеньках не запнись, у тебя же ножка больная... Видишь, автощетки из-под ступенек выскакивают, это они пыль собирают... А вот здесь умывальник. Ты моешь руки или тебя чистят бензоридином?.. Покажи-ка ладошки... ничего, чистые... Здесь у нас... ну, здесь девочки, а вон там — мальчики. Тебе к мальчикам придется ходить. Подожди, а может быть, тебе туда и не нужно. Или у тебя бывает это... ну, отработанное масло?

Занимаясь в кабинете, Алешкин видел в окно, как они вдвоем бродили по двору школы. Подняв вверх ручку, Космика держала ТУБа за палец, они так и шли рядом, и когда он делал один шаг, она делала три...

7

Днем в школу пришел Квазик.

Космика выполняла домашнее задание — читала французскую детскую классику. Квазик хотел позвать ее домой, показать свою автоматическую щетку. Космика отказалась.

— Подумаешь, автощетка у него. У нас в школе уже ТУБ есть.

— Какой ТУБ? — опешил Квазик. — Настоящий?

— Самый правдашний... ТУБ, подойди к нам, пожалуйста! Познакомься.

Квазик отступил на шаг и заложил руки в карманы штанов.

— Ты почему не хочешь подать ему руку?

— Еще чего. Разве ты здороваешься с автомойщиком?

— У автомойщика рук нет, а у ТУБа есть. И он умный. Он все понимает, только мало говорит. ТУБ, ты на него не обижайся, он всегда такой грубиян. Он даже девочкам грубит.

Квазик самолюбиво вспыхнул.

— А что ты ему объясняешь. Ничего он у тебя не поймет. Он же машина, самая обыкновенная машина. Я их сколько у отца видел. И не таких развалюх, хромоногих.

— ...ногу повредил... — хотел объяснить ТУБ.

Но Квазик его тут же перебил:

— Что у нас будет делать этот комод?

— А что такое — комод?

Но Квазик не знал, он слышал это слово от матери, по интонациям догадался, что это что-то презрительное.

— Наверное, плохое что-нибудь,— заключила Космика. — Разве ты хорошее скажешь. А ТУБ будет у нас преподавать космотехнику.

— Ну?

— Конечно... Вот он на уроке тебя спросит: «Квазик, скажи, пожалуйста... — Космика чуть подумала, — скажи, пожалуйста, сколько времени нужно «Селене», чтобы долететь до Марса?»

— «Селена» на Марс не летает.

— А если полетит.

Конечно, Квазик этого не знал.

— Он скажет: «Садись, Квазик, очень плохо».

— А он сам-то знает?

— Сколько, ТУБ?

— ...две тысячи восемьсот сорок часов...

— Понял?

— Ну и что? — не сдавался Квазик. — У него же — программа. Это как в справочнике, все уже записано. А не по программе, так он так... МДД и все.

— Как-как?

— МДД — механический дурак дураком.

— Вот как! — сказала Космика. — Воображала ты. Воображала и грубиян. Ты думаешь, сам по себе стал такой умный? Тебя тоже программировали. Тебя вон сколько лет программировали, а ты все БДД.

— Это что за БДД?

— Биологический дурак дураком!

И они поссорились...

Алешкин познакомил ТУБа с детьми на очередной секции ЮКО. Пожалуй, они не очень удивились. Дети механизированного века, чей быт до предела был насыщен всевозможными автоматами и механизированными игрушками, они уже привыкли ко всему и ТУБа приняли

как очередное произведение автоматики, как большую автоматическую куклу. А сложность устройства квазимозга и работа киберлогики еще не воспринималась ими осознанно и поэтому не вызывала особого удивления тоже. И уж совсем мало, кто из них принял его с такой симпатией, как Космика...

Но специальным знаниям ТУБа все отдавали должное, в космотехнике он разбирался. И слава Квазика стала меркнуть.

Особенно после того, как Плеяда Сафронова — мать ее работала штурманом на «Селене» — принесла на секцию автовизир для определения курса корабля в Малом Космосе. Это был не очень сложный, по тем временам, инструмент. Алешкин упрощенно объяснил его работу и ушел по своим делам. Автовизиром тут же завладел Квазик... и тут же запутался.

Тогда Космика пригласила ТУБа.

Конечно, ТУБ знал автовизир, еще бы! Он сразу определил, под каким углом нужно развернуться, поднимаясь с площадки школы, чтобы попасть на Посадочную Станцию Космодрома. Этого Квазик сделать уже совсем не мог.

Космика торжествовала.

— БДД! — сказала она Квазику и показала ему язык...

Тогда Квазик решил восстановить свою расшатавшуюся репутацию и принес в школу ракету.

Это была большая, почти метровая ракета, он сделал ее по описанию в «Юном технике», только размеры увеличил, для большего впечатления. Формулу изменения мощности двигателей при изменении размеров ракеты он, конечно, еще не знал...

А так как школьную площадку запрещалось использовать как космодром, он принес ракету конспиративно.

Члены секции были оповещены заранее и собрались за баскетбольной площадкой. Было учтено, что Алешкин в эти часы отсутствует, а Евгения Всеволодовна занимается в оранжерее и не может им помешать.

Космика не могла не прийти. Запуск ракеты! Это же так интересно... Даже ТУБ такое сделать бы не сумел.

Квазик установил ракету на песчаной горке, привернул провода к пускателю. Солидно — как и полагается Главному Конструктору — заметил Космике:

— Отойди подальше. А то еще под стартовую струю попадешь.

Ребята спрятались за решетчатую баскетбольную стойку. Главный Конструктор положил палец на кнопку пускателя и начал отсчет:

— Десять, девять, восемь... Плеяда, отодвинься за стойку... семь, шесть, пять.

И тогда на площадке появился ТУБ. Ничего не говоря, он прошел мимо ребят, мимо замолчавшего от неожиданности Квазика и быстро отсоединил от ракеты провода.

Квазик кинулся к нему.

— Ты... ты что?

— ...ракета... опасно... — сказал ТУБ.

— Дай сюда!

Квазик выдернул у него провода и привернул обратно к ракете.

ТУБ отступил на шаг.

— Шесть... пять... — продолжал Квазик.

Тогда ТУБ быстро протянул руку и выдернул у Квазика пускатель.

— ...нельзя... — хрипнул он.

Квазик попытался отобрать у него пускатель, но с таким же успехом он мог бы остановить, скажем, ковш экскаватора. И тогда он разозлился окончательно.

— Идиот метапластиковый!.. Отдай сейчас же!

Это был приказ. ТУБ вернул пускатель.

— Пошел отсюда!

И Квазик пнул ТУБа ботинком.

— Не смей! — закричала Космика. — У него нога больная, а ты по ней пинаешь...

Или Квазик сам нечаянно нажал кнопку пускателя, или от дерганий и толчков замкнулись контакты — из ракеты хлопком вырвался сноп пламени. Она подскочила и тут же завалилась набок. Но двигатели ее продолжали работать, и метровая сигара-змей заметалась по двору, грохоча и разбрасывая искры и клубы зеленого дыма.

Ребята не знали, куда бежать, ракета металась так стремительно. Они спрятались за решетчатую ферму.

Двор мгновенно наполнился чадом и дымом.

Из оранжереи выскочила Евгения Всеволодовна. Но она ничего не могла разглядеть и ничем не могла помочь. На пути мечущейся ракеты встал ТУБ.

Первый его бросок не достиг цели, поврежденная нога замедляла движения, и ракета промчалась мимо, обдав его искрами и жаром пламени. Но что ему могло сделать пламя какой-то игрушечной ракеты! Вот только для детей, прижавшихся возле фермы, оно могло оказаться смертельным...

Ракета пошла прямо на ТУБа, он упал на нее плашмя, ухватил рукой за стабилизатор.

И тут она взорвалась.

Весь двор, все вокруг заволокло пылью, дымом, крупными хлопьями сажи.

Евгения Всеволодовна ощупью пробралась к ферме. Но из ребят никто не был обожжен, только лица и одежды были покрыты пятнами сажи и пыли.

— ТУБ! — плача твердила Космика. — ТУБ...

Дым осел, и тут все увидели поднявшуюся с земли массивную фигуру. В руках он держал стабилизатор — все что осталось от взорвавшейся ракеты. Что мог сделать его броневому корпусу какой-то игрушечный взрыв...

Побледневший Квазик стирал с лица жирные пятна копоти.

ТУБ протянул ему обломок стабилизатора.

— ...двигатели слабые... — сказал он.

Ребята молча и восторженно смотрели на ТУБа. Космика ухватила его за ногу. И только Квазик повернулся к нему спиной...

Ему попало, конечно, ио не очень. За Квазика заступился Алешкин. Все хорошо, что хорошо кончается, и Алешкин в какой-то мере был даже доволеи. По вине Квазика ТУБ сумел показать себя с самой лучшей стороиы. История получила огласку, популярность ТУБа росла. Росла и его известность в пределах Космогородка.

Это было хорошо. И плохо... Следовало ожидать Инспектора комиссии по Кибернетике. Алешкин к этому был готов.

И вдруг ТУБ начал падать...

8

Он не падал на ровном месте.

Пока он ходил по двору, по коридорам школы, по узким дорожкам оранжереи — все шло хорошо.

Он падал только на лестнице.

Ни с того ни с сего... и вдруг сто пятьдесят килограммов метапластика с грохотом катились по лестнице, оставляя на ступеньках выбоины.

Алешкин знал, что в нормальной обстановке, в нормальных условиях ТУБ не падает никогда. Слишком много устройств надежно следит за его равновесием, чтобы сбить с ног, нужно, по меньшей мере, ударить его бульдозером.

— Почему ты упал? — расспрашивал его Алешкин.

ТУБ показывал на ступеньки лестницы:

— ...запнулся...

— Но как ты мог запнуться, ступенька гладкая?

Вот этого ТУБ объяснить не мог.

Алешкин проверил автощетки, выскакивающие из-под ступенек. Нет, зацепиться за них ногой, чтобы упасть, было невозможно. Тем более такой махине, как ТУБ. Алешкин забрался под лестницу, проверил все механизмы автощеток — там тоже все было в порядке.

Может быть, подводила поврежденная нога?

Он забрал ТУБа домой, долго и тщательно проверял функциональную проводку и тоже ничего не нашел. Если повреждение и есть, то оно находится где-то в командных цепях киберлогики, но об этом Алешкин не хотел даже и думать. В киберлогику ему дороги не было. Он вернулся с ТУБом в школу и целый день гонял его по лестнице. Вверх!.. Вниз!.. А сам следил за его ногами. За все время испытаний тот ни разу не ступил неуверенно, даже ни разу не покачнулся.

Алешкин приказал ему всегда придерживаться за перила лестницы. Это был далеко не лучший выход из трудного положения, но ничего другого придумать он не мог. Он понимал, что над ТУБом повисла угроза — с поврежденными цепями киберлогики работать он не может, тем более в школе.

Бухов вызвал Алешкина по видео.

— Что это твоя уборщица на лестницах падает?

— Кто тебе сказал?

— Сынок сообщил.

— Уже успел.

— А что, неверно?

Алешкин помолчал.

Ему очень не хотелось говорить Бухову о своих подозрениях, в конце концов начальник техслужбы космо-

дрома в первую очередь отвечал бы за выдачу в эксплуатацию списанного робота.

Бухов его понял.

— Знаешь, — сказал он с обидой, — а ведь мы с тобой вместе еще на Венеру летали.

И тогда Алешкину стало стыдно.

— Падает,— вздохнул он. — Все исправно, а падает.

— Значит, киберлогика?

— Не похоже. А то я и сам бы от него отказался... Проверить не могу, тестер нужен, с обратной связью. Не смог бы достать?

— Что ты, это же контрольный прибор, сам знаешь. Только на заводе. А что я им скажу?

Алешкин понимал, вопрос оставили пока открытым. ТУБ ходил по лестницам, держась за перила. Настроение в школе было тревожным, выжидающим.

Так прошло еще несколько дней. Без происшествий.

На этот раз ТУБ упал уже не в школе. Он упал в оранжерее.

Вход в оранжерею находился под окнами комнаты преподавателей. Кабинет директора был рядом. Алешкин услыхал знакомый грохот, как будто по ступенькам скатился пустой грузовой контейнер.

Расстроенный, он тут же прибыл на место происшествия.

От дверей в оранжерею вели всего четыре ступеньки, просторные и широкие,— на них не мог бы упасть и ребенок. Но ТУБ упал.

— Почему ты не удержался за дверь? — спросил Алешкин.

ТУБ стоял как обычно, опустив руки и доверчиво уставившись голубыми немигающими огоньками видеоэкранов. Он молчал. Он был вымазан землей и чем-то зеленым, непонятным... У ног его валялся разбитый цветочный горшок. От редкостного английского кактуса осталась кучка зеленоватых слизистых хлопьев.

«Вот почему он не удержался, бедняга, руки у него были заняты, он нес кактус».

Надо отдать должное Евгении Всеволодовне, она стойко перенесла случившееся. Она пошевелила ногой остатки знаменитого кактуса и, не сказав ни слова, пошла прочь, в глубину оранжереи.

Конечно, Космика была уже здесь.

Она тоже понимала величину беды, и в то же время хотела заступиться за своего незадачливого друга.

— Он же не нарочно,— заявила она. — Он, наверное, и сам ушибся.

— Иди за мной, ТУБ! — сказал Алешкин.

— Ему попадет?

— Нет, не попадет.

Не мог же Алешкин сказать ей горькую правду о будущем неисправного робота.

В дверях оранжереи показался Квазик.

Вид у него был довольный, и Алешкин догадался почему.

«Вот кто обрадуется, если ТУБа уберут из школы. И как он только догадался, что здесь что-то произошло?..»

Квазик спустился к Космике.

— Опять этот комод завалился! Я же говорю, что нельзя его в школе держать. Ненормальный он, еще задавит кого-нибудь.

— Уйди с моих глаз! — сказала Космика.

9

Теперь ТУБ стоял дома у Алешкина.

Отправить к Бухову, чтобы тот отослал его вместе с актом на завод, Алешкин просто не мог. Настроение у него было препротивное. Он ругал себя и не мог понять, что привязывало его к этой неодушевленной конструкции. «Язычество какое-то, идолопоклонство!» — ворчал Алешкин, но легче ему не становилось.

А тут приехала Мей.

Он ничего не сообщал ей про ТУБа. Вначале хотел сделать ей сюрприз, а потом вообще нечего было сообщать... Конечно, она ждала его там, в Эдинбурге, у родных, он же обещал приехать на несколько дней. Он бы и приехал, но тут как раз ТУБ начал падать...

Алешкин увидел Мей из окна, когда она уже свернула с аллеи к коттеджу. Строгая и насупившаяся... и такая милая, и он смотрел в окно на нее радостно и взволнованно. Он знал, что сейчас она скажет, и заранее во всем соглашался: да, да! он такой невнимательный, он никогда о ней не подумает... и он будет молча и с улыбкой слушать все ее обвиняющие слова, такие ласковые от английского произношения...

— Понимаю.

Она уже подошла к подъезду, он потерял ее из виду. Сейчас она поднимается на крыльцо, и ее встретит ТУБ...

Он услыхал удивленное восклицание, быстрый разговор на английском языке — когда Мей волновалась или радовалась, она всегда переходила на родной английский язык...

Тихий коттедж вскоре наполнился звуками — плеском воды, гудом пылесоса, скрипом передвигаемой мебели. Конечно, они неряхи... На кухне у них грязь... Как только они тут жили?..

По правде сказать, в последние дни Алешкин столько возился с ТУБом, что запустил свои домашние дела.

Занятие нашлось всем, а ТУБу пришлось включить вторую скорость. Мей была довольна, что наконец-то она дома, она весело болтала с ТУБом и была так довольна, что он уже работает у них в школе... и Алешкин никак не мог сказать ей всю горькую правду.

Днем она направилась в Женский Салон с какими-то заказами. Алешкину позвонил Бухов.

— Готовься! — сказал он. — К нам едет ревизор.

— Уже?

— Уже приехал. С тем самым тестером, который тебе нужен. Мои автоматы проверяет.

— Ну и как?

— Один погрузчик забраковал. Биозащита запаздывает на пятьдесят миллисекунд.

— Строгий дядя!

— А где ты видел ревизора ласкового? Про уборщицу твою знает, конечно. Удивился весьма, как это мы тут посмели инструкцию нарушать. Я ему объяснил, как мог. Он на тебя хочет лично посмотреть. Не столь на тебя, сколько на твои документы.

— Понимаю.

— Так что приезжай!

Алешкин хмуро и неторопливо усаживался за руль «Кентавра». ТУБ открыл ему ворота сам, хотя они и могли открываться автоматически.

— Ты оставайся здесь,— сказал Алешкин. — Нечего тебе там делать. Нужен будешь... сами приедут за тобой. Молись пока своему кибернетическому богу Норберту Винеру, что ли...

Инспектор встретил Алешкина весьма сурово, но, просмотрев его документы, несколько подобрел.

— Что ж, лично я не против, чтобы он поработал в школе, под вашим наблюдением, разумеется. Инструкция инструкцией, но жизнь обгоняет правила. А ваш эксперимент весьма интересен — первый опыт общения наших роботов не со взрослыми, а с детьми. Очень любопытно. И профессиональные наблюдения ваши — педагога и кибернетика — весьма были бы нам полезны. Но в вашей истории одно плохо, понимаете?

— Почему он падает...

— Именно, почему он падает... Вы говорите, что объективных причин нет, я вам верю, как специалисту. Если причина в киберлогике, тогда его участь будет решена, вы понимаете. Но киберлогика отказывает весьма редко и, как вам известно, выключает обычно цепь питания. А здесь не так. И это мне непонятно. Будет лучше, если я приеду в школу и сам посмотрю все на месте.

Домой Алешкин вернулся не особенно веселый. Мей встретила его на крыльце.

— Я думала, ты в школе,— сказала она. — Пора обедать, я послала за тобой ТУБа.

— В школу?

— Конечно. А в чем дело, Алешкин?

— Садись в машину, скорее. Я расскажу тебе все по дороге.

Дурное предчувствие не обмануло Алешкина. Электромобиль Срочной Помощи они встретили еще на дороге.

ТУБ упал и сбил Космику.

10

У нее оказался перелом руки, да еще она получила при падении легкое сотрясение мозга, и врачи разрешили разговаривать с ней только на следующий день.

Алешкин и Мей присели возле кровати.

Рука у Космики была на растяжке, ей было больно, но она крепилась и старалась не плакать. Вид у нее вроде был неплохой, только румянец сошел со щек.

— Мы спускались по лестнице, а я держала его за руку. Он хотел убрать руку, а я все равно держала ее. Я все следила, чтобы он не упал.

— За какую руку ты его держала?

— Вот за эту, за левую.

«Все понятно, перила на лестнице с левой стороны, ему не за что было ухватиться».

— Его от нас... заберут? — спросила она.

— Не знаю. Наверное, заберут.

— Он же не виноват. Он оттолкнул меня в сторону, когда начал падать, а я хотела его поддержать.

— Почему он упал?

Космика замолчала.

— Ты же видела, как он падал. Может быть, у него подвернулась нога?

— Я не знаю,— тихо ответила Космика.

Личико у нее начало краснеть. Мей неотрывно смотрела на нее и сейчас тревожно взглянула на Алешкина.

— Или он запнулся?

— Я... я не знаю...

И тут Космика внезапно расплакалась.

Мей пересела к ней ближе, обняла ее, погладила ласково.

— Ты плохой следователь, Алешкин... Ты поезжай в школу, ТУБ один там с Инспектором. А мы с Космикой еще поговорим. Как женщина с женщиной.

Мей шутила, хотя по мнению Алешкина шутить было не над чем. Но он послушался, постарался улыбнуться Космике и ушел, оставив их вдвоем.

В вестибюле школы он увидел Квазика, который сидел на ступеньках той самой лестницы, хмурый и насупленный, и карманным ножом строгал сухой сучок кипариса. Стружки сыпались на ступеньки, и автощетка, высовываясь, заметала их под лестницу.

Увидя Алешкина, он встал.

— Вы из больницы? Как там... как Космика?

— Ничего Космика. Полежит немножко, потом опять бегать будет.

Алешкин взял у него нож, сложил его.

— Положи в карман. А то еще пальцы обрежешь.

Квазик переступил с ноги на ногу, потупился, но не уходил.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Тогда Квазик поднял голову. Черные жаркие — материнские — глаза его были печальны.

— Зачем она хотела его удержать? — сказал он. — Разве его можно было удержать, он же вон какой тяжелый. Пусть бы падал. Ничего бы ему не сделалось.

— А Космика думала иначе. Она боялась, что ТУБ может ушибиться.

Квазик недовольно дернул плечом, хотел сказать что-то, но Алешкин перебил его решительно:

— Все дело в том, что она относится к ТУБу иначе, нежели ты.

И тогда Квазик заговорил горячо и запальчиво:

— А вы считаете, что она правильно к нему относится, правильно, да? Что робота можно любить?

«Смотри-ка,— удивился Алешкин,— уж не ревность ли здесь ребячья? Ох, плохой я педагог, ничего не понимаю в нынешних мальчишках. Но что же ему ответить?..»

— Тебе кажется, что робота любить нельзя... — сказал он. — Потому что это машина... Ну, а ненавидеть его можно?

Инспектора он нашел в своем кабинете. ТУБ стоял возле стола, его контрольный щиток был вскрыт. На столе лежал тестер обратной связи, от которого шли разноцветные провода.

Инспектор положил на стол отвертку.

— Как там девочка? — спросил он. — Да, плохо все закончилось. ТУБ мне уже рассказал. Запнулся, она пыталась его поддержать. Если бы не пыталась, ничего и не было бы. Вот так... Проверил я его киберлогику, вроде бы все нормально. Отлично работает блок условных понятий, просто жалко... А вот почему упал, не знает. Не должен падать, а падает. Может быть, какая-нибудь сложная перебивка сигнала на поврежденную ногу, которую мы ни определить, ни исправить в кустарных условиях не можем. И разрешить ему работать не имеем права. Придется составить акт.

— Я понимаю,— тихо сказал Алешкин.

В это время загудел вызов видео. Он извинился, повернул к себе видеофон. Это была Мей.

— Я из больницы,— сказала она. — Космика хочет видеть Квазика.

— Он где-то здесь. Сейчас я его пошлю.

Квазика он нашел там же, на лестнице, и передал ему просьбу Космики. Тот кинулся бегом. Алешкин вернулся в кабинет.

Инспектор быстро писал акт.

ТУБ повернулся к Алешкину, как будто ждал от него каких-то слов. Конечно, никакого выражения не могло появиться на его плоском и упрощенном подобии лица, и синие огоньки видеоэкранов сияли не ярче, чем обычно. Но у Алешкина было слишком богатое воображение, и он не мог стоять и спокойно смотреть на обреченного робота, который будто понимал, что ему грозит, и ожидал какой-то помощи.

Можно ли полюбить робота?..

— Я вам не нужен? — спросил он Инспектора.

— Пока нет.

Алешкин прошел по коридору и опять остановился у лестницы, где ТУБ упал последний раз... На ступеньках виднелись свежие следы от удара его панциря, крупные выбоины, в одном месте даже откололся кусок пенолита. «Придется просить Бухова прислать ремонтника!»

Квазика он встретил уже на дворе.

Видимо, тот очень торопился и всю дорогу от больницы до школы бежал и сейчас стоял запыхавшись и с трудом переводил дыхание.

В руках он держал проволоку.

Алешкин неторопливо потянул ее у Квазика из рук. И все стало понятным и простым, как колумбово яйцо.

Он просунул пальцы в закрученные на концах проволоки кольца. Согнул проволоку дугой — получилась петля. Теперь можно забраться под лестницу и через щель под ступенькой, где ходят щетки, поймать ТУБа за ногу. А потом петлю нужно быстро убрать, и он не успеет ее заметить.

Он не будет знать, за что зацепился.

Он не поймет, что его уронили НАРОЧНО. Ему такое понятие недоступно, оно не вложено в его программу...

Квазик хотел что-то объяснить, но Алешкин сказал ему:

— Иди, мой милый, иди, паршивый мальчишка, в мой кабинет. Покажи эту штуку Инспектору. И расскажи ему все, что хотел рассказать мне. А я уже все понял и все знаю. Иди скорее...

Дома Мей примеряла новую блузку перед зеркалом. Алешкин сидел и смотрел, как она это делает. Ему очень хотелось подойти и обнять ее за плечи, но в комнате был еще ТУБ.

— Он очень скверный мальшик, — сказала Мей. — Из него получится Яго.

— Пока из него чуть не получился Отелло,— сказал Алешкин. — Вряд ли можно так сразу дать однозначную оценку ребенку, если у него ревнивые эмоции взяли верх над рассудком. Но вот как ты догадалась, что Космика что-то знает,— этого я понять не могу.

Мей улыбнулась.

— Вы — мужчины! Вы когда-нибудь понимали женщину?

— Где уж нам,— согласился Алешкин. — Пойдем, ТУБ, лучше поливать цветы. Ты тоже бестолковая старая развалина. Подумать только — кусочек проволоки плюс совсем немножко хитрости и твоя кибернетическая башка ни о чем не могла догадаться. Пойдешь сегодня к вечеру в больницу. Космика хочет тебя видеть.

...Это была обычная начальная школа, каких в стране насчитывалось несколько тысяч. И это была пока единственная школа, где штатную должность уборщицы занимал робот...

ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ

ГЛАВА 1

Приятный голос:

— Нет, я не спал. Томит меня предчувствие беды... Оседланы ли кони?

Настороженное фырканье коней, звон сбруи. Менее приятный голос:

— Все сделано, как приказать изволили вы, сударь.

— Тогда в дорогу! Пусть звезды нам осветят ранний путь.

Крик совы и легкий ветерок с ночными запахами трав. Приближающийся конский топот. И вдруг, как выстрел:

— Не торопитесь, шевалье!

Голос нехороший, резкий. Перестук копыт и храп осаженного на скаку коня.

— Граф де Ботрю?!

— Он самый! К вашим я услугам. Продолжим давешний приятный разговор.

— Мы будем продолжать на звонком языке клинков!

— Луна взошла — вот славно!..

— Я готов!

— Я тоже полон нетерпения.

— Граф, защищайтесь!

Зазвенела сталь. Глеб с трудом приоткрыл тяжелые веки, перевернулся на живот и выглянул поверх подушки. Светила красноватая луна. Граф, сбросивший камзол и шляпу, теснил шевалье. Глеб посмотрел на часы — была половина третьего ночи условного времени околосолнечных станций. Шпага, выбитая из рук шевалье, натурально звеня, откатилась к журнальному столику. Глеб запустил подушкой в дуэлянтов, промахнулся — подушка пролетела сквозь конский круп и повисла на рожках виофоно-

ра. Звук и запах исчезли. Глеб уронил голову иа упругое изголовье, отвернулся к стене.

— Вставайте, сир,— пробормотал, закрывая глаза,— вас ждут великие дела на чердаке Вселенной...

Это была чепуха. Которая, впрочем, когда-то имела большое зиачение. Но сейчас она уже никакого значения не имела. Он знал почему, но сразу припомнить не мог. И не старался. Он опять засыпал, а во сне меняется соразмериость вещей и понятий...

Он будто бы брел по гулкому лабиринту туннелей. И будто бы это ие туииельные переходы станции «Зенит», прямые и светлые, а пыльные извилистые туинели из черного альфа-стекла, очень странные, с арочными сводами. И все-таки это «Зенит»...

Он брел в поисках выхода, сворачивая в боковые проходы направо, налево,— сумрачно вокруг и пусто... Выхода не было. Туннельные переходы уводили в глубь астероида дальше и дальше, кончилась гладкая черная облицовка, потянулись грубо обработанные стены в толще ожелезиенных иедр. Ои понимал, что идет куда-то совсем не туда, что пора подниматься в диспетчерскую, однако выйти из бесконечного лабиринта туннелей не мог.

Наконец он входит в зарешеченный зал — какой-то очень знакомый зал, но безлюдный и темный — и узнает виварий. Не слышно обычных шороха, визга, возни, а в дальнем конце прохода между решетками ограждений смутно виднеются две мешковатые фигуры с большими круглыми головами. Кто здесь?.. И почему в вакуумных скафандрах?

Прозрачные забрала откинуты вверх, из гермошлемов блестят настороженные глаза. Это Клаус и Поль — двое подопытных шимпанзе, те самые Клаус и Поль, которых вчера должны были транспозитировать на станцию «Дипстар», к орбите Сатурна... В поднятой лапе Клаус держит странный квадратный предмет, и под этим предметом что-то раскачивается, щелкает, а на тонкой цепочке — фигурная гиря. И вдруг открывается маленький люк, и забавная птичка шипит и жалобно стонет: ку-ку, ку-ку... Великий космос, это часы!

Стрелки анахронического механизма показывают время начала эксперимента. Пора... Ну-ка, ребята, марш в лифтовый тамбур, да поживее!

Клаус и Поль ковыляют, пыхтя от усердия. Часы Кла-

ус тащит под мышкой, и гиря на длинной цепочке волочится следом. Зачем тебе это, старик? Брось их!..

Клаусу жаль расставаться с часами, но ничего не поделаешь, надо оставить — приказано.

Втроем заходят в кабину лифта и долго падают вниз. Поль беспокойно ухает, вертится, строит гримасы. Клаус угрюм, но спокоен. Он стар, и у него необычные для шимпанзе глаза — редко можно увидеть у обезьяны светлые глазные белки. Смотрит вопрошающе в упор, почесывая затянутой в перчатку лапой затылок шлема. Ну что здесь непонятного, старик? Вы отстали от графика ровно на двадцать четыре часа. На «Дипстаре», должно быть, сходят с ума от великого беспокойства, потеряны целые сутки, а ты и Поль даже еще не на старте.

Лифт тормозит. Свертывается гибкая дверь, обнажая стену из черного альфа-стекла. Участок стены уходит вниз, и открывается вход в святая святых «Зенита» — камеру гиперпространственной транспозитации. Клаус, обеспокоенно вытянув губы, смотрит в этот квадрат, подсвеченный изнутри голубоватым сиянием, Поль пятится и ворчит. Что же вы, ребята, оробели? Давайте, я закрою вам гермошлемы. Вот так... Марш в камеру!

Ворчливый Поль неохотно взбирается на стартовый когертон — небольшое слабо вогнутое альфа-зеркало на тубусной подставке. Клаус медлит. Смелее, старик! Тебя нервирует Поль, понимаю: ты привык стартовать в одиночку. Но ничего не поделаешь, надо вдвоем, таковы условия эксперимента. Ты у нас ветеран и кому же, как не тебе... Ну вот и отлично. Будь умницей и будь здоров! Передавай привет ребятам с «Дипстара»!

Предупредительный гудок, броневая плита идет на подъем. Последний взгляд на перепуганных ТР-перелетчиков: каждый из них на своем когертоне — порядок.

Ход перекрыт. За спиной метровая толща альфа-брони, а впереди, на расстоянии полушага... опустевший ствол лифтовой шахты. Трудно поверить, но факт: кабина лифта исчезла.

Очень мило, но что же делать в такой ситуации?

Где-то там, далеко в вышине, прозвучал вой сирены, и вдруг стало тихо. Ну-ну, не надо паники! Главное, устоять на ногах в момент ТР-запуска, иначе все закончится очень эффектно: вверх тормашками в шахтный колодец. Спиной

плотнее к стене, вот так... И думать о чем-нибудь постороннем.

Отзвенели стартовые сигналы. Мягкий толчок и мгновенная дурнота. Это цветочки — первый цикл транспозитации, малая тяга. Ягодки впереди...

Толчок — искры из глаз! Окружающий мир, уродливо вытянутый по вертикалям, медленно поворачивается на тонкой оси... Со скрипом и гулом... Ужасно медленно и тяжело...

Вверху опять завыла сирена. Кажется, все обошлось, и можно поздравить себя: устоял! Мышцы тела свинцово наполнены нервной усталостью, но это уже не страшно — главное, устоял. Черная плита сдвигается с места и с мягким шорохом ускользает вниз, открывая квадратный зев прохода, и видно, как в голубоватом объеме этой патерны сгущается туманное облачко пара... И сразу — нехорошее предчувствие.

В камере тумана не было. Он успел осесть на стенах белыми искрами инея. А на полу, обрызганном заледеневшей кровью, лежит большой продолговатый сверток...

Поль? Или Клаус?.. Нехорошее что-то к горлу подкатывает. Да, это Клаус. Поль прошел в гиперпространство — когертон номер два благополучно исчез. Это старик не прошел. Его когертон возвышается одиноким зонтиком. А Клаус... лежит на полу. Вернее, то, что несколько минут назад было Клаусом. Сейчас это просто вывернутый наизнанку скафандр, облепленный тоже вывернутой наизнанку плотью. Монополярный выверт... Результат почему-то незавершенной транспозитации.

А тишина... Будто после оглушительного взрыва. И тишину неожиданно нарушают знакомые звуки: что-то шипит и щелкает. Птичка деревянная щелкает... Скачет, носится туда-сюда по краю когертона, жалобно стонет: ку-ку, ку-ку...

Вот тебе и ку-ку!

Высоко над головой — глянцево-черные арки эр-умножителей, конечная ступень огромного технического комплекса. От верха до низа — шестнадцать этажей математически организованной материи. От купола диспетчерской до когертонов, до свертка, лежащего на полу...

«Ничего-то у нас не выходит»,— подумал Глеб. И вдруг отчаянно закричал, проклиная себя, «Зенит» и всю эту неудавшуюся затею с транспозитацией.

От крика проснулся.

Приходя в себя после пережитого кошмара, Глеб лежал с открытыми глазами неподвижно. Потом потянулся до боли в суставах, сел, зевая и потирая голые плечи. «Опять не выспался...» — с тоской подумал он, мрачно оглядывая кабинет времен французского абсолютизма. Немного бестактно — сидеть неглиже в приемной у кардинала, но Ришелье был явно не в духе, Глеб — тоже, и обоим было наплевать на соблюдение условностей. Глеб задел ногой о ребро брошенной с вечера возле дивана кассеты, зашипел от боли и спрятал ногу под себя. Настроение катастрофически падало. Состояние духа, более созвучное ночному кошмару, просто трудно было себе представить. И виноват в этом не Клаус, который жив и здоров, и не вчерашний эксперимент, который прошел без сучка и задоринки, если не брать во внимание знаменитый, но никому не нужный эффект перерасхода энергии на малой тяге...

Покончив с утренними процедурами в душевой, Глеб вернулся в каюту. Людовик Справедливый, беззвучно открывая рот, топал ногами в покоях своей августейшей супруги. Санитарный шлюз был открыт, механические мыши-уборщики разбегались под кружевными подолами фрейлин. Глеб покосился на пунцового от гнева короля, оделся и вышел в туннель.

Ревнители технической эстетики перемудрили, решив использовать для облицовки круглого туннеля люминесцентный пластик, и с тех пор туннель не туннель, а светящийся призрак — дыра в ослепительно белом тумане. Очень тихо, очень светло, прохладно и не очень уютно.

Глеб постоял у дверей спортивного зала. «А ведь отпрыгались...» — подумал он. И все великолепно понимают, что отпрыгались, но делают вид, будто бы еще не все потеряно. Смотрят в рот Калантарову, ожидая новых пророчеств. А Калантаров смотрит в пространство и понимает, что оно оказалось позабористей наших сверхгениальных идей. Или не понимает?..

Наверху зашелестел вентилятор. Глеб зябко поежился и побрел вдоль туннеля. Начало каждого дня вот так — вдоль туннеля. Условное начало условного дня, который, строго говоря, не день, а сплошной круглосуточный полдень... Надо решаться. Кончать с этой жизнью астероидального троглодита, по примеру Захарова и Халифмана возвращаться на землю, менять профессию пока не поздно. Как бы это поделикатнее объяснить Калантарову?..

Незаметно для себя Глеб ускорил шаги — почти бежал, прыгая через овальные люки. Голова полна вариантов воображаемого спора с Калантаровым. Шеф повержен, разбит, припечатан к стене. Но оппонент великодушен: протягивает руки и говорит на прощание что-то трогательно-благородное, отчего глаза у шефа становятся влажными...

— Они безутешно и долго рыдают друг у друга в объятиях, — вслух подытожил Глеб. Для полноты ощущений добавил: — И шумно сморкаются...

Глеб с ходу перепрыгнул открытый люк гравитронного зала, но вспомнив о чем-то, вернулся. Он вспомнил, что сегодня ему нужен клайпер.

ГЛАВА 2

Колю Сытина разбудила муха. Огромная, нахальная, она жужжала над самым ухом, и Коля уже приготовился спрятать голову под простыню, но вовремя сообразил, что это зуммер.

Он почмокал губами, приоткрыл один глаз. Все правильно: на часовом табло светилась четверка с точкой и двумя нулями. Четыре ноль-ноль условного времени.

Зуммер не унимался. Коля открыл оба глаза, перевел руку за спину, прошелся пальцами по стене в поисках контактной кнопки. Кнопку он не нашел, потому что кнопка была у изголовья, а изголовье теперь было там, где ноги,— значит нужно искать ее голой пяткой. Зуммер умолк. Раздался щелчок, и тонфоны спросили голосом Фишера:

— Вы еще спать, мой молодой друг?

— Нет, я уже не спать,— бодро откликнулся Коля.— Я вставать и одна минута бежать вам на помощь.

— Я рад. Не забудьте завтракать, Коля, и обязательно пить молоко.

— Я помню: питание прежде всего, Ульрих Иоганнович, вы где находитесь? Уже в скафандровом отсеке?

— Сейчас — виварий. Потом — скафандровый отсек.

— Ясно. Буду через полчасика.

Взбрыкнув ногами, Коля скатился на пол и несколько раз отжался на руках. Постоял на голове, раздумывая, не пойти ли в спортзал попрыгать на батуте. Времени, жаль, маловато... Стоп! Надо же, чуть не забыл!..

Коля медленно перевернулся, подошел к дивану, скло-

нился над изголовьем. Снежно-белая простыня, точно так же, как и вчера утром, была припорошена угольно-черной пылью.

— Елки-финики... — пробормотал он, удрученный открытием.

Беспокоила Колю однако вовсе не черная пыль — он уже знал, что она собой представляет. Беспокоила полнейшая необъяснимость ее ночного появления на простынях...

Впервые он обнаружил ее вчера утром. Недоуменно моргая, он смотрел на подушку, основательно припорошенную каким-то темным веществом. Центр подушки — там, где ночью покоилась Колина голова,— был заметно светлее. Значит, пыль сыпалась сверху... Коля уставился в потолок. Ничего подозрительного — гладкая светло-кремовая облицовка, ни единого темного пятнышка. Коля вскочил и помчался к зеркалу в душевой. Левая щека была темнее правой. Он сразу вспомнил, как однажды, месяца два назад, проснувшись после ночного дежурства, он с величайшим изумлением обнаружил, что подушка и простыни пропитаны кровью. Никаких сомнений относительно того, что это была настоящая кровь, у него, студента Института экспериментальной биологии, не возникло ни на одну секунду. Помнится, он так же оторопело разглядывал в зеркале свою окровавленную физиономию — страшноватое зрелище! — и терялся в догадках. Наконец, решив, что это его собственная кровь — ну, скажем, во время сна лопнул в носоглоточной полости какой-нибудь кровеносный сосудик,— он старательно уничтожил все следы этого неприятного происшествия, чтобы не давать повода буквоедам из медицинского сектора станции поговорить о «хлипком здоровье современной студенческой молодежи, которую тем не менее Земля почему-то считает возможным посылать в космос на стажировку». Однако личные неприятности сразу забылись, как только Коля узнал от Ульриха Иогановича, что в этот день с их любимцем шимпанзе Эльцебаром случилось непоправимое несчастье. У ТР-физиков что-то там не сработало, и в результате беднягу Эльцебара вывернуло наизнанку... На языке ТР-физиков это называется «монополярным вывертом».

Они оправдывались тем, что Эльцебар-де «в момент транспозитации спрыгнул вдруг с когертона». Иоганыч был безутешен, и Коля, сам опечаленный до предела, очень ему сочувствовал.

И вот теперь эта проклятая пыль...

Коля вчера догадался осторожно собрать и отнести черную пыль на анализ. Оказалось, что ничего особенного она собой не представляет — просто микроосколочки альфа-стекла. Но объяснить появленне альфа-стеклянной пыли на подушке никто не отважился или не пожелал. На этой станции всем всегда некогда. Только у дядюшки Ульриха случалось время подолгу беседовать с молодым помощником о вещах и очень серьезных, и не очень. Но Ульрих Иоганнович был специалист по приматам, и «пыльные» вопросы, к сожалению, находились за пределами его компетенции. Коля проявил упрямство и, засев в кафетерии, пил молоко до тех пор, пока не выследил одного из здешних ТР-физиков — Глеба Константиновича Неделина. Глеб Константиновнч с видимым отвращением цедил черный кофе чашку за чашкой, и было непонятно, слушает он Колю или нет. Потом он пристально посмотрел куда-то мимо Колиных любознательных глаз и посоветовал ему брать с собой в постель пылесос. Под конец разговора он растроганно назвал собеседника «букварем» и, страшно вращая зеленоватыми глазами, сказал, что гиперпространство — это дерьмо, станция — для дураков, эрпозитация к звездам — дохлый номер и что дальнейшее здесь свое пребывание считает стопроцентным кретинизмом. Коля ушел от него на нетвердых ногах, ощущая легкое потрясение.

Брать с собой в постель пылесос Коля, конечно, не стал, но с альфа-пылью надо было что-то делать.

Что именно, он придумал не сразу. Первым его побуждением было: выпросить у механиков электродрель и с ее помощью перемонтировать крепления для дивана подальше от неприятного места. Однако он тут же вспомнил о добром десятке дистанционных переключателей, вмонтированных в изголовье, которые связаны кабелем с общей линией электрокоммуникаций... Тогда он просто-напросто решил ложиться спать наоборот — к изголовью ногами. И вот сегодня он проснулся «альфа-запыленным» только от щиколоток до колен. Для него начиналась пора невольного экспериментирования по принципу« хочешь не хочешь». Все было бы ничего и даже интересно, если бы не тревожное беспокойство от смутной догадки, что он случайно обнаружил нечто такое, чего пока никто на «Зените» не знает и знать не желает...

Чтобы отделаться от этих размышлений, возымевших над ним странную власть, Коля издал жизнерадостный

крик гиббона, попрыгал на одной ноге и бросился в душевую.

Он вернулся в каюту мокроволосый, продрогший, мельком взглянул на часы, надел брюки и пулей вылетел в туннель, натягивая куртку на ходу.

В такой ранний час в кафетерии было безлюдно. Коля быстренько проглотил бутерброд, запил его яблочным соком, компотом и молоком, смахнул посуду в приемный лючок автомойки, выскользнул в дверь. Стремительно вернулся, подбежал к автоматическому бару, настучал при помощи клавиш кучку орехов, сахарных кубиков, фруктовых конфет, рассовал все это по карманам и теперь уже уверенно помчался в лифтовый тамбур.

Виварий находился в левом крыле третьего яруса станции. Шеф рассказал, что раньше специального помещения для подопытных животных на «Зените» не было вообще. Да и сама станция, пока проводились начальные эксперименты над объектами неживой материи, мало походила на теперешнюю. Но позже, когда физикам удалось проникнуть в самую суть транспозитации предметов через гиперпространство, «Зенит» основательно модернизировали. Но и тогда вивария еще не было: несколько десятков белых мышей и морских свинок находились в четырех стеклянных ящиках в одном из пустовавших помещений медицинского сектора, а остальные четвероногие ТР-перелетчики — преимущественно собаки — обитали в каютах уже довольно многочисленного экипажа станции, широко пользуясь человеческим гостеприимством. Когда же дело дошло до транспозитации высших приматов, выяснилось, что напряженности естественного поля не хватает. Пришлось в срочном порядке строить установку для генерации искусственного поля тяготения. Размах строительства был столь грандиозен, что уже решили максимально удовлетворить все настоящие и будущие — насколько это можно было предугадать — потребности работающих здесь ученых. Внутри астероида (наряду с машинными залами, лабораториями, сложным шахтным хозяйством для размещения специальных устройств) появились спортзалы, салоны, межэтажные эскалаторы, лифты, просторные склады, оранжерея и даже плавательный бассейн. Виварий поместили в огромном зале, забракованном специалистами-гравитрониками в период строительства. С одной стороны, это было удобно, потому что виварий располагался в зоне относительной тишины — далеко от машинных отсеков, от ляз-

гающих механизмов причальных площадок вакуум-створа, гравитронная установка, напротив, работала бесшумно. С другой стороны, «бракованный» зал очень мешал гравитроникам. Дело в том, что эта огромная полость каким-то образом нарушала стабильность взаимодействия полей тяготения. Она, эта полость, по авторитетному мнению гравитроников, представляет собой своеобразную гравитационную нишу, которую неплохо было бы ликвидировать, и чем быстрее это будет сделано, тем лучше. Гравитационное своеобразие «ниши» обитатели вивария ощущали на себе; во время работы ТР-установки бывало, что стены, пол, потолок неожиданно менялись местами. После этого животных приходилось долго успокаивать. Во всем остальном виварий — в его теперешнем виде — вполне оправдывал свое назначение. Это была просторная, светлая, хорошо оборудованная подсобной автоматикой гостиница для человекообразных ТР-перелетчиков, которым время от времени предоставлялось почетное право пройти по неизведанным тропинкам гиперпространства впереди человека. Или погибнуть, если теория нового эксперимента окажется вдруг недостаточно отработанной...

Коля бесшумно, как тень, скользнул вдоль решетчатых ограждений. Нужно было соблюдать тишину, для обитателей вивария ночь еще продолжалась. Пористый пластик надежно заглушал шаги, неярким синеватым сиянием таинственно светились в полумраке таблицы и небольшие экраны контрольных устройств. Сонное царство... Если прислушаться, можно уловить ровное дыхание спящих, хотя животных осталось здесь не так уж и много — пять шимпанзе, две гориллы, семья гиббонов и дюжина юрких макак-резусов. Макакам Коля оставил в кормушке половину своего запаса сладостей — он любил этих резвых маленьких обезьян за их веселый нрав и способность не унывать при любых обстоятельствах. Орехи достались гиббонам—у молодой четы недавно появился малыш. Кое-что перепало и каждому шимпанзе. И даже гориллам, которых Коля совсем не любил, а иногда и побаивался.

Опустошив карманы, практикант бегло проверил показания контрольных датчиков. Степень регенерации воздуха, влажность, температура — все было в норме. Коля тихо выскользнул за дверь, нажатием кнопки включил запирающий механизм. Гравитроники, бывает, появляются на третьем ярусе и что-то здесь осматривают, сдвигая в сторону огромные плиты подвижных стен и обнажая при этом стран-

ные ребристые аппараты. И если в такой момент дверь вивария по чьей-нибудь небрежности оказалась открытой, гравитроники демонстративно зажимали носы. «Запах зверинца,— поясняли они недоумевающим биологам. — Обезьянами пахнет». «Ну и что? — парировал Коля. — Было бы удивительно, если бы обезьяны пахли не обезьянами». Гравитроники сдержанно улыбались и становились терпимее к неизбежным Колиным: «А что это?» или «А на каком принципе это работает?»

Ворвался он в скафандровый отсек за полсекунды до половины пятого, и тем самым лишний раз подтвердил феноменальную особенность своей натуры: он всегда боялся опоздать, испытывая постоянный недостаток времени, и ухитрялся никогда не опаздывать.

Белоснежная, декорированная морозными узорами стена дрогнула, чуть съехала в сторону. На пороге стоял, улыбаясь одними глазами, дядюшка Ульрих.

Впрочем, это был уже не дядюшка Ульрих. В рабочее время этот седоволосый, но очень подтянутый, строгий на вид человек был шефом. Заведующий биологическим сектором станции Ульрих Иоганнович Фишер молчаливо наблюдал, как лаборант сектора Николай Борисович Сытин, а проще — коллега, торопливо меняет свою голубую куртку зенитовца на профессиональное одеяние — белый халат. Сей ритуал был завершен, и только тогда шеф счел своевременным обменяться с Колей приветственным рукопожатием.

— Здравствуйте, коллега,— сказал шеф. — Мне интересно узнать ваше самочувствие.

— Хорошее, спасибо,— солидно ответил коллега. — Как ваше?

— Много вам благодарен. Вы готов?

— Всегда готов!

— О, прекрасно, коллега, прекрасно! — Фишер сделал приглашающий жест. — Торопитесь входить. Сегодня вы совершать очень трудный работа.

Вслед за шефом Коля переступил невысокий комингс отсека, и белая стена неслышно съела проем за их спинами.

Шеф деловито осмотрел рабочее место и остался доволен. Коля, напротив, едва взглянув на «клиента», сразу почувствовал неуверенность. На поворотном круге станко-рамы, удобно повиснув в мягких захватах, как в гамаке, полулежал молодой горилла-самец по кличке Буту.

Это был крепкий упитанный малый с мощными лапами, ростом на голову ниже Коли, но раза в два шире в плечах. Усыпленный шефом, он дремотно зевал и сладко пускал слюни. Он был забавен, но Коля все равно побаивался, потому что по опыту знал: с гориллами шутки плохи.

Сегодняшняя работа, как и обещал шеф, действительно не из легких. Напялить на гориллу скафандр — и не как-нибудь, а по всем правилам — очень не просто.

Сначала нужно было перебинтовать конечности животного мягкими лентами. Буту проснулся и предупредительным рычанием дал понять, что это ему не особенно нравится. Фишер умело его успокоил, и все шло сравнительно гладко, пока не наступила очередь надувного белья.

Надевать это белье Буту отказывался наотрез. Он выкручивался, жалобно ревел, и стальные захваты, армированные волокнистым железом, урожающе выгибались. Станкорама ходила ходуном, скрипела, однако бурный натиск гориллы выдержала. Скоро Буту устал и теперь сопротивлялся меньше. Шеф и помощник, манипулируя захватами, поворачивая и наклоняя станок, быстро делали свое дело.

В белье Буту стал неприятно похож на человека. А когда его зашнуровали в противодекомпессионные доспехи, это сходство усилилось. Коля забыл осторожность, ослабил внимание и едва не поплатился за это укусом в ладонь, когда натягивал на голову «клиента» белую шапочку с блестящими пуговками датчиков внутри.

— С-скотина... — тихо выругался он.

— Внимательно, коллега! — сказал шеф. — Осталось быстро. Скоро Буту быть в скафандр — мы быть в безопасность.

Коля подсоединил шланг к баллону со специальным сложномолекулярным газом, и Фишер, приняв шланг, наполнил этим газом полости надувного белья. Буту заметно округлился. Шеф кивнул помощнику:

— Можно включать.

Коля включил малый комплекс биофизической аппаратуры. На экране заплясали кривые — осциллограммное эхо работы мозга и сердца животного.

— Прошу расшифровать картина,— скомандовал шеф.

— Общая картина: состояние легкого возбуждения,— бесстрастным голосом доложил помощник. — Бэта-ритм нормален, альфа-ритм пониженной амплитудности... Пе-

риодичность кардиальиого цикла иесколько сокращеиа по времеии. В комплексе это можно интерпретировать как легкое возбуждение и иебольшой испуг.

Шеф одобрительно кивал.

— Гут,— сказал ои. — Прошу иести скафаидр.

ГЛАВА 3

Спустя полчаса Буту был упакован в скафандр и экипирован для перехода сквозь гиперпространство гораздо более тщательио, чем экипировались древнеегипетские фараоиы для перехода в мир иной. Строптивого ТР-перелетчика освободили от захватов стаикорамы и заботливо препроводили в мягкое кресло со спинкой управляемого наклоиа.

Фишер еще раз лично проверил скафаидровые системы жизнеобеспечения.

— Все есть полный порядок! — сказал ои. — Вы, коллега, ждать сигиал и проводить Буту в камера. Ауфвидерзееи! Я иметь работа в виварий.

Шеф опустил в карман Колииого халата небольшую плоскую коробочку, миогозначительио погрозил пальцем, ушел. Коля смотрел ему вслед, пока Фишер не скрылся за белой стеиой. Вынул коробочку, щелкнул крышкой. На лицевой паиельке этого миниатюрного прибора была однаединственная кнопка. Коля вздохнул, захлопиул крышку и посмотрел на гориллу. Буту настороженно поблескивал глазками из глубины своего шлема. «Шалишь,— подумал Коля. — Будешь рыпаться, нажму на кнопочку и — ауфвидерзеен...» Тут же подумал, что вряд ли это сделает. Сорвать эксперимент по пустячному поводу — этого еще не хватало!

И все-таки с приборчиком в кармане было как-то спокойнее. В случае чего — щелк, и пальцем в киопку; дистанциоиный выключатель заставит сработать ампулу безопасности в кислородной маске Буту, и горилла получит приличную дозу вещества, парализующего нервные центры... Коля вздохнул.

Шеф как-то умел ладить с гориллами. Опыт! А вот его, Колю, гориллы не слушаются. Макаки слушаются и гиббоны слушаются, о шимпаизе тоже ничего плохого ие скажешь. А вот гориллы и орангутанги — нет... Это потому, что у меия молодое лицо, печально подумал Коля. Круп-

ные приматы принимают меня за детеныша. И некоторые гомо сапиенс тоже.

Наверху завыла сирена — приглушенный расстоянием, вой проникал сюда через ствол лифтовой шахты. Буту зашевелился, и Коля с опаской взглянул на него. Как ни надежны крепкие замки, которыми этот «парень» пристегнут к спинке и подлокотникам кресла, упускать гориллу из поля зрения не стоит... Ох, и долго же тянется время, когда ожидаешь сигнал из диспетчерской!

Едва заметный мягкий толчок. Сирена смолкла. Коля по опыту знал, что именно так срабатывает ТР-установка на малой тяге. Странно,— подумал он. Планировали ТР-запуск Буту, а сами гоняют на малой тяге... Впрочем, уже вторые сутки гоняют. Днем что-то там копаются, потом расходятся спать по каютам, а электронный мозг всю ночь напролет гоняет ТР-установку на малой тяге в заданном режиме...

Стоп! Коля звонко шлепнул ладонью по лбу. Вот она, черная пыль!..

— Ты понял? — весело спросил он Буту.

Буту испуганно блеснул глазами, и Коля показал ему язык.

— Хоть ты и высший примат, но дубина редкостная! Что, не согласен?

Буту глухо заворчал под маской.

— Плевать я хотел на твои угрозы,— сообщил ему Коля.

Буту успокоился.

— То-то же!.. Кстати, к вопросу о микроосколках альфа-стекла...

И Коля рассказал Буту о черной пыли на простынях и подушке, не забыв при этом упомянуть, что раньше ничего подобного не наблюдалось. Почему? Первый вариант: раньше пыли не было вообще. Второй вариант: раньше пыль тоже была, но поскольку ТР-установка работала на малой тяге редко,— только сопровождая настоящий ТР-запуск,— пыль не успевала скапливаться в достаточном для визуального наблюдения количестве!

Буту настороженно молчал.

Второй вариант объяснения предпочтительнее, пояснил Коля и спрятал палец в кулак. Потому, что устанавливает причинно-следственную связь между работой ТР-установки на малой тяге, с одной стороны, и появлением альфа-пыли с другой. Такую любопытную связь заметил

(и то совершенно случайно) только один человек на «Зените» — это я! Понял? Ничего ты не понял, потому что я и сам пока ничего не пойму...

Ведь малая тяга способна лишь пробить в подпространстве дыру. Или туннель, как говорят ТР-физики. А для того, чтобы кто-нибудь (ты, Буту, например) или что-нибудь вообще могло просочиться сквозь этот туннель, нужна так называемая «большая тяга». Нет большой тяги — ни одно материальное тело не может сдвинуться с места. А вот черная пыль, оказывается, может... Иначе никак не объяснишь ее появление в каюте, которая находится в доброй сотне метров от диспетчерской, от эритронной шахты, от камеры транспозитации. То есть слишком далеко от устройства, защищенных броней из альфа-стекла...

Чем дальше Коля забирался в дебри собственных рассуждений о явлениях, в общем-то мало ему понятных, тем большее любопытство испытывал. Неуемное, жгучее любопытство.

Это что же получается? думал он. Получается, что на малой тяге возникает не только главный туннель. Есть еще какой-то побочный туннель, вернее, туннельчик, никому пока не известный! Очень короткий туннельчик — всего лишь от альфа-защитной стены до изголовья моего дивана,— но зато обладающий поразительным свойством транспозитировать предметы даже на малой тяге!..

— Чушь,— пробормотал Коля. — Или не чушь?

Внезапно Буту задергался — очевидно, ему надоело сидеть без движения. Коля вздрогнул и посмотрел на него с тихой ненавистью: чтоб тебя монополярно вывернуло!.. И устыдившись, подумал: ничего, пройдет как по маслу. Гориллам везет в ТР-запусках. Сколько было горилл, все проходили удачно. Это шимпанзиному племени не везет— слишком часто гибнут во время экспериментов. Правда, за последние два месяца только один Эльцебар...

Коля вдруг попятился и с маху сел на жесткий металлический табурет. Ошалело повращал глазами. Эльцебар... Монополярный выверт... Залитые кровью изголовье, подушка, лицо... Но как это раньше не пришло ему в голову!

Сорвавшись с табурета, он стремительно забегал по отсеку. Ну разумеется. Это была кровь Эльцебара!..

Однако все это срочно необходимо выложить ТР-физикам. Дескать, под носом у вас, дорогие товарищи, действует паразитный туннельчик, а вы и не знаете!.. Конечно,

поверят не сразу. Смеяться будут. Впрочем, им сейчас не до смеха. Жаль, что на станции нет Калантарова: он понял бы с полуслова. Он такой — он всегда все понимает, вроде Ульриха Иоганновича... Может быть, туннельчик — это какая-нибудь опасная пакость! Может, именно из-за него погиб Эльцебар...

Коля подбежал к Буту, быстро разъединил замки, которыми скафандр крепился к креслу, пристегнул к скобе на затылочной части шлема длинный поводковый леер, намотал его на руку и тихо, но властно скомандовал:

— Встать, Буту. Встать!

Обезьяна нехотя повиновалась. Полужесткий скафандр сильно сковывал движения. Ссутулившись, Буту неуклюже и тяжело топтался на месте, упираясь верхними лапами в пол.

Коля нажал ногой педаль. Участок стены провалился вниз. Свертываясь в рулон, уползла кверху гибкая дверь кабины лифта. Кабина широкая, разделена пополам вертикальной решеткой. Буту самостоятельно, без Колиных понуканий, поковылял в правое отделение. Коля шагнул в левое. Дверь опустилась, лифт тронулся.

— А ты молодец, Буту,— сказал Коля сквозь ограждение. — И совсем не дурак. Вдвоем мы заставим физиков выслушать нас. Кстати, узнаем, почему до сих пор нет сигнала на выход... Ну вот и приехали!

На верхний этаж первого яруса добрались без происшествий. Правда, Буту немножко нервничал на эскалаторе, однако путь на «чердак» был недолог, и все обошлось как нельзя лучше.

Коля знал, что самое главное на «чердаке» — это, конечно, диспетчерская. Более того, кроме диспетчерской и шаровидной комнатушки информатория, здесь не было ничего похожего на остальные помещения станции, щедро нашпигованные различным оборудованием и автоматикой. В этом смысле здесь было пусто и голо, но Коле это почему-то нравилось.

Здесь плавали айсберги. Сахарно-белые айсберги на черной воде под черным небом. И отражения айсбергов... Огромный простор, заполненный ледяными горами.

Вряд ли это было сделано специально, в угоду эстетствующему снобизму. Наверное, просто так получилось. Наверное, после капитальной переделки станции, когда все бытовые и технические службы переместились в глубь астероида, на «чердаке» опустело множество помещений,

и строителям не оставалось ничего другого, как соединить бывшие залы и комнаты в единый ансамбль декоративных полостей.

Вместо однообразных прямоугольных стен, под огневыми ножами камнерезов, стала вдруг возникать музыкально-плавная асимметрия абстрактных форм. Тяжелые объемы утесов, изящные гроты, облицованные сахарно-белой самосветящейся стекломассой, стали казаться хрупкими и холодными. Ошеломительно глубокими стали казаться полы, покрытые глянцево-черным стеклом (не альфа-защитным, а самым обычным стеклом, только угольно-черного цвета). И все это вместе стало смотреться в бездонные зеркала потолков. И поплыли белые айсберги в черном просторе...

Спокойно светила большая круглая луна. Луна была тоже белой и ледяной и, вопреки логике, плавала среди айсбергов. И трудно было поверить, что эта романтичная деталь пейзажа представляла собой довольно-таки прозаическое помещение информатория, замаскированное под светлый, обманчиво хрупкий шар. Но если даже этот отлично видимый на темном фоне шар диаметром в два человеческих роста как-то терялся среди «ледяных» колоссов, то огромный черный купол диспетчерской едва угадывался вообще.

Эскалатор услужливо вынес своих пассажиров прямо к входу в кольцевой туннель, которым был опоясан купол диспетчерской. Коля тронул включатель дверного механизма, сделал шаг в сторону, пропуская Буту в образовавшийся проем. Буту не заставил себя уговаривать — резко проскочил в туннель. Знакомый с ТР-перелетами с юного возраста, он по опыту знал, что неприятные ощущения, которым его подвергают во время эксперимента, щедро вознаграждаются вкусной едой. Натягивая поводковый леер, Буту весьма целеустремленно ковылял вдоль туннеля, — он хорошо помнил место, где находился тот самый заветный люк...

Заветный люк был закрыт. Буту вертелся на знакомом месте, недоумевающе смотрел на человека. Коля подергал за леер, приглашая Буту двигаться дальше. Обескураженный ТР-перелетчик на всякий случай поворчал, но подчинился.

Коле тоже все начинало казаться странным — отсутствие сигнала, закрытый люк... Тишина и спокойствие, никто из ТР-физиков, по-видимому, не был озабочен сего-

дняшним экспериментом. Елки-финики, подумал Коля. Куда же мне теперь с этим голодным пугалом?..

Голодное пугало присело отдохнуть. Угрожающим рычанием оно дало понять, что увести его от заветного люка дальше, чем оно это уже позволило, будет не так просто. Ну и пусть посидит, решил Коля. Туннель безлюден, и непохоже, чтобы кто-нибудь скоро здесь появился.

Коля привязал свободный конец леера к решетке вентиляционного отверстия (хотя отлично сознавал, что это бессмысленно) и поспешил к желтому кругу, обозначающему вход в информаторий. Благо вход уже близко — рукой подать.

Пневматическая дверь с шипением захлопнулась, вспыхнул приятный зеленоватый свет. Не теряя времени, Коля включил двустороннюю видеосвязь с диспетчерской.

На экране что-то возникло. Коля сначала не понял, что именно,— какое-то большое рыжее пятно на темном фоне. Затем пятно шевельнулось, слегка запрокинулось кверху, и Коля увидел перед собой голубые глаза, обведенные черными стрелами длинных ресниц. Глаза представились:

— Дежурная Квета Брайнова.

— Это диспетчерская? — не сразу поверил Коля.

— Да, это диспетчерская.

— Послушайте, дежурная! Я привел гориллу в кольцевой туннель и теперь не знаю, что с ней делать.

Глаза озадаченно поморгали.

— Гориллу?!

— Ну да, гориллу по кличке Буту. Разве вы ничего не знаете?

— Н-нет... — растерянно ответили глаза, и по их выражению Коля понял, что они говорят святую правду. — А... можно узнать, зачем вы привели сюда гориллу?

— Можно,— сказал Коля, ощущая, как ему становится нехорошо. — Я привел сюда гориллу для эксперимента. — С отчаянием добавил: — Если вы сомневаетесь, можете выглянуть из диспетчерской в кольцевой туннель!

— Нет-нет! — Глаза испуганно отпрянули, и Коля увидел озабоченное девичье лицо. — Я верю вам. А... вы не шутите, мальчик?

— Я не мальчик, — печально пояснил Коля. — Я лаборант сектора биологии. Моя фамилия Сытин, зовут Николай. А ваше имя, насколько я понял, Квета. Красивое имя. Квета... Если перевести на русский — Цветочек, верно? Так вот, главный вопрос, который меня очень интере-

сует, уважаемая Квета-Цветочек, это вопрос: что делать с гориллой? И второй вопрос... правда, менее актуальный, чем первый, но тоже достаточно интересный: как вы оказались в диспетчерской? Для амплуа ТР-физика вы кажетесь мне, извините, слишком юной и слишком рыжеволосой.

— Я прилетела на «Мираже» прошлым рейсом,— ответила Квета. — Работаю здесь уже четыре дня и, как вы только что выразились, именно в амплуа ТР-физика.

Коля обеспокоенно прислушался. Но стены информатория не пропускали ни звука.

— Почему вы молчите, Николай? — спросила девушка.

— Жду ответа на главный вопрос.

— Ах да, насчет обезьяны!..

— Насчет гориллы,— сухо поправил Коля. — Если вы действительно ТР-физик, то не могли не знать, что на восемь тридцать утра был запланирован ТР-запуск.

Квета забавно вытянула губы и широко открыла глаза. Поморгала. Спросила:

— А разве вам не сообщили?..

— Что именно?

— Эксперимент триста девятый «Сатурн» эпсилон-шесть отменяется.

— Так... — сказал Коля. — Эпсилон-шесть... Между прочим, нам должен был сообщить об этом дежурный диспетчерской. И не позже, чем за два часа до начала эксперимента. До начала, которое обозначено в графике.

— Я... я понимаю,— смутилась Квета, и даже на экране стало видно, как она покраснела. — Я здесь совсем недавно и еще ничего толком не знаю. Конечно, я виновата, но я...

— Больше не буду,— подсказал Коля.

— Минуточку!.. — вдруг насторожилась Квета и повернула лицо к собеседнику в профиль. Коле профиль понравился.

— Минуточку подождите. У меня ТР-запуск.

— Малая тяга? — тоном знатока осведомился Коля. И вдруг не своим голосом заорал так, что девушка вздрогнула: — Сирену! Отключите сирену! Прошу вас! — Метнулся к двери.

Он яростно топтал ногами педаль, но плита, закрывающая выход, оставалась недвижной.

— Я отключила сирену,— сказала Квета, опять за-

полнив весь экран голубым и рыжим сиянием. — А дверь запирается автоматически. Потерпите немного.

— Спасибо,— пробормотал Коля. Ему было стыдно. Насчет дверей кольцевого туннеля он знал. Просто вылетело из головы.

— Вы волнуетесь за своего подопечного?

Коля кивнул.

— Гориллы легко раздражаются,— сообщил он. — И в такие минуты бывают опасны. Кстати, ваша дверь тоже на автоматическом замке?.. Ну тогда ладно.

— А вас он слушается?

Коля снисходительно улыбнулся.

— Профессиональный навык,— сказал он. А про себя пожелал Буту провалиться в тартарары...

— Внимание! — предупредила Квета, и сразу последовал ощутимый, но мягкий толчок. — Все, можете выходить.

— До свидания,— сказал Коля. И вышел.

Там, где пять минут назад отдыхал Буту... На этом месте его уже не было.

Коля отвязал леер от вентиляционной решетки, машинально собрал его кольцами, как собирают лассо. Леер обрывался странно размочаленным концом... У Коли задрожали руки.

— Мер-р-рзавец! — простонал он и бросился вдоль туннеля.

Кольцевой туннель он обежал со скоростью ветра и, поравнявшись с входом в информаторий, понял, что Буту в туннеле нет. Покачиваясь, он вошел в информаторий.

— Извините, Квета... — тихо сказал он, громко дыша. — Мой подопечный... случайно к вам... не заглядывал?

В голубых глазах появилось странное выражение.

— Обезья... то есть, горилла? Нет, я здесь, по-моему, одна... Что-нибудь произошло?

— Да, но вы не волнуйтесь. Он просто сбежал. Извините...

Коля прервал связь с диспетчерской и стал по очереди нажимать разноцветные клавиши.

— Внимание, внимание! — повторял он чуть не плача. — Сбежал подопытный примат по кличке Буту. При обнаружении примата просьба срочно сообщить в информаторий. Внимание!..

Один за другим вспыхивали экраны.

— Эй, там, в информатории! — раздраженно позвал чей-то бас. — Срочно спускайтесь в вакуум-створ! Ваш примат, очевидно, решил, что находится в джунглях, а тут кругом кабели под напряжением!

— Обесточьте кабели! — завопил Коля. — Задержите его до моего прихода!

— Задержи свою бабушку,— посоветовал бас. — А еще лучше — спускайся сюда и сам его тут задерживай. Безобразие! У меня «Мираж» на подходе, а людей — никого, все разбежались. Я требую, чтобы вы убрали свою сумасшедшую обезьяну немедленно! Слышите, вы?.. Немедленно!

Ошалело натыкаясь на стены, Коля искал дверь...

В лифтовом тамбуре нижнего яруса его поджидал один из техников вакуум-створа. Это был Карлсон, но Коля его не сразу узнал: правый глаз техника чудовищно вспух и явственно наливался радужным цветом, комбинезон порван, а из прорехи свисал подол оранжевой рубахи. Судя по всему, Карлсон побывал в серьезной переделке и успел потерпеть поражение.

— Он уже там,— сказал Карлсон. Осторожно потрогал глаз. — Он забрался в продовольственный склад.

— Где? — спросил Коля. И помчался в указанном направлении.

Карлсон заправил рубаху и, гулко топая, побежал следом.

— Налево! — кричал он. — Теперь сюда!

Коля нырнул в узкий проход между штабелями каких-то ящиков, свернул налево, потом направо — штабелям, казалось, не будет конца. Где-то слышались крики и ругань, раздавался рев и подозрительный грохот,— где именно, мешали понять горы ящиков и раскатистое эхо зала. Неожиданно Коля наткнулся на сверкающую россыпь каких-то цилиндрических предметов. Это были консервные банки. Преодолевая россыпь, Коля увидел чей-то кровавый след. След вел за угол штабеля. Стараясь не наступать на эти ужасные пятна, Коля побежал туда и, поскользнувшись, чуть не наскочил на стоящего за углом человека. Задрав подбородок кверху, человек, казалось, обеспокоенно прислушивался. Но это только так казалось, потому что его гладко выбритый череп, щека и комбинезон на груди были залиты кровью... Коля остолбенел. Раненый обернулся и с интересом на него посмотрел.

— Вы... Вы весь в крови! — пробормотал Коля.

— Я?.. — Человек испуганно взглянул на свои окровавленные руки. И вдруг, лизнув палец, сказал: — Варенье. — Почмокал губами, добавил: — Вишневое. Добрался-таки, мерзавец, до кондитерского запаса! Сейчас он там дров наломает..

Сверху посыпались банки.

— А ну-ка,— сказал Коля,— помогите мне взобраться на штабель.

Буту сидел на соседнем штабеле и взламывал ящики. Шлема на нем уже не было, скафандр висел мешком, из-за ворота торчал над ухом обрывок гофрированной трубки воздухопровода. Буту дробил ящики, выхватывал из кучи банок одну или две и, надкусывая с краю, бросал. Очевидно, он искал свое любимое лакомство — ананасный компот. И, очевидно, кто-то пытался мешать его поискам, потому что Буту раздраженно оглядывался, время от времени грозно рычал и швырял банки, а то и ящики целиком, в узкие щели проходов.

Коля оценил обстановку, распростился с надеждой на ампулу безопасности. Оставалось надеяться только на «профессиональный навык», которым он хвастался перед Кветой.

— Буту, спокойно! — крикнул он. — Сидеть!

Буту проворно метнул в него несколько банок.

— Ах, так! — сказал Коля и приготовился прыгнуть через проход.

Рев гориллы потряс стены зала. Коля решил от прыжка пока воздержаться. Нужно было срочно выработать более разумный план действий, но ничего дельного в голову просто не приходило... И вдруг за его спиной что-то обрушилось: на штабель влезли Карлсон и знакомый уже человек, облитый вишневым вареньем. На дальних штабелях показались еще пять фигур в комбинезонах.

— Вот... — сказал Карлсон, снимая с плеча волейбольную сетку.

Коля слабо улыбнулся, но сетку взял. Это было лучше, чем ничего. Главное, он теперь не один — ребята помогут. В опасной близости от его головы прожужжал ящик. Мелькнула мысль: точно из катапульты... Коля разбежался и прыгнул. Следом разбежался и прыгнул Карлсон.

В воздухе засверкали банки. Одна из них угодила Карлсону в живот. Карлсон охнул и сел. Ему сегодня не везет,— подумал Коля. И еще зачем-то подумал, что в

этой банке, наверное, сливовый джем... Он размахнулся и бросил сетку на разъяренную гориллу. От сетки полетели клочья, но лапы Буту были заняты, и летающих ящиков можно было временно не опасаться. Кто-то крикнул: «Берем!», и мгновенно образовалась куча мала.

— Трос! — закричал Коля. — Нужен эластичный трос! Эй, кто-нибудь...

Внезапно угол штабеля у него под ногами тронулся с места. Коля упал и повис над ущельем прохода, напрасно пытаясь удержаться за расползающиеся ящики.

Последнее, что он увидел перед тем, как угол обрушился, был человек в белой одежде, который бежал по проходу, размахивая руками. Коля успел подумать, что это, наверное, шеф...

Угол обрушился.

...Коля открыл глаза, сделал попытку пошевелиться.

— Не нужно,— мягко остановил его женский голос.— Вам нельзя.

— Пришел в себя? — осведомился голос мужской.— Ну-ка, покажите мне героя... Счастливо отделались, молодой человек. Что скажете?

Коля увидел над собой знакомое лицо хирурга станции Пшехальского.

— Ян Казимирович,— сказал Коля. — Чувствую себя отлично. Скажите, сколько времени прошло с тех пор, как я... Ну, сами понимаете.

Пшехальский широко улыбнулся.

— Часика эдак четыре. Головка не кружится?

— Нет. Я очень вас прошу, пригласите сюда моего шефа. Мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайно важное... Ну, пожалуйста!

— Только недолго... Франсуаза, я думаю, можно позволить, как вы считаете? Фишер, кажется, еще не ушел.

Коля опустил веки. Собственного тела он не чувствовал. Вместо тела ощущалась какая-то гулкая, туго скрученная неопределенность... Кружилась голова.

Открыв глаза, Коля увидел бледное лицо шефа.

— Ульрих Иоганович...— Коля мужественно улыбнулся. — Чувствую себя великолепно. Передайте, пожалуйста, ТР-физикам... лучше самому Калантарову... что Буту транспозитировался из кольцевого туннеля в вакуум-створ. На малой тяге...

У шефа дрогнула нижняя челюсть.

— Это не бред, — сказал Коля. — Буту не сбежал,

в вакуум-створ. Он не мог... за такое короткое время. Он был транспозитирован!.. На малой тяге!.. Не забудете? — Коля облизал пересохшие губы. — И еще не забудьте сказать... что альфа-пыль... осколки альфа-стекла транспозитируются в мою каюту. На малой тяге... Пусть проверят.

— Гут,— сказал шеф. — Вы скорей выздоравливать!..

— Достаточно,— сказала Франсуаза. — Больше нельзя. Сейчас больной будет спать.

— Я есть старый осел! — жаловался Фишер Франсуазе перед уходом. — Я оставить горилла с этот неопытный мальчик! Бедный мальчик!.. Я себе никогда не простить!

— Извините,— мягко остановила его Франсуаза. — Я должна вернуться к больному. Вы же сами видели, что у него начинается бред.

— О, да, да! Вам надо поспешать. Вы не отправить его этот рейс на «Мираж»? — Фишер просительно заглянул в темные и круглые, как вишни, глаза Франсуазы.

— Нет, он слишком слаб. Возможно даже, что у него сотрясение мозга. Когда к нему можно будет прийти в следующий раз, я дам вам знать. До свидания.

Фишер откланялся. Поправил на перевязи прокушенную гориллой руку и побрел в лифтовый тамбур. Сегодня он впервые почувствовал себя старым.

ГЛАВА 4

В большом полутемном помещении приятно пахло разогретой смазкой. Синевато светились круглые окна экранов, вспыхивали и угасали табло. Стен в зале не было: вместо них вплотную друг к другу стояли приборы — двенадцать стендовых ярусов мудреной аппаратуры. Приборы даже на потолке. Жужжал, вращая длинную стрелу, и время от времени забавно клацал телескопический подъемник, а на конце стрелы ходила вдоль нижнего яруса кабина для операторов — прямоугольная площадка с пультами посредине, огражденная низкими бортами. За пультом, сгорбившись, сидел Ильмар — на бритой голове наушники — и что-то жевал, не отрывая лица от нарамника экспонира.

Глеб сбежал по трапу на нижний причал и оглушительно свистнул. Ильмар сбросил наушники, повертел головой. Глеб свистнул еще раз. Деловито клацнув, подъемник развернул стрелу и поднял кабину к причальному борту.

Ильмар рассеянно поздоровался, подождал, пока гость устроится в кресле напротив. Потом выложил перед ним на пульт бутерброд в целлофане, показал глазами на кофейник. Бж-ж-ж-ж, клац-клац... — кабина плавно поехала к нижнему ярусу.

— Томит меня предчувствие еды. — Глеб сорвал с бутерброда обертку. Громко спросил: — Как дела?

— А? — Ильмар приподнял чашечки наушников.

— Меня интригует твой озабоченный вид. Стряслось что-нибудь?

— Стряслось то, что должно было стрястись, когда вы устроили нам гравифлаттер. Стряслись пластины дозаторов активной эпиплазмы.

Глеб сочувствеино поцокал языком и откусил от бутерброда. Бутерброд был с сыром.

— Один гравитрон закашлялся насмерть, — сообщил Ильмар. — Два других на пределе. А гравитронов, да будет тебе известно, всего двенадцать. Это я так тебе говорю... между прочим.

Мне все известио,— подумал Глеб. Между прочим, известно и то, что нам достаточно четырех. Для ТР-перелета в пределах орбиты Сатурна двенадцать совсем не нужны— в конце концов, достаточно трех, если точней подсчитать напряженность эр-поля. А для перелета даже к ближайшей Центавра нам не хватит и трех иа десять в двенадцатой степени.

Кабина остановилась. Ильмар снял наушники, ткиул пальцем в желтую киопку на пульте и посмотрел вниз.

Глеб тоже посмотрел. Где-то там лязгнул металл, ио сначала ничего не было видно. Потом в глубине открывшейся шахты вспыхнул синий огонь и осветил звездообразный торец гравитрона.

— Я так и думал,— пробормотал Ильмар. — Из новых...

— Из тех, что прибыли на «Мираже»?

— Те, что прибыли иа «Мираже» — эн зэ. Вашему брату ведь ничего не стоит устроить еще один флаттер, верно?

Нашей сестре, мысленно поправил Глеб. Вчера на калькуляторе работала Квета. По этой причине нужно было менять тромб-головку в блоке локального счета. Сменить, конечно, недолго, но вот когда на калькуляторе работал Захаров... Глеб вздохнул.

— Нам бы ваши проблемы,— сказал он, покачивая

сколько добавил «Мираж» в прошлый раз к общей массе нашего грешного астероида?

Ильмар пошарил у себя в нагрудных карманах, затем в боковых. С озабоченным видом стал ощупывать брюки — казалось, его костюм состоял из одних карманов. Наконец, в руке гравитроника блеснула небольшая плоская кассета.

— Вот,— сказал Ильмар. — Точность подсчета плюс-минус ноль пять килограмма. Но это вряд ли вам пригодится.

— Почему?

— Связисты мне говорили, что сегодня «Мираж» покинул Меркурий и придет на «Зенит» часа через два.

— Ясно,— сказал Глеб. Повертел кассету между пальцами и отдал Ильмару.

— Ну, хорошо,— сказал Ильмар. — Как только «Мираж» пришвартуется, я постараюсь успеть подсчитать общую массу и передам результат прямо на ваш калькулятор. Может быть, это поможет избавиться нам от гравифлаттера?

— Может быть,— не совсем уверенно ответил Глеб.— Спасибо. Ну я пойду... Еще мне нужен декафазовый клайпер. Ну чего ты на меня уставился?

— Ничего... — Ильмар вздохнул. — Раньше мало кому нужен был клайпер. Пока на калькуляторе работал Захаров... Клайперы справа от кресла. Бери тот, который в футляре.

Помрачневший Глеб перекинул ремень от футляра через плечо.

— Сядь,— сказал Ильмар. — У нас на «Зените» очень глубокие залы. И самый глубокий из них именно этот.

Бж-ж-ж-ж... — кабина поехала к трапу,— клац-клац... Глеб перепрыгнул на причальную площадку.

— Что нового у вас на чердаке? — спросил вдогонку Ильмар.

Глеб обернулся и пожал плечами:

— Что у нас может быть нового?.. Настало время хоронить красивую мечту. Но почему-то шеф оттягивает похороны... А так — все нормально.

— Все нормально? — зло удивился Ильмар. — Эх, вы!.. А ведь это не ваша мечта. Вернее, не только ваша. Это моя мечта, и мечта всех, кто работает на «Зените»,

Мечта всего человечества. Слышите, вы!... Человечества!

— Сегодня мы с тобой жевали сыр,— напомнил Глеб.— Не знаю, обратил ли ты внимание на его особенность?

— Гм... В каком это смысле?

— В физическом.

— Ну, сыр, как сыр...

— Особенность та, что в сыре есть дырки. Наша мечта — сыр, а результат ее воплощения — дырки. И человечеству — хочешь не хочешь — придется это переварить. И тебе, заодно с человечеством.

Глеб взялся за поручень трапа и взбежал по ступенькам.

Только что он лежал здесь, этот роскошный семицветный карандаш в металлическом корпусе — подарок сокурсника Йорки. Лежал на самом краешке пульта... Облокотившись на пульт, Квета заглянула в шахтный ствол — четырехугольный колодец, выплавленный из черного альфа-стекла на меркурианской базе «Аркад». Хороший был карандаш,— подумала Квета. Далеко внизу поблескивали кольца эритронов...

Зашипела пневматика — в дверном проеме показался Глеб с треугольной сумкой клайпера через плечо.

— Доброе утро,— вежливо сказала Квета.

— Салют,— буркнул Глеб не особенно вежливо.

Поставил клайпер у ног, подозрительным взглядом окинул каре приборных панелей. Посвистел. Зеленоватые глаза, казалось, очень внимательно осматривали все вокруг — но только то, что находилось за пределами какого-то магического круга, центром которого Квета чувствовала себя, испытывая при этом странное неудобство.

— Вы рано сегодня,— сказал он. — Зачем?

— Вчера вы спрашивали то же самое.

— Ах да, приняли утреннее дежурство! Виноват... — Он оглядел черный купол диспетчерской с ярко светящимся кругом в зените и пояснил: — Однообразное существование — однообразные вопросы.

— Ну что вы! — робко улыбнулась Квета. — Здесь интересно. Совсем недавно какой-то мальчишка пытался узнать, не прячу ли я у себя сбежавшую гориллу.

Она мимолетным движением руки поправила над бровями колечки огненно-рыжих волос, покосилась на эмблему «Зенита» на рукаве и вдруг покраснела.

Девочка,— подумал Глеб. Восторженный птенец. Глеб убрал переднюю стенку пульта и заглянул внутрь.

Но скоро она поймет, как у нас «интересно». Привыкнет смотреть в эту квадратную яму без особых эмоций и считать с достаточной точностью напряженность эр-поля. И сутки, которых всегда слишком много до отпуска...

Глеб настроил клайперный щуп, присел на корточки перед распахнутым пультом. Клайпер тонко завыл.

...А на Земле ей будет казаться, что отпуск тянется подозрительно долго. Сначала она будет как-то сопротивляться этому своему ощущению. Но в один из безоблачных полдней, устав разглядывать солнечный диск через очки-светофильтры, она заявится в бюро меркурианской связи в курточке с эмблемой «Зенита» на рукаве и потребует тридцать служебных секунд межпланетки. И ей дадут эти тридцать секунд. Не потому, что обязаны, а потому, что привыкли оказывать знаки внимания тем, кто с «Зенита». «Мне нужно, — скажет она в микрофоны очень взволнованно, — просто необходимо вернуться досрочно. Я вас прошу!..» Через шесть с половиной минут поступит ответ. Шеф, как всегда, будет краток: «Да, разрешаю», и безразлично добавит для буквоедов из службы Контроля: «В связи с необходимостью». Невероятно скучный перелет Земля—Меркурий, Меркурий—«Зенит», и вот она является на астероид с большим букетом сирени, счастливая, что наконец вернулась. Вернулась на круги своя... Четыре пульта вокруг квадратной ямы, однообразие экспериментов, тоска по далекой Земле, слезы в подушку, огромный шар пылающего Солнца...

Внезапно клайпер изменил тональность звучания. Глеб быстро сунул руку в недра пульта, нашарил нужный ряд тромб-головок. Квета, следившая за развитием ремонтных операций, вдруг спросила:

— Вы знаете, кто будет третий?

— Третий будет лишний,— рассеянно ответил Глеб. Он выдернул испорченную тромб-головку из гнезда, зачем-то потер о рукав и посмотрел прозрачную колбу на свет.— Хотите, я почитаю вам старых поэтов?

— Нет, я серьезно... — девушка зарделась от смущения.

— Третий будет Ваал. Четвертый, как всегда, Туманов. Если, конечно, «Мираж» прибудет сюда без Калантарова. Что вполне вероятно.

— Давно хотела спросить... Почему Ваал?

— Валерий Алексеенко,— терпеливо пояснил Глеб.— Сокращенно — Ваал. Верно, это он царапается в дверь.

В дверную щель плечом вперед протиснулся Валерий.

— Салют! — весело рявкнул он. В шахтном колодце откликнулось эхо.

— Доброе утро,— поздоровалась Квета.

— Утро!.. — Глеб обхватил колени и поднял глаза к потолку. — Пещера, туманное утро, следы на песке, в руках большая дубина из натурального дерева... Когда я слышу земное «доброе утро», во мне просыпается питекантроп.

— Не надо паники,— сказал Валерий. — Быть может, это у тебя пройдет. И без особых последствий.

— Последствия будут, — Глеб выключил клайпер. — Если шеф задержит мне отпуск еще на неделю.

Валерий сочувственно покивал:

— Задержит. Мне предписано покинуть «Зенит» и удалиться в сторону Сатурна. И не делай большие глаза. Через час подойдет «Мираж», шеф не спеша направится к этому пульту и самолично запустит меня в гиперпространство... Я пришел вам сказать до свидания.

— Я не буду делать большие глаза,—возразил Глеб.— Я буду делать большой и, по возможности, громкий скандал. Ты же умный человек, Ваал, ну пойми наконец: в океане научных идей есть идеи бесперспективные. Настолько бесперспективные, что даже молодые дерзкие энтузиасты науки вроде меня после энного количества лет бесперспективной научной работы становятся психами. Мне нужен отпуск.

— Всем нужен отпуск. Квета, вам нужен отпуск? Нет? Ничего, скоро понадобится. А что касается нашей идеи...

— Наша идея — это труба. Один конец трубы находится здесь, на «Зените», другой — на орбите Сатурна, где плавает станция с пышным и глупым названием «Дипстар»[1]. Вот, кажется, и все, с чем нас можно поздравить. — Носком ботинка Глеб отшвырнул тромб-головку к стене.

— Насчет трубы я уже слышал,— напомнил Валерий.

— Слышал звон...

— Вот именно.

Валерий сел в кресло и повращался на винтовом сиденье. Похлопал большими ладонями по подлокотникам. Сказал:

---

[1] «Дипстар» — «Звезда глубины» (англ.).

— Эн лет назад нам удалось передать на «Дипстар» через гиперпространство белую мышь... Я помню тумак, которым ты меня наградил в припадке восторга. Эн плюс два года назад мы передали собаку, макаку и трех шимпанзе. Потом человека...

— И ты воспользовался этим, чтобы вернуть мне удар. Удар пришелся по шее.

— Прости, немного не рассчитал...

— Я не злопамятный.

— Но больше всех тогда, по-моему, досталось шефу, его закачали. Качали меня и тебя. Качали всех, кто был на «Зените». Было больно — здесь очень низкие потолки. Н-да... Одного за другим передали еще пятерых.

— На «Зените» уже никого не качали.

— Помнили про потолки.

— Нет,— сказал Глеб. — Просто из наших буйных голов улетучились флюнды восторга. Наступила пора двоевластия. С одной стороны, успехи ТР-передачи и комплекс идей Калантарова — наших идей! С другой — теорема Топаллера. Великолепная и жуткая в ореоле своей беспристрастности.

— Н-да... Топаллер нанес нам крепкий удар. Прямой и точный...

— Прямо в солнечное сплетение нашим замыслам. . А Земля ликует вовсю. Ей пока нет никакого дела до Топаллера и его теоремы. «На пыльных тропинках сверхдальних планет... Новая эра! Земля гордится вами, покорители Пространства и Времени!»

— «Ты и я — сто двадцать парсеков, ты и я — времени даль...»

— Вот-вот. А покорители скромно помалкивают. Потому что «сто двадцать парсеков» целиком умещаются в пределах орбиты Сатурна. Можно было, конечно, забросить «Дипстар» за орбиту Плутона еще на эн миллионов километров. А дальше что? Тупик, теорема Топаллера... Те, кто бредил о транспозитации к звездам, успешно и быстро прошли курс лечения, выверяя правильность неуязвимой теоремы. Лишь на Меркурии, на «Зените» и там, на «Дипстаре», осталась кучка маньяков, которым до смерти хочется пробить головой неприступную стену. Она неприступна, эта стена, понимаешь? И мне почему-то становится жаль свою голову.

— Понятно,— произнес Валерий и медленно поднялся. — Согласно Топаллеру... Внимательно слушайте,

Квета. Это очень серьезно, мы присутствуем на творческом отчете дезертира.

Опустив голову, Квета что-то выводила пальчиком между клавишами на блестящей поверхности пульта.

— Ваал,— сказал Глеб. — Я нехороший, я дезертир. Но все равно мы бессильны, Ваал,— и ты, и я, и Туманов, и сам Калантаров... Оскорбляя меня, нельзя опровергнуть Топаллера. А иметь возле Солнца ТР-передатчик-приемник и не иметь его там, на далекой звезде, значит... Каждый осел понимает, что это значит. Ну, еще год-другой погоняем ТР-перелетчиков из центра Системы на периферию. В конце концов эта однообразная цирковая программа нам надоест. Мне, например, надоела... вот так! — Глеб быстро провел ребром ладони под подбородком.

— Здравствуйте, дни голубые, осенние... — задумчиво продекламировал Валерий. — Ну, мне пора. Вместо меня будет Гога.

Валерий столкнулся с Гогой в дверях. Гога взвыл и запрыгал на одной ноге к ближайшему креслу.

— Ваал,— сказал он, снимая ботинок,— при ноль восьми земного тяготения ты ничего не потерял. В смысле живого веса... Кто мне подскажет, как называется этот расплющенный палец?

— Указательный,— подсказал Глеб.

— Ваал, ты отдавил мне указательный палец на левой ноге.

Валерий выглянул из коридора:

— Ладно, старик, будешь иметь компенсацию.

— Банку салаки. Пряный посол. Знает, шельмец, мою постыдную слабость.

— Идет. А вам что достать, задумчивая Квета? Не стесняйтесь, у меня в снабженческой среде широкие связи.

— Спасибо, ничего... — сказала Квета. И, вспыхнув, тихо добавила: — Подскажите, пожалуйста, шефу, что один человек на «Зените» очень нуждается в отпуске.

— Гм... — произнес Валерий. Убрал голову, и створки дверей с шипением захлопнулись.

Гога не произнес ничего. Он пристально взглянул на Глеба — гораздо пристальнее, чем обычно,— сунул ногу в ботинок. Глеб чувствовал потребность срочно провалиться сквозь астероид.

Плохи мои дела,— подумал он. Очень плохи, если да-

же это хрупкое существо с ботаническим именем начинает проявлять опасную инициативу...

— Говорят, одна из горилл сбежала в вакуум-створ,— сказал Гога, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу. — Говорят, есть человеческие жертвы... Туманов не заглядывал?

— Туманов не будет,— угрюмо ответил Глеб.

— Ты что... серьезно?

— Вполне. В нашем секторе эклиптики сохранится сухая, жаркая погода. Протонный ветер, слабый до умеренного. Глубокий вакуум... Гога, Ваал обозвал меня дезертиром...

— Ваал напрасно не скажет.

— Ты уверен?

— И ты, мой друг, тоже. Ваал в какой-то мере прав.

Глеб на минуту задумался.

— В какой? Это важно.

— В той мере, которая определяет дезертирство если не в кинетическом смысле...

— ...то уж во всяком случае в потенциальном; — закончил Глеб. — Ясно, можешь не продолжать.

— А я особого энтузиазма и не испытывал.

— Ну и напрасно. Ведь разговор не только обо мне. Я давно пытаюсь понять: чего мы ждем? Чуда? Его не будет. Ведь все элементарно просто. Эр-поле функционально связано с массой ТР-передатчика. Пока мы ведем ТР-передачу на «Дипстар», нас вполне устраивает масса нашего астероида. Но замахнись мы хотя бы на альфу Центавра, нам понадобится иметь в своем распоряжении приятную общую массу шестидесяти таких планет, как Юпитер! Или иметь возле альфы Центавра ТР-приемник типа «Дипстар». Мы не имеем ни того ни другого. Понимание этого называется дезертирством.

— Чего ты хочешь от меня? — Гога заерзал в кресле.

— Ничего особенного... Через несколько минут мы проведем еще один эксперимент. Мы будем сидеть за пультами — по одному с каждой из четырех сторон квадратной ямы: ты против Кветы или Туманова, я против Калантарова. Как за столом дипломатических переговоров. Мы будем смотреть на приборы и подавать команды, нажимая кнопки и клавиши... Так вот, мне хотелось бы знать, крепка ли вера участников этого таинства в то, что наша работа приблизит звездный час человечества... — Глеб показал половину мизинца, — хоть на полстолько?

Гога тяжело и шумно вздохнул.

— Квета,— сказал он,— объясните этому субъекту, что наука имеет свои негативные стороны. Что науку нельзя принимать за карнавальное шествие по случаю праздника урожая.

— Какие мы все у-умные! — покачав головой, сказала Квета. Ее голос звучал в незнакомой тональности.— Слушаю вас и удивляюсь, как успешно вы стараетесь не понимать друг друга! Ведь разговор, по существу, идет о переоценке результатов многолетней работы. Самоанализ — это хорошо, это психологически оправданно. А самобичевание — плохо, потому что больно и унизительно, стыдно... Простите, если я сказала что-нибудь не так.

— Так, Квета, так. Здравствуйте! Прошу простить за опоздание, меня задержала связь с «Миражом». — Изящный Туманов, пощелкивая пальцами (за ним водилась эта странная привычка), приблизился к пульту.

Он всегда был изящным, от самой макушки до пят. От тщательно прилизанных светлых волос до мягких ботинок из кожи полинезийских коралловых змей — очень красивых ботинок и очень редких в космической практике.

— Турнир идей? — спросил он Глеба и Гогу, глядевших в разные стороны. — Или контрольная дуэль эмоций?

— Кир,— сказал Глеб. — Пожалуйста, не делай вид, будто тебе интересно.

Туманов пропустил пожелание Глеба мимо ушей. Он стоял, опираясь руками о пульт, в позе пловца, который раздумывал, стоит ли прыгать в холодную воду. Эта его озабоченность насторожила остальных. Глеб и Гога переглянулись. Квета подумала про карандаш. Карандаш, конечно, не собьет настройку эритронов, однако... В чем заключается это «однако», она не успела сообразить, потому что Туманов неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

Гога скороговоркой назвал день недели, число, месяц, год. Немного поколебавшись, добавил название эры.

— Коллеги! — Туманов солидно откашлялся. — Этот день войдет в анналы истории.

— Слышу торжественный шелест знамен,— доверительно сообщил Гога.

Глеб тяжело смотрел Туманову в затылок. Молчал. Туманов щелкнул пальцами и резко повернулся на каблуках:

— В общем, так: будем готовить ТР-передатчик к ра-

боте. Шеф решился отправить в гиперпространство двух ТР-летчнков методом параллельно-сдвоенной транспозиции. Первый в истории групповой ТР-перелет...

— Шутишь!.. — выдохнул Гога.

— Сегодня нам ие до шуток, коллеги.

Сон в руку, подумал Глеб. Туманов прав, сегодня будет не до шуток. Бедные гравитроны, бедный Ильмар, несчастная Квета, разнесчастный тромб-стиггерный блок. Великий космос, до чего же все надоело!..

Из коридора послышалось дребезжание зуммера. Это сигнал службы вакуум-створа: к астероиду причалил «Мираж».

— Калантаров,— подняв брови, сказал Гога.

— И сопровождающие его лица,— добавил Глеб.

— Угум... А известно, кто второй ТР-летчик?

— Известно,— ответил Туманов. — Второй ТР-летчик — Астра Романова.

Глеб наклонился, чтобы взять на плечо клайпер. Но так и не взял. Медленио выпрямился.

ГЛАВА 5

Работали сосредоточенно, молча. Готовить станцию к ТР-передаче молчаливо, без суеты, почиталось правилом хорошего тона.

Переключая клавиши с бесстрастием автомата, Глеб незаметно поглядывал иа внимательные лица товарищей. Ему было уже безразлично то, что он делал, но работал он, как и прежде, точнее и быстрее других.

У Кветы и Гоги сначала что-то не ладилось, однако вмешался Туманов, и все вдруг наладилось. В глубине шахты по-шмелиному густо и нудно зажужжали эритроны. Глеб машинально отстучал на клавишах программу стабилизации, не поворачивая головы, покосился на экраны экспресс-информаторов, откинулся в кресле. Восемь минут, пока прогреваются эритроны, он со спокойной совестью мог разглядывать потолок. Или дверь. В эту дверь скоро войдет Астра.

Вместе с Астрой появится и надолго останется здесь сладковатый запах белой акации. Астра войдет и уйдет, а сладковатый незабываемый запах останется. И непонятная боль...

Если уж честно во всем разобраться, никаких таких

сложностей между ними и не было. Не было пылких признаний и сентиментально-космических клятв. Только однажды был берег лагуны теплого моря, широкой темной лагуны, полной отраженных звезд. Вниз и вверх — звездная бесконечность.

— О, далеко как до них!..

Он ответил, что далеко. Что трудно даже представить как далеко. Но сделаем ближе. Сделаем — рукой подать. Ну вот как здесь, зачерпнул пригоршней — и готово. Миры на ладонях.

— Верю, Глебушка, верю. Слышишь, кто это жалобно воет там, за дюнами? Слышишь?..

— Это какой-нибудь зверь. Потерял след на охоте.

— Красиво здесь... Будто бы на краю звездной пропасти. Темно, красиво и жутко.

— Я рядом. А то, что жутко, где-то в песках, далеко...

Да, верно, тогда он был рядом. И казалось, так будет всегда, но это только казалось... Дважды она появлялась на станции и дарила ему (как, впрочем, и всем остальным) шершавую колкую ветку акации,— мелкие листья и пышные гроздья белых пахучих цветов. И говорила много о звездах. Миры на ладонях... А он молчал. Потому что до звезд по-прежнему было еще далеко.

Когда она улетела с «Зенита» на «Дипстар», он чувствовал странное облегчение. А потом опять начинал ее ждать. Работал до полного изнеможения и отчаянно ждал. Ожидание тянулось месяцами, потому что ТР-перелет на «Дипстар» — девять секунд, а на обратный рейс фотонно-ракетной тягой уходили недели и месяцы (создавать обратный ТР-передатчик на «Дипстаре» не было особой необходимости). Потом для нее — а значит, и для него — все начиналось сначала: «Зенит» — «Дипстар» — Диона — Земля — Меркурий — «Зенит» — ветка белой акации. Карусель! И он ничего не мог с этим поделать. Остается одно: жалобно взвыть. Это финал потерявшего след на звездной охоте...

— Глеб Константинович Неделин,— негромко позвал Туманов. — Я прошу вас очнуться, коллега, и посмотреть, что происходит на вверенном вам участке эр-позитации.

Глеб улыбнулся — так сначала всем показалось. Но вот он поднял голову, и сразу стала понятной разница между улыбкой и судорогой лица. Рванувшись из кресла, он вскинул кулак над хрупкой клавиатурой...

Зашипел дверной механизм — дверные створки уехали в стены.

Глеб медленно разжал кулак и, пошатываясь, будто с тяжелого сна, повернулся к пульту спиной. Встретил глаза цвета раннего зимнего утра, покорно принял ветку белой акацин, поцелуй и упрек, смысла которого не уловил. Подошел незнакомец с аккуратненькой черной бородкой, сказал: «Казура. Можете называть меня просто Федотом», — и протянул руку. У незнакомца — молодое белое лицо. Одет он был в черный парадный костюм, словно минуту назад покинул зал заседаний парламента. Вошли Калантаров и Дюринг — глава медицинского сектора базы «Аркад», известный среди ТР-физиков под негласным прозвищем Фортепиано, вернулся Валерий. В диспетчерской стало шумно и тесно. Кто-то с кем-то знакомился, Дюринг острнл. Валерий помалкивал, Калантаров рассеянно слушал рапорт Туманова, Астра и Квета оживленно о чем-то беседовали с чернобородым. Чернобородый сиял и смущался. Глеб медленно приходил в себя.

— Вот, собственно, и все... — закончил Туманов, раздумывая, не пропустил ли он чего-нибудь существенного. Пощелкал пальцами. — Результаты, кроме сегодняшних, разумеется, задокументированы, приведены в порядок по халифмановской системе. Вы сможете ознакомиться с ннмн в зале большой киютеки.

— Спасибо, я посмотрю,— сказал Калантаров. — Сами-то вы смотрели?

— Мы провели сравнительный анализ двенадцати последних эр-позитаций...

— Превосходно! Каков результат?

— Я говорю об эффекте Неделиа,— осторожно пояснил Туманов.

— Я понял.

— За последний месяц работы эр-эффект стал проявлять себя... э-э... несколько чаще. Однако найти причину перерасхода энергии на малой тяге мы пока не смогли.

— Только на малой? — быстро спросил Калантаров.

— Да. На стартовой тяге все было в норме и никаких спорадических...

— Ну хорошо,— вздохнул Калантаров. — Вернемся к обсуждению эффекта. Продолжайте, слушаю вас.

— Я не совсем понимаю,— Туманов развел руками. — Если вас интересуют причины перерасхода энергии...

— Нет, дорогой мой Кирилл Всеволодович,— мягко остановил его Калантаров. — Идеи ваши меня интересуют. Мысли, гипотезы, предположения... все, что угодно, вплоть до фантастики. А?

— Ну... — Туманов пожал плечами,— я запросил бы «Дипстар». На малой тяге, дескать, подозрительный эффект...

— Сделано. Дипстаровцы в недоумении. Передают Неделину восторженные поздравления. Дальше?

— Шеф, это очень важно?

— Да.

— Но почему?

Калантаров помедлил с ответом.

— Потому что геноссе Топаллер прав, — тихо сказал он.— К сожалению... Но ближе к делу. Первый наивный вопрос: можно ли объяснить перерасход энергии на целый порядок — на целый порядок! — за счет неточности фокусировки эр-поля?

Туманов слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Нет,— сказал он. — При переходе на стартовую тягу такая ошибка привела бы к печальным последствиям. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Второй наивный вопрос: каков характер возникновения эффекта?

— Спорадический.

— Ситуация занятная, не правда ли? — В глазах Калантарова появилась гипнотизирующая задумчивость. — После многих лет работы с ТР-установкой вдруг ни с того ни с сего открываем новый эффект. И платим за это рекордным перерасходом энергии. Но с облегчением узнаем, что этот эффект проявляет себя только на малой тяге. Да и то не всегда. Так сказать, спорадически. То он есть, то его нет. И ни техника, ни операторы в этом не виноваты. Эффектом пренебрегают, потому что он не мешает стартовой тяге. И еще главным образом потому, что никто не может найти причину его появления. Но разве можно что-нибудь найти не думая?

— Одна из особенностей гиперпространства, — высказал предположение Туманов.

— К примеру?

— Ну... назовем эту особенность «вязкостью».

— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сколько лет работаем с гиперпространством, а вот его «вязкость» толь-

ко сейчас пришлось помянуть... Вы верите в чудеса? Нет? Я тоже. Думайте, коллега, думайте.

Туманов молчал. Калантаров зорко оглядел присутствующих и направился к Гоге.

Гога словно бы нехотя привстал и вяло ответил на приветствие.

— Ты нездоров? — спросил Калантаров.

— Взгляните сами,— Гога показал язык.

— Я не специалист, меня вполне устроила бы более популярная форма ответа.

— Минуту назад мсье Дюринг осмотрел эту деталь моего ротового отверстия и весьма остроумно заметил, что молодцы, подобные мне, в прошлом предпочитали службу в лейб-гвардии. Что такое лейб-гвардия, шеф?

— Кажется, род опереточных войск. Ты не в духе сегодня?

— Нет, у меня все нормально... — Гога показал глазами на Глеба: — А вот ему плохо. Очень плохо, шеф...

Глеб уловил, что разговор о нем, бросил ветку акации в кресло и, упрятав кулаки в карманы, побрел к выходу. На лице Калантарова проступило выражение озабоченности.

Астра внезапно утратила к беседе всякий интерес. Чернобородый Казура подобную перемену не мог не заметить и, как это иногда случается с застенчивыми людьми, обиделся и перестал смущаться. Квета слушала его с возрастающим удивлением и симпатией. Федот Казура был действительно великолепен и поражал воображение. Гога чувствовал себя несчастным.

Калантаров подошел к Туманову и тихо сказал:

— Давайте сверим часы... Совпадает? Отлично. Ровно через час проведете эр-позитацию на малой тяге. Я, вероятно, буду отсутствовать.

ГЛАВА 6

Кольцевой туннель вокруг диспетчерской был довольно просторен и хорошо освещен, а там, где он соприкасался с куполом диспетчерской, по бесконечному кольцу тянулась черная стена из литого альфа-стекла. Это черное зеркало придавало туннелю странное своеобразие, которым даже пользовались, но каждый по-своему. Гога, бывало, надолго останавливался у стены, глубокомысленно

разглядывая собственное отражение, слегка растянутое по горизонтали. Ваал любил, раскинув руки, прижаться затылком к скользкой поверхности и шлепать ладонями. Калантаров, когда проходил вдоль туннеля, то и дело касался пальцем стены, будто смахивал несуществующую пыль, а потом этот палец долго разглядывал. Похоже вела себя Квета, с той только разницей, что пальцем она выводила узоры. Туманов, казалось, этой стены совершенно не замечал. Однако, забывшись, иногда выстукивал стену костяшками кулака, как заправский кладоискатель. Но лучше всех знал эту стену Глеб. Она обладала многими любопытными свойствами: она загадочно опалесцировала радужными овалами, если вприпрыжку бежать вдоль туннеля; тихонько звенела, если прижаться к ее поверхности ухом; возвращала дрожащее эхо, если как следует стукнуть в нее кулаком. А главное, она помогала думать... Когда у них что-то не ладилось, то, прежде чем разбрестись по каютам, по залам счетных машин, кинотек и салонов, они, бывало, часами ходили, стояли, сидели вдоль черной стены и думали. И обычно всегда у кого-нибудь возникала Идея!.. Идеям, казалось, не будет конца, как нет конца у кольцевого туннеля.

И вот все кончилось. Круг завершен...

Глеб, как слепой, едва не налетел на Дюринга, обошел его и, не оглядываясь, побрел вдоль туннеля.

— Одну минуту, молодой человек,— мягко окликнул Дюринг. — Можно?

Глеб задержался, с неудовольствием окинул толстяка вопросительным взглядом.

— Вы мне нужны буквально на одну минуту, — сказал Дюринг. — Если это вас не затруднит. — Его румяное лицо излучало доброжелательность.

— А подите вы... — прошипел Глеб.

— Не надо,— приятно улыбаясь, сказал Дюринг.

Он поднял руку и чуть пошевелил короткими пальцами. Глеб невольно смотрел, привлеченный странной жестикуляцией.

— Забавно, не правда ли? — спросил Дюринг. — Кажется, будто пальцев больше пяти.

— Да... — Глеб замер. — Как вы это делаете?

— Очень просто. Вот смотрите еще... И еще... Это очень полезно, мозг отдыхает. Чем больше вы смотрите, тем глубже мозг отдыхает... Ну вот, а теперь нужно немного расслабиться... та-ак... Мышцы тоже должны отды-

хать. Мышцы горла и рук можно расслабнть совсем... Хорошо. Дышится свободнее, правда? Глубже, глубже дышите... та-ак... а живот можно слегка подтянуть. Полный вдох, свободный выдох... раз и два, раз и два, в таком вот ритме... Великолепно. Теперь я буду очень медленно и осторожно касаться вас пальцамн, а вы представьте себе, что там, где я касаюсь, ощущается слабый укол... Ничего, сначала это немного трудно, потом появнтся опыт... Вот видите, это даже приятно. Здесь... Здесь... И здесь... Ну и, пожалуй, достаточно.

Глеб открыл глаза.

— Я спал? — спросил он.

— Не думаю. — У Дюринга было измученное, мокрое от пота лицо. — Как самочувствие?

— Не знаю... — Глеб подвигал плечами. — Наверное, все в порядке.

— Плохо ощущаете пластнку мышц? Это ненадолго, пройдет. — Врач выхватил из кармана салфетку, промокнул лицо. — Сделайте несколько легких гимнастическнх движений. Любых, какие вам больше нравятся. Та-ак... Теперь хорошо?

— Хорошо, — ответнл Глеб. — Легко и приятно... Будто гора с плеч. Как вам это удается?

— Я ведь не спрашиваю, как вы за десять секунд ухитряетесь... фюить... на орбиту Сатурна!

Глеб рассмеялся:

— Понятно!.. Гипностатический психомассаж?

— Я рад, что ваше самочувствие улучшилось. — Дюринг вежливо улыбался.

— Но все равно мне нужен отпуск,— сказал Глеб.

— Море?

— Да, в частности — море. Земля.

— Понимаю. Запахи леса, ветры, шорох листвы...

— Нет. Берег тихой лагуны и много песка. Безлюдье и дюны. И чтобы теплая звездная ночь...

— И жалобный вой за этими дюнами.

Глеб вздрогнул.

— Да... Или звуки фортепиано.

— В миноре, — добавил Дюрннг, засовывая салфетку в карман. — Между прочим, меня награднли прозвищем Фортепиано только за это... — Он поднял руку и шевельнул пальцами. Глебу снова показалось, будто пальцев больше пяти.

— Вы обиделись?

— Ну что вы, как можно! И потом, в отношении прозвищ я убежденный фаталист.— Дюринг заторопился:— Приятно было побеседовать. К сожалению, мне пора.

— Спасибо... — пробормотал Глеб. Он посмотрел Дюрингу вслед. И увидел шефа.

Калантаров посторонился, пропуская Дюринга в дверь, внимательно взглянул на Глеба и тихо спросил:

— Как дела, оператор?

— Дела, как у бабушки, шеф. Которая села в экспресс-вертолет, да не тот.

Шеф растерянно поморгал. Нервически дернул щекой и медленно пошел навстречу:

— Притчами заговорил, мальчишка...

Глеб устало сказал:

— Шеф, давайте в открытую?

— Давно пора! То, что ты разобрался в теоретических выкладках Топаллера, весьма похвально. А вот то, что ты раскис по этому поводу...

— Нет, шеф, не поэтому. Дело в другом. Я теряю веру в вашу гениальность.

— Гм... Ты отстал от жизни на тридцать веков. Ибо чуть позже мир изобрел для себя отличную заповедь: не создавай кумира.

Глеб покачал головой:

— Моим кумиром были не вы, простите. Моим кумиром были идеи, которые вы умели выращивать в наших преданных вам головах. А после трех-четырех уравнений Топаллера вы растерялись.

— Очень заметно?

— Не надо, шеф. Ведь мы договорились в открытую.

Калантаров задумался.

— Ладно,— сказал он. — Какие у тебя ко мне претензии?

— Претензии?.. Да никаких. Просто я хотел вам напомнить, что с некоторых пор вы, мягко выражаясь, отдаете предпочтение Меркурию.

— Чушь. Меркурианские базы и располагают более мощной вычислительной техникой, только и всего.

— Топаллер неуязвим. И техника здесь не поможет.

— Ну хорошо,— Калантаров вздохнул. — Давай закончим этот разговор на языке тебе и мне любезной ТР-физики... Что такое гиперпространство?

— Я не знаю, что такое гиперпространство. И вы не знаете.

— И Топаллер не знает. Вся его теория построена на результатах наших экспериментов.

— Да? А я до сих пор полагал, что это надежный фундамент.

— В пределах Солнечной Системы — конечно.

— Гиперпространственные свойства Вселенной представлялись мне одинаковыми во всех ее точках. Впрочем, это второй постулат теории Калантарова. Вашей теории, шеф. Скажите откровенно, что вы собираетесь делать?

— Работать. Разве неясно?

— Ясно. Но как?

— Головой, разумеется.

Ему зачем-то очень нужно вывести меня из равновесия, — подумал Глеб. Спросил:

— Что имеете вы предложить нам в качестве выхода из теперешней ситуации?

— Есть предложение закругляться.

— То есть... как закругляться?

— Согласно Топаллеру,— Калантаров пожал плечами.—Других возможностей его теорема просто не предусматривает. Сегодня мы проведем последний ТР-запуск по программе «Сатурн». Впрочем, этот запуск правильнее будет понимать как демонстрирование наших достижений — ведь ничего принципиально нового мы от него не ожидаем. Один человек или два — какая разница?

— Понятно... — Глеб похолодел. — Так этот, с бородкой...

— Да. Представитель техбюро. Уполномочен дать официальный отзыв об эксплуатационных качествах нашей установки. И, надо ожидать, недельки через две сюда нагрянет армия экспертов и проектантов. Первую установку типа «Зенит» — правда, повышенной мощности — предполагают строить на Луне. А затем... Я точно не помню намеченной очередности строительства, но, кажется, в таком порядке: Марс, Нереида, Титания, Феба, Плутон, Диона и Ганимед. Тем самым, видимо, будет подписан смертный приговор ракетным кораблям. Не всем, наверное, но дальнорейсовым трампам и лайнерам непременно...

— Простите, шеф! — перебил Глеб. — Миллион извинений, но я не спрашивал вас о перспективах транспортного перевооружения Системы. Я, грешным делом, спрашивал вас о перспективах нашей с вами дальнейшей работы.

— Сначала нам предстоит поработать в качестве кон-

сультантов,— деловито стал объяснять Калантаров. — Ну. и затем, с пуском новых ТР-установок, естественно, возникнет острая нужда в специалистах нашего профиля. Транспозитация грузов и...

Калантаров умолк. Продолжать не было смысла. То, чего он намеренно добивался, свершилось: зеленоватые глаза лучшего оператора экспериментальной станции «Зенит» помутнели от бешенства.

— Вот что... — задыхаясь, произнес Глеб. — Я пришел сюда работать ради звезд. И мне, в конце концов, наплевать, кто там будет у вас транспозитировать грузы!.. Кстати, кто сейчас командир «Миража»? Мсье Антуан-Рене Бессон? Я полагаю, мой бывший шеф не забудет дать Антуану-Рене соответствующие распоряжения. В связи с моим намерением покинуть «Зенит». О рэвуар!

Отчаянно взмахнув рукой, Глеб зашагал вдоль туннеля.

— Что ж дело твое,— сказал ему вслед Калантаров. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, воскликнул: — Да, кстати!..

Глеб медленно остановился — к шефу вполоборота. Спросил:

— Ну?

— Понимаешь ли...—Калантаров взглянул на часы.— Твой знаменитый эр-эффект кажется мне весьма любопытным. И пока не поздно, хотелось бы выяснить, что по этому поводу думает сам открыватель эффекта — Глеб Неделин. Если, конечно, он думал.

— Думал,— глухо ответил Глеб.

— И каков результат?

— Потрясающий. Но вряд ли покажется вам интересным.

— К примеру?

— Стала сниться всякая белиберда. К примеру: безлюдный «Зенит», монополярные выверты. Часы такие... с гирями, стрелками и кукушками.

— Гм, действительно...

Помолчали. Калантаров еще раз взглянул на часы и сказал:

— На Меркурии я, в основном, занимался твоим эр-эффектом. Точнее, эр-феноменом — впредь так и будем его называть.

Глеб понимающе кивнул:

— Странное явление, верно? Три очень заметные по-

лосы размыва пульсации поля... А затем будто бы эхо — девять более узких полос. Трижды аукнется, трижды откликнется. Пока аукается и откликается, куда-то лавинообразно уходит энергия, словно в бездонную пропасть. В результате я получаю пинок от начальства и репутацию скверного оператора. Знать бы, за что?

— Страдалец,— посочувствовал Калантаров. — Ты искал причину перерасхода энергии только поэтому?

— Нет, скорее из спортивного интереса. Таким уж, простите, мама меня родила. До неприличия любопытным.

Калантаров приблизился к Глебу и взял его под руку.

— Нетерпелив ты до неприличия, вот что... — Он оглядел потолок. — Где-то здесь должны быть вентиляционные отверстия.

— Это немного дальше. Но там сквозняк.

— Ничего,— возразил Калантаров, увлекая Глеба за собой,— нам вовсе не мешает проветриться.

Идти куда-то принимать воздушные ванны — такой потребности Глеб вовсе не ощущал, но сопротивляться было бы еще глупее. Тем более, что Калантаров явно спешил и вид имел весьма озабоченный.

ГЛАВА 7

Они шли по кольцу вдоль туннеля, и Калантаров на ходу внимательно разглядывал стены, пол, потолок, будто впервые все это видел.

— Вот,— сказал Глеб,— здесь находится одна из вентиляционных дыр. Две другие...

— Нет-нет,— перебил Калантаров. — Именно эта. Лифтовый люк мы миновали, а впереди — вход в информаторий... Все правильно.

— И что же дальше? — осведомился Глеб.

— Проведем вертикаль от вентиляционной решетки до подножия стены. — Калантаров присел, ткнул пальцем туда, где кончилась воображаемая вертикаль. — Отсюда нужно отмерить ровно три метра влево.

Глеб, не вынимая рук из карманов, отмерил три шага в указанном направлении.

— Готово,— сказал он. — Мой шаг точно равен метру, это проверено. Где заступ?

— Какой еще заступ? — не понял шеф.

— Которым копать. Во всех приключенческих книж-

ках клады копают именно заступом. Вот, к примеру, клад знаменитого Кидда...

— Любопытно, — сказал Калантаров. — Но Кидд подождет. Место, на котором ты стоишь, отметь чем-нибудь.

Глеб вынул из кармана иосовой платок и бросил под ноги. Калантаров подиялся и отряхнул ладони.

— Шеф, — сказал Глеб. — Я понимаю, у вас сегодня игривое настроение. Однако при чем здесь я?

— Да, при чем здесь ты? Вернее, при чем здесь твой эр-феномен — вот в чем вопрос...

Глеб насторожился:

— А несколько популярнее можио?

Калантаров, казалось, не слышал. Он завороженио смотрел на черную альфа-защитную стену. Потом провел по ней пальцем и стал изучать этот палец с большим интересом.

Глеб тоже посмотрел на стену. Стена как стеиа. Впрочем... Здесь она выглядела менее блестящей, чем по соседству — в обе стороны своего продолження. Словно бы глянцевая поверхность слегка запотела. Ток увлажиенного воздуха от вентиляции? — подумал Глеб. Но тогда почему стена запотела не протнв решетки, почему далеко в стороне?... По прнмеру шефа, Глеб провел по стене пальцем. На пальце остался тонкий налет чериого порошка.

— Понял? — спросил Калаитаров.

— Понял. Процесс шелушения... Удивительиое дело!

— М-да... — Шеф помолчал. — Но самое удивительное... Ну ладно, время у нас еще есть, и теперь ты можешь мне рассказать о кладах злополучиого Кидда.

— Нет, не ладно! — Глеб побледнел. — Вы забыли мне объяснить, зачем вам то и дело нужно было поминать мой эр-феномен?

— Ах, да!.. Сущая безделица. Я не был уверен, что это мое объяснение разбудит в тебе любопытство.

Глеб сжал зубы до боли в скулах и тяжело задышал через нос.

— Вот так-то лучше, — сурово сказал Калантаров, — когда без этих штучек типа «о рэвуар!» и прочих аксессуаров воинствующего малодушия. Говорят, дурной пример заразителен, но зто смотря чей пример и смотря для кого. Да, Халифман ушел. Он ушел потому, что почувствовал слабость в коленках, н я его не обвиняю. Он понял, что сделал для ТР-фнзнки все что мог, и честно ушел, по-

тому что знал, что больше ничего сделать не сможет. Это было еще до Топаллера. Я не буду слишком удивлен, если по той же причине, но после Топаллера, уйдет Туманов. Он перестал волноваться и думать, а это значит — перестал понимать. Ушел Захаров — его я тоже не обвиняю. Во-первых, он стар, во-вторых, он свою миссию выполнил — добился реализации ТР-перелетов в пределах Солнечной Системы. А иа звезды ему было всегда наплевать... Да, после Топаллера поредели наши ряды на «Аркэде», «Зеиите», «Дипстаре», в институте Пространства. Ушли в основном те, кто не был подготовлен для ТР-физики по-настоящему. Но посмотри, кто остался, не говоря уже о нашей группе! Шубин остался, Майкл Нейдл, Сикорский, Крамер, Бютуар! Ядро, вокруг которого постепенно соберется зубастая молодежь. Зело труден орешек межзвездной транспозитации, и для его счастливого разгрызения нужно будет много и, главное, оригинально шевелить мозгами. Такая перспектива тебя устраивает?

— От работы я никогда не отказывался,— хмуро напомнил Глеб. — Я полон нетерпения оригинально шевелить мозгами. Может, сразу начнем? Проведем ученый совет, представителя техбюро вышвырнем из диспетчерской и, помолясь на созвездие Кассиопеи, начнем исторический штурм Вселенной?

— Ты опоздал,— возразил Калантаров.

— В каком это смысле?

— В смысле молитвы. Поскольку штурм ты уже начал. И даже раньше меня. Начал в тот день, когда впервые задумался над причинами появления эр-феномена.

Глеб тревожно задумался над сообщением шефа.

— Ладно,— сказал он. Вскинул руки над головой.— Вам удалось загнать меня в угол, сдаюсь!.. Я давно заподозрил, что эр-феномен — явление гораздо более сложного порядка, чем принято было считать. И прежде всего меня насторожил его спорадизм. Признаюсь: в поисках причины перерасхода энергии на малой тяге я составил занятное уравнение. Правда, практической пользы от него было столько же, сколько от зайца перьев,— просто математический опус...

— Неправда,— сказал Калантаров. — Понятие о линзовидных уплотнениях эр-поля за пределами альфа-экранного контура не есть математический опус. Это физический смысл твоего уравнения. Дальше?

— Что «дальше»?! — зло удивился Глеб. — Я уже поднял руки перед вашей проницательностью, что вам еще нужно?

— Перья от зайца,— спокойно ответил шеф. И вдруг, багровея на глазах собеседника, захрипел, потрясая кулаками: — М-мальчишка! Щенок! Сумел найти уравнение поля с-самостоятельно, но ухитрился ничего не понять! Он, видите ли, работает здесь ради великой идеи межзвездной транспозитации! Он ходит, видите ли, руки в брюки, рычит на каждого встречного и упрямо не желает замечать, что ключи от хранилища этой идеи давным-давно звенят у него в кармане! Самонадеянно полагает, что мне зачем-то понадобилось загонять его в угол!..

Глеб смотрел на Калантарова с настороженным любопытством.

Шеф взял себя в руки, довольно быстро успокоился.

— Посмотри, что получается! Я на Меркурии, ты на «Зените» независимо друг от друга рожаем некую общую мысль и облекаем ее в математическую формулу. Я узнаю об этом минуту назад и то совершенно случайно. Математический, видите ли, опус! Уравнение показало, что перерасход энергии может быть объяснен за счет появления линзы эр-уплотнения за пределами альфа-экрана. Одна линза? Или?..

— Или количество кратное трем.

— Верно. Даже это тебе удалось... Эх ты, заячий хвост. Ты заложил руки в карманы и прошел мимо открытия. А все почему? Потому что — согласно теории Калантарова — эр-поле не может возникнуть вне условий альфа-экранировки. Калантаров, понимаете ли, когда-то сказал!.. Да, когда-то я об этом говорил. Говорил, основываясь на результатах первых экспериментов. Теперь же мы наблюдаем нечто другое...

— Простите,— перебил Глеб. — Маленькая поправка: пока мы ничего не наблюдаем.

Калантаров взял Глеба за руку, выбрал его указательный палец, провел по стене и молча сунул испачканный палец оппоненту под нос.

— Ну и что? — спросил Глеб, задумчиво разглядывая черный порошок и словно бы что-то припоминая.

— А то, что я не постеснялся вычислить возможные координаты этой самой гипотетической линзы эр-уплотнения. Потом взял подробную схему планировки верхнего яруса станции и нашел, что сей «математический опус»

должен находиться в трех титрах от вентиляционного отверстия, которое возле входа в информаторий.

— Черная пыль!.. — пробормотал Глеб. И вдруг оживился: — Шеф, вчера ко мне подходил какой-то букварь... кажется, кто-то из лаборантов биологического сектора и что-то звонко чирикал про черную пыль...

— Кто-то и что-то... — Калантаров поморщился. — Конкретнее можно?

— Да, вспомнил! Это тот самый букварь, у которого сегодня сбежала горилла. Они там одели гориллу в скафандр, но им никто не сказал, что триста девятый эпсилон-шесть отменяется. Горилла сбежала и, говорят, слегка порезвилась, кажется, в вакуум-створе или на продовольственных складах.

— Странно. Никто мне не докладывал...

— Боялись пробудить администраторский гнев. Или оставили на десерт. Но дело не в этом... Черная пыль якобы появлялась в каюте после эр-позитации на малой тяге.

— В каюте этого... м-м... букваря? На малой тяге?

— Вот именно! Поэтому я пропустил его сообщение мимо ушей. Ведь в прошлую ночь автоматы гоняли ТР-установку на малой тяге.

— Это, пожалуй, самое любопытное... Надо будет сегодня же поговорить с... м-м... лаборантом.

— Может, прямо сейчас?

— Одну минуту! — Калантаров взглянул на часы. — Я дал Туманову указание провести цикл эр-позитации на малой тяге. Сейчас будет пуск — понаблюдаем визуально... Потом разделаемся с транспозитацией Алексеенко и Ротановой на «Дипстар», проводим восвояси представителя техбюро и немедленно займемся разработкой методики новых экспериментов.

— Предстоит порядочная возня... — Глеб вздохнул, прикидывая, сколько времени уйдет на монтаж регистраторов и прочей контрольной аппаратуры вокруг этого участка туннеля и в каюте чудака-лаборанта, если, конечно, легенда про черную пыль подтвердится.

Неприятно завыла сирена. Шеф показал на стену и крикнул:

— Я наблюдаю за ней, а ты — вокруг и в общем. Понял?

Неожиданно потемнело. Глеб почти ничего не успел заметить: в одно мгновение вокруг образовалось что-то вро-

де темного сфероида, изрезанного по меридианам узкими полосами света. Появилось странное ощущение, будто сфероид медленно и тяжело поворачивается вокруг невидимой оси, и будто сквозь тело прошла волна раскаленного воздуха...

Толчка не было. Вернее, не было такого мягкого толчка, какой ожидался. Было нечто, очень похожее на оплеуху. Затем — молниеносное исчезновение сфероида и... ощущение падения. Падать, благо, было невысоко, но, как и при всяком падении, больно. Глеб испытал двойной удар — снизу и сверху. Он крякнул, перевернулся на бок и сел. Рядом крякнул и сел Калантаров.

— Ушиблись? — спросил кто-то участливым голосом.

Глеб осмотрелся, дико вращая глазами, и сначала ничего не понял. Он находился в огромном зале, похожем на зал третьей секции вакуум-створа... Да, это был вакуум-створ. Вне всяких сомнений. Настоящий вакуум-створ с его погрузочно-разгрузочными механизмами и широкими потернами, распахнутыми на причальную площадку. По ту сторону потерн ярко светились трюмы космического корабля — сквозь гул, металлический лязг, жужжание, звонки доносились команды: — «Мираж», пятый трюм, подавайте контейнер!» — «Сурия, подключили насос?.. Хорошо. Начинайте слив малого танка!» Глеб ошалело встряхнул головой.

— В себя приходит, бедняга... — сказал участливый голос. — И чего это к нам вдруг повалили? Утром, как снег на голову, сюда свалилась мартышка ростом с нашего Карлсона, теперь вот двое человекообразных пожаловали. Хи-хи...

— Помолчи,— оборвал его бас. — Это же сам Калантаров и один из физиков, которые на чардаке... Может, они эксперимент проводят, понял? А ты — «хи-хи». Соображать же надо!

— Да я разве против? — оправдывался первый голос. — Пусть себе проводят. Только зачем в нашей секции проводить? Карлсону вот ящиком в глаз залимонили, одного мальчонку из биологов чуть не сгубили. После их них экспериментов в продовольственных складах нужно воскресники организовывать. Вот тут и начинаешь соображать.

Глеб переглянулся с Калантаровым. Физиономия шефа действительно выглядела очень забавной. Раньше Глеб

никогда не видел его таким растерянным, изумленным, испуганным и смущенным одновременно.

— Эй, вам нужна наша помощь?

— Где разговаривают? — спросил Калантаров, озираясь по сторонам.

— Там, — кивнул Глеб, — наверху... На мостике дистанционного управления.

Он поднял глаза. С мостика, опасно перегнувшись через поручни, смотрели трое. Двоих Глеб узнал: старшего диспетчера Горелова и техника Карлсона, у которого правый глаз едва виднелся между нашлепками биомидного пластыря, занимавшими четверть лица.

— Почему вы молчите? — спросил Карлсон. — Вам нужна наша помощь?

— Нет, — отозвался Глеб, потирая ушибленный локоть. — Мы отдыхаем. Было бы кстати, если бы кто-нибудь принес сюда шахматы.

— Потрясающе!.. — произнес шеф. — Микродистанционный ТР-перелет!

— Нам просто повезло,— мрачно заметил Глеб. — Будь эта микродистанция чуточку подлиннее, нам с вами пришлось бы обмениваться впечатлениями в открытом пространстве. Бр-р-р... Причем вам повезло дважды. Вы очень удачно финишировали на моей спине. Как самочувствие? Серьезных ушибов нет?

Калантаров поднялся на ноги, крякнул, потер бедро.

— Порядок,— сказал он, странно улыбаясь. — Между прочим, я впервые побывал в гиперпространстве...

— Между прочим, я тоже, — сказал Глеб. — И знаете ли, меня это как-то не восхитило.

Он вскочил. Проверяя ноги, сделал несколько приседаний. Пощупал грудь, плечи и спину, решил, что с такими ушибами жить еще можно, крикнул наверх:

— Эй там, на мостике! Покажите нам место, где шлепнулась обезьяна.

— Примерно тут же,— пробасил Горелов.

— Нет! — спохватился Карлсон. — Я видел! Гораздо левее! — Он быстро спустился с мостика и показал где.

Глеб измерил расстояние шагами. Разница была солидная: между точками первого ТР-финиша и второго он насчитал пять с половиной шагов.

— Ну вот,— сказал он Калантарову. — Неплохо было бы выпить лимонного сока, но в продовольственный склад нас теперь, конечно, не пустят. Из соображений пре-

досторожности. Скверно... Я и не знал, что гиперпространство так неприятно сушит во рту.

Со стороны могло показаться, будто бы Калантаров внимательно слушает собеседника.

— Нас ждут в диспетчерской,— тихо напомнил Глеб.

— М-да,— пробормотал Калантаров. Взглянув на часы, поднял брови, повертел головой: — М-м... всегда забываю, где тут выход на лифт.

Путь наверх проделали молча. Глеб усталости не чувствовал, но разговаривать не хотелось. Сама по себе транспозитация не произвела на него особого впечатления, и он не совсем понимал наивную взволнованность Калантарова: на физиономии сего ученого мужа, ранее являвшего собой образец солидности и хладнокровия, легко можно было прочесть плохо скрытую ошеломленность. В другое время это позабавило бы Глеба, но сейчас он подумал об Астре, и сразу же возникло тягостное ощущение неуверенности, если не сказать — досады. Обстоятельства требуют как можно быстрее разделаться с ТР-запуском, который нужен только для «просто Федота», и вот — поди ж ты! — среди ТР-летчиков оказалась именно Астра... Ни встретиться, ни поговорить нормально не сумели. Все вышло как-то глупо и бестолково.

У входа в кольцевой туннель шеф обрел, наконец, свою обычную самоуверенность.

— Как настроение, оператор?— спросил он, останавливая Глеба за рукав. — Конечно, сегодняшний ТР-запуск — это своего рода формальность, однако нужно, чтоб все без сучка и задоринки, с минимальным расходом энергии. Для представителя техбюро расход энергии — особая статья, и с этим надо считаться. Многое зависит от тебя.

— Я бы сказал, что многое еще зависит от эр-эффекта.

— На стартовой тяге эффект не наблюдался ни разу.

Глеб усмехнулся. Аргумент шефа был явно слабоват, хотя какие-нибудь полчаса назад показался бы Глебу решающим.

— Мы имеем дело со спорадической эр-позитацией,— напомнил Глеб. — Нужно ли...

— Нет,— перебил Калантаров. — Просто нужна рабочая гипотеза абсолютно нового направления. Направления, которого не коснулся Топаллер.

Странно, с удивлением подумал Глеб. Либо шеф счи-

тает меня скудоумным, либо не доверяет самому себе. Или то и другое вместе. Нет, решительно мы перестали понимать друг друга с полуслова!..

— Согласен. Что за гипотезу предлагаете вы?

— Выбор невелик, — уклончиво ответил Калантаров. — Ну, скажем, все чудеса можно было бы объяснить вязкостью гиперпространства — правда, с великой натяжкой. Или, скажем, математическим опусом...

— ...Или тем, что где-то в глубинах галактики работает чужая ТР-установка.

Калантаров медленно поднял на собеседника изучающий взгляд.

— Я сказал это, чтобы доставить вам удовольствие,— устало пояснил Глеб. — Могу добавить, что о ТР-установке внеземного происхождения я догадался несколько раньше. Но это была неимоверно фантастическая мысль, и к ней надо было привыкнуть. Однако кувырок в вакуум-створ убедил меня окончательно. Я понял, что это — попытка межзвездного ТР-перехвата. Я даже понял, почему перехват не удался.

— Почему? — спросил Калантаров.

— Недостаток энергетической мощности и очень размытая фокусировка чужого эр-поля.

— Видимо, так... — Калантаров вздохнул, озабоченно пошевелил губами. — Кстати, тебя по-прежнему одолевает искушение слетать на Землю? Я имею в виду отпуск, который давно тебе обещал.

— Который давно мне положен. — Глеб тоже вздохнул. — Ну какой теперь отпуск? Меня одолевает искушение заняться, наконец, сто́ящим делом. Я имею в виду межзвездную транспозитацию.

— Тс-с-с!.. — Калантаров предупреждающе поднял палец. — Пока это только наша гипотеза.

— Вот как? — удивился Глеб. — Снимите брюки и взгляните на синяки, которые оставила эта гипотеза на ваших начальственных бедрах.

В кольцевом туннеле было по-прежнему светло, пустынно и тихо. Глеб поймал себя на том, что невольно вслушивается в эту тишину и что теперь она ему кажется тягостной и тревожной... Калантаров молчал и тоже будто прислушивался. После сегодняшних событий даже легкий шорох шагов воспринимался как нечто кощунственное. Горячка первых минут удивления миновала и теперь значительность этих событий предстала перед Глебом и

Калантаровым, что называется, во весь свой головокружительный рост...

Не сговариваясь, они прошли мимо двери диспетчерской, чтобы снова увидеть тот самый участок туннеля, откуда так неожиданно провалились сквозь гиперпространство в вакуум-створ. Хотя понимали, что ничего нового там не увидят наверняка.

Но странное дело: как только выяснилось, что ничего нового на этом месте действительно нет, каждый из них какое-то время старательно прятал глаза. Чтобы не выдавать своего разочарования. Постояли, разглядывая стены и потолок.

— По-моему, здесь чувствуется запах озона... — не совсем уверенно произнес Калантаров. — Ты не находишь?

Глеб несколько раз втянул воздух носом.

— Не нахожу. Вам, наверное, показалось. И потом, здесь был бы гораздо уместнее запах серы.

— С какой это стати? — рассеянно осведомился шеф.

— По свидетельству средневековых очевидцев, все известные в те времена случаи транспозитации непременно сопровождались запахом серы.

Со стороны центрального входа послышались шаги. Шагали несколько человек, и Глеб уже знал, кто именно, хотя людей еще не было видно за выпуклым поворотом черной стены.

Первым вышел Валерий. В вакуумном скафандре. Потом показалась Астра, тоже в скафандре. Шествие замыкали Дюринг и Ференц Ирчик, старт-инженер группы запуска.

Валерий молча обменялся с Калантаровым и Глебом прощальным рукопожатием. Остановился перед люком и, салютуя, четким движением вскинул руку над шлемом ладонью вверх. Медленно опустил прозрачное забрало. Рыцарь космоса к поединку с гиперпространством готов.

Калантаров обнял Астру за твердые плечи скафандра: «Счастливой транспозитации!» Встретив просительный взгляд Глеба, согласно кивнул.

— Только недолго,— сказал он. — И, не оглядываясь, зашагал вдоль туннеля в диспетчерскую.

Глеб взял Астру за плечи, заглянул в шлем. Торопливо вспорхнули ресницы, и большие глаза цвета раннего зимнего утра стали доверчиво робкими. Безмолвный и мягкий упрек: «Ты показался мне странным сегодня».

Быстрый, но тоже безмолвный ответ: «Я виноват, прости. И не будем больше об этом».

«Не будем... Я понимаю».

«Я благодарен тебе. Ты всегда меня понимала. Жаль, что ты улетаешь...»

«Я тебя очень люблю!»

«...Ты так далеко от меня улетаешь!»

— Может быть, скоро все переменится,— сказал он.— Мы нащупали новое направление, которого не предвидел Топаллер. И может быть, скоро я буду ждать твоего возвращения со звезд.

— Миры на ладонях?.. — тихо спросила она. — Я и не думала, что это будет так... по-человечески обыкновенно.

— Пока это еще никак. Это всего лишь надежда. Хрупкая, многообещающая, как и твое имя, Астра. Звезда... Я очень хочу, чтобы эта звезда была для меня счастливой.

— Будет, — просто сказала она. — До свидания, Глебушка!.. Ждут меня, понимаешь?

У открытого люка молчаливым изваянием застыл ТР-летчик в скафандре. Старт-инженер многозначительно поглядывал на часы. Дюринг кивал головой, улыбался, всем своим видом давая понять, что все идет отлично, все так, как надо, и даже лучше, чем можно было предполагать.

— Понимаю,— сказал Глеб. — До свидания. Счастливой транспозитации!

ГЛАВА 8

Участники предстоящего эксперимента были в сборе, и внешне все выглядело благополучно. Каре приборных панелей вокруг квадратного колодца шахты, привычное жужжание эритронов, огни на пультах. Калантаров стоял, склонившись над пультом управления, остальные сидели. Квета — рядом с Тумановым, Гога — напротив, чернобородый Казура как-то очень ненужно и одиноко сидел в стороне, тщетно пытаясь изобразить на лице вежливое равнодушие. Глеб занял свое место за пультом, бегло окинул товарищей взглядом и сразу понял: что-то произошло. Калантаров был слегка раздосадован, Туманов выглядел пристыженным и разозленным, Квета — смущенной, Го-

га — задумчиво-настороженным. Федот Казура ерзал в кресле, изнемогая от любопытства.

— Внимание! — тихо сказал Калантаров. — На случай гравифлаттера всем пристегнуть привязные ремни.

Зашевелились, пристегивая ремни. «Начальство раздражено»,— подумал Глеб, перебрал в уме возможные неприятности, пожал плечами.

— Туманов и Брайнова открыли на малой тяге новый эффект, — не поднимая головы, проворчал Калантаров.— Занятный эффект. В начале цикла они наблюдали три четырехлучевые звезды, под конец — несколько больше. Сколько именно, никто из них не удосужился полюбопытствовать.

Глеб молчал. Было ясно, что сообщение шефа адресовано ему, однако он молчал, не спуская с Калантарова глаз, потому что не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— И никакого перерасхода энергии,— добавил шеф.

— Эр-позитацию мы провели в режиме триста пятого эксперимента,— хмуро вставил Туманов. — А в триста пятом, мне помнится, перерасхода не было.

— Да, но не было и никакого эр-эффекта, — напомнил шеф. — Сегодня есть эффект, но нет перерасхода.— Насмешливо, зло посмотрел на Туманова. — Ощущаете разницу?

Туманов не ответил. Разговор не доставлял ему удовольствия — это было заметно.

— По-моему, звезд было девять,— неожиданно сообщил Гога. — Зрительная память у меня хорошая. Сначала три, потом девять.

— Это по-твоему,— сказал Калантаров. — Впрочем, я не теряю веру в счастливые времена, когда мы все же научимся смотреть на вещи и явления глазами ученых. Внимание! Всем приготовиться!

Калантаров выпрямился, оглядел присутствующих.

— Итак,— сказал он,— эксперимент триста девятый эпсилон-восемь по программе «Сатурн». Приступаем к выполнению параллельно-сдвоенной транспозитации. ТР-передачу проводим в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Вопросы есть?

— Есть! — встрепенулся Казура. — Скажите, это очень рискованно? Я имею в виду... э-э... для ТР-летчиков.

— Я понял. Да, в какой-то степени рискованно.

— Я полагал, что получу подробный инструктаж, — кисло произнес Казура. — На случай непредвиденных осложнений.

— Весь ваш инструктаж состоит из одного-единственного пункта, — сказал Глеб. — Дышите глубже и старайтесь не прозевать чего-нибудь интересного.

— Еще вопросы?

Молчание.

— Вопросов нет, всем все ясно. — Калантаров пощелкал клавишами связи. — Дежурный, прошу связь с диспетчером энергетического обеспечения.

— Диспетчер системы энергетического обеспечения Воронин,— громко ответили скрытые в пультах тонфоны. — Здравствуй, Борис. У нас все готово, пять СЭСКов нацелены на «Зенит», ожидаем сигнал.

— Здравствуй, Владимир. Все остальные СЭСКи и Центральную энергостанцию Меркурия заявляю в резерв на ближайшие полчаса.

Воронин выдержал паузу. Осторожно спросил:

— Я не ослышался?

— Нет. Центральную и одиннадцать СЭСКов в резерв. Понял?

— Понял. Если я лишу энергии меркурианских потребителей на полчаса... Знаешь, что мне за это будет? Базы, рудники, космодромы, вакуум-станции!..

— На время экспериментов серии эпсилон-восемь ты просто обязан обеспечить требуемый резерв. Кстати, сейчас отчаливает «Мираж», и вы уж там постарайтесь не угодить в него энерголучами. У меня все. Дежурный, прошу связь с командной рубкой «Миража».

— Командир космического трампа «Мираж» Антуан-Рене Бессон. Слушаю, шеф.

— Кораблю старт.

— Вас понял. Кораблю старт.

Задребезжал зуммер. Где-то внизу, в вакуум-створе, сработала автоматика, захлопнулись люки, тяжелые гермощиты перекрыли доступ в патерны; цилиндрическое тело корабля дрогнуло и сначала медленно, потом все быстрей и быстрей стало отваливать от причальной площадки, осветив теневую сторону астероида стартовыми огнями и пламенем маневровочных дюз.

— Антуан,— позвал Калантаров, — дай нам, пожалуйста, видео-панораму «Зенита».

Круглый светильник под куполом диспетчерской по-

мерк, на фоне черных стен проступило стереоизображение астероида. Это была слегка удлиненная, неправильной формы космическая глыба, облицованная сверкающими в солнечных лучах плитами жаростойкой стеклокерамики. Глыба медленно отплывала и, по мере исполнения маневра «Миражом», плавно поворачивалась к наблюдателям «дневной» поверхностью. Освещенные желоба причальных площадок скрылись за линией горизонта, и в какой-то момент астероид стал очень похож на ограненный кубок, грубо сработанный из тяжелого обломка горного хрусталя. Над астероидом взошло непривычного вида созвездие крупных звезд. Это было созвездие космических энергостанций системы СЭСК.

Калантаров тронул клавиши дистанционного управления — сверкающая поверхность астероида покрылась черными бородавками энергоприемников.

— Достаточно, Антуан, спасибо, — сказал Калантаров.

Вспыхнул свет, изображение угасло. Шеф постоял, изучая узоры пультовых огоньков, кивнул операторам:

— Включайте сигнал общего действия.

На этажах станции завыла сирена. От СЭСКов протянулись к «Зениту» светящиеся в пространстве следы энергетических трасс, станция наполнилась гудением энергонакопителей. Вспыхнули титры световых команд, защелкали датчики времени, гравитронные шахты бесшумно переливали в ожелезненные недра астероида море искусственной тяжести — инженеры, диспетчеры и операторы групп ТР-запуска готовились к первому циклу транспозитации. Далеко внизу, на самом дне последнего яруса, застыли на когертонах ТР-летчики в полужестких скафандрах. А где-то возле Сатурна десятки глаз сотрудников станции «Дипстар» напряженно следили, как на шкалах квантовых синхротаймеров истекают последние секунды перед включением приемной установки. В вакуум-створах «Дипстара» ждали стартового сигнала космические катера.

— Ротанова, Алексеенко, доложите готовность, — распорядился шеф.

Голос Астры: — «Готова».

Голос Валерия: — «Готов».

— Внимание! — предупредил Калантаров. — Малая тяга. Пуск!

Глеб взял первый аккорд на клавиатуре пульта. Жуж-

жание эритронов перешло в гораздо более высокий звуковой диапазон. Мягкий толчок. В межпультовом пространстве шахты вспух похожий на пленку мыльного пузыря мениск оптической реконверсии эр-поля. На поверхности «пузыря» проступило крупное, четкое, несколько деформированное по законам сферической геометрии изображение карандаша в металлическом корпусе с надписью «Радуга». Брови Калантарова взлетели вверх. Туманов взглядом дал Квете понять, что объясняться не собирается.

— Это я виновата,— торопливо призналась Квета. — Был толчок, и карандаш скатился...

Калантаров остановил ее жестом,— на поверхности мениска, накладываясь на изображение карандаша, возникали и угасали четырехлучевые белые звезды. Одна за другой. Через равные промежутки времени. Звезд было три.

Глеб ошеломленно засмотрелся на звезды и пропустил момент включения противофазовых успокоителей. Поверхность мениска заколебалась от судорожных биений, напряженность поля стремительно возрастала. У Глеба взмокла спина. Он брал аккорд за аккордом, пытаясь стабилизировать положение, и это ему удалось... Однако серия резких толчков выдала его операторский промах.

Снова явились белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было девять... Тройка в квадрате! — подумал Глеб.

Кроме Казуры, все были заняты в этот момент, и обмен мнениями, естественно, откладывался. На устрашающе высокой ноте звенели эритроны, вразноголосицу трещали цикадами зуммеры стартовых служб. Два коротких гудка — сигнал зарождения мощного импульса преобразования энергии, начало большого цикла. Возросла искусственная тяжесть, и прежде всего эту возросшую тяжесть уловили руки операторов — стало труднее работать на пультах.

Туманов, Квета и Гога ассистировали сегодня на редкость согласованно, Глеб обобщал усилия операторов, создавая сложную, но жизнеспособную, точную схему эр-позитации на основе заданного режима. Наконец, последний аккорд — ТР-запуск по созданной схеме проконтролируют автоматы. Глеб откинулся в кресле, опустил свинцово-тяжелые руки на подлокотники.

Он почти физически ощущал, как под давлением сти-

хии космических сил, разбуженных в камере транспозитации, неотвратимо прогибается пространство... Там, в этой камере, довольно быстро возникает нечто, называемое для удобства «гиперпространственным туннелем». Трудновообразимое нечто, сокрытое для непосредственного восприятия абстрактной формой громоздких математических уравнений... Но все идет так, как надо, все идет хорошо. Если, конечно, не слишком тревожить себя феноменом белых звезд и смутным, нехорошим предчувствием. Скорее бы последняя команда: «Пуск!»

— Я прав, — нарушил молчание Гога. — Звезд было девять.

— Три, потом девять, — добавил Глеб. — Поздравляю. Мы открыли способ гиперпространственной видеосвязи.

— Тройка в квадрате... — пробормотал Туманов. — Это сигнал. И если это сигнал не с «Дипстара», я отказываюсь понимать...

— Нет,— сказал Глеб,— это сигнал не с «Дипстара». Это скорее...

Глеб встретился глазами с Калантаровым, умолк. Нехорошее предчувствие мгновенно уступило место ясному ощущению чего-то непоправимого. У шефа было незнакомое и страшноватое лицо, глаза ввалились, подбородок окаменел. Огни индикаторов пульта освещали это лицо быстропеременными волнами оранжевого и пронзительно-голубого сияния.

— Это не видеосвязь,— жестко сказал Калантаров.— Вернее, не только видеосвязь. Это единственно мыслимый способ сверхдальней фокусировки эр-поля. И понял я это слишком поздно...

Он опустился в кресло.

— Если бы мог, я отменил бы транспозитацию.

Глеб подался вперед и замер, задержанный привязными ремнями.

— Почему нельзя отменить транспозитацию? — спросил Казура.

— Потому что высвободившаяся внутри защитного контура энергия превратит астероид в металлическую пыль, — пристально глядя на Калантарова, пояснил Гога. Он тоже почуял неладное.

Однако из шестерых присутствующих лишь Калантаров и Глеб были встревожены по-настоящему. Волны голубого огня захлестывали оранжевое сияние, звуковые сиг-

нализаторы синхротаймеров отсчитывали последние секунды большого цикла. Калантаров и Глеб с непонятным для остальных напряжением ожидали момент включения стартовой тяги. Смотрели друг другу в глаза и, оцепенев от страха за людей, стоящих в камере на когертонах, ждали развязки. И ничего не могли изменить. «Неужели ничего нельзя придумать, шеф?!» Калантаров опустил глаза. Нет, конечно. Три ТР-установки — «Зенит», «Дипстар» и чужая — работают в одном режиме. И всему виной карандаш, упущенный Кветой в блок эритронов. Вернее, его изображение, которым быстро воспользовались чужаки для точной фокусировки эр-поля. Слишком точной, судя по четкости изображения ответного сигнала — белых звезд!..

Глеб лихорадочно перебирал в уме возможные последствия ТР-запуска. Очень мешала уверенность в том, что шеф вот так же лихорадочно пытается найти какой-то выход. И не находит... И, может быть, не найдет. Из шестерых сейчас только двое могли попытаться найти какой-нибудь выход. Впрочем, из пятерых — Казура не в счет. Коллектив сужается и расширяется, шеф, коллектив пульсирует. Сейчас наш коллектив в состоянии коллапса. Я и вы, вы и я — всего двое, и на нас вся надежда. Думайте, шеф, думайте!..

— Принимаем вызов,— сказал Калантаров. — Иного выхода нет. Пуск!

Иного выхода нет... Перед глазами возникло видение: монополярно вывернутый Клаус. Глеб взял аккорд, высвобождая энергию для стартовой тяги. Завыла сирена.

Голубые огни индикаторов пульта дрогнули и стали постепенно угасать, уступая место оранжевым. До боли в пальцах Глеб вцепился в подлокотники кресла. Всю жизнь мечтать о звездной транспозитации, и теперь, когда судьба мимоходом небрежно швыряет в руки эту фантастическую возможность, цепенеть от ужаса, бессильно ожидая катастрофы! Миры на ладонях...

Чудовищный толчок. Светильник под куполом съежился и угас, и словно раздвинулись в куполе вертикальные узкие заслонки, брызнув в затемненную диспетчерскую мертвенно-голубоватым светом. Глеб машинально поправил сползшие привязные ремни. Бледносветящийся мениск пульсировал. На первый взгляд, пульсация была нормальной. Щелкали синхротаймеры, эритронов не было слышно — их надоедливый звон нормально сместился в диапазон ультразвуковых частот. Оранжевое пламя индика-

торов тускнело. Через девять-десять секунд все будет ясно...

— Пять. Шесть. Семь!.. — четко скандировал Гога.— Восемь. Девять! Десять! Одиннадцать...

Над командным пультом в голубоватых сумерках выросла фигура Калантарова.

— Внимание, Воронин! Первая очередь энергорезерва... Пуск!

«Есть первая очередь!» — доложили тонфоны.

Ярко вспыхнуло оранжевое озерцо, осветив Калантарова снизу. Борьба! — сообразил Глеб. Схватка в гиперпространстве! Не дать захлебнуться стартовой тяге! Глеб яростно подергал кисти дрожащих рук, наложил пальцы на клавиатуру.

— Пульсация возрастает, — бесстрастным голосом предупредил Туманов. — Выше нормы на две и четыре десятых.

Не дожидаясь команды, Глеб торопливо взял аккорд. Зашевелились фигуры операторов, окруженные странно искрящимися голубоватыми ореолами. Фигура Казура оставалась недвижной и, словно в награду за это, была украшена двойным ореолом.

— Внимание! — резко сказал Калантаров. — Вторая очередь... Пуск!

Сильный толчок. Станция затрепетала от первого до последнего яруса, пронизанная мощными волнами гравифлаттера. Вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Глеб стиснул зубы. Взлет, невесомость, падение — кружится голова... Хуже всех приходилось шефу — он не успел пристегнуться ремнями и теперь, уцепившись за кресло, выделывал довольно сложные акробатические номера. Если сломаются подлокотники... Нет, кажется, все обошлось. Молодцы гравитроники — справились!

«Качели» замерли. Взъерошенный шеф снова стал к пульту, переключил командные клавиши.

— Пульсация в пределах нормы, — доложил Туманов.

— Пошла вторая минута стартовой тяги!— сдавленным голосом сообщил Гога.

— Напряженность эр-поля ослабевает, шеф, — сказал Глеб. — Я с трудом удерживаю фокусировку.

— Держать! Воронин, внимание! Дашь мне третью очередь по команде.

— Если выдержат ваши энергоприемники, — возра-

зили тонфоны. — Вы берете на себя всю мощь меркурианской энергосистемы.

Калантаров сел, торопливо застегнул ремни. Слишком суетливо он это делал, рывками, и Глеб понимал его состояние. Они встретились взглядами, Калантаров сказал:

— Энергетики правы, я не знаю, как это будет. Но люди в гиперпространстве. Надо удержать фокусировку. Вся надежда на тебя. — Шеф согнутым пальцем надавил кнопку связи. — Воронин, внимание! Третья очередь. Пуск!

Мощный толчок, и что-то похожее на отдаленный гул. В неуловимо краткий миг верх и низ поменялись местами — судорожно взмахнув руками, Глеб повис на ремнях над слабо светящейся чашей опрокинутого купола. Затем стремительный переворот — свинцовая тяжесть на плечи, и все вдруг поехало в сторону; ремни рывками врезались в тело, ослабевали, снова врезались, было больно и жутко — станцию трепала вторая волна тяжелого гравифлаттера. Конец гравитронам!.. — подумал Глеб и, на секунду зажмурив глаза, заставил себя воспротивиться головокружению и попытался сосредоточиться. Вселенная сузилась до размеров пультовой клавиатуры, каждый клавиш — звездный рукав Галактики.

Это была тяжелая скоростная работа где-то на грани меркнущего сознания, работа в условиях, когда неистовая пляска гравитации в любое мгновение могла свести к нулю все усилия оператора. Цифры на пультовых табло то замирали, то начинали мелькать, сливаясь в запутанные серые клубки, и только быстрота реакции Глеба в сочетании с его даром интуитивно предугадывать все капризы эр-позитации помогла удерживать ТР-передатчик в стабильном режиме.

Внезапно в шахтном колодце раздался громкий хлопок. Показатели мощности стартовой тяги взлетели до величин невероятных и небывалых в практике прошлых экспериментов! Гравифлаттер прекратился, но Глеб не сразу это заметил. Зато он сразу заметил странную эволюцию мениска: призрачная «пленка» высоко вздулась большим продолговатым пузырем, осветила купол голубоватой зарницей и быстро пошла на спад. В последний момент перед исчезновением мениска Глеб увидел беспомощно запрокинутую голову обвисшего на ремнях шефа. И еще он успел увидеть, что за пультами работали двое — Туманов и Квета, а Гоги почему-то не было. Не было и

Казуры. Потом Глеб уже ничего не видел, огромная тяжесть вдавила его в амортизаторы кресла, перед глазами вспыхнули зеленые круги. Пошла энергия! — мелькнула мысль. Вся пошла, без остатка, лавиной — последний импульс... выстрел в неизвестно куда...

Тяжесть внезапно исчезла. Страшной силы толчок — вернее, страшной и неожиданной силы удар! Шахтный колодец откликнулся гулом... Нет, это даже не выстрел — это мощный энергетический залп.

Гул смолк, и наступила тишина. Было слышно, как в пультовом чреве разбилось что-то стеклянное. Глеб несколько секунд сидел с закрытыми глазами, ошеломленный тишиной и замирающим звоном осколков. Под куполом медленно наливался желтоватым сиянием круглый светильник. Кто-то плакал навзрыд. Глеб зашевелился, отстегивая ремни. В кресле напротив него отстегивал ремни шеф.

Глеб для разминки дошел до Гогиного кресла, потрогал порванные ремни. Огляделся в поисках самого Гоги и только теперь обратил внимание, что все остальные звуки в диспетчерской заглушает неистовый плач. Плакала Квета. Рыдала по-детски откровенно, в полный голос, лицо в ладони, плечи и огненно-рыжая голова сильно вздрагивали. Туманов сидел неподвижно с совершенно белым лицом и смотрел почему-то на Глеба. Глеб постоял, не зная, что предприиять, и увидел, где лежит Гога. Гога шевельнул ногой, и это было хорошим признаком. Потом Глеб увидел Казуру. Вернее, увидел руки и ноги Казуры, торчащие в разные стороны из-под поверженного кресла. Представитель техбюро пребывал в состоянии пугающей неподвижности...

Опираясь на локти, Гога сделал попытку привстать и, привалившись к стене плечами и затылком, замер. Глеб подошел и протянул ему руку. Гога, не шевелясь, спокойно смотрел на товарища.

— Ты что?..— насторожился Глеб.— Не можешь подняться?

— Сначала его,— посоветовал Гога, кивнув на Казуру.

Ремни, которыми был пристегнут Казура, оказались прочнее замкнутых петель, крепивших его персональное кресло к пятачку, отведенному для наблюдений. Казуре повезло. Благодаря амортизаторам спинки, сиденья и подлокотников, представитель техбюро грохнулся в стену с

комфортом, какой только можно было ему предоставить в подобных условиях.

Убедившись, что представитель был лишь слегка оглушен, Глеб помог ему встать на ноги и возвратился к Гоге.

— Нет,— сказал Гога, — оставь меня здесь. Понимаешь... кажется, я сломал ногу.

— Кажется? Или сломал?

— Врачи разберутся. Транспозитация удалась?

Глеб промолчал.

— Зачем она плачет?

— Нервы, должно быть.

— А... Ну это ничего. Для разрядки... И вообще, шел бы ты к шефу. Я потерплю.

— Потерпишь?.. — усомнился Глеб.

— Конечно. Иди, иди!

Туманов сбросил с себя привязные ремни, встал и, сутулясь, молча побрел к выходу.

— Кирилл Всеволодович! — окликнул Калантаров.

Никакого внимания.

— Кир! — крикнул Глеб.

Туманов не обернулся. Глеб смотрел ему вслед, пока не захлопнулись створки двери. Казура все еще стоял там, где его поставили, и ошалело разглядывал полуоторванный рукав своего парадного пиджака. Шеф с треском переключил командные клавиши. Квета рыдала.

— Расстегните ее кто-нибудь! — поморщился шеф.

Поскольку «кем-нибудь» здесь был сейчас только Глеб, он и поспешил выполнить распоряжение шефа.

Квета перестала плакать — судорожно всхлипывала, растирая мокрые от слез пальцы. Глеб машинально поискал в кармане носовой платок, не нашел и, бросив взгляд на приборные табло, медленно опустился в кресло Туманова...

— Воронин, как слышишь меня? — вполголоса спросил Калантаров.

— Связь появилась,— с облегчением произнесли тонфоны. — Ну, как вы там? Я уже беспокоиться начал. Шубин тебя вызывал, тоже страшно обеспокоен.

— Соболезнования потом. Энергоприемники уцелели?

— Энергоприемники? Да у вас жаростойкая облицовка оплавилась! Понял?! Астероид вышибло на другую орбиту! Вы транспозитировали столько энергии, что мы уже потеряли веру в благополучный исход!..

— Понял. У меня все. Передай Шубину, пусть подождет. Связь временно прекращаю.

Калантаров подошел к Глебу, опустил руку ему на плечо, уставился на колонки цифр, застывших в окошечках пультовых табло. Он еще на что-то надеется, понял Глеб. Ну что ж, шеф, смотрите. Смотрите внимательно и крепче держитесь за мое плечо — это вам сейчас, наверное, пригодится...

Рука Калантарова вздрогнула.

— Дефект массы — сто десять килограммов, — сказал Глеб. И вяло удивился собственному спокойствию.

— Значит, Ротанова?..

— Да. Это ее масса... В скафандре, конечно. Валерий, судя по всему, прошел на «Дипстар» без осложнений.

Приблизился Казура. Поддергивая сползающий рукав, спросил:

— Летчики живы?

— Дифференциация массы,— рассеянно ответил Калантаров. Отстранив Казуру, обогнул угол пультового каре, сел в свое кресло, быстро нажал нужные клавиши: — Дежурный, соедините меня с диспетчером дальней связи Меркурия.

— Вы можете ответить, что случилось? — спросил Казура.

— Случилась межзвездная транспозитация, — устало ответил Глеб. — Неполная, правда, потому что общая масса Ротановой и Алексеенко локально дифференцировалась в гиперпространстве. Другими словами, Валерий финишировал на «Дипстаре», Астра... Астра неизвестно где.

Забыв про рукав, Казура ошеломленно переводил глаза с Глеба на Калантарова. Глеб увидел, что Квета уже хлопочет возле Гоги, негромко спросил:

— Хотите помочь?

— Конечно, — оживился Казура. — Что я должен сделать?

— У нас раненый. Предупредите врачей.

Казура бросился к выходу.

— Диспетчер дальней Меркурия,— сообщили тонфоны.

— Передача на «Дипстар»,— сказал Калантаров. — Срочно: станцию немедленно задействовать на ТР-прием в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Осуществлять не-

прерывное дежурство наблюдателей впредь до особого распоряжения. Возможный сигнал начала ТР-передачи — четырехлучевые белые звезды. Три, интервал, девять. Учитывая вероятность появления энергетического импульса высокой мощности, принять все возможные меры по безопасности. Калантаров. У меня все.

Шеф откинулся в кресле. Он предпочел бы сейчас побыть в одиночестве, однако нужно было что-то ответить на вопрошающий взгляд оператора, перед которым он почему-то чувствовал огромную вину, и это его угнетало.

— Ну вот,— произнес Калантаров, сжав кулаки. — Свершилось... Первый Контакт. Сам видишь, какой ценой...

— Вижу. Энергоприемники? Смонтируем новые. Гравитоны? Заменим. На неделю работы, от силы — на две. «Дипстар» задействован на постоянный прием. Что еще?

— Блажен, кто верует... — пробормотал Калантаров.

Глеб вскочил. Постоял, не спуская напряженных глаз с Калантарова. Медленно сел.

— Нет,— сказал он,— она вернется. Если она не вернется, я стану врагом межзвездной транспозитации. Как Захаров. Или, скорее, стану энтузиастом ТР-перелетов, как Алексеенко... Она вернется, шеф. Непременно вернется. Иначе... — Глеб понизил голос почти до шепота,— иначе и я, шеф, и вы, и все мы — просто безмозглые черви. Мы взялись за то, к чему абсолютно не подготовлены!..

— Вот именно,— произнес Калантаров, разглядывая темные ряды погасших индикаторов. — Или враги, или энтузиасты. И никакого представления о самой сути Контакта. А что есть Контакт? Где база морально-этической и философской готовности воспринять Контакт в его сегодняшнем качестве? А в завтрашнем? А в послезавтрашнем? Ну, скажем, ты — одна из сторон межзвездного ТР-обмена. Здесь все понятно: человеческое любопытство, голубая детская мечта о дальних мирах, жажда познаний,— квинтэссенция природы гуманоида земного типа. Другая сторона межзвездного ТР-обмена — икс. Теперь на минуту допустим, что этот икс — не гуманоид. Ну, скажем, разумная плесень или облако пыли, способное мыслить в каких-то специфических условиях своего мучительно загадочного бытия. Итак, это облако получает Астру в скафандре — кусочек органического вещества в неорганической упаковке. А мы получаем десяток-другой кубических километров пылевидной материи в упаковке из электро-

магнитных полей... Контакт? Конечно! Межзвездный обмен информацией и образцами. На высочайшем технологическом уровне! Захаров был прав, когда говорил, что звезды могут принести не только радость. А мы себя к иному и не готовили. Забрались на чердак Вселенной, самонадеянно полагая, что главное для нас — достигнуть звезд. Остальное, дескать, приложится... Ну что ж, посмотрим, насколько прав был старик.

— Шеф,— тихо сказал Глеб. — Человек, которого я люблю, затерялся в Пространстве... Туманов получил психическую травму. Гога отделался сотрясением мозга и переломом ноги, Казура — легким испугом. Но никто не обвиняет вас. Мы понимаем, что это только начало, но никто не посмеет обвинить вас и в будущем. Прав Захаров или не прав, но уж если мы забрались на чердак Вселенной, вряд ли кто пожелает спуститься вниз по рецепту Захарова. Я, например, не намерен. А вы?

Калантаров молчал.

— Шеф, я жду ваших распоряжений.

ВОССТАНИЕ СУПРОВ

1

Я, Кол Либер, зистор шестого срока, неплохо сохранился, если не считать некоторых неувязок на физиономии, природной близорукости и синтетической почки. Такое везение я всецело приписываю всемогущей силе Устава Десантной Службы, который я боготворю и всю сознательную жизнь неукоснительно исполняю. Это я к тому, что бесполезно впутывать меня в историю с супрами: ко мне не подкопаешься, я выполнял приказ, и взятки с меня гладки.

Однако Устав даже зистору не возбраняет иметь глаза и уши, а в дополнение к ним — голову, хотя бы как держатель поименованных органов чувств.

Вот вы мне внимаете уже добрых пять минут, и по вашим лицам я вижу, что вы думаете: вот — стопроцентный болтун, от которого ничего путного не добьешься. А мне как раз это и надо. Первая заповедь армейской пешки вроде меня — болтай как можно больше, чтобы не сболтнуть лишнее. Половина ребят, с которыми я начинал, давно уже скулят в отставке, а я все летаю. Низкий поклон тому сметливому прапращуру, который придумал слова. Ими можно так запутать простейшее дело, напустить такого тумана, в котором даже супры рога себе обломают.

Вот мы и до супров добрались. Я отлично понимаю, что они вас в данную минуту интересуют гораздо больше, чем моя скромная особа. Поэтому я кончаю трепаться и перехожу к делу. Только прошу учесть — во всем, что произошло, я до сих пор ни бельмеса не понимаю, так что отличить существенное от несущественного не могу. Разбирайтесь сами.

Утро в тот день выдалось погожее. Наша ЛБ-13 зависла над самым океаном, не больше двух-трех сотен метров над поверхностью, в квадрате... Впрочем, квадрат — это не мое дело. Для штатских поясняю, что ЛБ—

это Летучая База, а 13 — порядковый наш номер, и тот, кто его дал, как в воду глядел — с нашей базы все и началось.

Итак, зависли мы над самым океаном, и я сразу смекнул: опять сегодня высокое начальство будет на супров любоваться. Уже целую неделю эти боги-громовержцы из МСК околачиваются на Рубере (что такое Международный Совет Космонавтики даже штатским объяснять не надо, я думаю). На нашей ЛБ старцы заседают вторые сутки, и наш славный консул-капитан Морт Ирис, в просторечии Мортира, сбросил за эти сорок восемь часов килограммов десять. Что касается нас, мелкой сошки, то мы отделались внеочередной медкомиссией и дополнительными двухчасовыми занятиями по Уставу. Дело в том, что высокие гости притащили с собой какие-то новые чудо-торпеды, которые якобы способны уложить супра. Пусковые кнопки этих торпед немедленно опечатали и под угрозой трибунала запретили ими пользоваться в любой ситуации. Нажать такую кнопочку разрешалось только тогда, когда консул-капитан свяжется с Геей по Внутренней Дуге и спросит благословения минимум трех членов МСК. А это, учитывая все обстоятельства, значило — никогда.

Я за три года службы на Рубере видел не меньше десятка таких комиссий и таких чудо-торпед. И твердо уверен: все эти ультраторпеды, кроме той, последней и роковой, были детскими погремушками, которыми пытались поднять наш боевой дух...

Заступив в то утро на дежурство по Верхнему боевому ярусу, я заставил своего единственного подчиненного, младшего зистора Юла Импера, навести повсюду блеск, потому что наверняка гостей с Геи поведут на Верхний ярус: отсюда прекрасный обзор и прекрасная возможность пустить пыль в глаза новейшим оборудованием.

Юл Импер попал к нам прямо после училища, сменив погоревшего на внеочередной медкомиссии Киля Овера. Парень он исполнительный и расторопный, но с первого же дня наметился у него свой бзик — он всей душой беспричинно возненавидел супров. То ли в генах у него какая-то закорючка отложилась, то ли, как с детьми бывает, не под настроение увидел их впервые, только стоило ему засечь супра в перекресток прицела — у него руки дрожать начинали, честное слово.

Юл закончил приборку часов в восемь. Стелла к тому времени уже совсем выползла из-за горизонта и дро-

жала в голубоватых воздуховоротах огромным яичным желтком. Вокруг воздуховоротов роились, сливаясь и разрываясь, узкие коричневые кольца, во второй половине дня они разбухают, раздуваются, складываются в качающиеся пирамиды, поставленные на острия, и закрывают небо. И океан, который утром похож своими рубиновыми переливами на шерри-брэнди двойной очистки, станет багрово-черным, как венозная кровь. А ночью крутанет такой ураган, что если бы не ангигравы — зашвырнуло бы нашу «летающую тарелку» ко всем чертям, за тысячу парсеков.

Такова Рубера, Красная планета, сплошной океан без намека на сушу, гигантский пузырь чудодейственного протовита, подаренный неизвестно кем, неизвестно за что и неизвестно зачем...

Спать с умным видом и открытыми глазами я научился еще в десантной школе на общеобразовательных лекциях. С годами это полезное умение стало высоким искусством. Могу держать пари на что угодно — соперников по этой части в Галактике у меня нет.

Поэтому, когда Юл Импер встал пред мои очи, я сначала досмотрел содержательный сон про одну мою знакомую и лишь потом включился. Юл уже закончил доклад и ожидал дальнейших указаний. Я не стал его травмировать, требуя повторить сказанное, тем более, что ярус блистал чистотой, как совесть двухмесячного ребенка.

— Отлично, младший зистор Импер,— сказал я поотечески. — Вы неплохо выполнили приказ. Если вы всегда так ревностно будете относиться к обязанностям, предписываемым Уставом, из вас получится настоящий десантник.

Надо сказать, у меня изрядно трещала голова после вчерашнего. Не торопитесь с выводами — за этот бок вы меня тоже не ухватите. Я знаю, что выпивать на Базе запрещено, и свято блюду запрет. Но Устав учит нас помогать друзьям, а Киль Овер был мой лучший друг и лучший химик за краем Геи. При помощи элементарного перегонного устройства он превращал в жидкость все, что попадало ему под руку. Но у него не было литературных способностей, чтобы достаточно ярко описать свойства своих смесей. Поэтому он часто приглашал меня на свои одинокие химические вечера. Мы работали для чистой науки, по мере сил занося результаты в специальный журнал. Когда Киля забраковала комиссия, он со слезами на гла-

зах приготовил смесь, которую назвал в честь меня «Кол». Я оставил себе флягу для более подробного описания. Продукт получился — этот «Кол» — в горле колом стоит. Можете попробовать...

Словом, спать мне захотелось зверски, но не оставлять же подчиненного без дела. Усадил я Импера рядом, пододвинул ему прицельные стереоокуляры и стал объяснять азы нашего ремесла на Рубере.

— Зачем мы здесь? Мы торчим здесь затем, чтобы обеспечить танкерам безопасный забор протовнта. От кого мы защищаем танкеры? От супров, нбо одно такое создание может превратнть в облако пара весь наш танкерный флот. Как мы их защищаем? Никак, потому что супры еще никогда ни на танкеры, ни на нас не нападали. Просто во время заправки мы отвлекаем внимание супров на себя, делая несколько провокационных выстрелов. Супры начинают нас «щупать», а мы переходим на режим «зеркала»: супр нас лазером — и мы его лазером по тому же месту, супр нам боеголовку — и мы ему точно такую же. Такая «перекидка» продолжается до ночного урагана, танкер тем временем заправляется н улетает подальше, а ночной ураган заключает мир между нами и супрами. Утром супры ничего не помнят, а мы помним да помалкиваем — до следующего танкера... Вот и вся работа.

Тут-то я и заметил, как у него руки трясутся: весь бледный, одной рукой за окуляр держится, другой к пусковым тумблерам тянется.

— Ты это, парень, брось,— говорю я строго. — Тебе на этом щите делать нечего. Здесь машина хозяйка. Она следит, считает, думает и стреляет — все сама. Человеку такое не под силу. Ведь чтобы ответить супру точно тем же — надо мгновенно оценить род и мощность заряда, траекторню, место удара и прочее. И не дай бог промазать...

— А что, еслн промажешь?

— Супр повторит удар, только раза в два-три снльнее.

— А если и ему — посильнее?

— Он еще сильнее поддаст. Ему что — у него мощи хватит на десять таких ЛБ, как наша.

— Значит, мы практически беззащитны?

— Как так — беззащнтны? Оглянись кругом — все, что до сих пор придумано, чтобы убивать, рвать, жечь,

ломать, кромсать, превращать в пар, пепел, дым, дробить в пыль, в молекулы, в атомы, — все собрано на нашем «летающем блюдечке».

— Но супры сильнее? Если они всерьез нападут на нас, то запросто превратят нашу Базу, как вы говорите, «в пыль, в молекулы, в атомы». Значит, мы только делаем вид, что защищаем танкеры. На самом деле мы бессильны охранять даже самих себя. Бессильны со всем своим разумом перед этими безмозглыми сверхмогучими скотами...

Тут я рассердился. Не люблю, когда тычут носом в сомнительные места.

— Младший зистор Импер,— говорю, добавляя в голос побольше соли. — Не распускайте сопли, вы десантник. Устав прощает все, кроме трусости. Супры не сильнее нас, они неуязвимей. Они почти бессмертны, так как нет ничего, что могло бы отправить их на тот свет. Супр мгновенно находит защиту от любого оружия. Но это совсем не значит, что мы должны отсюда сматываться. Гее нужен протовит. Этим все сказано. Такая наша работа. Не для слюнтяев.

Тут этот пострел глянул на меня — и все мое красноречие враз пропало. Клянусь, в его сумасшедших глазах не было ни тени страха, а только удивление, какая-то горечь и ненависть. Ой, какая ненависть... И я понял, что руки у него не от страха, а от злости дрожали.

— Я не о том, Кол. — Он так и сказал «Кол», и у меня не хватило духу его одернуть. — Я не о том. Я их не боюсь. Я просто не могу понять, откуда такая нечисть появилась. Вокруг — протовит, живая кровь, океан первозданного добра. Протовит способен залечить рану, поднять из мертвых, оплодотворить и сделать плодоносной почвой тысячелетний гранит. Так откуда на планете сверхдобра этакая сверхмерзость?

Я невольно покосился на бинокуляры и еще раз помянул недобрым словом своих предков, наградивших меня близорукостью,— контактные линзы я во время вчерашнего снял, чтобы не мешали самосозерцанию, а утром не смог надеть, потому что веки опухли. Будь мои гляделки на месте, может, и всей истории не было бы... Но об этом позже. А пока уставился я в бинокуляры и хоть плохо, а вижу: все вроде в порядке, супры, как положено, резвятся у горизонта — они нам не мешают, а мы им. И ничего в них особо мерзкого нет.

Конечно, супр вблизи вряд ли может вызвать симпатию. Представьте себе крокодила размером с добрый крейсер, покройте его двухметровым слоем пузырящейся и чадящей радиоактивной слизи, хорошенько обмотайте колючей проволокой в руку толщиной и пропустите по ней ток в десяток миллионов вольт, не обращая внимания на фейерверк молний, — вы получите фундамент, так сказать, «колодку» супра. Теперь суйте на эту колодку все, что вам взбредет в голову по части нападения и обороны,— все, что учили в школе, все, что слышали от бывалых людей, все, что снилось вам в кошмарах после мясного ужина — все это еще раз обрызните слизью, припудрите копотью и пускайте свое произведение в океан крови, под смрадные колпаки ураганных смерчей, в прерывистый яично-желтый свет разбуженного солнца. Ну как? Впечатляет?

Только разве супры-то виноваты, что такими уродились? Ведь мы к ним без приглашения пожаловали — им и без нас хорошо было. Жили себе не тужили, ухаживали друг за другом, оглаживали мегатоннами тротила, щекотали многокиловаттными разрядами лазеров, зачинали в термоядерной страсти бронированных супрят — и вдруг является младший зистор Юл Импер и говорит: «Фи, какая мерзость! Хочу, чтобы все было по-другому!»

— Послушай, Юл, ты хороший добрый парень, чего тебе дались эти бедные чудовища? Чем они тебя обидели? Ведь они никому еще не причинили зла. Больше того — они позволяют воровать свой законный протовит у себя из-под носа — и ничего не требуют взамен...

— Но они же могут разрушить все!

— Могут, но не разрушают! Значит, у них есть какие-то тормоза!

— Нет, нет и еще раз нет! Вселенная создана для добра. И если природа поступила неразумно, разум вправе поправить ее!

Я вовремя заметил, что раскочегарился до неприличия. Тем более, что спорить я не мастак. Ведь если хорошенько подумать, то всегда приходишь к выводу, что твой противник по-своему прав. Вся загвоздка в том, с какой стороны смотреть.

С одной стороны — орел, с другой стороны — решка. И как ты ни кидай монету, как ни спорь, как ни доказывай — один увидит орла, другой решку. К чему же в таком разе зря горло драть?

— Младший зистор Импер,— говорю я, поостыв. — Можете оставить свои родовые повелительные наклонности при себе — перевоспитывать вас я не собираюсь. Но если вы хотя бы на букву отойдете от Устава — обещаю вам крупные неприятности. А если ненароком заденете вон ту опечатанную красную кнопочку — стреляю по рукам без предупреждения. Ясно?

— Ясно, зистор Либер.

— Почему сердятся друг на друга мои мальчики?

Сиплый воркующий женский голос у тебя за спиной всегда действует наподобие кнута, а если звучит он в стальной кастрюле, заброшенной невесть куда, и ты точно знаешь, что женщин в команде нет, — бедный Юл, он даже пригнулся, не в силах оглянуться. А у меня точно камень с души свалился. Наш цид-биолог Сим Бибиоз, по совместительству психоаналитик и врач, имел чудесную особенность появляться вовремя. Ибо голос портовой девочки принадлежал ему и никому другому принадлежать не мог, как никому другому не могли принадлежать неслышная кошачья походка и острый запах старт-шоколада, которым доктор, по его словам, уничтожал дурной привкус во рту!

На всех кораблях и базах доктора всегда на особом положении. Так было и у нас. Даже Мортира закрывал глаза и проглатывал язык, когда «папаша Би» гулял по боевым отсекам в ночной пижаме или называл всех «мальчиками» от младшего зистора до самого консул-капитана.

Но сегодня папаша Би был в форме, которая висела на нем, как пропеллер на верблюде.

— Юл, мальчик, тебя обидел этот несносный служака Кол? Он заставляет тебя разучивать Устав на два голоса с компьютером?

— Никак нет, цид-биолог Бибиоз. — Это я Юла пожалел: он-то папашу Би впервые видит и даже не знает, кто перед ним. — Никак нет, мы не ссоримся. Просто у младшего зистора Юла Импера возникли некоторые вопросы относительно супров. Так сказать, научного порядка... А я не могу ему объяснить толком.

Папаша Би с ходу проглотил наживу. Говорят, до Руберы он был профессором в каком-то университете, а такие люди неизлечимы. Они могут читать лекции даже собственной кошке.

— Что же именно тебя интересует, мальчик?

— Ничего,— отрезал Юл, и глаза его полыхнули в

мою сторону, как лампы-перекалки. — Зистôр Либер объяснил мие все очень поиятно. Вопросов не имею.

Но остановить папашу Би было уже иевозможно. Он весь трепетал.

— Ты стесняешься, мой мальчик, ты просто еще стесняешься. А надо спрашивать, иадо как можно чаще спрашивать, старый Сим Бибиоз откроет тебе все, что зиает сам. Ты меня еще плохо знаешь, поэтому стесияешься спрашивать. Но я тебе помогу. Потому что я знаю, о чем ты хочешь спросить. Ты хочешь спросить — зачем? Я угадал? Ты хочешь спросить — зачем существуют супры? Ты хочешь спросить — почему на такой доброй планете возникли такие безобразные злые существа?

Представляю, что поднялось в голове у Юла после этих слов. Колени его как-то ослабли, а ладошки сложились лодочкой, как у брамина перед изваянием Будды.

— Супры — уникальные создания. Это самые совремеиные в известиой нам Вселенной биологические машины убийства и самые совершенные системы защиты от смерти. Эволюция довела эти два основных качества супров до такой крайней степени, что они уравновесили друг друга. На любой удар одной стороны у другой стороиы есть защита, иа любой яд есть противоядие. Наступила эра всеобщего бессмертия. Но ведь рождаются новые поколения. Куда им деваться?

— Лететь на другие плаиеты, — сказал я.

Уже не помню в который раз я прерывал лекцию иашего добрейшего папаши Би этой дурацкой репликой и спокойно засыпал. С открытыми глазами, разумеется. А папаша Би каждый раз с энтузиазмом откликался: «Исключено... Протовит...» и т. д. Чем прóтовит мешал юным супрам, я до сих пор не ведаю, потому что засыпаю мгновеино...

Моя знакомая решила принять ваииу и попросила меия расстегнуть ей платье с чересчур тугими пуговками, когда донесся вскрик Юла Импера: «Смотрите, док, оии что-то затеяли! Они взбесились!»

Я выругался про себя и обнаружил, что пристальио смотрю в бинокуляры на далеких супров. Самих супров я ие видел, только какие-то тени качались в багровой мгле, но по ускорившемуся движеиию темных пятен я сразу засек, что у супров что-то случилось. Они уже не перестреливались между собой, они обозначили своими тяже-

лыми телами фигуру, напоминающую латинское «У», и затихли в ожидании.

А папаша Би ждать не стал. Оборванный на полуслове, он бормотнул что-то невнятное и бросился к видеофону. На экране появилось сухое тонкогубое лицо Мортиры.

— Консул-капитан, докладывает цид-биолог Бибиоз. Судя по всему, в поле обзора ЛБ-13 происходит самоубийство супра. Все еще только начинается. Если уважаемым гостям будет угодно, они могут подняться на Верхний боевой ярус...

Я лично о самоубийствах супров слышал впервые за три года на Рубере. И я спросил наивно:

— Док, разве супры все-таки умирают?

Бибиоз посмотрел на меня, как на нашкодившего мальчишку.

— Юл, вы только посмотрите на этого типа! Стопроцентный десантник! Одна извилина для Устава, вторая— для выпивки, третья — для девочек, а четвертой уже не остается места. Я битый час объясняю вам, как вынуждены сосуществовать супры в условиях полного равенства сил, а он так ничего и не понял! Неужели это так сложно? Если рождаются новые поколения, старые должны исчезать, так?

— Так.

— Покинуть планету они не могут, так как такого количества необходимого протовита, как на Рубере, нигде нет, так?

— Так,— подтвердил я гораздо менее уверенно, поскольку, по известным причинам, связь между супрами и протовитом была для меня загадкой.

— Следовательно, в условиях равенства сил при отсутствии старения остается один выход: добровольный уход из жизни, то есть самоубийство...

— А как они делают это?

— А вот мы сейчас увидим — как.

Я представил себе контактные линзы на голубой стерильной подушечке и еще раз осудил предков за генетическую безответственность.

— Я не о том, папаша Би. Как бессмертные супры ухитряются все-таки умирать?

— Если бы я знал это, мальчик, то не торчал бы сейчас на Рубере, а возглавлял бы мозговой центр обо-

ронного ведомства или что-нибудь в этом роде, а Мортира носил бы за мной мою трость...

Створки главного входа разошлись, и в проеме показался Мортира. Мы вскочили и застыли навытяжку, опередив команду «Смирно!». Мортира движением робота, у которого заедает в суставах, сделал шаг в сторону. Секунду помешкав, на смотровую галерею Верхнего боевого яруса ЛБ-13 вышли три седеньких улыбчивых старичка.

2

Я, Сим Бибиоз, цид-биолог Летучей Базы номер тринадцать на планете Рубера, помню день тридцать третьего мюона до мельчайших подробностей. Он стал днем моей величайшей победы и моего величайшего поражения. Победы — потому что я выполнил цель своей жизни и разгадал тайну супров. Поражения — потому что я сделал это слишком поздно.

Такое торжественное вступление требует пояснений, и я готов их дать. Рубера была для меня не только очередным объектом работы, как для других,— с тех самых пор, как я сменил скромный костюм университетского профессора патологии на экстравагантный для моих лет мундир Звездного Десантника, Рубера стала моим шансом, моим путеводным маяком.

Может быть, я выражаюсь сейчас чересчур выспренно, но вы должны меня понять — я слишком долго играл шута, слишком долго таил свою мечту от чужого глаза. А я хотел величия — ни славы, ни денег, ни почестей — я хотел истинного величия, хотел бессмертия. Кто посмеет упрекнуть меня в этом?

Нет, я не страдаю комплексом неполноценности и я не был неудачником с детства. Скорее наоборот. Но я ощущал над собой не потолок, а небо, и небо влекло меня неодолимо. Я чувствовал в себе способность осилить большое, очень большое и боялся растранжирить себя по мелочам, растратить силы раньше срока.

С тех пор как заговорили о протовите — а это было достаточно давно — я понял: это мое.

Протовит — квинтэссенция жизни, невозможная и всетаки существующая субстанция, создающая живое из мертвого. О протовите не подозревали, пока не наткнулись

в дальнем закоулке Глубокого космоса на целый океан этой животворящей жидкости. И начали использовать, не дожидаясь, пока современная наука втиснет феномен в детские колготки своих теорий. Революция в медицине, возрождение почти начисто истребленной геянами дикой природы, пробы на мертвых лунах Геи, а потом — планомерное «воскрешение» безжизненных планет звездной семьи Гета... Рубера поставляла протовит, а ученые бились в тупике, не в силах разгадать его структурный код и до сих пор остаются непонятными принципы синтеза «космического подарка»...

Но я не спешил. Я ждал. Я копил силы для мертвой хватки, читал скучные лекции бестолковым студентам и чувствовал интуитивно, что все впереди.

И звезда взошла. Когда была открыта Рубера, я бросил все, чем занимался до этого, и стал Десантником. Но прошло почти шесть лет звездного бродяжничества, прежде чем я правдами и неправдами сумел протиснуться в контингент, контролирующий Красную планету.

Жизнь на Рубере была для меня отнюдь не сладкой. Если с младшими чинами я быстро установил контакт, позволял им подтрунивать над своими штатскими привычками и женоподобиым голосом, то старшие командиры приняли меня в штыки. Ведь точный перевод военного термина «цид-биолог» — «биолог-убийца». По Уставу Десантной Службы я должен возможно скорее изучить флору и фауну контролируемой планеты с тем, чтобы найти возможность уничтожить ее при надобности. А надобность такая могла возникнуть, если инопланетная живность чем-то угрожала Гее.

Короче говоря, я был по своей должности палачом, и отношение ко мне высших чинов было соответственное: делай что тебе положено, но нас не касайся, ты — грязный, ты — в крови.

Заниматься исследованиями, для которых я готовил себя, было невозможно в такой ситуации, а поэтому пришлось добавить себе нагрузок: занять при удобном случае вакантные места доктора и психоаналитика. Зато такое триликое амплуа врача, палача и священника, если пользоваться старинной терминологией, отдавало в мои руки фактическую власть над Базой. Я пользовался властью беззастенчиво, но не показывал вида.

Итак, я стоял у дверей своей великой темы, я имел право и возможность открыть их, я имел силы и желание

повернуть ключ в замке. Не хватало самой малости — ключа.

Супры породили множество легенд и домыслов, мрачных и устрашающих. Я изучил супров «от» и «до» и могу заверить, что для подобных страхов реальных оснований не было, нет и, насколько я понимаю, не будет. «Неразумная природа» на деле разумнее нас. Воспроизводя все возможные варианты живой материи, она одновременно ограничивает либо зону, либо время жизни этих вариантов. Угроза существует только для незваного гостя, для существа иной среды...

Супр, эта самая грозная в мире машина истребления, вне Руберы, вне протовитового океана беспомощнее дождевого червя на бетонной трассе. У супра нет органов питания, выделения, дыхания — щедрая влага протовита и щедрое тепло Стеллы сделали их неуклюжими, супр — Атака, Любовь и Оборона, спаянные в одно бессмертное броненосное тело.

Конечно, бессмертие супра — понятие относительное. Неисчерпаемый запас жизненной энергии, заключенный в океане Руберы, освободил плоть супра от печальной участи всего живущего — от старения. Каждый супр теоретически может существовать неограниченно долго, не теряя своей мощи и пыла. Но такое бесконечное существование противоречит интересам вида в целом, нарушает смену поколений и тормозит развитие. Поэтому природа пошла на хитрость: она спрятала в мозгу супра секретные часы, тайный механизм, который в назначенный срок диктует всемогущему гиганту желание покинуть мир живых...

Этот механизм и был золотым ключом, с помощью которого я надеялся проникнуть в клан великих. Он открыл бы самую сокровенную тайну бытия — его смысл, его этическое начало, его заповедную цель.

Теперь я вижу, что пытался охватить чуждое нам, нашим понятиям, свести незримое к нашим меркам, осмыслить безоглядное нашим опытом. Наивная затея. Но тогда мне казалось, что птица в моей ладони и надо только не спугнуть ее...

Я прошу прощения за столь глубокое отступление в свои сокровенные помыслы и научные обстоятельства, которым день тридцать третьего мюона положил такой неожиданный и сокрушительный конец. Без этих помыслов и обстоятельств можно превратно понять дальнейшие события и мою роль в них. Повторяю — я был фактическим

руководителем Базы, но я не имел права приказывать. Я мог хитрить, давать подтасованные сводки, подталкивать в нужную сторону, внушать исподволь, убеждать в заведомой нелепости — но приказывать мог только Морт Ирис.

Этот человек непонятен для меня. Мне кажется, он догадывался о моей двойной игре и ненавидел меня. Тем не менее, он со временем все больше и больше передавал мне бремя своей власти и ни разу не воспользовался моими просчетами. Сомневаюсь, что это шло от благородства натуры: с другими он был жесток и не чурался бить насмерть, за что и получил нелестное прозвище «Мортира».

Рядовые Десантники делились на две группы: зеленая молодежь, ищущая самоутверждения, вроде новобранца Юла Импера, и опытные, трепанные всеми ветрами и облученные всеми светилами «звездные волки» типа циника и лентяя Кола Либера. С первыми я слегка заигрывал и при случае льстил, со вторыми — мирно сосуществовал, потихоньку опутывая сетью мелких долгов без отдачи и случайных услуг. Мне была необходима опора в низах, психологический редут, за которым приказы Морта Ириса бессильны. Возможно, я поступил не совсем красиво, но разве для себя я старался, разве о собственном благоденствии заботился?

Последнее время мы держались вблизи одного из самых крупных сообществ супров, которое я называл Свирепой империей, а его вожака — Нероном. Кланы супров существуют, видимо, тысячелетиями и чужаков принимают неохотно. Но разработанная мной и заложенная в программы боевых компьютеров система «зеркала» примирила супров с присутствием ЛБ, и они перестали обращать на нас внимание.

Приезд комиссии Международного Совета Космонавтики был как нельзя кстати. В ее состав на Руберу прибыл Сент Энцел, бывший ректор университета, где я преподавал в свое время. Теперь он малость выжил из ума, но меня помнил, а его сан кварт-секретаря в Лиге Старейшин обеспечивал ему поистине королевское положение в науке. Упустить потенциального покровителя в ранге короля было бы непростительной оплошностью, и я старался оставить у Энцела самое выгодное мнение о себе.

Оценивая сейчас свою степень виновности в происшедшем, я вынужден признать, что в те дни обращал больше внимания на Энцела и приближенных, чем на су-

пров, резвящихся в опасной близости. Только этим можно объяснить факт, что я не заметил неожиданных и стремительных изменений в привычном жизненном укладе клана. Супры, разбитые обычно на флиртующие пары, прекратили любовную перестрелку и сбились в кучу, а Нерон и его громобойная подруга Клеопатра куда-то исчезли. Я обнаружил исчезновение, я даже зафиксировал факт в своем дневнике, но странность скользнула поверх сознания, занятого Энцелом, и не вызвала настороженности, обычной для настоящего исследователя в подобных случаях.

Любовные игры и апофеоз у супров малопривлекательны — на мой взгляд, антиэстетичиость любви присуща всему живому. Я холост не потому, что отдавал много времеии науке, а потому, что не имел желания выглядеть кретином ради хихиканья пустоголовой вертихвостки. Мне противно женское тело, влечение к нему бездуховно, оно не подчиняется логике и расслабляет мозг.

Однако «вернемся к делу».

Любовь — практически единственный вид деятельности супров на Рубере. Условия существования не оставили им возможности заниматься чем-либо другим. Для осуществления акта любви существуют сложнейшие и труднейшие ритуалы, выполнение которых делает такой акт событием исключительным. Спаривание самца и самки превращается в многодневную оргию всего клана.

Вы можете себе представить похоть линкора? Флиртующий крейсер? Канонерку, соблазняющую эскадру миноносцев? Страсть содрогающихся бронетанкеров, от которой возникают помехи в радиосвязи? Когда я впервые стал свидетелем зачатия супра, я решил, что Галактика вот-вот рухнет, расшатанная распаленными громовержцами...

Энцел, к моему восторгу, проявил не по годам горячий интерес к супрам. Подозреваю, что его привлекали мощь и бессмертная сущность их плоти — дряхлые старики испытывают неодолимое влечение к подобным качествам. Я поощрял его интерес — он был мне на руку.

Заглянув утром тридцать третьего мюона на Верхний боевой ярус, я застал там вахтенных Коля Либера и Юла Импера, явно что-то не поделивших. Я хорошо знаю эту продувную бестию Либера, прошедшего за свои шесть сроков десантиой службы огонь, воду и медные трубы. Он умен, даже слишком, цепок и наблюдателен,

но эти добрые качества в его исполнении становятся опасным орудием — с ним надо быть всегда начеку. Похожий на сонного зимнего ужа, он превращается в кобру, стоит наступить ему на хвост. Когда он спит, я спокоен, но трезвого взгляда его не переношу — мне кажется, что я перед ним голый.

Юл Импер прибыл на ЛБ вместо списанного из Звездного Флота зистора Килл Овера, в прошлом отличного витаметриста. Импер показался мне довольно стандартным юношей с наивной тягой к абсолютным критериям. Но в нем была чистота незаполненного телеграфного бланка, и я постарался растравить его природную любознательность лекцией о супрах. Если бы вместо этого я присмотрелся к своей Свирепой империи...

Итак, Кол Либер бессовестно дрых, выкатив в пространство мутные похмельные глаза, я разливался соловьем перед желторотым цыпленком, который слушал меня, обалдело открыв рот. Тем временем атмосфера в Свирепой империи накалялась в буквальном смысле.

Когда Импер прервал мои разглагольствования воплем «Док, они взбесились!», я увидел сквозь защитные фильтры бинокуляров атомное пламя, рвущееся из грушевидных столбов черного дыма, и тяжелые шеренги супров, палящих куда попало. Потом пальба внезапно прекратилась, а перемещение ускорилось — я уже не мог сомневаться: супры выстраивались латинской «У»!

Я знал, что будет за этим построением, я чувствовал, что шаги моего великого мнга уже рядом. Но почему вместо того, чтобы собраться, обдумать все, как следует, я позвонил Морту Ирису и вызвал Энцела со свитой? Меня словно преследовало какое-то наваждение, род гипноза, заставляющий сначала делать, а потом думать. Я был как под наркотиком: все видел, но ничего не понимал.

Нерон появился почти одновременно с Энцелом. Судя по раскаленным соплам, он шел издалека. И он был один. Клеопатра исчезла.

И только тут я начал догадываться, что перезрелая вакханка Природа снова наставила мне рога. То, что казалось самоубийством, на деле было чем-то другим, чему еще нет названия в словарях. Боюсь, что Сент Энцел обиделся на меня: я отвечал не очень учтиво на его неуместные вопросы, а то и вовсе пропускал их мимо ушей. Я хотел выступить перед ним режиссером спектакля, но спектакль вышел из-под контроля, и мне оставалось быть

вместе с другими смятенным зрителем, не ведающим финала.

Между тем события развивались.

Нерон был самым старым самцом, если можно говорить о старости в этом нестареющем мире. По мощи вооружения он превосходил всех, дымчатые плиты защитных полей могли выдержать натиск всей Империи. Не снижая хода, он ворвался в строй своих подданных разгневанным богом — богом грома и смерти. Строй медленно замкнулся вокруг императора, и теперь он метался в плотном кольце, обрушивая то на одного, то на другого смертоносный шквал.

— Кажется, дорогой Сим, уместнее говорить об убийстве, чем о самоубийстве, — прошамкал Энцел, и члены Совета согласно закивали.

Он был неправ. Ни один супр не отвечал контратаками на выпады Нерона. Самки — а Нерон почему-то атаковал именно их — без единого залпа освобождали путь повелителю, и он проносился мимо, временами вырываясь из кольца и снова в него возвращаясь.

Я пытался объяснить поведение супров и не мог. Произошла семейная драма? Клеопатра покинула Свирепую империю и примкнула к другому клану, несмотря на все попытки Нерона вернуть ее? Но — почему?..

И что нужно сейчас Нерону от самок империи? Среди них есть особи, превосходящие Клеопатру по своим физическим данным, и любая из них предоставила бы себя императору с готовностью. Но Нерон мечется среди них все неистовей и будет метаться, видимо, до тех пор, пока неведомый жар не испепелит стенки энергетических плоскостей — тогда гигант замрет навеки. Клан скроется за горизонтом, а мертвое тело вождя будет игрушкой ночных ураганов, медленно растворяясь в теплом океане, породившем его.

— Жаль, что из-за дыма плохо видно, что происходит в кольце...

В голосе Энцела я уловил вежливую просьбу и не сумел отказать себе в удовольствии обратиться к Морту Ирису, который стоял за нашими спинами с видом санитара в доме сумасшедших.

— Консул-капитан, нельзя ли подойти поближе к супрам и еще немного снизиться?

Этот лощеный служака даже бровью не повел, только ручкой под козырек сделал.

— Это официальное разрешение цид-биолога?

— Да.

Теперь мы были почти рядом с хороводом супров. Нерон по-прежнему безумствовал, и хотя сквозь стены нашей «летающей тарелки» не проходили звуки, по вибрации и покачиваниям тяжелой махины можно было догадаться, какой силы ударные волны гуляют вокруг.

Никто — ни я, ни Морт, ни вахтенные — не вспомнили тогда, что вместе с нами за супрами следят наши машины, наши компьютеры, способные сопоставлять и действовать, но не способные сомневаться. И что в их прямолинейный мозг заложена программа «зеркала», обязывающая отвечать на удар равноценным ударом.

Они сами напомнили о себе. Нерон неожиданно развернулся и атаковал грузную самку, дрейфовавшую километрах в двух по нашему курсу. Самка довольно ловко увернулась, и несколько боеголовок, предназначенных ей, угодили в ЛБ.

Машины сработали отлично — дрожь ответного залпа совпала с толчками от взрыва Нероновых снарядов.

Так мы вступили в игру. Застыл пораженный Нерон, застыл растерянный хоровод его подданных, застыли мы у смотровых ниш, обоснованно ожидая самого худшего.

А потом Нерон бросился на ЛБ.

Стены Верхнего яруса ходили ходуном, обзорные окраины вспыхивали языками пламени, компьютеры выплевывали на приборные щиты цифры принятой и посланной разящей энергии. И Морт Ирис на мостике отдавал команды с каким-то особым машинным шиком — у него даже щеки порозовели. Он ожил, как оживает старый аппарат, который наконец включен.

Мы отступали со всей скоростью, на которую были способны. Но Нерон оказался проворнее нас. Он настигал станцию, и его удары становились все ощутимее. А наши удары наносили ему столько же вреда, сколько комариные укусы — бегемоту. Сенту Энцелу стало дурно, его личный врач захлопотал, меряя то пульс, то давление.

— Что делать, цид-биолог Сим Бибиоз?

— Идите вы к черту, Морт! — заорал я, теряя самообладание. — Откуда я знаю, что делать? Я биолог, а не убийца, это ваша профессия убивать, вот и убивайте этого бешеного крокодила!

— Вы — цид-биолог, Сим Бибиоз.

— Катитесь вы со своими должностными инструкциями и уставом! Нашли время! Я ученый, а вы солдат — ищите выход сами, а за меня прошу не цепляться!

Нашу неуместную и некрасивую перебранку прервал голос, звенящий от азарта:

— Консул-капитан, разрешите применить торпеду «ноль»!

Я уже успел отметить, что Морт Ирис, и без того надменный со всеми, Юла Импера просто не хотел замечать. Не удивляюсь, если слова, брошенные с капитанского мостика, были первыми словами капитана, обращенными к парню:

— Младший зистор Юл Импер, кто дал вам право обращаться ко мне без разрешения вашего командира зистора Кола Либера?

Я видел, как вздулись на склеротической шее Морта гневные жилки, и добавил огня:

— Капитан, а ведь младший зистор, в отличие от вас, предлагает дело! Почему бы вам не использовать торпеду «ноль», специально для такой ситуации предназначенную?

Я поддержал салажонка, чтобы позлить Морта — ни я, ни Морт, да никто на ЛБ не верил в спасительные ультраторпеды, все новыми и новыми модификациями которых нас регулярно пичкали. Ничто не могло убить супра — ничто, кроме загадочной силы, заключенной в нем самом.

Но Энцел принял нашу пикировку всерьез.

— А нельзя... — он попытался встать с кресла, но от нового толчка осел в пушистый пластик. — А нельзя... придумать что-либо другое... Я думаю... торпеды не проходили испытаний... Нет ли другого выхода?

— Если цид-биолог Бибиоз... — начал было Морт, но я отрезал:

— Нет. Другого выхода нет. Но есть возможность испытать торпеды «ноль», ибо по счастливой случайности у нас на борту находятся как раз три члена Международного Совета Космонавтики...

Мне было смешно и горько видеть эти дрожащие старческие руки, воздетые в пародийном жесте академического голосования — хорошо, что они устроили открытое, а не тайное действо! — когда База содрогалась и раскачивалась от взрывов.

Все три члена МСК были «за». Энцел поднял руку последним.

— Действуйте, консул-капитан,— сказал я Морту.— Вы спрашивали, что делать — вам ответили. Вы ждали решения — вы его получили. Что же вы медлите?

— Эх вы, цид-биолог,— проговорил Морт сквозь зубы. — Ничего вы не понимаете и не поймете. Вам никогда не приходилось применять оружие «ноль». А мне приходилось...

И уже другим — обычным своим, лишенным эмоций, металлическим голосом консул-капитан скомандовал:

— Зистор Кол Либер, приготовить к пуску торпеду «ноль»!

Мир вокруг по-прежнему дрожал и качался, свирепая морда Нерона заняла все экраны, и видно было, как в черных неподвижных шарах его фасетчатых глаз многократно отражается кружок Базы, опоясанный мерцающими звездами разрывов. А этот чертов Кол все медлил, наводил прицел, откидывал, закрывал глаза рукой — словом, ломал какую-то непонятную комедию.

— Зистор Либер, я не слышу отзыва.

— Консул-капитан, разрешите передать выстрел Юлу Имперу.

— Запрещаю!

— Но у меня что-то с глазами...

— Я приказал вам стрелять, зистор Либер! И не спрашивал о вашем самочувствии!

В это время по всей Базе тонко завыли сирены, а на всех пультах и дверных проемах зажглись огни общей тревоги. Через долю секунды пол станции мягко повело назад и в сторону, и по-заячьи заплакал звонок главного торпедного аппарата. Юл Импер, не дожидаясь приказа, сорвал пломбу и нажал кнопку.

Торпеда, судя по светящейся трассе, угодила Нерону куда-то под левую энергетическую плоскость, рядом с центральным нервным стволом.

Я и сейчас глубоко убежден, что торпеда «ноль», привезенная Энцелом, ничем не отличалась от предыдущих модификаций. Во всякой другой ситуации она не причинила бы супру ощутимого вреда. Но в тот момент игрою случая она подтолкнула события. То, что должно было случиться, случилось на минуту раньше. Нерон резко затормозил, описал круг на месте и стал тяжело заваливаться назад. Оглушительный вой прокатился по всем диа-

пазонам СВЧ-связи. Его можно было бы назвать ликующим, если бы он не был криком смерти.

Вой оборвался. От супра повалил густой фиолетовый дым. Все было кончено.

Но вопль Нерона слышали не только мы. Трудно сказать, что уловили в нем подданные. И когда из фиолетового тумана, закрывшего горизонт, один за другим стали выдвигаться блестящие корпуса, нацеленные на нашу ЛБ, мы поняли, что все только начинается.

И началось...

3

Я, Морт Ирис, консул-капитан Летучей Базы номер тринадцать на планете Рубера, ненавижу военную форму. Ничто так не уродует душу и тело, как она. В ней я чувствую себя изгоем, отделенным от обычного мира. Я чувствую себя брошенным во власть понятий и законов, противоречащих здравому смыслу и здоровой психике. Форма физически давит на меня, жжет, я ощущаю кожей ее грубость и непререкаемый стандарт покроя. Только поздним вечером, надевая пижаму, я снова обретаю себя, способность мыслить, сомневаться, плакать и смеяться. По ночам я читаю свои любимые книги — нет, эти книги не принадлежат к разряду мировых шедевров. Это пухлые сентиментальные романы с длиннейшими описаниями, возвышенными монологами героев, идиллическими сценами и благополучными концами. И никакой крови, никакого оружия, никаких убийств, никакой войны. Я читаю многотомные издания до самой побудки. Сплю я днем в кресле, мне надо немного: час — в полдень, два часа — после обеда, час — перед ужином. Все это знают — не то, что я делаю ночью, а то, что сплю днем — и никто в эти часы не смеет меня беспокоить.

Мое признание несказанно бы удивило подчиненных, а еще больше — высшее начальство. Они считают меня бездумным автоматом, сухарем и службистом, помешанным на Уставе и боевой технике. В какой-то мере они правы — что еще могло получиться из потомка восьми поколений кадровых военных, родившегося в полевом лазарете во время «электрической войны» в Агамах, в семь лет потерявшего сразу отца и мать во время «черного десанта» на Кору, в двенадцать кончившего спецшколу «белых

волчат» в Спарате, в семнадцать — Высшую военную академию в Лигви, а с двадцати восьми — кадрового офицера действующих и бездействующих армий?

Я прочитал как-то в историческом журнале об известном в старые времена маршале, который всю жизнь командовал кавалерийскими частями. У сына его было что-то вроде психического заболевания: он не переносил лошадей и всего, что как-то с ними связано, его мутило от запаха и вида конской сбруи, шпоры и нагайки вызывали судороги ног или рук. Если бы такая чудесная болезнь была у моего сына...

Однако всякий рассказ требует точности и последовательности, как и воинский доклад. Поэтому — по порядку и только факты.

Женился я рано и довольно романтическим образом — на девушке, которую спас из огня, медсестре наскочившего на мину неприятельского транспортера с ранеными. Вначале Сила Импер жила в моем подразделении на правах военного трофея, а после перемирия — уже на правах моей законной жены. Она была бесстрашна и вынослива, как мальчишка, и в кочевой солдатской жизни лучшей подруги нельзя было и желать. Мы очень хотели иметь детей, но понимали, что такая роскошь не для нас. Точнее, Сила так не считала, но я слишком хорошо помнил свое детство, чтобы обдуманно возложить бремя на неповинное существо. Тогда даже нам было ясно, что должен прийти конец бессмысленной мясорубке, и Сила, после долгих уговоров и слез, согласилась подождать еще немного.

Наш час пробил. Когда постепенно улеглось заразительное безумие Последней Войны и был заключен Пакт Мира, со всеобщим разоружением и роспуском государственных армий, мы, наконец, могли отдаться своей мечте. Я хотел девочку, Сила — мальчика. Родился мальчик. Но я не чувствовал себя ущемленным — напротив, я был нестерпимо, отчаянно, оскорбительно счастлив. Боюсь, что я вел себя не так, как подобает отцу,— сын с первых дней признавал в доме только мать и слушался только ее, а меня воспринимал как очень большую и совершенно бесполезную игрушку. Штатская одежда начисто лишила меня способности управлять и приказывать. Из всех возможных должностей и профессий я выбрал место помощника садовника в городском парке, не совсем честным путем устранив конкурента — школяра, бежавшего от зна-

ний. За коробку печенья «Пески Марса» мой конкурент согласился быть моим начальником, и мы жили с ним душа в душу: он четыре раза в день хрустел песочным печеньем, а я возился с племенем садовых машин, обучал их рыть, копать, стричь газоны, удобрять почву, срезать цветы для букетов и составлять сами букеты. И, конечно же, каждый день приносил целую охапку цветов домой.

Пока сын был маленьким, Сила проводила дни в хлопотах о нем, и на другое у нее не оставалось времени. Она радовалась цветам и умело украшала ими наши комнаты. Правда, уже тогда я с удивлением замечал, что некоторые ее букеты скорее напоминают боевые штандарты, а в комнате сына царит строгость военного городка. Замечал я и то, что сын все чаще в наших играх заставляет меня строить, а сам разрушает. Какие мелочи! Я был счастлив и доволен всем и по наивности думал, что все вокруг довольны и счастливы.

Когда маленький Юл пошел в школу, Сила заскучала. У нее появилось время для раздумий, и она воспользовалась им в полной мере. Пять лет протекли, как сон. Наступило пробуждение.

Сила была натурой самоотверженной и властолюбивой. Последняя черта отличала ее от моего небрежения общественным положением. Я, как наследный принц, тяготился обязанностью повелевать, ибо кровь восьми поколений высших командиров исчерпала во мне весь запас положенного честолюбия. Сила, напротив, только в моей командирской палатке попробовала отраву вынужденной покорности окружающих, беспрекословного повиновения по долгу службы. В мирные дни она лишилась трона, у нее не было своей профессии и работы, следовательно, общественная значимость равнялась нулю. И я не мог теперь быть ее щитом, ее державой, ее знаменем — я не был героем, славу которого по праву она могла считать своей. Я был чудаком, городским казусом, чуть ли не шутом гороховым, над которым открыто посмеиваются соседи и у которого нет желания возмутиться этим.

Счастье кончилось. Начались скандалы. Многодневные, изнурительные, изматывающие, как неприятельская осада. И самое худшее — истерики Силы чаще находили поддержку Юла. Может быть, в школе ему приходилось слышать колкости в мой адрес, может быть, мать была для него неоспоримым авторитетом, но его молчаливый укор ранил меня сильнее, чем бессвязная демагогия жены. Я

теперь не спешил домой из парка, я старался найти себе дело в цветочных джунглях и порой задерживался там до самой ночи, теряясь и забываясь в нарядной молодой толпе, среди полуосвещенных лиц и безадресных улыбок, среди музыки и смеха, среди беззлобных розыгрышей и громогласных аттракционов. Я только по-прежнему не выносил фейерверков... Это бессмысленное торжество огня, шипение взлетающих ракет, запах пороха и гари действовали на меня, как красная тряпка на раненого быка.

А дома меня ждали тесные окна, комнаты, где притворяются спящими, остывший ужин, накрытый салфеткой, и мертвая, враждебная, пригибающая к полу тишина.

Так продолжалось три с лишним года. Однажды я, не выдержав, посоветовал жене самой добиваться того высокого положения, на которое она благословляла меня. Я очень подробно и, на мой взгляд, убедительно объяснил ей, что существующее положение вещей меня вполне устраивает и я не намерен его менять. Сомнительное удовольствие — заставлять людей делать то, что им не хочется.

Вопреки обыкновению, Сила выслушала меня до конца, а потом сказала спокойно:

— Да, Морт, ты действительно мертвый. Я выходила замуж за героя, а он оказался манекеном в военной форме. Жаль, но ничего не поделаешь. Придется пойти по другому маршруту.

Так Сила Ирис снова стала Силой Импер, а сын принял ее девичью фамилию. Они вычеркнули меня из своей жизни, и я надолго потерял их след.

Но я не был мертвым. Я бы, наверное, сошел с ума или опустился, если бы не мой начальник с его неистощимой любовью к печенью «Пески Марса». Я взял его к себе в опустевший дом. Родители с неприличной готовностью передоверили мне свои права. В долгие зимние ночи, когда пустой парк завален снегом, а мороз бессильно скребется в широкие стекла оранжерей, я читал ему пухлые сентиментальные романы, и мы оба плакали над монологом несчастного путника, застигнутого метелью в безлюдной степи.

Нет, он не стал великим человеком, мой добрый лентяй с большими ушами, вечно пылающими, как петушиные гребни. Он так и остался садоводом, но занимался теперь не цветами, а яблоками. Год назад он прислал мне на Руберу посылку — яблоки собственной селекции. Свой сорт

назвал «Морт Ирнс». Яблоки чудесно дошли. Они неказисты на вид, у них толстая кожура, но сердцевина очень мягкая и сладкая. Мне показалось, что по вкусу они напомииают песочное печенье...

Так я жил, застыв в своем горе н взанмно деля потребность в ласке с мальчншкой, чужим мне по крови, но близкнм по духу. До той самой поры, пока органы массовой информации не началн склонять вопрос «О возможной инопланетной угрозе» и «необходнмости создания международной оборонительной армии».

Думаю, что вопрос этот искусственно раздували кадровые военные, оставшиеся не у дел в годы мира. Их не устраивало новое, более чем скромное положение. Во всяком случае, нменно к этим дням относится нежданный внзит одного моего бывшего сослуживца, работавшего на каком-то складе. Он долго предавался воспоминаниям о «добрых старых временах», потом перешел к Глубокому космосу и таящимся там ужасам. Я поддерживал разговор неохотно — «добрые старые времена» были для меня, перенесшего пять тяжелых ранений и три контузни, не очень добрыми, космос со всеми его ангелами и демонами трогал мало. Но когда мой знакомый намекнул на «восстание из пепла» н «поруганные человеческие доблести», я насторожился. Коллега, ободренный вниманием, в туманных выражениях поведал о существовании целой подпольной организацин бывших офицеров и явно приглашал присоединиться к ней. Зная поразительную способность военных видеть не то, что есть, а то, что хочется, думаю, что подпольная органнзацня существовала в пустующей черепной коробке бывшего полковника, но что касается защитников идей «обороннтельной армин», то среди их фамилий я слышал очень много знакомых.

Я ожидал услышать в этом хоре голос Силы и не ошибся: за ее подписью появились две трескучне статьи «Матери требуют защиты» и «Слово к невестам», где со всей жестокой непоследовательностью женской логнки смешались в кучу наивность и холодный расчет, убежденность и отсутствие доказательств.

Я пытался узнать через редакцию ее адрес. Все мон три письма остались без ответа.

Было бы логично, еслн бы я стал в ряды актнвных пацифистов. Но штатский костюм лишил меня и этой возможности — я избегал многолюдных мнтингов, стеснялся выступать по телевидению, страшился печатного слова. Я

только выращивал еще больше цветов и еще щедрее дарил их. Но цветы не помогли. Пакт о создании войск ЗОА — Звездной Оборонительной Армии был принят.

Скоро на улицах снова появились военные. Теперь у них была новая форма, новые звания и новый устав. Все остальное осталось прежним.

Я снова переживал кризис, более глубокий, чем первый. Мой милый друг ничем не мог помочь мне — он не знал, что такое смерть оптом и чем пахнут окопы после боя. Он пошел из солидарности со мной на высшую доступную жертву — отказался от «Песков Марса» и только вздыхал, проходя мимо магазинных витрин.

Кончилось все тем, что я получил письмо от сына — единственное в моей жизни. Оно было написано тайком от матери. Это сумбурное послание я храню как талисман— оно примирило меня с планетой и одновременно ожесточило.

В нем была исповедь. Сын, оказывается, всем своим еще не очерствевшим сердцем жалел меня, жалел мою «загубленную жизнь». В странной исповеди была вся демагогия материнского тщеславия, но было и нечто, заставившее Юла утаить свой поступок. Сын жаждал всегалактической справедливости и всепланетного добра, не понимал, что подлость и справедливость, зло и добро — понятия, рожденные на Гее, и лишь для Геи пригодные. Тем не менее он хотел немедленного, насильственного воцарения этих понятий во всей доступной Вселенной, снова забывая, что насильственное добро — самое тягчайшее из зол. Единственным инструментом для своих целей он считал армию. Я не мог, не имел права оставить его заблуждение в силе. Я командовал в свое время тысячами таких вот преданных идее юнцов — и я знаю, какие безмерные гнусности порой совершались их чистыми руками, какую мерзость защищали они своими чистыми сердцами.

У меня был один путь борьбы — снова надеть мундир. Только мундир мог вернуть мне ту силу, которая взорвет изнутри очарованное царство Устава и спасет моего сына.

Так я оказался на Рубере — на той самой Рубере, название которой так часто мелькало в статьях, призывающих усилить оборону Геи.

Армия — особый мир, где обычные нормы и методы бессильны. Но я этот мир знал, как свою собственную

биографию, и поэтому действовал безнаказанно и не вызывая подозрения.

Я ждал сына на Рубере, уверенный, что нам не разминуться, и дождался его. Но об этом позже.

Из всего личного состава я чувствовал определенную симпатию к зистору Либеру. Он привлекал меня своей крепкой и гибкой костью — такого не сжуешь за раз. Армию он знал так же хорошо, как и я, так же, как и я, не был приспособлен к мирной работе, так же, как и я, боролся с жертвами ветряных мельниц доступными ему приемами. Вся разница состояла в том, что он делал это ради собственной персоны, а я — ради моего мальчика.

Вряд ли Кол Либер догадывался об этой симпатии: я ревностно следил за ним и строго карал каждый промах, поддерживал его тонус, как у беговой лошади — хлыстом.

Был на Базе еще один человек, перед которым я едва не раскрылся и который дал мне хороший урок сохранения тонуса, как я — зистору Либеру. Он показался мне неисправимым чудаком, влюбленным в науку, ученым той редкой породы, который не замечает во что одет — были бы под руками его любимые игрушки. Я недоверчив, и поэтому устроил ему не один строгий экзамен, прежде чем довериться. Сим Бибиоз выдержал их на «отлично».

Я стал даже подумывать, что не совсем прав в своем апостольском рвении сломать армию изнутри, что под руководством сугубо штатских людей науки она постепенно потеряет свое разрушительное жало.

Я все больше и больше передоверял цид-биологу функции управления базой, одновременно пытаясь сблизиться с ним духовно, мне был так необходим если не союзник, то хотя бы нейтрал, перед которым можно выговориться в трудную минуту.

Но Бибиоз принимал мои подачи чуточку поспешнее, чем делал бы человек, за которого он себя выдавал. Это насторожило меня — интуицией почувствовал я крупного игрока, сдающего крапленую колоду. Но подозрения еще не есть доказательство — они могут быть вызваны перенапряжением души, уставшим мозгом, заселяющим реальный мир угрожающими фантомами.

Требовалось время, чтобы раскусить и обезвредить Бибиоза. Жаль, что этого не случилось. День тридцать

третьего мюона заставил Сима раскрыться раньше, чем я подготовился к атаке.

Ох, этот день...

Скоро мы оба предстанем перед военным трибуналом — я и Юл, отец и сын. Юл — за то, что выстрелил без приказа, я — за то, что утаил сие обстоятельство в рапорте командованию. Это — дело рук Бибиоза, бесцельная месть неизвестно за что. Трибунал вряд ли грозит нам чем-либо серьезным — проступок невелик, Устав нарушен только формально.

Меня беспокоит другое. Как Юл вообще смог нажать красную кнопку? Даже если бы я приказал — как он смог?

События тридцать третьего мюона окончательно ожесточили меня, порвав последнюю паутинку надежды. Когда-то, в эпоху войн, говорили, что наука на службе армии — явление позорное и крайне опасное. Один день тридцать третьего мюона на планете Рубера показал, что армия на службе науки — явление не менее позорное и не менее опасное. Армия может диктовать условия, решать вопросы она не в состоянии. Вопросы решает жизнь, а не смерть.

Мне остается добавить к моей исповеди немного. Ничто уж не изменит того, что случилось. Но на Рубере осталось больше половины Летучих Баз, которые не вышли на орбиту после сигнала общего отступления. Мы не знаем, что с ними. Я вправе предполагать худшее.

Комиссия, которая проверяла состояние дел на Рубере и трое суток провела на моей базе, состояла из трех членов МСК и двух генералов войск ЗОА. Общее руководство осуществлял кварт-секретарь Лиги Старейших Сент Энцел. Ученые в основном имели дело с Симом Бибиозом, генералы — со мной. Генералы были довольны: «добрые старые порядки» на ЛБ-13 пришлись им по душе, а мелкие погрешности вроде подпольного пьянства Овера Киля стали тем необходимым объектом для критики, без которой можно было бы усомниться в целесообразности генерального инспектирования.

Утром тридцать третьего мюона мы все собрались вместе в моей рабочей каюте для подведения окончательных итогов.

Энцел в общих чертах одобрил работу Бибиоза и мой, как он выразился, «обнадеживающий контакт» с цидбиологом. Но и он, видимо, что-то приметил, ибо долго

и настойчиво повторял, что мы не должны идти дальше системы «зеркала», пытаться навязать супрам более тесный контакт. И ни при каких обстоятельствах не употреблять торпеду «ноль». Он так и сказал — ни при каких, не зная того, что через два часа сам нарушит свое категорическое указание...

Я согласился с Энцелом с великим огорчением и готовностью: генералы, хотя пока и помалкивали, но были явно другого мнения. Совсем недавно один из них сетовал на то, что у них нет данных об эффективности ультраторпед, и что это затрудняет им работу: они не могут рассчитать, сколько торпед понадобится, скажем, для «подавления агрессивной среды» всякой средней по величине планеты.

— Нам не дают развернуться, Морт,— говорил генерал. — Нам не дают достойного оружия, не дают испытать то, что есть. Штатские сантименты.

Я слушал его и всеми силами старался отогнать от себя видение Кис-Тауры, кошмара моих снов, долины, которая стала адом после меня. Тогда я, молоденький лейтенант особой группы, нажал красную кнопку какого-то «оружия ноль» — до сих пор не знаю толком, что это было...

Наставления Сента Энцела прервал Бибиоз своим звонком с Верхнего боевого яруса — и мы стали действующими лицами трагедии.

Мое толкование происшедшего людям авторитетным кажется, вероятно, ребяческим. Я дилетант в науке. Но я лучше, чем кто-либо, знаю и понимаю психологию войны. А если считать супра живой военной машиной, то и психология у него должна быть соответствующей.

Не буду гадать как — не мое это дело, — но супры добились всеобщего благополучия на основе равенства сил, обоюдной независимости и персонального бессмертия. Вначале все было хорошо, а потом громовержцам стало скучно: дым древних битв тревожил их сон. Они попробовали снова палить друг в друга, но толку от этого занятия было мало — неуязвимый и бессмертный сосед воспринимал потасовку, как приглашение к приятным воспоминаниям, как неожиданный подарок. Мало-помалу взаимная перестрелка стала чем-то вроде приветствия, данью уважения, знаком внимания и любви. Всаживая в бока своих друзей атомные заряды, воспитанный супр словно желал им недостижимого блаженства — смерти в бою.

Да, высшей мечтой, неоценимым благом для бес-

смертного супра, измученного скукой, была смерть! Цель всего существования — смерть!

Я предвижу иронические улыбки в свой адрес — вот и договорился старый Морт. Напрасно улыбаетесь. Я видел людей, для которых высшим наслаждением было лезть под пули. Они ненавидели жизнь и не знали, что делать с ней...

Нерон, потеряв Клеопатру, потерял вместе с ней и уважение подданных. Он потерпел поражение, а к побежденному в Свирепой империи не могло быть иного отношения, кроме презрения. И поэтому империя встретила обреченного молчанием.

Нерон не нападал, паля изо всех орудий, он умолял о прощении, умолял о смерти и понимал, что никто не выйдет с ним на бой. И никто не спасет от позора. Ему оставался один путь...

Но спасение пришло. Моя прямолинейная фантазия не в силах представить, чем или кем виделась супрам наша ЛБ — то ли хорошо воспитанным привидением, то ли дефектным супренком. Могу только утверждать, что когда на безнадежную мольбу Нерона грянул ответный залп, наша герметическая сковородка показалась низложенному императору прекрасным ангелом. И он обрушил на нас всю силу своей благодарности.

Все мы, ученые и профаны, мудры задним умом. Приди ко мне озарение тогда, на капитанском мостике, я бы, возможно, действовал по-другому. И то сомнительно. Ведь я не супр, и мне не улыбалась возможность стать радиоактивным облачком на чужой планете. И рядом со мной сидел мой мальчик, ради спасения которого я готов был забыть все писаные и неписаные законы и разгромить половину Вселенной для устрашения другой.

И если все-таки медлил с приказом пустить торпеду «ноль», то не из-за моральных колебаний, а потому, что со школьной скамьи помнил закон природы о действии, на которое рано или поздно отвечают столь же внушительным противодействием.

Когда смертельно раненный Нерон, трубя от счастья, завалился набок, я выключился на минуту. Все восемь поколений бравых убийц проснулись во мне. Артиллерия и ракеты добивали супра по всем правилам военного искусства, и я был вдохновенным дирижером этого мерзкого концерта.

Я опомнился только тогда, когда из фиолетового ту-

мана показалось множество супров, ведущих прицельный огонь по нашей Базе.

Бой был неравным. Если мы еще могли потягаться с одним-двумя супрами в мощности огня, то по оборонительным достоинствам любое из этих существ превосходило нас намного. А главное — мы проигрывали в скорости, так как конструкторы не рассчитывали на необходимость быстрых горизонтальных перемещений станции. Вертикальный взлет был нам заказан — супры снизу продырявили бы нас в несколько секунд.

Короче говоря, через десять минут после начала баталии супры взяли ЛБ в кольцо, прижали к самой поверхности океана и расстреливали в упор.

Естественно, я попытался вызвать подмогу. Связь работала плохо, ядерные взрывы сильно ионизировали воздух. Радисту все-таки удалось нащупать несколько соседних Баз. С восьмой и пятнадцатой Базы не было изображения, нам прокричали только, что «супры восстали» и что «чертовы торпеды только подлили масла в огонь». ЛБ-6, видимо, пыталась уйти на орбиту, но получила пробоину в машинное отделение: там бушевал пожар, капитану было не до нас. Девятнадцатая ЛБ успела взлететь и находилась теперь в относительной безопасности, но и она не могла ничем помочь нам, кроме искренних пожеланий как-либо выкрутиться.

С согласия Сента Энцела и остальных членов Совета при молчаливом нейтралитете генералов я дал аварийный сигнал покинуть планету всем ЛБ, находящимся на Рубере. Ясно было, что империи супров как-то общаются друг с другом, и мятеж принял глобальный масштаб. Супры ищут ЛБ и нападают на них, требуя смерти для своих уставших от бесцельного долголетия особ. А у каждой ЛБ — всего одна торпеда «ноль». И еще неизвестно, сработает она или нет. Да и в торпедах ли дело.

Снаряды супров делали свое дело. Саперы едва успевали заваривать трещины в бронеобшивке. Зенитчики пытались сдержать рой самонаводящихся боеголовок лазерными веерами, но пользы от них было столько же, сколько от японского веера на комарином болоте. Глоб-ракетчики пробовали ослепить ближайших супров залпами прямой наводкой. Атакующие фланги на время теряли прицел, но и бесприцельного огня было достаточно, чтобы запечь нас в собственном соку.

База была обречена. База умирала. Я мог только про-

длить агонию, маневрируя в смыкающемся кольце так, чтобы часть огня через наши головы мятежники обрушивали друг на друга.

Первым не выдержал шестой ярус. Взрыв повредил створы входного шлюза, нарушив герметизацию станции. Автоматика перекрыла переходный тоннель, отрезав нас от пораженной зоны. Мы видели на экранах, как гибнут товарищи в клубах коричневого газа. Впрочем, смерть их была почти мгновенной — двенадцать секунд с четвертью по хронометру командного пульта.

Я мельком взглянул на Юла. Он оторвался от прицельного сектора и смотрел в потолок, словно прощался с кем-то в космической бездонности. С кем? Может быть, с матерью, пославшей его в этот ад? Или просто со всем, что остается жить после нас?

Наши глаза встретились. Юл покраснел и снова наклонился к прицелу. Я посмотрел на потолок, словно впервые увидел его обводы, зеркально повторяющие обводы пола.

Мне пришла в голову идея — опасная идея, но выбирать не приходилось. Я дал команду прекратить огонь.

4

Я, Юл Импер, младший зистор Десантной службы войск ЗОА, хотел рассказать многое и о многом, но сейчас все это не имеет уже значения. Я помирился с Юной, Юна со мной, Юна любит меня — разве может что-нибудь погасить это счастье, разве может кто-нибудь омрачить нашу близость?

Я с радостью жду трибунала — я надеюсь, что меня выгонят из армии раньше, чем кончится первый срок службы. Мне, правда, немного жаль отца — по моей вине его военной карьере будет нанесен ощутимый удар, а для иной карьеры он уже не годится. Но пусть он лучше перебивается своими цветами, как раньше, чем пресыщается безнаказанностью и вынужденным почитанием в отвратительном образе Мортиры, которого довелось мне узнать на ЛБ-13.

Он настолько очерствел и отупел на своей бронированной посудине, что даже не узнал меня сразу, когда я прилетел на Руберу. Я его тоже не узнал — с детских лет у меня оставалась память о длинном худом человеке,

похожем на бродячую мачту, отставшую от своего корабля. Мачта пахла розами и травой, у нее были теплые ладони, нерасторопные и неуверенные, как слепые котята. Лица я почти не помнил — оно было слишком высоко для меня, да и не особенно меня интересовало.

На Летающей Базе я увидел прежде всего лицо — высушенное лицо мумии, на котором застыла гримаса недовольства. Это были черты Власти, лишенные эмоций и желаний, черты Устава, высеченные вместе с черепом из одного каменного бруса. И глаза были неживые, каменные, как у парадных гранитных бюстов.

— Смотри поверх головы,— шепнул мне Кол Либер. — От его взгляда пища портится. Минимум три дня будешь запором мучиться...

Но я не мог оторваться от Морта Ириса, как воробей от подползающего птицееда. Если бы я встретил на Рубере второго Юла Импера и то удивился бы меньше. Мать всегда говорила об отце презрительно, называла его идиотом, мямлей и трусом. Мои детские наблюдения как будто подтверждали это — он боялся матери, на которую даже я покрикивал, боялся фейерверков, которых не боялись даже грудные дети, вздрагивал от видеофонных звонков, не мог пить томатный сок, потому что он похож на кровь. Он боялся кошек, собак, пауков, тараканов, но испытывал странную слабость к мышам.

И вот этот блаженненький, нескладный высохший человечек — на Рубере, где нет иного цвета, кроме цвета крови, на Рубере, где нет иных животных, кроме всесокрушающих супров, на Рубере он — в военной форме, он — мой командир, мой мозг и мой суд, мой хранитель и повелитель.

Первую ночь на ЛБ я провел в штрафном отсеке: поразмыслив, я вынужден был признать, что плохо знал отца. О нашем родстве никто не догадывался, у нас были разные фамилии, а Морт даже не соизволил заговорить со мной. Видимо, он вырвал из сердца не только Силу, но и меня.

Проще всего было попроситься на другую Базу, но для этого надо было выдвинуть какие-то аргументы. Аргументов у меня не было. Я тоже не хотел выдавать своего родства с Мортирой — мне было стыдно.

Я проклинал судьбу, забросившую меня на Руберу, проклинал материнские советы, поссорившие меня с Юной, проклинал себя и всех, кто меня сделал таким, но от моих

проклятий ничего не менялось. Только Кол Либер начал отпускать всякого рода сальности и советовал обратиться за помощью к доктору Симу Бибиозу.

Дружбы с Колом у нас не получилось. Он по-своему честен и чуток, ему можно довериться без риска, но он не из тех людей, кому приятно доверить сокровенное. Либер — скептик, он счастлив потому, что намеренно сузил свои потребности до какого-то полурастительного минимума. Этот минимум он находит везде, куда бы ни бросал его случай, а потому ему везде хорошо и уютно. Обижаться на его выпады бессмысленно, но согласиться с ними — значит предать себя.

А вот с отцом я еще не разобрался. Очень он странный, неправильный, неуловимый какой-то. Я уже говорил, что в детстве не мог разглядеть его лица — отец казался мне невероятно высоким. Сейчас я сам на голову выше Морта, но настоящего его лица увидеть не могу. Порой мне кажется, как в детстве, что оно слишком высоко для меня — и я терзаюсь муками совести. Порой мне кажется, что лица у Морта нет, что маска Власти и есть его настоящая суть — и тогда я ненавижу его.

Впервые после Руберы мы встретились с ним в стеклопластовом восьмиграннике Верховной Ставки ЗОА. Нас вызвали туда по доносу Бибиоза. Кол Либер под большим секретом сказал мне, что цид-биолог обвиняет во всем, что случилось, Мортиру, собирается устроить ему «легкий насморк» и предлагает соучастие в «неофициальном рапорте». При всем своем хорошем отношении к доктору Бибиозу и весьма прохладном к Морту, я, тем не менее, посчитал подлостью такой поступок. Ведь именно Морт спас ЛБ от неминуемой гибели. Кол выслушал меня, пожал плечами и бросил, уходя, в обычной своей манере: «Странно... Оказывается на Гее еще умеют делать хороших парней...»

И вот мы сидели с Мортом одни в большом пустом зале, в который выходило много разноцветных дверей и к каждой вела ковровая дорожка своего цветка. Консул-капитан Морт Ирис курил. Мой отец, насколько я помню, терпеть не мог табака — он убивал запах цветов.

— Вы живете вдвоем с матерью?

Ни привета, ни эмоций по поводу встречи, естественных после стольких лет разлуки — нет, спокойный голос, каменные черты, ноги вытянуты под столом, чтобы не затупилась острая складка на парадных брюках.

— Нет, я живу отдельно.

Я ждал и боялся вопроса «Почему?», ибо тогда придется рассказать о Юне и о нашем разрыве с матерью, но Морт спросил совершенно другое:

— Ты не хотел убивать того супра?

Я даже не понял вначале, о чем он говорит, но поняв, ответил честно:

— Не знаю. Наверное, нет. Я очень хотел выручить Базу.

— Совершить подвиг?

— Может быть...

— Чтобы все восхищались тобой и благодарили тебя?

Я промолчал. Что я мог ответить? Он все равно ничего бы не понял. Электронный диагност может точно определить болезнь, но не способен вылечить — у него вместо сердца коммутатор.

Да, но ведь именно Морт спас ЛБ...

— Они будут запугивать тебя, но ты не бойся. Тверди, что ослышался. И не философствуй. Им нужен козел отпущения. Но у них нет, за что уцепиться...

Он говорил так, словно между нами и теми, кто скрывался за бронированными дверями, лежала бездонная трещина. Он, служака, по кличке Мортира, произносил «они», как произносят тяжкое ругательное слово.

Кто же ты, отец?

Я снова задыхался от ненависти и отвращения в кресле стрелка, и снова концентрические круги прицела накрывали, забрызганные красной пеной, чадящие туши супров, и снова пальцы отчаянно давили гашетку. Я снова слышал сдавленный крик: «Шестой ярус... Шлюз... Воздух...» и видел, как метались в западне люди в серебристых комбинезонах Звездных Десантников, как хватались они за горло, падали, корчились и замирали, а потом тела их непомерно раздувались и лопались, выбрасывая фонтаны черной крови. За эти двенадцать с четвертью секунд я умер и родился заново, и прожил долгую-долгую жизнь до седых волос. Я впервые увидел себя со стороны и был поражен своей самонадеянностью и эгоизмом, своим наивным верхоглядством и примитивным честолюбием. Я хотел, как бывало, дать себе клятву исправиться как можно скорее и тут же оборвал себя — опять позерство, даже сейчас позерство, когда нас всех, и меня в том числе, ждет участь шестого яруса. Мне показалось, что уже не хватает воздуха, ра-

нул ворот, оглянулся с ужасом на Кола — тот что-то жевал, откинувшись иа спинку кресла.

Это было настолько нелепо и страшно — страшней, чем удушье, — что я истерически захихикал. Кол вытер губы рукавом.

— Не таращись... Не успел... Не успел позавтракать. С утра нет аппетита. Захватил бутерброд, а тут... Не пропадать же добру... Да и помирать на сытый желудок веселей...

Он ни в чем меня не обвинял, хитрый добрый Кол, но его слова я принял, как пощечину. Ведь это я виноват во всем, я убил супра и вызвал атаку, я хотел сделать лучше, а получилось хуже — ведь я не знал...

Я впервые пожалел, что нет бога с молниями мгновенной расплаты, и глянул на потолок, втайне надеясь, что карающий огонь все-таки есть и он испепелит меня на месте. И я встретил глаза — огромные, обведенные синевой,— это были глаза Морта, и мне почудилось в них презрение. Я снова припал к прицелу, но команда Морта опередила выстрел:

— Всем ярусам — прекратить огонь!

На мостике среди ученых и генералов произошло легкое замешательство. Доктор Бибиоз схватил отца за руку, но тот тут же стряхнул ее, как большого жирного паука.

— Все калибры правого борта — по подводной цели, прямо, прицел минус девяносто! Все калибры левого борта — по воздушной цели, прямо, прицел плюс девяносто!

— Правый борт — есть!

— Левый борт — есть!

Этот сумасбродный приказ выполнили только потому, что никто уже ничего не соображал среди воя аварийных сирен, треска гнущихся переборок, свиста компрессоров и неустанных, неотвратимых, жестоких ударов в бронеобшивку полурасплющенной Летучей Базы. Какая подводная цель? Какая воздушная цель. Супры были вокруг, смерть сжимала кольцо, но орудия покорно отворачивались от нее, бессмысленно упирались в пустое небо и в пустые глубины.

— Внимание! Всему личному составу любыми средствами закрепиться на месте! Сейчас полетим вверх ногами! Держитесь, ребята!

Полуразбитая ЛБ и спятивший командир! Разве так

рисовали Миссию Разума рекламные проспекты ЗОА? Там серебристые полубоги уничтожали отвратительных чудовищ, вырубали хищные смертоносные леса, выжигали ползучие смердящие травы — и вышколенная, продезинфицированная, обезвреженная, умытая и причесанная Природа, благодарно скуля, ложилась у ног всемогущих Звездных Десантников. Все эти сказки — ложь, ложь для доверчивых юнцов, вроде меня! Ее придумали те, кого эпоха приговорила к забвению — они не хотят быть забытыми, они согласны умереть, но умереть в славе и почете — супры, супры, безжалостные супры! — они забивают голову дешевой романтикой тем, кто не знает истинной цены живущему, живому, жизни — они тянут молодых за собой, в свою неизбежную смерть... И мой обезумевший отец — один из них, на нем серебристый панцирь лжи, он тайно счастлив и приготовил последнее издевательство над покорными ему людьми.

— Всем калибрам — огонь!

Мир в прицельном секторе встал на дыбы, и я почувствовал, что лечу вниз головой в облако холодного белого пламени — полет продолжался долго, нескончаемо долго, невероятный полет с остановившимся сердцем и неподвижной кровью, без удивления и страха, только откуда-то, от солнечного сплетения, растекалась по телу безотчетная щемящая тоска, и сквозь мозг, как сквозь сгусток тумана, проходили часы, годы, века... Может быть, я уже умер и растворился в океане протовита, и вернулся в жизнь бессмертным супром и сейчас несу его бытие, не видя конца пути и не надеясь на конец, ничего не страшась и ни от чего не завися — только шорох часов, лет, столетий?

Очнулся я одним из первых, но стал связно соображать одним из последних. Картина была не для слабонервных. Все, кто находился в Верхнем ярусе, в самых неожиданных позах стояли, сидели и лежали на потолке. Я обнимал двухметровую люминесцентную лампу. Кол Либер с недоеденным бутербродом в зубах ощупывал кресло на своей спине. Бибиоз парил над сеткой вентиляционной шахты. Сент Энцел возлежал на плечах своего врача. Генералы пытались сохранить достоинство, замерев по стойке «смирно», и сохранили бы его, если бы не одна маленькая деталь — оба стояли на головах. А в обзорных экранах, как в распахнутых окнах, белели любопытные звезды.

Кол Либер справился с креслом — оно осталось висеть в воздухе, — внимательно изучил окружающую обстановку и заговорил. Его монолог начался с шепота и состоял из одних бранных слов. По ходу дела голос его креп, а ругательства становились все сильнее и совершеннее. И кончился монолог без всякой логической связи криком: «Братва, ура Мортире! Качать Мортиру!»

Только на следующий день я взял в толк, что сделал отец в те критические минуты.

Все современные инопланетные станции, в том числе и станции типа ЛБ, по соображениям безопасности и надежности, работают в режиме АНГ — Автономной Нулевой Гравитации. Такой режим предполагает три независимых гравитационных системы — одна изолирует станцию от всех внешних сил тяготения, другая как бы привязывает гравитационным канатом к нужной планете, третья тянет в противоположную сторону, к Полярной звезде, к центру Галактики. Меняя напряженность двух последних систем, станция может плавно и безопасно для космонавтов перемещаться по вертикали. Так мы парили и над Руберой, так — и только так — могли уйти на орбиту в случае опасности.

Супры отрезали нам этот путь. Наше незащищенное дно с хрупкими выростами спасательных антигравов было для них детской мишенью.

Но Морт Ирис пошел на трюк: соединенные и противоположно направленные залпы правого и левого бортов одним ударом перевернули нашу «кастрюлю». Это произошло так быстро, что даже прославленная сверхреакция супров оказалась чересчур медленной: пока их снаряды летели в цель, сложившаяся тяга двух гравитационных систем рывком выбросила нас в космос, за пределы Руберы...

И я снова думаю — кто ты такой, отец? Этот фантастический взлет не записан в армейском Уставе или руководстве по выращиванию эдельвейсов. Надо было знать устройство станции, помнить инженерные параметры и физические формулы, надо четко оценивать, мгновенно сопоставлять, доверяться интуиции — словом, мыслить широко и раскованно, как мыслят люди истинно талантливые. Как это непохоже на тебя, на все, что ты делал до сих пор! Может быть, твоя жизнь — совсем не твоя, а подсунутая случаем, первая попавшая форма с чужого плеча,

и твое истинное призвание осталось невостребованным в каптерке прижимистого интенданта?

Я не хочу жить так. Я не хочу носить чужую одежду.

Мне жалко мать. Я принадлежу ей независимо от своего желания — так же, как независимо от своего отношения принадлежу тебе. Но мать мне понятнее. Не знаю, как ты относишься к ней сейчас — наверное, ненавидишь: говорят, неразделенная любовь перерастает в ненависть. Она тебя не любила. Не любит она и меня, хотя готова ради одного моего ласкового слова пойти на все. Мне кажется, она вообще не способна любить, она способна только принимать любовь — и поэтому без чьей-либо любви, без поклонения, без славы начинает чахнуть.

Я прилетел на Гею в праздничный день, уверенный, что никому на планете нет до меня дела. Мать позвонила мне, едва я успел переступить порог своей нежилой квартиры. Она выглядела не старше Юны — то ли прошла курс гормональной косметики, то ли сделала пластическую операцию. Тон у нее был деловой, а голос звучал так, словно между нами никогда не было разлада.

— Ты не устал, Юл? Обнимаю тебя. Ты молодец. Ты хорошо сделал, что поступил в ЗОА. Это единственная дорога для современного парня, который не хочет быть дохляком. Посмотри газеты. Вся Гея говорит о тебе. Ты настоящий герой, Юл...

Я смотрел на нее с горькой иронией, но она продолжала тараторить:

— Телевидение хотело встречать тебя на космодроме. Я запретила. Тебе трудно сразу перейти от ясных устоев армии к сумбуру нашей штатской клоаки. Слава имеет свои права. Я буду оберегать тебя, пока ты не наберешься сил для воспоминаний. Ведь они прекрасны, не правда ли, Юл? Ответь мне без утайки — ведь нас только двое, ты можешь не опасаться любопытных ушей и глаз...

— Ты собираешься замуж?

Она подняла удивленные глаза и, заметив мою усмешку, быстро кивнула куда-то в сторону: я понял, что шла запись ее «беседы с сыном».

— Откуда ты взял? — теперь ее голос звучал натуральнее. — Если бы ты лучше меня помнил, то не говорил бы глупости. Замужество меня не прельщает. Мужчины в большинстве своем лентяи и трусы. А это...

Это необходимость. В последнее время я плохо выгляжу на телетестах и в газетах. Теперь нам придется часто сниматься вместе. Ты же не хочешь, чтобы рядом с тобой красовалась дряхлая уродина?

Бедная Сила! Провалившись на амплуа жены героя, истомленная безвестностью, она теперь пыталась наверстать упущенное в роли матери героя.

— Я приду к тебе, Юл? Нам надо с тобой посоветоваться, припомнить кое-какие факты, я стала забывчива...

Я вспомнил прочитанную где-то брошюру о технике съемок через зашторенные окна и ответил поспешно:

— Я действительно устал, мама. Ты не звони. Я сам загляну к тебе. Так будет лучше...

Сила, как всегда, преувеличивала. У Геи были свои новости и свои проблемы. Обо мне писала только одна газета — орган войск ЗОА «Серебряный феникс». Печатное устройство информа выбросило на стол полосу с шапкой «Он убил супра» и моей фотографией четырехлетней давности из маминого архива. С фото смотрел на читателя молодой упитанный щенок с капризным узким подбородком.

Неужели я был таким всего четыре года назад?

В праздник Совершеннолетия мы с Юной решили сбежать ото всех за город куда-нибудь в дикое поле. Мы несколько раз меняли маршруты, чтобы сбить со следа возможных, а вернее — воображаемых преследователей. Была уже глубокая ночь, полутемные и пустые залы метро отзывались на наши шаги загадочным шепотом. Вызвав цито-экспресс, мы долго не решались войти в его кабину, похожую на каплю ртути. Он забросил нас за сотню километров от дома, на горное плато, полное неуловимых ночных движений и доброго тепла от нагретого за день камня. Мы долго куда-то брели, спотыкаясь о корни и валуны, и Юна прижималась все теснее ко мне и все чаще оглядывалась по сторонам. Безлюдье угнетало ее.

Мы шли к обрыву, очерченному на слабо светящемся небе, и сели, обнявшись, прямо на теплую землю. Голова Юны сладкой тяжестью сковывала плечо. Мы не целовались. Просто наши губы были вместе и дышали вместе, и это было нужней всех поцелуев на свете.

Юна заговорила, и мои губы послушно двигались вместе с ее губами:

— Юл, я хочу, чтобы все эти звезды, все эти про-

странства, вся эта Вселенная была моей до самого последнего лучика. Чтобы она не была отдельно от меня, а во мне, чтобы она была мной — чтобы она радовалась и грустила, смеялась и плакала, ждала и любила. Я хочу, чтобы она была живая, теплая, чтобы она росла во мне и становилась все ближе и лучше. Чтобы звезды не гасли, а горели все ярче, понимаешь?

Я не понимал и ответил, разбухая от гордости:

— Да. Я завоюю для тебя всю Вселенную. Я сниму все звезды и сложу в твой старый портфель. И повешу новые, в сто раз ярче, и на каждой напишу: «Юне от Юла». Я отшлифую каждый луч до блеска скальпеля и разрежу ими пространство на мелкие кусочки, чтобы ты могла играть ими, как детскими кубиками...

— Юл, я не хочу такой Вселенной. Даже от тебя. Больше всего — от тебя. Мне не нужны подписанные звезды и разрезанные пространства. Я не хочу, чтобы Вселенная покорялась. Я хочу, чтобы Вселенная не могла без меня жить, как я без нее.

— Хорошо, я приручу ее. Я надену ошейники на чудовищ и вырву жала у змеиных трав. Я выучу светила быть нежнее котенка, когда они прикасаются к тебе. Я сделаю Галактику доброй и покорной, как домашнее животное.

— Ты опять ничего не понял, Юл. Я не хочу прирученной Вселенной. Жизнь должна быть свободной и дикой, иначе она перестанет быть жизнью и превратится в имитацию. Я хочу, чтобы все оставалось, как есть — и было во мне, а я была для всего. Я хочу настоящего счастья, а не имитации.

— Я не могу понять тебя, Юна. Я не могу уловить, что именно ты называешь счастьем. Разве борьба и победа — не настоящее счастье, разве распространение разумного — не благородная задача, разве истребление зла умаляет свободу жизни?

Юна отняла свои губы и долго молчала.

— Мне грустно, Юл. Иногда мне кажется, что мы чужие...

Ночь вокруг взорвалась бульканьем, скрежетом, воем, хрюканьем. «Чужие! — шипело и жужжало со всех сторон. — Чужие! Чужие!»

Я закрыл Юну собой, схватил какой-то сук и включил фонарик. Луч вырвал из ночи мшистый валун, а на нем — хохочущих Сита и Молу, наших закадычных

друзей. Десятки фонариков заплясали вокруг, и мы оказались в кольце одноклассников — оказывается, все наши парами бежали с бала, и в поисках уединения, не сговариваясь, попали именно сюда. Мы пришли уже последними, и весь наш разговор был внимательно выслушан целым классом.

И теперь шутовской хоровод передразнивал нас и высмеивал, устроив гогочущий шабаш над обрывом.

— Я буду подметать Вселенную кометами! — вопил Кир.

— Не хочу-у,— ныла Ана. — Я хочу ее ам-ам, чтобы она буль-буль внутри меня...

— Я нарежу ее мелкими кусочками, полью слезами в маминой кастрюле и сделаю для тебя гуляш из пустоты! — подхватывал Мол.

— Не хочу-у,— ныла Сана. — Вареные звезды — тьфу! Я хочу сырую Вселенную, чтобы она пик-пик внутри меня!

— Тогда я не понимаю, почему ты не ешь меня!— заходился Сит. — Разве я хуже какой-то залежалой Вселенной.

Я шагнул к Ситу и толкнул его. Но Сит был крепкий парень, он даже не покачнулся. И не перестал дурачиться.

— На колени. Все — на колени! Совершеннолетний Юл начинает приручать Вселенную! Я уже чувствую себя нежнее котенка!

Юна, вначале смутившаяся до слез, постепенно пришла в себя и скоро хохотала вместе со всеми. Я счел это предательством и сказал ей об этом. Она ответила: «Глупый!» — и продолжала смеяться, скакать и передразнивать сама себя. И она добавила обиду, держа за руку Мола и Сану:

— Юл, он, правда, нежнее котенка? Я могу поселить его в своей грудной клетке?

— Юна, пойдем домой.

— На мне еще нет ошейника, чтобы командовать мной! Мне весело здесь, и я останусь с ребятами!

— Хорошо, я уйду один...

Так мы поссорились с Юной, без которой вся моя жизнь — пустая трата времени. Я рассказал все матери, и она горячо поддержала меня, называя моих товарищей «скрытыми врагами» и «завистливыми тупицами». Но особенно нападала на Юну, осыпая титулами «ковар-

ной лазутчицы», «провокаторши», «подлой интриганки» и «бессердечной бесстыдницы», пока я не заставил ее замолчать. Я давно замечал, что Сила органически не переносит Юну, толкуя каждый ее поступок, как глубоко продуманную тайную диверсию... Все мои попытки восстановить объективную истину кончились целым потоком слез: «Ты готов бросить мать ради этой коварной девчонки, которой ты совсем не нужен...»

Сейчас Сила торжествовала — ее предсказания сбылись, она все время предупреждала меня: ох, как доверчивы парни!

— Все это сплошная чепуха, ты сама не веришь тому, что говоришь. Но помоги мне, ведь ты женщина и лучше понимаешь женскую душу. Юна иногда говорит непонятное. Она хочет, чтобы Вселенная была не вне, а внутри ее, чтобы Вселенная была частью ее, а она — частью Вселенной. Но она не хочет, чтобы я покорил Вселенную с ее именем, как хочешь ты, — ты мне часто повторяла такое в детстве. Она хочет чего-то другого. Чего?

Злая гримаса передернула лицо Силы.

— Она хочет ребенка!

Так я ушел от матери...

Конечно, я не лег спать. Отправив «Серебряного феникса» в мусоропровод, я сидел у окна, когда зазвонила входная дверь. Я пошел в прихожую на негнущихся ногах, и мне чудился в комнатах странный звук — так поют над полем высоковольтные провода. Только один человек мог прийти ко мне без приглашения, но я ничем не заслужил его прихода. Я открыл дверь в прихожую, уверенный, что мне померещился долгожданный звон, и готовый заплакать от обиды.

У двери стояла Юна.

Мы так и не успели ничего рассказать друг другу в тот вечер — я не помню ни единого слова, по-моему, за весь вечер и ночь так и не было сказано ни одного слова...

В пустой приемной Верховной Ставки, после аудиенции с каким-то пузатым чином, который всю свою непонятную злобу обрушил на консул-капитана, а меня, главного виновника, величал «этот самый стойкий юноша». Морт Ирис сказал:

— Я тоже живу один. Тебе будет неприятно, если я как-нибудь загляну к тебе?

— Я сказал, что живу отдельно от матери, но не говорил, что я живу один. Приходи. Юна будет рада увидеть тебя.

Я сказал это из вежливости, но Юна на самом деле обрадовалась Морту. Отец ей понравился, и с тех пор он часто бывает у нас. При ней он становится каким-то незнакомым, открытым и цельиым. Мне кажется порой, что Юна знает о нем больше, чем я, и это меня настораживает. Может, она и обо мне знает что-то мне неведомое? Что — хорошее или плохое? И откуда? Ведь она — моя ровесница, мы учились вместе и вместе узнавали жизнь. Почему она знает о людях больше, чем я?

Рубера снится мне все реже и, если бы не будущий трибунал и не звонки матери, я бы забыл о ией окончательно. Бедная Сила! Она не может никак смириться, что амплуа матери героя — тоже не для нее. Я вижу ее только по видеофону, и меня это вполне устраивает.

О Рубере сейчас много спорят, но мне эти споры неприятны, и я стараюсь не участвовать в них. Пока это удается. Рубера гаснет в моей памяти.

Но вчера я неожиданно проснулся среди ночи и долго лежал с открытыми глазами. Юна спит очень чутко, и я старался дышать в такт с ее дыханием.

Зачем я убил супра?

Почему мне не перестали нравиться фейерверки?

5

От меня, Сента Энцела, действительного члена Международного Совета Космонавтики, четвертого в Лиге Старейшин, почетного члена тридцати или сорока академий, постояниого консультанта и председателя Комиссии по коитактам, всегда почему-то ждут откровений, которые сразу решат все споры и все расставят по местам. Вначале мне это льстило, потом забавляло, потом стало раздражать. Теперь я привык и примирился с этой иеосознанной хитростью, освобождающей поклонника авторитетов от тяжести собственных раздумий и ответственности собственных решений. А кто я, Сент Энцел, авторитет из авторитетов? Просто очень старый человек, который сделал за свою долгую жизнь очень много ошибок — гораздо больше, чем кто-то другой, потому что у меня было неизмери-

мо больше возможностей для их свершения. Открытия, сделанные в молодости, я теперь сам понимаю с трудом... в них царствует абсолютизм юности, отрицающий права старости на самоуспокоенность и тем оскорбляющий ее шаткое достоинство. И если я все-таки могу чем-то помочь людям в делах, сопряженных с иаукой,— то единственно своим жизненным, а не научным багажом, ибо отстал от иауки ровно на одну жизнь — это говорю я, Сент Энцел, почетный член многих академий, авторитет из авторитетов, и я говорю чистую правду.

В спорах о Рубере, о супрах я слышу, невысказанный вопрос, обращенный ко мие. Ведь я видел все собственными глазами и прямо причастен ко всему, что там случилось.

Мне задают вопрос: кто такие супры, и я могу ответить — не знаю. Никто из нас не знает, кто такие супры, и вряд ли узнает в обозримом будущем. Во всяком случае я уже никогда не узнаю. И поэтому предлагаю второй вопрос поставить в другой редакции. Не о разумности супров следует вопрошать — прежде стоит подумать: разумны ли были мы на Рубере?

На этот вопрос я отвечу со всей прямотой человека, знающего цену ошибкам: нет. Нет! И по вине нашего недомыслия, а не по вине супров или неожиданных обстоятельств, погибли наши товарищи, по нашей общей вине половина Летучих Баз иашла вечный покой в протовитовых пучинах Красной планеты.

Я говорю про общую вину не для того, чтобы уйти за чужие спины. Я готов отвечать за то, что сделал, но я не член иудаистской секты, готовый идти на крест за грехи чужие.

Я виноват в том, что потакал Бибиозу. Цид-биолог Сим Бибиоз не молод, такие редко достают звезды с неба, но достав, держатся за них крепко. Я видел, что он спешит с выводами, жертвует чистотой эксперимента ради его зримой убедительности, но кто из иас не участвовал в этой вечной гонке за ускользающей молодостью, за вчерашней смелостью, за промелькнувшей ясностью мысли? Годы безжалостны, они чересчур быстро разменивают золотые россыпи возможностей на медную мелочь достигнутого. Бибиоз спешил, а я не имел твердости осудить его за это. Возможно, влияла на мое отношение и общность касты: он был ученый, и мне нравилось, что он может диктовать свои условия консул-капитану Морту Ирису, чело-

веку другой касты, которая извечно командовала учеными.

Во всяком случае, я относился к Симу Бибиозу более чем снисходительно, не питая особой надежды на его работу. В университете он слыл довольно средним преподавателем. Не думаю, что близость протовита повлияла на него тонизирующим образом.

Вся беда Бибиоза состояла в невероятности исходной посылки. Он пользовался шкалой понятий, составленной геянами и, следовательно, вершиной своей имеющей геянина. Еще не видя супров и ничего не зная о них, он без тени колебания отнес их к низшим существам.

Но на Рубере такая шкала была лишена смысла: супры и геяне находились на одной ступени взаимного непонимания.

Я пробовал объяснить Бибиозу его ошибку, но он, так часто бывает с узкими специалистами, понял меня превратно — точнее ничего не понял. Я должен был отстранить Бибиоза от работы и «закрыть» возможный контакт. Я не сделал этого. Я виновен.

Но я не чувствую за собой вины в том, что дал разрешение на выстрел торпедой «ноль». Во-первых, я не верил в ее действенность. Она рассчитана на теплокровное существо и работает по принципу эмоционального сверхдопинга, до разрушительной силы умножая чувства. То, что торпеда сработала, — единственный серьезный научный факт, полученный за все время эксплуатации Руберы. Он говорит за то, что супры обладают достаточно высоким уровнем эмоций и, видимо, богатой духовной жизнью — каковы эти эмоции, и какого рода духовная жизнь доступна им, можно только гадать.

Время от времени по Гее проносится эпидемия страха перед звездами. Страх этот настолько заразителен, что вербует сторонников среди людей умных и наделенных властью. Именно в периоды таких эпидемий происходят на Гее вещи, которые гораздо опаснее «мятежа» супров на Рубере — я говорю о возрождении армии.

Мне скажут, что ЗОА — армия нового типа, что у нее иные задачи и другая форма, что вообще обсуждение таких вопросов — вне моей компетенции, но я тоже имею право на страх. Вы боитесь вторжения — я боюсь армии. Вашему страху нет прецедентов, моему — есть. Их много, но самый свежий — Рубера.



Ни консул-капитан Морт Ирис, попросивший разрешение на роковой выстрел, ни три члена МСК, и я в том числе, давшие такое разрешение, ни зистор Кол Либер, задержавший пуск, ни младший зистор Юл Импер, сделавший выстрел без команды, не виновны в случившемся. В нем повинны те, кто послал отряд Армии Звездной Обороны за сотни парсеков от Геи, придав экономически оправданному использованию бесхозного протовита сомнительный привкус военного грабежа.

Трудно быть разумным. Но если мы решились на диалог со Вселенной, надо быть разумным. Без тех условностей и оговорок, которые позволяем себе в стенах своего дома. Только доверившись своему разуму, мы сможем довериться разуму чужому — и только на языке доверия прозвучит наше первое «Здравствуй!»

И это взаимное самоусовершенствование будет главной — если не единственной — пользой Контакта, на который мы еще продолжаем надеяться. Надо взглянуть в глаза этой простой истине и перестать строить пустые иллюзии по поводу «высших» спасителей, которые преподнесут нам невиданное техническое могущество, необозримые духовные силы и спокойную совесть солдата, за которого думают «те, кому положено».

Мы не должны и не будем стоять «смирно» в ожидании разрешения быть счастливыми и вольными.

Мы — разумны. Я верю в это, как ученый и как старый человек, который совершил за свою жизнь очень много ошибок. Что касается прочего, то вы знаете все не хуже меня — телевизионные экраны и каретки газетных информов перегреваются от сообщений с грифом «Рубера». Геяне никак не могут соединить вместе два слова «Рубера» и «никогда».

И все-таки придется соединить. Нам преподан хороший урок космической вежливости — оказывается, пора быть воспитанными. Международному Совету Космонавтики пришлось вычеркнуть Руберу из перспективного плана звездных визитов. Супры отказались принимать нас в своем доме. Мы плохо вели себя. В ближайшие столетия ни один танкер не подойдет к Рубере — нам придется искать другие родники протовита. Этот родник утерян для человечества, и придется с этим смириться. После долгих дебатов Международный Совет Космонавтики вынужден был признать, что на сегодняшний день Гея не располагает средствами для обоюдобезопасного и продуктивного кон-

такта с супрами. Нет и серьезных идей, которые могли бы быть реализованы в ближайшем будущем.

А предложения были. Много предложений. Разных. Начиная от специальных телевизионных передач для супров, реабилитирующих наше достоинство и улучшающих агрессивные нравы «живых атомоходов». И кончая планами поголовного истребления «отвратительных чудовищ» торпедами «ноль», чтобы без помех откачивать протовит в емкости танкеров.

Первое предложение вызвало дружный хохот, второе — не прошло только потому, что какой-то очень робкий молодой человек предъявил прогностические расчеты. С вероятностью тридцать к одному они доказывали изменение химического состава протовита в результате массового забоя и утерю его ценных качеств.

А ведь в наивности первого предложения, сделанного десятилетней девчонкой, было больше смысла и ответственности, чем в атавистической жестокости второго, поданного... Впрочем, неважно, кто подал это предложение. Важно то, что мы еще не научились смеяться над такими вещами. В лучшем случае мы негодуем и стараемся логично доказать обратное. Это очень плохо, когда необходимость добра приходится доказывать. Это значит, что тысячелетия недоверия и ненависти, сделавшие зло почти безусловным рефлексом, еще одинаково живы в крови противников. Но оно должно наступить, время, когда безусловным рефлексом станет добро, когда призыв к злому делу вызовет дружный хохот — этот день станет первым днем Разума!

Ну вот, я увлекся и невольно заговорил откровениями, которых ждали от меня. Я стал в позу пророка и с легким сердцем предсказал лучшие времена. Я даже превысил полномочия — примерял багряную тогу надмирного судьи, обличающего пороки сограждан и, кажется, весьма преуспел. Это позволило мне полюбоваться собой, своей смелостью, своей принципиальностью и эрудицией, своей дальновидностью и любвеобилием. Наивное высокомерие! Все мы хорошо знаем, как не надо делать, но никто не знает определенно, как надо.

Я не могу быть беспристрастным судьей трагедии на Рубере — я сам ее участник. Я вообще не могу быть судьей, ибо любой суд предполагает унификацию вины, а потому несправедлив.

У меня отнюдь не старческий слух, и я часто слышу

за спиной: «А коллега Энцел, кажется, выжил из ума». Это — тоже суд, суд скорый и несправедливый. Мой разум ясен, как никогда, но я вижу теперь не только одежду окружающих, не только их кожу, дряблую или упругую, но и то, что под кожей — красные бугры мышц, оплетенные изощренным голубым орнаментом нервов, переплетение кровеносных сосудов, соеднннивших неразрывно два полюса Жизни — сердце и мозг... Они неразрывны в теле и наполнены одной кровью, они неразрывны в делах — это единство и зовется Разумом, который нести нам в пространства, как лучшее свое достояние.

Я с нежностью вспоминаю тех, с кем свел меня на ЛБ-13 случай в час испытаний. У каждого из нас была своя звезда, и каждый жил на своей планете, и каждый двигался по своей жизненной орбите. Каждый из нас был далек от другого, как звезда от звезды, и знал другого не лучше жителя Альфы Центавра. Но в час опасности одинокие звезды мгновенно превратилнсь в созвездие. И недаром нашим героем стал тот, от которого меньше всего ждали этого — консул-капитан Морт Ирис. Не берусь судить, какие лавины потрясли его душу, но в одну ослепительную секунду он не только узнал, но и сделал как надо.

Мне хочется верить, что не только крайняя опасность соединяет живущих в единый разум, и не только непоправимые ошибки способны изменять закостеневшее понятие. Но если я не прав — то пусть будут опасности и ошибки. Крайние опасности и непоправимые ошибки.

Поучительная история. Научнт она нас чему-либо?

ОПРОКИНУТЫЙ МИР





ЧЕХАРДА

Честно говоря, мне следовало проконсультироваться у психиатра, но из скромности я записался на прием к невропатологу. Скромность — не скажу, единственный, но, пожалуй, главный мой недостаток. Не знаю, кто выдумал, будто скромность украшает человека и что вообще это достоинство, а не порок. Убежден в одном: будь тот человек сам хоть чуточку скромным, он помалкивал бы. По сути дела, трагедия скромных людей в том и состоит, что их попросту никто не замечает. Те же, про кого говорят: «скромные» — чаще всего искусные притворщики. Их не погладь по головке, не похвали, не посули конфетку, они вам покажут, какие они скромники. Они согласны стать кем угодно, лишь бы за это награждали.

Кажется, я сильно отвлекся. Сам поражаюсь, как я еще могу рассуждать о всяких пустяках, когда на душе скребут кошки.

Итак, высидел я свою очередь. На десять рядов изучил санитарные плакаты, вывешенные в коридоре поликлиники. Передо мною прошли человек пятнадцать, а хвост позади не убыл. Но меня это уже не волновало: заветная дверь находилась рядом.

— Следующий! — раздалось из-за нее.

Когда я вошел, сестра продолжала строчить рецепты и назначения больному, который в это время торопливо заправлял рубашку. Доктор записывала что-то в историю болезни. Не поднимая лица, спросила:

— Фамилия?

Я назвал себя.

— Раздевайтесь до пояса. На что жалуетесь?

Я прекрасно отдавал себе отчет, что в этой деловой обстановке не имею права отвлекать врача по пустякам, что явился сюда напрасно, хотел говорить внятно и коротко, с ужасом сознавая, что в моем положении это попросту немыслимо.

— Мне являются привидения,— промямлил я.

Похоже, ни врач, ни сестра не расслышали моих слов. Я растерялся еще больше, быстренько разделся и сложил одежду на спинку стула. Врач между тем взялась за мою карточку и сразу принялась писать.

— Так... Что же вы молчите? Рассказывайте,— поторопила она.

Молоденькая сестра укоризненно взглянула на меня: «Зачем же вы пришли к нам, если молчите?» Эх, не в такой бы обстановке исповедоваться мне! Но идти на попятный было поздно.

— По ночам меня мучают кошмары: мне являются привидения из потустороннего мира,— выпалил я.

Врач даже бровью не повела, перо в ее руке ни на секунду не замедлилось. Интересно, что она там пишет?

— Плохо спите, — вслух подытожила она. — На что еще жалуетесь?

— Можно сказать, совсем не сплю,— уточнил я.

— Когда и с чего это началось?

— Три ночи назад я пробудился от сильной боли...

— В какой области почувствовали боль? Характер болевого ощущения?

— Вот здесь,— рукой показал я на поясницу и торопливо продолжал, испугавшись, что она снова перебьет меня и я так не доберусь до главного: — Вдруг замечаю — моя комната как будто развернулась на сто восемьдесят градусов, дверь очутилась в противоположной стороне. И самое главное...

— Боль была острая, тупая?

— Острая, будто ударило током. Но самое главное: чувствую — в комнате кто-то находится, дышит и сопит. А наш дом старинный, стены полутораметровые, запор на двери у меня надежный — я, знаете ли, с некоторых пор запираюсь изнутри на...

— Хорошо. Прилягте на спину.

Я безропотно выполнял все, что она требовала: ложился, сгибал и разгибал ноги, вставал посреди кабинета, дышал глубоко, потом часто, приседал, закрывал глаза, вытягивал перед собою руки с растопыренными пальцами — все время не переставая говорил.

Честное слово, любой человек на моем месте мог свихнуться в ту кошмарную ночь. Отчетливо помню: я приподнялся на постели и сел — и вдруг в сумраке разглядел силуэт. Кто-то так же, как и я, сидел на моей кровати с другой стороны — там, где находилась стена. Первой мыс-

лью после мгновенного испуга было: «Вижу собственную тень на стене». Я протянул руку — и наткнулся на горячую ладонь. Тот человек так же, как и я, резко отпрянул и провалился в стену. Я зажег свет. В комнате — никого. Но едва я снова лег, как услышал рядом с собою чужое дыхание. Осторожно протянул руку н вторично ощутил прикосновение чьих-то пальцев.

На этот раз я иенадолго обрел способность видеть сквозь стену и разглядел человека в нижнем белье, который так же, как и я, стоял возле выключателя. Потом его застлало туманом и опять на своем месте возникла непроницаемая полутораметровая кирпичная стена. За нею жили мон соседи из другого подъезда.

— Самое поразительное,— говорил я,— что этот кошмар повторился.

— Продолжайте,— поощрила меня врач. Смысл моего рассказа явно не доходил до нее. Точнее, из моих слов она улавливала одни второстепенные сведения. — Стало быть, во вторую ночь вы тоже спали плохо!

— Господи! Да при чем здесь: «плохо спал»? Я же...

— Вам больно?

— Да. По-моему, вы кольнули иглой в правую ступню.

— А теперь?

— В большой палец.

— Согните ногу, расслабьте. — Та-ак. — Оиа легонько ударила по колену молоточком — нога дернулась. — К окулисту вы ие обращались?

Ее вопросы начали бесить меня.

— У меня прекрасное зрение!..

— И все же проверьте.

— Хорошо,— смирился я и продолжал рассказывать: — Назавтра в полночь — то же самое: просыпаюсь от чьего-то прикосновения. Хочу закричать, а у самого язык отнялся...

— Как долго продолжался паралич? — по-своему истолковала врач.

— Господи, какое это имеет значение! Я же вам говорю: привидение! И иа другую ночь оно ж!..

— Боли и паралич повторялись? — продолжала оиа свое.

— Повторялись! Ради бога поймите, что это ерунда. Меня мучают не боли, а привидения!

— Успокойтесь. Вам вредно волноваться. Продолжайте, — профессионально ласковым голосом произнесла она и тут же начала диктовать сестре назначения: — Кровь — общий и РОЭ, моча... внутривенно через день... внутримышечно...

Сестра стремительно заполняла рецепты, бланки назначений и передавала бумажки мне.

— Завтра, к восьми утра, натощак, — наставляла она,— по три раза в день по одной таблетке... передадите в регистратуру... втирание перед сном....

Я не успел заправить рубашку в брюки и рассовать рецепты по карманам, как она позвала:

— Следующий.

Из всего, что мне выписали, помочь могло разве что снотворное, но даже спать непробудно в своей квартире я не решался. Особенно жутко мне было в последнюю ночь. Я отчетливо слышал чьи-то, похоже, пьяные голоса, запомнилась произнесенная вслух фамилия Ивальенков Евсей Архимахович. Нет, возвращаться в свою холостяцкую конуру я не мог. Может, пойти ночевать к знакомым? Только куда? Я давно вышел из возраста, когда принято заваливаться к приятелям запросто, от нечего делать. Да и приятели мои все давно уже стали солидными и семейными людьми. Особой радости, если я вдруг нагряну к ним, никто не испытает.

«Может, пойти в гостиницу?» — осенило меня.

Можно ведь переночевать в вестибюле, сидя в кресле. Тем более, что я ничем не отличаюсь от командированного: в руках у меня портфель, я плохо побрит, брюки и галстук помяты, воротник рубашки несвежий... Никто не заподозрит, что я не местный житель. Пусть-ка привидения попробуют явиться мне в общественном месте, и на них найдется управа.

Я совершенно ободрился и вошел в гостиницу уверенно, потихоньку насвистывая какой-то мотивчик. Его так часто мусолили по радио и телевидению, что и запоминать не требовалось — память тут совершенно не участвовала— мотив просто застрял у меня в мозгу и забудется лишь, когда на него пройдет мода. Спросите у меня, что я насвистывал в позапрошлом году, ни в жизнь не вспомню.

Несколько кресел в вестибюле были еще не заняты— в остальных сидели ожидающие очередь. Неудобно было

сразу усаживаться в кресло — вначале я для проформы направился к администратору.

«Свободных мест нету»,— скажут мне, и тогда я, не вызывая ничьих подозрений, займу любое из кресел.

Но в этот день мне решительно не везло: не раскрыл я и рта, как администратор поспешила обрадовать меня:

— Только что освободилась койка в мужской комнате. Заполните бланк.

Я растерянно оглянулся на сидящих в креслах.

— Ожидают две супружеские пары и четверо женщин,— успокоила меня администратор.— Вы просто счастливчик.

Вот, всегда так: когда мне не везет, все считают меня счастливчиком.

Она протянула мне бланк. Сейчас спросит паспорт, командировочное — и я буду разоблачен.

— Простите... — залепетал я. — Весьма благодарен, но я вовсе... Я зашел узнать, не остановился ли в вашей гостинице некто... Ивальенков Евсей Архимахович,— вдохновенно выпалил я и сам восхитился своей находчивостью: ловко я вывернулся. Сейчас она пороется в регистрационном журнале и скажет: «Никакого Ивальенкова нет». Я был убежден, что человека с таким именем вообще не существует.

— Ива-льенков?.. — переспросила женщина.

— Да-да, Ивальенков, — охотно подтвердил я.

— Ивальенков Евсей Архимахович,— со счастливой улыбкой прочитала она в своем талмуде. — Триста четырнадцатая комната — третий этаж, налево. Кстати, вот и дежурная с третьего этажа. Неля Андреевна, проводите товарища в триста четырнадцатую.

Дежурная задержалась на половине лестничной площадки.

— Извините, пожалуйста, у нас лифт неисправен,— сказала она.

— Что вы, что вы,— пробормотал я,— очень, очень благодарен вам.

Идти на попятный было поздно: я попался в ловушку, которую расставил себе сам.

Боже, в какую нелепую историю я влип! Откуда было взяться этому Ивальенкову да еще Евсею Архимаховичу? Что я ему скажу?

Лестничные ступеньки были покрыты ковровой дорожкой. В нескольких местах металлические стержни, кото-

рые на перегибах прижимали ее к ступенькам, тихонько позвякивали — такое впечатление, будто на ногах у меня шпоры.

Хорошо, если Евсея Архимаховича не окажется в номере. Интересно, как должен выглядеть человек с таким необычным именем? Что я буду говорить, когда столкнусь с ним нос к носу? Врать я совершенно не умею. По моему лицу даже грудной младенец разоблачит меня.

— Вам тяжело идти? — участливо спросила дежурная, заметив, что у меня подгибаются ноги. — Осталось немного. Клиент из триста четырнадцатого ждет вас. Он очень беспокоился и весь день никуда не отлучался — боялся разминуться с вами. Вы очень обрадуете его.

Надо полагать, я изменился в лице: дежурная не на шутку встревожилась.

— Может быть, вам лучше присесть?

— Нет, нет. Благодарю вас, вы очень любезны, вы абсолютно не представляете себе, какая вы милая и славная женщина,— бормотал я, не сознавая что говорю.

Вот и триста четырнадцатый. Сердце у меня замерло. Дежурная легонько постучала в дверь, и она сразу же распахнулась.

— Да, да, войдите.

Евсей Архимахович был в майке и пижамных брюках. Из-под майки гляделась могучая волосатая грудь. Тугие бицепсы вызывали невольно уважение к этому крепышу.

— Простите, кажется, я ошибся,— произнес я и приготовился ретироваться.

— Вы шутите, Платон Антонович,— воскликнул Ивальенков и почти силой втащил меня в номер.

«Откуда ему известно мое имя?»

Сопротивляться было бессмысленно — я позволил ему снять с себя пальто и шляпу.

— Как я боялся, что вы не запомнили мой номер и не придете, — говорил он, глядя мне в лицо своими добрыми ничуть не страшными карими глазами. Они у него были круглыми и маленькими и прятались в таких густых зарослях бровей и ресниц, что делали его похожим на пуделя.

Поразительней всего то, что мне и самому казалось, будто мы уже были знакомы с ним раньше.

— Без церемоний, Платон Антонович, будьте как дома. — Он предложил мне сесть. Я выбрал стул. Кресло выглядело хлипким, к тому же было очень низким.

Евсей Архимахович извлек из шкафа пижаму, оглядел

ее и швырнул обратно, достал белую рубашку, пиджак и стал торопливо одеваться.

— Я в таком виде. Мне просто совестно,— заявил он, благодушно поглядывая на меня.

Разрази меня громом, но именно этот голос слышался мне вчера ночью.

«Нет, я непременно должен обратиться к психиатру»,— мысленно дал я себе зарок. Завтра же. А сейчас— смываюсь. Я решительно поднялся.

— Пожалуйста, не сердитесь на меня... — сказал я, но он не дал мне закончить.

— Сердиться, на вас? Какая чушь!

Я набрался мужества и продолжал:

— Дело в том, что я никак не могу вспомнить, где встречал вас раньше.

— Как? — опешил он и с минуту смотрел на меня выпучив глаза.

— Прошу вас, не судите меня строго! — воскликнул я. — С моей памятью творится что-то необъяснимое.

— При чем здесь память? Вы сегодня опохмелялись? — участливо спросил он.

— Опохмелялся?.. — переспросил я. — Но я уже три месяца ни капли спиртного в рот не брал.

— Ха-ха-ха,— он едва не задохнулся от смеха. — Ну и шутник же вы, Платон Антонович, — погрозил он мне пальцем. — Мы же вчера опорожнили с вами три бутылки коньяку — весь ваш запас к Новому году. Вы хотели сохранить его до праздника. А выставили все три бутылки одну за другой. И откуда? Из книжного шкафа. Умора! Я и не помню, как добрался в свой номер. Сейчас я возвращу вам память.

Он говорил это, прерывая себя смехом, и деловито накрывал на стол. У него все было заготовлено: коньяк, ветчина, сыр, хлеб — полный холостяцкий ужин.

Более всего меня изумило, что он знал про коньяк, который я сберегал к Новому году — хотел сочинить небольшую пирушку, пригласить кой-кого из своих сослуживцев. Я считал себя обязанным сделать это. И все три бутылки точно прятал в шкафу среди книг. Соседка по коммунальной квартире имела скверную привычку совать нос в мою комнату, а потом распускала самые нелепые слухи. По ее мнению, я тайный пропойца и фальшивомонетчик.

— Ну, у вас и соседка! — Евсей Архимахович совсем зашелся от смеха. — Вот уж ведьма, так ведьма. Как она вас сегодня встретила?

— Да так... — пробормотал я.

— Представляю. Очень даже представляю, — заверил он меня и вонзил в пробку гостиничный штопор. — Итак, по маленькой, чтобы голова прояснилась.

Он налил в рюмки. Мы чокнулись. Господи, если бы это зелье в самом деле могло прояснить мою память! Напротив, чем дальше, тем запутаннее все становилось.

Кто-то робко и тихо стучал в дверь. Я открыл глаза и моментально вспомнил все. Накануне вечером Евсей Архимахович так и не выпустил меня из своего номера: уложил спать в постель, сам устроился в кресле.

Сейчас кресло было пустым, в нем лежало одно скомканное одеяло. Я так крепко спал, что не слышал, когда он вышел. Должно быть, побежал за сигаретами и пивом — он еще с вечера говорил об этом.

Я босиком протрусил к двери и открыл. И нос к носу столкнулся с коридорной — она даже отшатнулась от меня. Не удивительно: с похмелья я всегда выгляжу скверно. К тому же на мне кроме трусов и проношенной до дыр майки ничего не надето.

Коридорная через мое плечо заглянула в номер, и лицо ее вытянулось.

— Клиент из триста четырнадцатого предупреждал с вечера, чтобы его разбудили,— сказала она растерянно и еще раз подозрительно оглядела меня с головы до ног.

Я осторожно притворил дверь. Сердце колотилось возбужденно в смутном предчувствии больших неприятностей. Куда исчез Ивальенков? Коридорная явно озадачена этим. Мне совсем не хотелось объясняться с нею по этому поводу.

Дурные предчувствия всегда сбываются. Не успел я привести себя в порядок — в номер постучали вторично. На этот раз громко и требовательно.

В дверях стояли трое: вчерашняя дежурная, коридорная и... милиционер.

— Здравствуйте,— коротко бросил милиционер, и все трое вошли в номер.

Видимо, они уже обсуждали случившееся и при мне продолжали начатый разговор.

— Возможно, он иностранный агент, — высказала предположение корндорная.

«Чушь, не может этого быть», — промелькнуло у меня.

— Не думаю,— возразила дежурная, глядя на меня.

Я похолодел. Во тебе на! Это они меня принимают за агента. Какой же я агент? Я даже и не одет.

Милиционер, глядя на меня, с сомнением покачал головой: ему тоже было ясно, что человек, голый до пояса, не может быть шпионом.

— Одевайтесь,— милостиво разрешил он.

Воротник рубашки был несвежим, галстук помят и скомкан. Чертовски неприятно одеваться при посторонних, особенно при женщинах. Я краснел, сопел и никак не попадал в рукава.

— Говорите, посторонний? — спросил милиционер.

— Посторонний, — подтвердила дежурная. — Вечером просил провести его в номер. Жилец ожидал гостя и я... — Она говорила так, словно в чем-то оправдывалась: видимо, признавала за собой вину.

— Вы ничего не заподозрили?

— Н-нет... — Впрочем,— замялась дежурная.—Очень уж он был вежлив: «Благодарю вас. Вы очень любезны. Извините...»

— Может быть, он все-таки иностранец, — предположил милиционер и вновь оглядел меня, решая в уме, на кого именно из иностранцев больше всего похожу я. — Ду ю спик инглиш? — спросил он.

— Нэу ай эм нот спик,— ответил я по-английски со скверным акцентом.

— Шпрехен зи дойч?

— Найн,— коротко сказал я.

— Парле у франсе?

Состязаться с этим полиглотом я не мог и перешел на русский:

— Нет, французского тоже не знаю.

Он спросил еще по-испански, по-итальянски. Я отвечал: «нет».

— Стало быть, вы русский?

— Русский,— сознался я.

— Почему вы ночевали в чужом номере?

— Встретился с товарищем... то да се,— промямлил я, полагая, что милиционер поймет меня. — Возвращаться домой было поздно...

— Куда вы девали жильца из этого номера?

— Он вышел за сигаретами.

Коридорная возмущенно замахала руками.

— Никто не выходил. Я никуда не отлучалась.

— Но человека нет,— настаивал я.

— По вашему, я спала?! — накинулась на меня коридорная. — Я работаю восемнадцать лет...

Но я отлично видел, что цели уже достиг: ни милиционер, ни дежурная не верили ей.

На всякий случай милиционер заглянул в туалет и в шкаф. Больше спрятать человека в номере негде. Вид у него был обескураженный: он тоже недоумевал, как ему следует поступать. С одной стороны, исчез человек, а с другой, никаких свидетельств преступления.

— Мне пора на службу,— сказал я.

— М-м... — еще больше озадачился он. — Вы где работаете?

Я назвал свою контору.

— Фамилия, имя?.. Ваши документы.

К счастью, паспорт и даже профсоюзный билет находились при мне.

На улице я облегченно вздохнул и мысленно зарекся когда-либо еще переступать порог гостиницы в своем городе: кроме неприятностей, это ничего не сулит.

Время у меня еще было, я решил по пути завернуть в поликлинику. Любые назначения врача я выполнял безропотно. Таков уж у меня характер. В конце концов, со мной ничего не случится, если я потеряю несколько капель крови.

Прежде чем отправиться в процедурную, я решил записаться на прием к невропатологу вторично: буду просить, чтобы меня назначили в психиатрическую клинику на обследование. Откладывать дальше нельзя. По убеждениям я материалист и твердо знаю: если человеку являются привидения, необходимо лечиться.

Сестра долго рылась в картотеке.

— Говорите, вчера были на приеме?

— Совершенно верно — вчера, — подтвердил я.

Она пролистнула подшитые листки в моей карточке и неодобрительно взглянула на меня.

— Не были вы вчера у врача,— укорила она меня.— Зачем же обманывать? Последний раз вы приходили в марте к зубному.

— Не может этого быть!

Она раскрыла передо мной последнюю страницу. Я узнал чернильное пятно, неосторожно оставленное в моей карточке шесть месяцев назад, когда запись делала зубной врач, — это я помню отчетливо. Следующие страницы были совершенно чистыми — ни единой строчки.

Надо полагать, вид у меня был странный: все время, пока я шел по коридору, встречные смотрели на меня удивленно. Кое-кто сочувственно.

Только выйдя на улицу, я сообразил: мне следует хотя бы закрыть рот. Все происшедшее не укладывалось в голове.

«Гиблое мое дело: не миновать психбольницы,— подумал я. — Хорошо еще, если разрешат взять с собой домашнюю пижаму».

На прием к врачу нужно было явиться в три часа, и я отправился на службу. Окунувшись в привычную обстановку, в трескотню арифмометров и счетов, я почувствовал себя уверенней. Ивальенков, наверное, давно уже возвратился в номер, и мне ничто не угрожает.

Проверить это было нетрудно: позвонить в гостиницу и спросить. Но воспользоваться служебным телефоном я не рискнул: мало ли что могут заподозрить. Налегке выбежал на улицу. Ближний автомат был наискосок от нас. Первые две монеты истратил, чтобы узнать нужный номер. Я решил позвонить дежурной на третьем этаже.

— Попросите, пожалуйста, Ивальенкова Евсея Архимаховича, — сказал я в трубку. — Не помню, в каком он номере поселился, — нарочно соврал я: у меня вдруг мелькнула обнадеживающая мысль — а что если никакого Ивальенкова и не было?

— Одну минуту...—Мне слышно было, как дежурная листала у себя на столе. — Ивальенков живет в триста четырнадцатом,— сообщила она.— Побудьте минутку у телефона, взгляну у себя ли он.

Я вздохнул и повесил трубку. Все же наполовину мое положение облегчилось: поскольку Ивальенков отыскался, никаких неприятностей мне не угрожает, в милицию не будут вызывать.

Но только успел я подумать это, как тут же возникло сомнение. Коридорная недавно сменилась и ничего не знает об утреннем происшествии. А на самом деле Ивальенкова разыскивают повсюду — весь угрозыск поставлен на ноги.

Я нашарил в кармане еще один двояк и позвонил вторично.

— Это вы только что спрашивали Ивальенкова? — спросила дежурная.

— Нет, не я,— непонятно для чего соврал я.

Она, должно быть, не расслышала.

— В номере его нет. Позвоните позднее.

Я осторожно повесил трубку и вышел из будки.

Итак, успокаиваться рано: мои злоключения еще не кончились.

Возможно, Ивальенков не отыщется. Что будет тогда, я даже боялся представить себе. Милиционер не зря записал мое имя и адрес. Так что самый лучший для меня выход — попасть в психиатрическую клинику. Хорошо, если меня признают ненормальным. Очень уж обыденные вещи грезились мне: голоса, собственное отражение. Какие же это привидения? Так, ерундистика. С каждым бывает.

— Платон Антонович! — раздался знакомый голос.

Я оглянулся — и гора свалилась с моих плеч: меня догонял вчерашний знакомый.

— Евсей Архимахович! — с чувством воскликнул я.

— У вас изумительная память. Обыкновенно никто не запоминает моего имени с одного разу. Почему вы не подаете о себе вестей? Я совсем сбился с ног. Уже и на квартире побывал, и там всех переполошил. И вы знаете,— он вдруг расхохотался на всю улицу. — Знаете, что придумала ваша соседка. Она заподозрила, не похитил ли я вас, тайком позвонила в милицию. Мы вместе с милиционером звонили на службу, там ответили, что вас не было.

Все это он обрушил на меня. Признаюсь, я был сражен наповал. Все как есть было наоборот: исчез не я, а он. Это его должна разыскивать милиция, а вовсе не меня. И на службе не могли сказать, что меня не было— я только что оттуда, вышел на минуту. Неужели кто-нибудь подшутил? Но сегодня не первое апреля. Все мои сослуживцы люди почтенные и солидные — шутят один раз в году.

Я хотел высказать все это, но он не дал мне раскрыть рта. Его распирало от новостей.

И все решительно получалось вывернутым наизнанку: оказывается, вчерашний вечер мы провели не в гостинице, а у меня, и опять — выходило вторично! — выпили коньяк, который я спрятал в книжном шкафу. А утром,

когда он проснулся, меня не оказалось в комнате. Соседка заподозрила неладное и вызвала милицию. То, что соседка могла заподозрить кого угодно и проявить бдительность, не удивительно: она запоем читала все книжки из серии «Подвиг» и не пропустила ни одного многосерийного телевизионного фильма.

— Но и вы тоже хороши: уверяли меня, будто мы пьем три бутылки коньяку вторично.

Он смеялся так громко и заразительно, что на нас оглядывались. Я готов был провалиться сквозь асфальт.

— Хорошо еще, милиционер здравый ум не потерял, записал мою фамилию, имя и отпустил с богом. А сколько он языков знает — уму непостижимо. «Спик ю инглишь?» «Шпрехен зи дойч?»...

У меня опять зашел ум за разум. Милиционер был тот же самый. Получалось, что Ивальенков дважды выпил мой коньяк, и, как он заверяет, вместе со мною. Нет, от психиатрической клиники меня ничто теперь не спасет. Я сообщил ему, что иду в поликлинику.

— Никаких поликлиник! — обиделся он. — Утром я уезжаю, а вы не хотите побывать у меня в номере. Так негоже. Мы же вчера условились.

Насколько я помнил, мы условились, что проведем вечер у меня. Но я уже и не пытался распутать эту головоломку. Мы направились в гостиницу.

— Взгляните, как я устроился,— сказал он, распахивая дверь. — Первый раз в жизни повезло на одноместный номер. Князь! Сам себе князь.

Когда я раздевался, у меня вновь нарушилась пространственная ориентировка: как будто все повернулось на сто восемьдесят градусов. Даже голова закружилась.

Евсей Архимахович засуетился по-вчерашнему. Стал накрывать стол.

Внезапно в двери щелкнул замок, и она распахнулась. На пороге появились милиционер и коридорная — у нее Ивальенков только что брал ключ.

— Чем обязан? — вежливо, но с ноткою раздражения в голосе спросил Евсей Архимахович.

— Как вы проникли в номер? — изумился милиционер.

— Мы не проникли. Я взял ключ у нее, отомкнул дверь, и мы с Платоном Антоновичем вошли. Не понимаю...

— Это неправда! — перебила его коридорная. — С

утра, как приняла дежурство, не спускаю глаз с этой двери. А ключ — вот он, у вас в руках,— сказала она милиционеру.

— .Как же это получается, дорогие товарищи? — поинтересовался милиционер, глядя на нас с Евсеем Архимаховичем. — Мы вас разыскиваем по всему городу, а вы тайком заперлись в номере. И вы, — обратился он ко мне,— тоже хороши. Обещали быть на службе, а вас нигде нету. Мы просто сбились с ног. Вот и они,— показал он на Ивальенкова,— помогали разыскивать вас.

— Совершенно справедливо,— подтвердил мой компаньон. — Но все равно это не повод врываться в номер без спросу...

— Позвольте,— перебил его милиционер, — это вы неизвестно как проникли в дверь, да еще начинаете морочить...

— Вот видите,— в сердцах воскликнул Евсей Архимахович. Все посмотрели на угол стола, куда был нацелен указательный перст Ивальенкова — ключ от номера лежал там.

— Не прошло и пяти минут, как вы сами,— повернулся он к коридорной,— вручили мне его в руки, а теперь уверяете...

Он так и не договорил. Я заметил как его глаза удивлению выкруглились. Я опять испытал легкий приступ тошноты: у меня нарушилась пространственная координация. И, видимо, не только у меня. У милиционера и у коридорной враз изумленно вытянулись лица.

В противоположной стороне гостиничного номера неожиданно появилась вторая входная дверь. Мы не пришли еще в себя, как она открылась и...

На этот раз все совершилось наяву при дневном свете. В тесную комнатушку вошли еще четверо. Троих я узнал: это были двойники милиционера, коридорной и моего нового приятеля. Четвертый — пожилой неопрятный субъект с пугливыми бегающими глазками — также показался знакомым, только я решительно не мог вспомнить, где встречал его прежде.

Видимо, догадка пришла в наши головы одновременно: мы оба распрямили плечи и стали походить на боевых петухов.

Сужу об этом по тому, как выглядел он.

Не знаю, сколько времени длилась бы эта немая сцена, не возникни в обеих дверях еще одной пары близне-

цов — оба невысокие, в очках, с одинаковыми улыбочками на бледных губах. Немолодые. Оба приветствовали нас одними и теми же словами:

— Здравствуйте, уважаемые товарищи. От всего коллектива нашего института приносим вам глубочайшее извинение...

Они замолчали, переглянулись друг с другом, каждый приветливо улыбнулся своему двойнику. Потом очень скоро знаками договорились между собой: один из них присел на краешек постели с милостивого разрешения сразу двоих Ивальенковых, другой продолжал говорить.

— Прошу вас ничему ие удивляться. Все происходящее с вами имеет строго научное объяснение. Наш институт изучает свойства материального пространства. Теоретические расчеты показали, что пространство, в котором мы с вами живем, не могло бы существовать, если бы в природе ие было антипространства. Свойства обеих пространств во всем идентичны — это как бы наш мнр, отраженный в зеркале. Не буду приводить математических формул — это заняло бы слишком много времени. В нашем распоряжении всего несколько минут. Наш институт проводил опыты. Необходимо было удостовериться в правильности теоретических расчетов...

Пока ои говорил, все молчали, переглядываясь друг с другом. Не знаю, все ли внимательно слушали ученого и до всех ли дошел смысл происшедшего феномена. Обе коридорные исподтишка приводили себя в порядок: достали из одинаковых сумочек карманные зеркала, губную помаду и пудру... Евсеи Архимаховичи дружелюбно подмигивали один другому — они явно не прочь были отметить встречу выпивкой. Милиционеры держались строго официально. Думаю, что им больше всего хотелось проверить документы у всех, кто собрался. Я тоже слушал рассеянно. Но основной смысл, кажется, уловил.

Одним словом, опыт удался. Правда, не совсем так, как было рассчитано. По их предположению два взаимио отраженных пространства должны были совместиться в лаборатории института, случилось же непредвиденное: вместо одного — два контакта, и оба за пределами иинститутских стеи. Несколько дней потратили, чтобы установить место контакта. А теперь, когда они, наконец, выяснили это, опыт должен быть немедленно прекращен. Приборы зарегистрировали иарушение в цепи причинных явлений. По едииодушному мнению экстренного учебного совета,

причина нарушения в том, что кто-то из нас побывал не в своем пространстве.

— Осталась последняя минута. Пожалуйста, разберитесь, кто из вас оказался в антипространстве и выйдите через дверь, противоположную той, в которую вошли сюда.

Я переглянулся со своим двойником. Ясно было: вся кутерьма с нарушением причинности по нашей вине.

Мы немного замешкались. Потом он решительно направился к одной из дверей. Мне не оставалось ничего другого, как довериться ему—я вышел в противоположную дверь. В тесноте мы даже затронули друг друга. Хорошо, что он был не из антимира, а всего лишь из антипространства — произошла бы катастрофа.

На следующее утро, развернув газету, я остолбенел. Вначале подумал, что почтальон перепутал: в мой ящик опустил чью-то иностранную газету по ошибке. Но очень уж газета была чем-то удивительно знакома мне. В следующее мгновение я догадался: газету напечатали наоборот — справа налево. Знаете: точь-в-точь как бывает, если в печатную машинку заложить копирку не той стороной. Текст прочесть можно только в зеркале. Видимо, оттиск сделали с изнанки матрицы. Не представляю, как это можно. Я решил позабавить сослуживцев и захватил газету с собой.

— Газета, как газета, — заявил первый же, кому я показал диковинку. — Не понимаю, что вы находите особенного.

— Так... — я осекся на полуслове: кто же поверит мне, если я скажу правду!

Нужно незамедлительно бить тревогу. Кто знает, какие еще причинные связи нарушатся теперь.

Я решительно не мог вспомнить название института, который занимается проблемой антипространства. К кому не обращался — пожимают плечами.

Позвонил Евсею Архимаховичу. Из гостиницы ответили:

— Ивальенков убыл.

Коридорная, когда я разыскал ее на квартире — она уже сдала дежурство, — ничего не хотела понять.

— Да, да, триста четырнадцатый номер вчера закрыли на ремонт — там осыпалась штукатурка. Да, я видела вас вчера. Мой двойник? Ничего не понимаю. Помню: там при-

сутствовала какая-то женщнна, пожилая и крашеная. При чем здесь я?

Милициоиер встретил меня очень любезно.

— Вы напрасно волнуетесь. Если бы возникла необходимость, мы бы вас вызвали. Говорите, двойник? — вежливо усмехнулся он. — Ну, это ваше воображение. Такие вещи случаются только в кино. Да, там был сотрудник из другого отделения. Вы хотите отыскать его? Он — это я! Простите, тут какое-то недоразумение. Я служу в милиции третий год, а тот был почти мальчишка. Нет, нет, я не знаком с ним.

Что же теперь будет?!

Этот рассказ — мой последиий шанс. Возможно, он попадется на глаза кому-нибудь из сотрудников института. И я смогу возвратиться в свой настоящий мир.

Помогите же мне!

БОРИС ЛАПИН

ОПРОКИНУТЫЙ МИР

Бурьянов еще раз пробежал всю длинную трассу своих расчетов — двенадцать страниц, мелко исписанных цифрами и формулами. Это было похоже на полосу препятствий, когда впервые выходишь на старт и каждый барьер, каждая канава таят неожиданности и каверзы. Но ошибки не обнаружилось. Этап за этапом неумолимо вел к финишу, от которого у любого здравомыслящего волосы встали бы дыбом. «К счастью, — подумал Бурьянов, — пока освоишься в этих дебрях, волос уже не остается. Или почти не остается. Иначе физиков и математиков двадцатого века узнавали бы по вздыбленной шевелюре. А ведь у Дау волосы и в самом деле торчком торчали. И у Эйнштейна тоже».

Итог вычислений никак не устраивал Бурьянова. От такого итога рукой подать до чертовщины, до ведьм и вурдалаков. Хоть на голову становись, лишь бы что-то поиять. Вот и апеллируй после этого к точнейшей из иаук!

Впрочем... Впрочем, история знает десятки случаев, когда «сумасшедшая» математическая идея оборачивалась непреложной истиной. Взять хотя бы старика Эвклида. Два тысячелетия никто ие мог обосновать его пятый постулат о параллельных линиях, и сотни тщетных попыток доказательства скапливались в архивах математических курьезов, пока молодой, еще никому не ведомый профессор из Казани не пришел к дерзкой мысли: сконструировать некую новую геометрию иа допущении, что пятый постулат Эвклида неверен, и самой абсурдностью этой геометрии «от противного» доказать истинность постулата. Вот тут-то он и убедился, что доказать Эвклидов постулат невозможно. Вероятно, в первую минуту Лобачевский был ошарашен не меньше, чем сейчас он, Бурьянов... Или вспомнить, как изумился Поль Дирак, получив при извлечении квадратного корня элементарную частицу со зиаком минус. Это казалось чистым безумием, пока через несколько лет

не открыли антиэлектрон — позитрон. А теперь это азы. Математика безжалостно логичиа. Она не просто язык науки, очевидно, оиа отражает объективную реальиость мира, если столько физических открытий родилось на коичике пера математика. Что ж, тем хуже. Значит, если он нигде не ошибся, приходится допустить, что... Черт знает что приходится допустить...

Выбираясь из неизбежного, беспощадного, безжалостного мира формул, из этих пугающих своей несуразностью дебрей, он вылез из-за стола и прильнул к стеклу вспотевшим лбом.

Там, за стеклом, было темно, как бывает темно в городе безлунной ночью. Потом рядом медлеино проплыла, испуская крохотные искры, какая-то совсем земная рыбешка. Когда она скрылась из виду и растаял за нею голубоватый след в воде, Бурьянов заметил, что даль океана в иллюминаторе слабо светится. Вероятно, наверху начинался рассвет. Или просто фосфоресцировал океан. Или собралась стая светящихся рыбок. Впрочем, что ему за дело до какого-то свечения — пора было возвращаться на Остров.

— Ваше благородие, не спите? — раздался в динамике голос Зинура.

— Какого дьявола? — проворчал Бурьянов.

— Простите, что побеспокоил вас, мэтр. Будьте так любезны, приблизьте к иллюминатору вашу глубокомысленную физиономию, и вы увидите зрелище, достойное ваших премудрых глаз.

— Вижу. Ну и что?

— Боже, какой снобизм! — возмутился у себя в рулевой рубке Зинур. — Светило науки, первый иа Плаиете доктор — и такое пренебрежение прекрасиым зрелищем, имя которому — тайна...

— Отстань.

— Нет, я серьезио. Чует сердце, там что-то забавное. Свернем на минутку?

— Следуй своим курсом и ие виляй, как начинающий велосипедист. Мы не на прогулке.

— Слушаюсь, капитан! — бодро крикнул Зинур, и в то же мгиовение Бурьянов почувствовал, что «Сирена» меняет курс.

— Это хамство, Зинур! Ты ведешь себя, как всадник в коиннце Чингисхана.

— А вы, мэтр, ведете себя, как счетная машина. Как будильник, заведенный на без пятнадцати семь. Как робот, лишенный...

— Мальчики, умоляю вас, заткнитесь,— сказала Светлана, океанолог. — Бурьянчик, это правда что-то забавное. Я бы не прочь выскочить на минутку, а?

Голос у нее был какой-то вялый, разморенный, все-таки жарко в наблюдательном отсеке из-за этих фонарей, а в каюту ее не загонишь. Вот и сейчас лежит, наверное, как на пляже, раскинув телеса и сбросив вопреки инструкции комбинезон. Просто удивительно, что два тщедушных прожектора так нагревают камеру для наблюдателя. От одного только голоса Светланы его разморило.

— Валяйте, валяйте, ребята,— сказал он лениво. — Делайте что хотите. Можете распилить «Сирену» циркульной пилой. Можете выбить кирпичом иллюминаторы...

— Где же здесь найдешь кирпич? — резонно заметил Зинур. — Уж не эти ли рыбешки наладили на Планете производство строительных материа...

Он осекся. Бурьянов безотчетно глянул в иллюминатор — и вздрогнул. Сквозь зеленоватую, чуть подсвеченную толщу воды на них медленно наплывала... пирамида. Самая настоящая, сложенная из гигантских камней.

— Мальчики, видите? — первой подала голос Светлана. — Или это галлюцинация?

— Мы все сходим с ума,— отозвался Бурьянов, не отрывая глаз от этого кошмарного видения: он еще никак не мог поверить, что пирамида — явь.

— Братцы, клянусь аллахом, мы что-то открыли! — крикнул Зинур.

— А кто недавно клялся аллахом, что Планета необитаема?

— Ну, допустим, и ты не очень-то...

— Светочка,— сказал Бурьянов, — включи кинокамеру, уж покажем мы сегодня на Острове картину!

— Включила.

— Братцы, ура! Вот это повезло! А ведь могли пройти мимо и не заметить. Бурьян, пляши, старый черт! И учти, с тебя полагается, — неистовствовал в рубке Зинур. — Даю полный.

— Смотри, не сшиби пирамиду.

— Будь спок. Я хоть и потомок Чингисхана, однако же вовсе не разрушитель цивилизаций.

Зинур был в общем парень ничего, надо отдать ему

должное, но Бурьянов все-таки чуточку недолюбливал его: уж слишком избалован. Да еще, может быть, из-за Светланы, хотя в этом Бурьянов не рискнул бы признаться даже самому себе. Прежде он как-то и не замечал Зинура, знал, что есть такой инженер, насмешник и задира, только и всего. Но за несколько вылазок на «Сирене», маленькой подводной лодке для исследования Океана, они сдружились. Дружба их проявилась весьма своеобразно: Зинур постоянно подтрунивал над Бурьяновым, а Бурьянов этого не переносил, бесился, раздражался, но терпел, как, наверное, и все остальные терпели штучки Зинура.

Зинур был одним из тех, кто участвовал в Первой экспедиции на Планету. Ему повезло, еще бы — первая экспедиция на первую вне Солнечной системы планету! Да что там, всему экипажу повезло. Во избежание разочарований психологи настроили их скептически: вряд ли следует ожидать каких-нибудь потрясающих открытий от первого знакомства с Большим Космосом, даже по теории вероятностей это невозможно. А они нашли планету, сплошь покрытую океаном, и сфотографировали косяки рыбок в нем. А они обнаружили единственный на планете островок, пригодный для базы, благодаря чему в короткий срок была организована вторая экспедиция. И они предложили назвать эту первую чужую планету просто Планетой, океан — просто Океаном, а остров — просто Островом, и это всем показалось разумно и красиво.

И вот Зинур — участник Второй экспедиции, а лавры все еще не опали с его головы. Немудрено, что ему прощается многое из того, чего не простили бы никому другому. Подтрунивание над уважаемыми людьми. Эксперименты с действующей техникой. И даже нескрываемое ухаживание за Светланой, одной из трех в экспедиции женщин.

Говорят, из-за него Светочка имела пренеприятный разговор с шефом. Говорят даже, шеф пригрозил домашним арестом, если она «не пресечет». Будто бы шеф сказал ей:

— К сожалению, в составе экипажа не предусмотрена акушерка.

А Светлана будто бы ответила:

— Если со мной случится такое несчастье, из вас выйдет отличная повивальная бабка — судя по вашей склонности к сплетням.

И стала напропалую кокетничать с шефом, так что он,

говорят, белого света невзвидел. Какой уж тут домашний арест!

Зато дело Светлана знала — дай бог всякому. И если была по-настоящему влюблена, то, конечно, не в Зинура, а в Океан. Только под водой, на «Сирене», чувствовала она себя в своей стихии. База — космический корабль на Острове — была для нее чем-то вроде дома отдыха, где она скучала без настоящей работы, бесилась сама и бесила других. Шефа, например. Или, иногда, Бурьянова, хотя он и виду не подавал. И все-таки Бурьянову не нравилось ее отношение к Зинуру. Подумаешь, участник Первой экспедиции! Просто повезло...

А теперь, кажется, повезло им всем. И если эта пирамида — действнтельно пирамида, а не причудливая подводная скала и не оптический обман, будет совсем здорово. Тогда премудрые рассуждения ученых на Земле о том, что разумная жизнь во Вселенной — редкость, полетят в преисподнюю, потому что теорию вероятностей, на которую они так любят ссылаться, им не обойти, а пирамида, найденная на первой же плаиете, опрокинет все их вероятностные расчеты. Хочешь не хочешь — создание разумных существ!

В каюте стало темно — «Сирена» вошла в тень пирамиды, заслонявшей теперь весь горизонт.

— Братцы,— сказал Зинур совсем другим, не свойственным ему тоном. — А вы не подумали? Когда-то здесь был материк.

Ему никто не ответил. Это было очевидно, и это, и многое другое, о чем пока не хотелось рассуждать вслух.

— Бурьянчик, уж ты не сердись,— послышался голос Светлаиы и какое-то шуршание, наверное, она натягивала комбинезон. — Как хочешь, а я должна выскочить.

— Насколько я знаю, Светочка, ты океанолог. А тут что-то вроде пирамнды. Так что выскочить придется мне.

Оиа вздохнула, смолчала. И вдруг влетела в каюту, одетая по-пляжному, разгоряченная, стремительная — и бросилась ему на шею.

— Ну, Бурьянчик, миленький, ну что тебе стоит? Я всего на минутку...

От нее пахло раскаленным песком, солнцем и морем. Полузабытые, кружащие голову запахи Земли...

«Значит, не надевала комбинезон, а снимала, — догадался Бурьянов. — Значит, специально для агитации. Нашла дурака!»

— Ладно, Бурьянчик? Ты же добренький, ты умненький, ты хорошенький. Ладно?

— Ты же знаешь, девятый пункт инструкции строго-настрого...

— Ну, хочешь, поцелую?

— Поцеловать, конечно, можешь, но...

Она поцеловала его. Зинур у себя в рубке невозмутимо насвистывал, словно и не слышал ничего. Бурьянов представил его кислую физиономию — и смягчился.

— Ладно, плевать на инструкцию. Идем вместе. Только комбинезон надеть не забудь.

Удивительно, ее спина и ноги были такими загорелыми, будто она сейчас с пляжа, будто и не прошло трех лет со дня, когда они покинули Землю.

* * *

«Вот она, моя счастливая звезда! — думал Бурьянов, торопливо влезая в скафандр для подводных прогулок.— Это же надо, вся жизнь — такая нелепость, что нарочно не придумаешь, сплошное торжество случайного и посрамление вероятного, а каков итог! Спасибо старику Куцеву, если бы не он...»

Когда набирали экипаж для Второй экспедиции на Планету, Бурьянова включили в список кандидатов. Талантливый математик и физик-теоретик, человек сравнительно молодой, здоровяк, спортсмен — как говорится, по всем статьям. Сначала Петр Петрович обрадовался, даже возгордился, о такой работе можно было только мечтать. Но чем ближе к старту, тем больше и больше начал призадумываться, а войдя в кабинет академика Куцева, которому принадлежало последнее слово, сказал прямо:

— Позвольте поблагодарить за доверие, но... принять участие в экспедиции я не смогу.

Старик Куцев удивился.

— Не сможете? Это почему же?

— Не хочу, чтоб из-за меня экспедиция попала в какую-нибудь скверную историю. Надо мной тяготеет рок.

— Рог? — не понял Куцев. — Какой рог?

И Бурьянов поведал грустную историю своей жизни.

— Начать с того, что я — это вовсе не я, не Бурьянов. Кто? А черт его знает, кто, во всяком случае, не я. Лет до десяти я был уверен, что я — это я. Но уже тогда заметил, что мать посматривает на меня как-то изучающе,

с тревогой, а отец — и вовсе как на пустое место. Дело в том, что в родильном доме меня подменили.

...Когда мать впервые принесла его домой и развернула, чтобы перепеленать, она тихонько вскрикнула и упала без чувств. Отец перепугался: в чем дело?

— Знаешь, Петя... страшно сказать,— едва оправившись от шока, прошептала мать,— это не наш Петенька. Это чужой.

— То есть как — чужой?!

— Точно. Теперь я абсолютно уверена. У нашего вот здесь, на ручке, было родимое пятно, я еще подумала, некрасиво, на самом видном месте... — И она разрыдалась.

Наскоро запеленав чужого ребенка, они помчались обратно в родильный дом, но та, другая женщина, которой достался настоящий Бурьянов, уже выписалась и куда-то уехала, найти ее так и не удалось.

Если рассматривать это происшествие с чисто научной точки зрения, есть, наверное, какая-то крохотная вероятность перепутать младенца в родильном доме, но она столь мала, что практически ею можно вовсе пренебречь. И надо же, чтоб перепутали именно его! Этот факт наложил отпечаток на всю дальнейшую жизнь Пети, а позднее Петра Петровича Бурьянова, или кто он там есть на самом деле.

Еще не научившись говорить, маленький Петя начал считать. Он считал все, что попадалось на глаза: людей, игрушки, окна в домах, мух на потолке и собственные шаги. Мать перепугалась, понесла его к психиатру, и кончилось тем, что его чуть не год демонстрировали как некий математический феномен на разных ученых сборищах, пока не признали вполне нормальным ребенком.

Однажды отец купил кнопки для чертежей. Они так понравились Пете, что он стащил коробочку и скушал все кнопки, запивая их молочком. Разумеется, после такого завтрака Петина биография с полной гарантией должна была закончиться, но все кнопки благополучно вышли одна за другой, как и вошли, и в процессе их скрупулезного счета обнаружилось, что надпись на коробочке «100 шт.» была обманной. Их оказалось всего 97, это подтвердил рентген.

В школе он постоянно терял авторучки, носовые платки и калоши. Учителя часто ошибались, выставляя двойки в журнале против фамилии Бурьянова, хотя зарабатывал их его товарищ Буранов, зато Петины пятерки и чет-

верки почему-то попадали к Буранову. Этот Буранов так полюбил Бурьянова, что однажды сломал ему ногу, уронив на крутом вираже с мотороллера.

Впрочем, нет возможности перечислить все злоключения его детства: один день был нелепее другого.

Из-за нерадивости Буранова кое-как закончив десятилетку на троечки, Петя успешно прошел конкурс в институт — институт немедленно закрыли. Поступил в другой — его расформировали. Поступил в третий — его разукрупнили и объединили. Чтобы не лишить город институтов, Петя стал учиться самостоятельно, на свой страх и риск, и через два года волей случая защитил диплом. Но как раз накануне вышло постановление об отмене экстерната.

Только раз в жизни ему по-настоящему повезло. Он подружился с девушкой, на которую поначалу и взглянуть не смел. У нее было романтичное тургеневское имя Ася. Петя совсем потерял голову, о взаимности даже не мечтал, думал, на него свалилось новое несчастье, самое страшное из всех — неразделенная любовь, и вдруг очутился однажды за свадебным столом, а рядом во главе стола сидела под фатой его ненаглядная Ася.

И пока продолжался пир горой, пока хлопали пробки от шампанского и Ася мило смущалась при каждом крике «горько!», он ни разу не вспомнил о своей злосчастной судьбе, о том, что он — это вовсе не он, и ему даже в голову не пришло, что он сочетается законным браком с чужой невестой, невестой какого-то другого, настоящего Бурьянова. Он был счастлив и пьян от счастья, и все на свете было ему трын-трава.

Далеко за полночь они выпроводили наконец последних гостей, торопливо сбросали в раковину грязную посуду и, обнявшись, направились в спальню, полные любви и трепета. И тут... тут Бурьянову снова пришлось вспомнить о своей судьбине: она подсунула под туфельку его юной жены апельсиновую корочку. Ася поскользнулась и упала, сильно ударившись коленом об пол. Лицо ее было белее свадебного платья, нога не сгибалась. Пришлось вызвать «скорую»: Ася уверяла, что слышала, как хрустнула коленная чашечка.

Больше он никогда не видел свою ненаглядную. Ни в одной больнице города ее не обнаружилось, а «скорая» клялась, что даже вызова такого не зарегистрировано. Это

было крайне маловероятно, хотя в общем все-таки вероятно.

Через неделю он получил от нее открытку без обратного адреса: «Уважаемый товарищ! Извнннте, что ввела вас в заблуждение, но мне нужен был штамп в паспорте, чтобы дать отчество и фамилню моему будущему ребенку, который появится на свет через три месяца. Обо мне не беспокойтесь, чувствую себя прекрасно, чашечку я не сломала, это нам показалось. Еще раз извините, если доставила вам беспокойство. С приветом, Ася».

Едва дочитав открытку, он распахнул дверь балкона и выбросился с пятого этажа. Внизу проходнл грузовик с тюками ваты, вата приняла его в свои объятия и мягко перебросила на клумбу. Он очнулся среди цветов и долго не мог понять, жив ли он или уже мертв и лежит в украшенном цветами гробу, пока милая девушка в форме сержанта милиции, оштрафовавши его на три рубля за нарушение общественного порядка, окончательно не убедила Петра Петровича в том, что жизнь не захотела расставаться с ним. Испытывать судьбу прыжком с моста или стаканом кислоты ои ие стал, знал — одни только неприятиости.

На работе Петра Петровича в общем ценили. Идеи из иего сыпались одна другой несуразнее, и он ие представлял, что из них делать, зато его сослуживцы, люди более практичные, некоторым из этих идей находили применение в своих диссертациях, а потом, вероятно, вовсе не смущались, расписываясь в ведомости на зарплату. А вот Петра Петровича всегда мучила совесть, когда он ставил фамилию Бурьянова против весьма скромной цифры: ему казалось, он получает чужую, бурьяновскую зарплату, и рано или поздно это обнаружится.

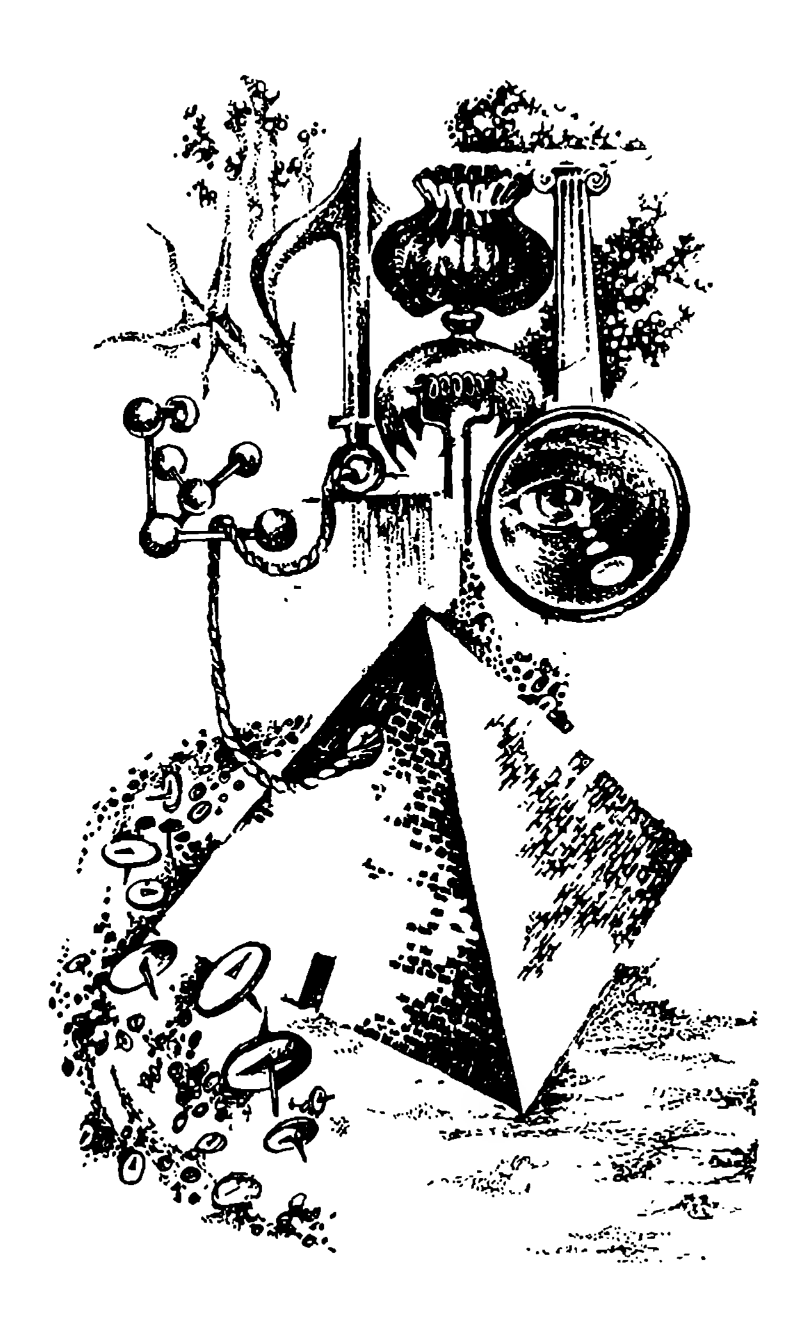
Но так или иначе, солнечным весенним днем, когда цвели вишни, он защитил докторскую диссертацию, одна из идей сгодилась-таки. Едва коллеги принялись поздравлять его, здание подскочило, раздался неимоверный треск, и все рухнуло. Бурьянов вылез из-под обломков весь в пыли и синяках и, травмированный скорее морально, чем физически, поплелся по направленню к дому, но дома тоже не оказалось на месте. Кстати, под обломками землетрясения погибли и диссертация, и официальные оппоненты, и степень доктора физико-математических иаук.

Он переехал в Москву, за год подготовил новую днс-

сертацию, совсем в другой отрасли, и на этот раз защитился совершенно благополучно, если не считать, что некий крупный деятель от науки печатно обвинил его в плагиате. Все было как полагается: скандальный фельетон, тяжба, суд. Однако через год судов и пересудов Петра Петровича оправдали, а его противнику вынесли общественное порицание, вследствие чего прекратила существование целая школа физиков и атмосфера в нашей науке стала еще чище...

Бурьянов закончил свой грустный рассказ. Старик Куцев, ни разу его не перебивший, расхохотался. Хохотал он долго, с удовольствием, не торопясь и смакуя. Бурьянов уже собрался было обидеться, когда Куцев оборвал смех, утер слезы платком и стал снова серьезен.

— А ведь я, признаться, сомневался в вас,— сказал Куцев. — Да вы же интереснейший человек! Давайте рассуждать философски. Допустим, вас не подменили бы при рождении — и были бы вы сейчас не математиком, а, скажем, парикмахером, потому что способности несомненно являются следствием счастливого и во многом случайного совпадения генетических признаков родителей. А разве можно променять науку на брадобрейство! Далее, любой другой на вашем месте не переварил бы эти девяносто семь кнопок, а вы переварили. Еще пример: судьба очень мудро распорядилась теми тремя институтами, куда вы поступали, чтобы вы стали не химиком, не журналистом, не востоковедом, а именно тем, кто вы есть. И она просто чудом, каким-то сверхизобретательными ухищрениями избавила вас от семьи, которая, согласитесь, нередко становится могилой для молодого ученого. Только подумайте, как бы вы совмещали интегралы с пеленками! Случай спас вас от нелепейшего самоубийства и сохранил для науки. А легко ли было судьбе организовать именно в эту секунду точно у вас под балконом грузовик с ватой? Она, судьба, шла на любые жертвы ради вас. Она даже не поскупилась на землетрясение, лишь бы вам пришлось защищать вторую диссертацию, которая сделала вас настоящим большим ученым, а благодаря скандальной огласке, еще и широко известным. Да, да, известным и своеобразным ученым! Таким образом, батенька мой, судьба к вам чрезвычайно благосклонна, вы удачливейший из людей, баловень судьбы. А вы говорите — «рок». Да это не рок, дорогой мой Петр Петрович, эта ваша счастливая звезда! И теперь я буду категорически настаивать на вашем уча-



стии в экспедиции. Я не суеверен, но верую в удачу. И надеюсь, вы принесете удачу экспедиции.

Так старик Куцев уговорил его лететь на Планету, а вот разубедить — ни в чем не разубедил. Петр Петрович Бурьянов, доктор физико-математических наук, тридцати двух лет от роду, русский, по паспорту женатый, а фактически холостой, по-прежнему носил на плечах свою тяжкую ношу и не мог от нее избавиться. Ему казалось, жизнь его движется так, словно самое главное, определяющее событие где-то впереди, а все остальное, что уже произошло с ним, только следствия, которые судьба заранее расставила на его пути. Но как истинный материалист, Петр Петрович понимал, что так только кажется.

И вот — пирамида. Если это не мираж и не скала, а настоящая пирамида, чем черт не шутит, он, наверное, и в самом деле поверит в свою счастливую звезду.

Петр Петрович разволновался, руки плохо слушались его, но он все-таки справился со скафандром.

* * *

«Сирена» остановилась у подножия пирамиды. Теперь можно было убедиться, что эта уходящая вверх громадина по крайней мере в несколько раз больше знаменитой пирамиды Хеопса. Бурьянов проверил систему дыхания, поправил гребной винт за спиной. У крышки люка нетерпеливо переминалась Светлана, похожая в своем серебристом скафандре на располневшую русалку.

— Даю выход,— появился в шлемофоне голос Зинура.

— Давай, давай,— сказала Светлана. — А то Бурьянчик без конца будет возиться со скафандром. Неуклюжий, как тюлень. Пока, Зинур! Не скучай!

В тамбур хлынула вода, и они выплыли в Океан. Гигантской горой громоздилась рядом пирамида, ни направо, ни налево, ни вверх не видно было ей конца. Они приблизились к этой наклонной стене, и Бурьянов первым коснулся ее рукой. Темный, чуть ослизлый камень оказался грубым, если и обработанным, то едва-едва; впрочем, это равно успешно могла сделать и человеческая рука, и природа. Швов нигде не было.

— Фьюить! — присвистнула Светлана. — Как мы купились! Никакой кладки. Это просто гора, Бурьянчик. Обычная гора.

Он промолчал, боясь даже перед собой сознаться в поражении поплыл по стене вверх — и наткнулся шлемом на каменный выступ. Внизу скудно отсвечивал скафандр Светланы, она казалась маленькой, как с высоты пятого этажа. Едва он открыл рот, она удивленно объявила:

— Бурьянчик, я стою на каком-то уступе. Что это, неужто кладка?

— Здесь тоже шов,— ответил он. — Но не может быть, чтобы разумное существо строило из таких «кирпичиков». Ничего себе «кирпичики», с пятиэтажный дом! А если это всего-навсего природные трещины?

Он поднялся еще немного и обнаружил правильной формы круглую дыру в камне. В нее свободно входила рука в перчатке. И внутри, и вокруг отверстия отчетливо выделялись желтоватые наплывы ржавчины. Такие дыры в камне делают только для крюка, больше ни для чего. На том же уровне по обе стороны от Бурьянова виднелись еще два ржавых пятна. И тут его осенило.

— Светочка,— сказал он,— это вовсе не затонувший материк, уверяю тебя. Это материк еще не всплывший. Построить этакую громадину из таких «кирпичиков» на суше невозможно, их не свернет с места ни одна сухопутная цивилизация. А вот под водой...

— Чем черт не шутит. Впрочем, завтра сюда примчится археолог, пусть разбирается.

Считая «кирпичики», они поплыли на север вдоль стены и минут через десять достигли ее конца. Зарево, которое привлекло их, стало сильнее. На его фоне стена пирамиды выглядела совсем черной. Завернув за выступ, они разом остановились. То место, откуда исходило свечение, оказалось... городом.

Причудливые дворцы и башенки, арки и купола, портики и акведуки, как бы размазанные толщей воды, медленно, величественно плыли в мареве невидимых течений, и над ними так же медленно колебалось сплошное мерцающее зарево. Но что-то странное, непривычное, мешающее глазу чувствовалось в этом отдаленном пейзаже. «Вот, начинаются фокусы, — подумал Бурьянов. — Со мной всегда так».

В следующий момент они глянули друг на друга, шлемы их мягко стукнулись и, не говоря ни слова, Бурьянов и Светлана ринулись вперед.

Все дальнейшее было как сон. Бурьянов ни за что не поверил бы своим глазам, если бы время от времени не

оглядывался на Светлану, не слышал в шлемофоне ее прерывистого дыхания и возгласов удивления.

Это был ни на что не похожий город, ни на что не похожий мир. Он был... перевернут. И накрыт сверху, то есть не сверху, а снизу, то есть для них, посторонних наблюдателей, сверху, а для жителей города снизу чем-то вроде толстого прозрачного стекла. Но этого чего-то вроде бы и не существовало, потому что его невозможно было пощупать, шлем о него не стукался и ноги не ощущали, однако проникнуть сквозь прозрачный потолок, вернее, пол опрокинутого города никак не удавалось. Там, под этой «основой», как про себя назвал ее Бурьянов, не было воды. А впрочем, неизвестно, что там было. Все здания стояли на «основе», и двери зданий находились наверху, а вглубь уходили этажи, еще ниже виднелись крыши и трубы, и дым из труб шел вниз. По «основе» катили задом наперед автомобили и бойко пятились люди, похожие на земных, только очень уж хрупкие,— и все это в опрокинутом виде!

«Сумасшествие,— думалось Бурьянову,— сплошное сумасшествие. Это уж слишком, даже для меня».

Несколько раз они пробовали проникнуть в город, но невидимая преграда не пускала, и тогда они поплыли над «основой» вдоль улицы, стараясь как-то приноровиться к своему положению, потому что смотреть на перевернутое действо оказалось совсем не с руки. Поначалу Бурьянова смущал еще и тот факт, что женщины в коротких юбочках колоколом представали перед ним в таком ракурсе, будто он лежал под прозрачным тротуаром, но когда Светлана, заметив его смущение, презрительно фыркнула, он побоялся показаться смешным — и вскоре новые впечатления отвлекли его от невольного созерцания дамских ножек.

На улице, над которой они плыли, начала сгущаться толпа. Люди глазели на какие-то слабо дымящиеся обломки. Появились полицейские в форме, скрупулезно замерили все вокруг, сфотографировали, что-то записали и укатили. По мере того как обломки дымили сильнее, толпа редела и редела, пока не рассосалась вовсе. Тут повалил густой черный дым, обломки вспыхнули, пламя ослепило на мгновение — и разом исчезло в тот самый момент, когда из мешанины сплющенного металла бойко выпятились задним ходом два целехоньких автомобиля и преспокойно, как ни в чем не бывало, разъехались в разные стороны.

— Бурьянчик! — Он вздрогнул от неожиданности, услышав голос Светланы. — Ну их, двигаем обратно, а то кислород кончится. И вообще... предостаточно с меня этих фортелей!

— Еще минутку, Светочка, одну минутку,— пробормотал он просительно.

Он уже не пытался что-либо понять, осмыслить, объяснить, он только наблюдал, глотал впечатления, оставив переваривание «на потом». Больше часа плыли они над улицей, порой останавливались, смотрели, уже ничему не удивляясь, и плыли дальше. В голове Бурьянова образовалась такая каша — хоть вой. Назад повернули, когда кислород был на исходе, и едва успели добраться до «Сирены». Кажется, последние метры Светлана волокла его на буксире.

Он еще помнил, как Зинур вытаскивал его из скафандра, раздевал и прикладывал ко лбу мокрое полотенце. Потом Зинур преобразился в доктора с Базы, пожал плечами и сказал:

— Очевидно, нервное потрясение, осложненное кислородным голоданием. А чего вы хотели?

Как сквозь сон слышал Петр Петрович чьи-то восторженные слова:

— Вчера там киногруппа работала. Вот это кино! Сейчас два часа смотрели — не оторвешься. Потом пустили пленку задом наперед, и представь себе — ничего особенного, почти как у нас.

И еще:

— А девочки там, братцы! Какие девочки!..

* * *

Позднее Бурьянов записал по памяти свои наблюдения. Вот выдержки из этих записей.

«В опрокинутом городе все не как у людей, все наоборот, и сначала это не укладывается в голове, но постепенно привыкаешь, мозги начинают «крутиться» как бы в обратную сторону, и тогда возможно проследить причинно-следственную связь явлений.

Здесь ходят и ездят вверх ногами и задом наперед. Автомобили сначала разбиваются, потом сталкиваются, потом разъезжаются целыми и невредимыми. Когда человеку надо куда-то ехать, он выходит из автомобиля. В одной конторе был день получки, люди расписывались в ве-

домости и радостно отдавали свои деньги кассиру. Кстати, пишут они так: водят ручкой по бумаге, и ранее написанный текст влезает обратно в ручку. Ручки шариковые и не требуют зарядки; когда набирается полный баллон, ручка выбрасывается. На станкостроительный завод поступают новенькие станки, отправляют же с завода уголь, стружку и заготовки. Женщины приносят в родильный дом крохотных младенцев, а оттуда выходят уже без них, причем обряд этот сопровождается слезами и трауром, как прощание с жизнью. И наоборот, мы наблюдали похоронную процессию, когда люди шли за гробом сияющие, пели и плясали от радости, будто на свет появился новый человек. Большинство самых совершенных зданий разрушено, в них видны остовы каких-то чрезвычайно сложных машин, назначение которых современным жителям «опрокинутого мира» непонятно.

Объяснить это можно лишь одним: время здесь течет вспять. Люди умирают, чтобы жить, постепенно молодеют, впадают в детство и затем, рождаясь, навсегда уходят из жизни. И цивилизация эта «обратная», прогресс тоже движется вспять. Все это, разумеется, только с нашей точки зрения, для них самих время идет вроде бы нормально. Больше того, невозможно даже определить наверняка, у кого обратное движение времени: у нас или у них. Как это сообразуется с наукой? Думаю, думаю...»

Думать он мог сколько угодно, ему никто не мешал, лишь два-три раза в день наведывался доктор. Но постепенно Петр Петрович начал догадываться, что его считают сумасшедшим. Да он и сам чувствовал что-то неладное: реальный мир перестал его интересовать, он словно остался в том, «опрокинутом мире», жил в нем и занят был исключительно тем, что искал ему объяснение. Он знал, что корабль готовится к возвращению на Землю, что экипаж полон впечатлений, что Зинур в восторге от «потусторонних» женщин, а Светлана замкнулась в себе и молчит часами. Но главное, он знал, что впереди у него три спокойных года, можно вволю размышлять, взвешивать, сопоставлять и ежедневно записывать мысли, подкрепляющие его гипотезу. Теория «опрокинутого мира» постепенно набиралась сил.

Рассуждал он примерно так. Отрицательный вектор времени возможен только в мире, обратном нашему, где причина становится следствием, а следствие причиной. Стало быть, всякое действие вызывает не трату энергии,

а ее приобретение; при понижении температуры тела энергия его увеличивается; то есть, вопреки второму закону термодинамики, энтропия не возрастает, а уменьшается. Это возможно лишь в том случае, когда отсчет температур ведется от абсолютного нуля, от минус 273 градусов, но в противоположном направлении. Фигурально выражаясь, весь этот мир расположен по ту сторону температурного барьера. Скажем, чем больше излучает звезда и чем холоднее она становится, тем выше ее энергетический уровень. Не здесь ли, не в этом ли разгадка непостижимой энергетической избыточности квазаров, которую не в состоянии обеспечить не только термоядерная реакция, но и полная аннигиляция вещества? И не в этом ли разгадка необъяснимого энергетического равновесия вселенной!?

Итак, при работе энергия не тратится, а накапливается. Тело движется не в направлении действия силы, а в противоположном. Два тела не притягиваются, а отталкиваются. Следовательно, масса отрицательна. Странное, нелепое, бессмысленное понятие «минус масса»! Но без него не обойтись, только одно хоть что-то объясняет.

Отрицательная материя так же противоположна антиматерии, как и материи. Антиматерия ничем не отличается от обычной, кроме знаков частиц. По внешнему виду мир из антиматерии не отличишь от нашего, пока не произойдет аннигиляция. Мир же с отрицательной массой является антиподом для них обоих. Если представить все формы существования материи на оси координат, то наш мир займет лишь четверть пространства, правую верхнюю четверть. Левая верхняя четверть достается миру антиматерии. Весь же низ схемы под горизонтальной осью абсолютного температурного нуля достается «опрокинутому миру», миру с отрицательной массой.

И тогда нетрудно представить себе энергетический баланс вселенной как беспрерывный обмен энергией между «выстывающим» до взрыва от избытка «антитепла» отрицательным миром и выстывающим до коллапса миром положительным.

«Но это уж действительно... что-то слишком мудреное, — скептически усмехался Бурьянов, тщетно пытаясь остановить себя на пороге новой теории мироздания.— Черт знает что, какие-то вселенские самораскачивающиеся качели! Ты бы прежде «минус массу» переварил».

Теоретически «минус масса» вполне возможна, однако она должна быть рассеяна в беспредельности простран-

ства с плотностью в среднем частица на кубометр, как и «плюс масса». Но если мир из положительной массы понятен и закономерен, то как объяснить наличие целого мира из отрицательной массы, частицы которой не притягиваются, а отталкиваются? Только парадоксом вероятности!

«А коли так,— думал Бурьянов, — этот мир создан специально для меня, это последнее звено в моей коллекции несуразиц, посрамляющих законы вероятного. — Но тут он обрывал себя и мысленно стыдил: — Идеалист! Не он для тебя, а ты для него. Ты был создан на Земле для этого мира и отчасти по законам этого мира, и все, что ранее призошло с тобой, было только следствиями позднейшей встречи с «опрокинутым миром». Так радуйся, жертва невероятного, ты достиг своего, следствия привели к причине!»

* * *

Бурьянову некогда было скучать: дни болезни, до отказа наполненные размышлениями о странных свойствах обретенного им мира, мелькали, как минуты. И все-таки стены тесной госпитальной каютки давили на него. Если бы не Зинур, оказавшийся верным другом, в этой клетушке с белыми эмалевыми стенами и впрямь нетрудно было свихнуться. Петр Петрович понимал, что «проблема», с которой ежедневно приставал к нему Зинур, скорее всего выдумана, чтобы хоть как-то развлечь его, Бурьянова, но тем не менее визиты жизнерадостного Зинура доставляли ему истинное удовольствие и скрашивали одиночество.

Уже через неделю после открытия опрокинутого города Зинур доверительно сообщил, что «подцепил там одну премиленькую дамочку с потрясными ножками», и теперь они каждый день устраивают свидания на площади у фонтана, оживленно болтают через «стекло», разумеется, при помощи жестов и знаков, и дамочка вроде бы не прочь встретиться в более располагающей обстановке. Зинура не волновало, каким образом может произойти эта встреча. если даже луч лазера отражается от «основы», — он выпытывал у Бурьянова, как следует ему вести себя с новой знакомой, учитывая, что для нее все события движутся в обратную сторону.

— Будь спок, мэтр, она найдет способ выбраться из-под этого колпака, уж я-то знаю, на что способна влюбленная женщина. А она втрескалась, еще как втрескалась, меня не обманешь. Но ведь для нее наши отношения кон-

чились простым знакомством. Ты только подумай, для меня начались, а для нее — кончились! Допустим, я ее поцелую — как она это воспримет? Слушай, Бурьян Бурьянович, — он переходил на заговорщицкий шепот, — а вдруг у нас родится ребеночек? Ведь это страшно представить, ведь это значит по их законам, что он уже существует, когда-то давным-давно умер, прожил всю жизнь, превратился в младенца и сейчас готов родиться обратно. Нет, это меня пугает, ей-богу, пугает. Ты мне объясни, откуда он взялся, этот младенец? А если я так и не решусь — значит, его вообще не было?

— Видишь ли,— отвечал Бурьянов на полном серьезе,— об этом тебе лучше спросить у нее самой. Ведь все твои будущие с ней отношения — для нее уже прошлое.

— Как!? — хватался за голову Зинур. — Ты хочешь сказать, она уже пережила все это... без меня?

— Почему же без тебя? С тобой.

— Когда!? Мы здесь совсем недавно! А наш сын уже прожил длинную жизнь и снова стал ребенком. Ты мне только одно разъясни, мэтр, откуда он взялся? Откуда? Может, он вовсе не мой сын?

— Вообще-то теоретическая физика допускает...

— Ну, это ты брось! Клянусь аллахом, еще не было случая, чтоб теоретическая физика схлопотала дамочке младенца...

И так продолжалось день за днем, пока однажды Бурьянов не предупредил, что «под колпаком» слишком холодно для землян, температура там наверняка около трехсот градусов ниже нуля. Зинур не поверил:

— Ну да! Они там даже без пальто ходят, в одних легких платьицах... — Но пыл его начал мало-помалу остывать.

Как-то зашла Светлана, посидела молча минут пять, повздыхала — и вдруг две крупные слезины выкатились из ее глаз.

— Теперь я знаю,— сказала она всхлипывая,— один ты любил меня по-настоящему.

— Почему ты говоришь «любил»?

— Бедный Бурьянчик, он и этого не понимает,— прошептала Светлана, поцеловала в лоб, как покойника, и выскочила, закрыв лицо ладонями.

Он и в самом деле ничего не понял: что это с ней?

Петр Петрович так много раздумывал над проблемами «опрокинутого мира», что порой как бы терял себя и уже

не знал точно, в каком из миров находится, как в данное время течет время и что является причиной — причина или следствие.

Однажды ему пришла мысль, что время в том мире может двигаться совсем с другой скоростью, быстрее или медленнее. Работы над прозрачной «основой» еще продолжались, и провести нужный Бурьянову хронометраж ничего не стоило. Но для этого, по существующему в экспедиции порядку, требовалось написать заявку на имя шефа. Бурьянов попросил у доктора бумаги, и доктор моментально принес листок, на котором уже стояла резолюция «Согласен» и размашистая подпись шефа. Нисколько не смущаясь этим обстоятельством, Бурьянов быстренько сочинил заявку, вручил ее доктору, и доктор, будто его облагодетельствовали, бегом помчался к начальству.

Вообще он был неплохой мужик, этот эскулап, только совсем отупел от вынужденного безделья и радовался болезни Бурьянова, как малый ребенок — игрушке. Чтобы развлечь доктора, Петр Петрович рискнул популярно изложить ему свою теорию. Доктор слушал внимательно, однако очень уж пристально, подозрительно пристально рассматривал своего пациента.

— И вот мне кажется, что я сам отчасти принадлежу к этому миру, — закончил Бурьянов. — Как вы думаете, может быть такое?

— Отчего же, вполне! Кстати, это нетрудно проверить, если хотите.

— Как?

— Очень просто. Вы говорите, в том мире, чтобы вытащить гвоздь из стенки, надобно забивать его молотком, а чтобы заколотить, — вытягивать клещами, так?

— Совершенно верно, у них сила действует...

— И мы поступим подобным образом. Я беру шприц и делаю вам какое-нибудь нейтральное вливание, ну, например, глюкозу. Если вы из нашего мира, шприц опустеет, а если из «опрокинутого», в нем появится венозная кровь. Надежно и безопасно.

Петр Петрович согласился. Доктор тут же показал ему шприц, на вид совершенно прозрачный, и воткнул иглу в руку. Мгновенно липкий, как паутина, сон начал обволакивать Петра Петровича. С ног до головы опутанный этой паутиной, он еще услышал скрип двери, глухой, точно из подземелья голос что-то спросившего шефа и ответ доктора:

— Исполнено, товарищ начальник экспедиции. Печальная, так сказать, необходимость. Без анабиоза нам его до дому не довезти, а так, глядишь, здоровеньким вернется. Не все еще потеряно.

«Черт бы вас побрал! — подумал Бурьянов сквозь дремоту. — Три года пропадет. Никаких условий для нормальной творческой работы...»

Но засыпал Петр Петрович со спокойной совестью. Он знал, что его теория совершит переворот в науке попуще теории относительности. Ничего более безумного не смог бы придумать ни один сумасшедший! Жалкие догматики, они посчитали его свихнувшимся — и даже не подумали о том, что создать стройную теорию мироздания на данном этапе можно только в том случае, если тебе удастся свернуть собственные мозги хоть немножко набекрень.

А ему это удалось!

* * *

Очевидно, доктор оказался прав: три года глубокого сна подействовали на Бурьянова благотворно, и ко времени приземления он был уже вполне здоров. Во всяком случае, с космодрома его отпустили на все четыре стороны, как и остальных членов экипажа.

Он шел знакомыми улицами, с удовольствием вдыхал полной грудью чудесный запах Земли, во все глаза глядел на милые лица прохожих и тихо радовался про себя, что «опрокинутый мир» не оставил в его психике никаких патологических отпечатков. Он шел бодрый, полный сил, в отличном расположении духа, что-то насвистывая и размахивая своим чемоданчиком, — и вдруг обнаружил, что идет не по улице, а... по потолку универмага. Идет так, словно он один нормальный и один идет правильно, а все остальные почему-то шагают по потолку. Заметив это, он остановился в растерянности и подумал: «Одно из двух: либо я и впрямь усвоил на Планете скверную привычку ходить вверх ногами, либо...».

Внизу было полно людей, но он постеснялся звать кого-нибудь на помощь, а идти дальше боялся, потому что не знал наверняка, действительно ли может ходить по потолку, или просто сошел с ума. Он стоял на потолке универмага и чувствовал себя прескверно, все тело затекло от стояния вниз головой, в ушах угрожающе пульсировало, к тому же его могли оштрафовать за истоптанный потолок, а у него не было с собой ни копейки.

И тут в толпе мелькнуло знакомое лицо — Ася, его Ася, исчезнувшая в свадебную ночь!

— Ася! — позвал он. — Ася, помоги же... хоть ты!

...В дверях стояла жена — заспанная, в распахнутом халате, с бигуди в жиденьких волосах.

— Чего ореш-ш-шь среди ночи? — прошипела она. — Ребенка разбудиш-ш-шь.

— Нет, нет, это я так, случайно, — испуганно забормотал Бурьянов. — Иди спи, Ася. Пожалуйста, спи.

Перед ним лежал черновик курсовой работы — двенадцать страниц расчетов, и в конце нелепая, хотя никакой ошибки не было, он уже тысячу раз проверил, «—m».

«Спать, спать,— приказал он себе. — К дьяволу, так можно и в самом деле с ума сойти. Пойду лучше завтра к профессору Куцеву, пусть сам расхлебывает».

Он почесал рыжее родимое пятно на локтевом сгибе левой руки, с удовольствием убедившись лишний раз, что он — это именно он, студент Бурьянов.

...В институтском дворе Зинур со Светкой поглощали мороженое и любезничали вовсю.

— Бурьянчик, привет! — сказала Светка, смачно облизывая выпачканные мороженым губы.

— Ну как, придумал новую теорию мироздания? — насмешливо спросил Зинур.

— Придумал, — честно признался Бурьянов. — А что, старик Куцев здесь?

Куцев был здесь.

— Я говорил об этом на лекции,— строго напомнил профессор. — Прогуляли, выходит? А следовало бы вам знать об этой гипотезе, хотя бы понаслышке. Над нею работали Ландау и Оппенгеймер, ею интересовались Дирак и Гофман... Да что я повторяю, надобно лекции посещать!

Бурьянов совсем нос повесил, и, заметив это, профессор закончил ласковее:

— А теперь получается, вы самостоятельно пришли к той же гипотезе, Бурьянов. Похвально, конечно, однако... С равным успехом вы могли бы изобрести деревянный велосипед. Все ваши миражи — от невежества, исключительно от невежества. Невежество же преодолевается трудом, батенька. А вообще, если человек может жить в безумном мире математических абстракций, он не безнадежен для науки. Нет, не безнадежен. Так что дерзайте, Бурьянов. Дерзайте, опрокидывайте миры, авось да и опрокинете!

ИВАН КАЛИНОВСКИЙ

КОРОЛЕВА БОЛЬШОГО ДЕРБИ

Да, Сэр, я и Джо пережили несравненный, блистательный успех, который от начала до конца создали своими руками. Вот только бедняга Джо в зените нашей славы умчался, как вихрь, в неизвестность.

Я не боюсь раскрыть карты, потому что сцена опустела, огни погасли и занавес опущен.

Да и кому сейчас придет на ум предъявлять претензии к простому созвучию Электра, под которым скрывалась наша гениальная затея.

Должен сказать, сэр, что сама жизнь, как нарочно, приготовила нас для этой роли: я пятнадцать лет был сначала учеником, а потом препаратором отдела непарнокопытных млекопитающих Королевского Британского музея. Моя специальность — набивка чучел.

А Джо прямо родился механиком и начал играть зубчатыми колесами от старых сломанных часов еще в люльке. С детства он делал одно и то же: разбирал, чинил и собирал всякие механизмы. Позже Джо стал владельцем ремонтно-механической мастерской, в которой, кроме него, не было ни одного работника. Чинил же он все — от электрической бритвы до электронной счетной машины.

Наша детская дружба с Джо уже таила в себе семена будущего произведения человеческого гения. Даже жизненные невзгоды, выпавшие на нашу долю в виде полосы безработицы и застоя в делах мастерской, в конечном счете пошли нам на пользу.

Я работал тогда два дня в неделю, подновляя, главным образом, старые, выеденные молью чучела ослов и зебр. В отделе рядом с доисторическим трехпалым Гиппарионом стоял великолепный костяк современного английского рысака.

Вот этот-то скелет и привлек любознательный взгляд Джо, зашедшего ко мне в обеденный час.

— Здорово сделано! — сказал он, поглядывая на скаковые сочленения ног и упругую линию спинного хребта

лошади. — Знаешь, Майкл, я раньше не обращал внимания на то, как природа сработала эдакое вот замечательное шасси да еще из такого второсортного материала!

Пока я мыл руки. Джо развернул газету.

— Двадцать тысяч фунтов стерлингов — большой приз национального дерби! — воскликнул он. — Возьмет же кто-нибудь этот приз, Майкл, и не будет ждать, пока к нему обратятся с ремонтом велосипеда или примуса. Быть владельцем такого рысака — это ведь все равно, что иметь фабрику денег!

Тут, очевидно, и пришла в голову Джо гениальная мысль, над осуществлением которой мы стали позднее трудиться.

Именно с этого момента Джо стал задумчив и рассеян. Он отвечал невпопад и после завтрака не пошел к себе в мастерскую, а вернулся со мной в музей. До позднего вечера Джо изучал скелет лошади, делал какие-то измерения и наносил их на бумагу в виде чертежа. При этом он бормотал всякие слова, вроде: шарнир Гука, гибкое сочленение, рычаг и тому подобное.

Я посмотрел на кусок бумаги, который он держал в руке, и спросил, что все это значит.

— Это, Майкл, кинематическая схема, а для чего она нужна — узнаешь потом! — ответил он тогда.

После этого он довольно долго не появлялся и я выбрал время зайти к нему. Дверь в мастерскую была закрыта, я постучал, но никто не открыл. Пришлось пробираться со двора через запасной выход.

Джо оказался в мастерской, он сидел ко мне спиной перед занавеской, за которой было, очевидно, что-то скрыто. Я разозлился, что он так долго не открывал дверь, видно, не хотел меня впускать. Но Джо, словно просыпаясь, смотрел на меня каким-то отсутствующим взглядом. Я спросил, что с ним случилось.

Вместо ответа Джо молча потянул за один конец занавески, и она сползла в сторону: на фоне знакомой мне кирпичной стены стоял такой же точно, как в музее, скелет лошади, но только не костяной, а металлический, и все его части были довольно густо смазаны машинным маслом.

— Каково? — спросил Джо.

Я глядел на эту металлическую штуку, не понимая, зачем Джо вздумал воспроизвести музейный экспонат в другом материале.

Очевидно, Джо прочел на моем лице недоумение.

— Я вижу, тебе не понравилась моя работа, Майкл. А я хочу пригласить тебя компаньоном в одно дельце.

Тут он начал объяснять мне свою идею, и постепенно у меня с глаз спадала пелена.

— Твоя часть — это оперение всей штуки, Майкл. Ты должен проявить все свое умение и сделать так, чтобы комар носа не подточил. Материал мы будем употреблять первосортный — естественный, но, конечно, надлежащей выделки. Ты должен, Майкл, достать или содрать первосортную шкуру, подобрать превосходные копыта и все прочее и делать шкуру так, чтобы под ней играла каждая пластмассовая жилка,— требовал Джо.

Так началось мое участие в этом замечательном предприятии. У владельца конного двора Билла Суджента я достал совершенно свежую гнедую шкуру, добыл и все остальное: замечательный хвост, смонтированный, как кисть живописца, на великолепном резиновом стержне, гриву, заделанную в ленту из пластмассы, покрытую тончайшей замшей, и, главное, сохранившие всю прелесть влажные кобыльи глаза. Они были изготовлены для музея, и я просто прикарманил их. Венцом всего были копыта — это были лучшие копыта, которые я сам отобрал на складе фабрики костяных изделий. Мне пришлось немало повозиться, у меня была уйма работы по части всего оформления, которое нужно было подогнать, как мундир королевского гвардейца. Но зато получилось все на славу.

О том, какой я мастер, можете судить по тому, что спустя два месяца, когда мы, наконец, обрядили машину Джо в мой наряд, увидевший ее случайно жеребец дико заржал и перестал слушаться хозяина.

Впрочем, нам предстояло еще испытать нашу машину в работе и узнать ее возможности в части скоростей.

— Понимаешь ли,— как-то сказал Джо, — чтобы все это закончить, нужно наладить регулировку. Необходимо подыскать подходящий пустырь, где бы за нами не мог подсмотреть ни один черт. Я хочу испробовать ее на большом круге, в условиях, близких к тем, с которыми мы столкнемся на деле. И все это нужно проделать, пока мы еще не надели на нее шкуру и прочее.

Как-то вечером, возвращаясь с поисков деталей для туалета нашей будущей дебютантки, я прошел через железнодорожные пути и тут-то наткнулся на пустырь. Это было недалеко от города, и просто удивительно, что такое

место никто не использовал. Очевидно, пустырь и предназначался для будущего развития путей железной дороги.

В тот же вечер мы погрузили металлическое шасси-скелет на старый грузовик Джо, прикрыв от любопытных взоров брезентовым чехлом. Мы совсем не думали, что может произойти какой-либо скандал. Поначалу все шло как по маслу: мы подъехали к пустырю между путями, разгрузились и стали намечать трассу, чтобы запустить нашу машину на полный ход.

Джо долго возился под попоной-чехлом, которым мы прикрыли нашу будущую Электру. Он поставил ее на большой круг, то есть отрегулировал движение ног для бега по замкнутой кривой. Регулировка могла производиться как заранее, так и на ходу.

Когда мой друг закончил свои дела, наступила ночь, и мы, подкрепившись стаканчиком бренди, решили начать пробу. Стоявшие вдоль ближайшего участка железнодорожной линии фонари давали достаточно света, чтобы следить за бегом Электры по пустырю.

Я забыл сказать, что вместе с Электрой мой друг смастерил в своей мастерской такую коляску, перед которой любая «американка» казалась допотопной колымагой. В коляску были вмонтированы запасные аккумуляторы, которые включались в питание в случае истощения основных, запрятанных в межреберном пространстве лошадиного каркаса.

Движение ног осуществлялось с помощью сильных электромагнитов по принципу нормального бега: правая передняя — левая задняя и наоборот. Другими словами, ноги то притягивались друг к другу, то отталкивались, и это выходило ничуть не хуже чем у настоящего рысака.

Нужно сознаться, что бренди прибавило нам решительности, и Джо, раскрыв пластмассовые челюсти Электры, поставил зуб-регулятор на малый ход, а потом дернул кобылу за хвост, который замкнул контакт.

Тотчас же металлические ноги скелета лошади пришли в плавное движение — и удивительная запряжка понеслась по пустырю, описывая удлиненный круг и набирая заданную скорость. Все шло нормально, и Джо сиял, как новенькая десятипенсовая монета, поворачивая голову вслед за Электрой.

Вот тут-то и случилась сначала одна, а за ней другая неприятность, чуть не сорвавшие всю нашу затею.

Дернуло в этот час какого-то викария пойти через пу-

стырь. Мы его заметили лишь в тот момент, когда мимо него пронесся запряженный в тележку скелет лошади, а служитель церкви как подкошенный упал на землю, потеряв свою шляпу. Я бросился к нему, но он лежал в глубоком обмороке.

В этот же момент из-за каменного забора вылетел пассажирский поезд, освещая пространство лучами прожектора. Было видно, как машинист высунулся из будки и пристально смотрел вперед.

Рядом с поездом с огромной скоростью неслась наша Электра, белея пластмассовым черепом и выбрасывая вперед сочленения ног.

Увидя это необычайное зрелище, машинист резко затормозил, раздался скрежет и треск ломающихся буферов. Мы с Джо успели остановить Электру, торопливо погрузили на грузовик и, кое-как вырулив на ближайшую улицу, умчались восвояси.

В газетах потом писали о поразительиом совпадении галлюцинаций машиниста и викария. Оба оии утверждали, что видели бегущую мертвую лошадь.

Для нас с Джо это был хороший урок, и мы больше ие повторяли своего опыта.

Наступала самая хлопотливая пора завершающей отделки Электры. Мы дошли даже до того, что поставили внутри Электры чудесный репродуктор, снабженный магнитофонной записью мелодичного ржания.

Наконец Джо заявил на ипподроме о намерении принять участие в состязаиии четырехлеток. Правда, администрация потребовала родословную Электры, ио к тому времени мы уже обзавелись таким документом, получив его всего за десять фуитов от владельца кровной кобылы, которая незадолго до того сдохла.

Первый дебют прииес нам давно ожидаемый успех: для начала Электра опередила своих соперииков на полукруге и взяла первый приз.

Это было только началом. Уже в середине сезона об Электре заговорила вся мировая печать. Электра, Джо и я фигурировали на тысячах фотоснимков в газетах и журналах.

Деньги повалили к иам сами собой, и мы только успевали относить их на баиковский счет.

Нам пришлось снять специальное помещение для конюшни и приобрести новую машину и прицепной трейлер-вагон для перевозки Электры к месту состязаиий.

Уход за нашей «золотой» кобылой мы, по понятным причинам, осуществляли сами, не доверяя другим. Вместо овса мы заправляли нашу Электру превосходным авиационным маслом и ставили ее под зарядку от городской сети. Больше всего мы заботились об охране нашей конюшни и завели для этой цели целую свору бульдогов.

Приближалось большое дерби, и с ним — большой приз сезона. Нам нечего было готовиться, но мы для отвода глаз каждый день устраивали рядом с конюшней тренинг, поочередно «объезжая» нашу несравненную Электру. Мы оба хорошо почувствовали, что вступили на тесиую дорожку, в конце которой маячил заманчивый приз.

Прежде всего, нас попытались купить, или точнее — получить наше согласие на обгон. Владельцы скаковых конюшен и их агенты сначала искали пути наладить с нами отношения на коммерческих началах, но, убедившись в нашей непоколебимости, перешли к войне из-за угла.

Джо как-то выбросил курам очередную порцию овса, который мы для отвода глаз покупали для корма Электры. Когда через полчаса я выглянул на улицу, великолепные плимутроки, привадившиеся к нашей конюшне, лежали мертвыми.

— Эге! — присвистнул Джо, — хорошо, что наша Электра не чувствительна к таким средствам.

Мы тут же проверили воду, поступавшую в конюшню из водопровода,— в ней содержалась смертельная доза цианистого калия. Хорошо, что мы не пили воду, а употребляли ее только для мойки. Осмотр нашего участка труб показал, что в одном месте совсем недавно был установлен дозатор, который с механической точностью подмешивал яд в воду.

Каждый день мы находили на нашей беговой дорожке острые металлические шипы, волчьи капканы и даже небольшие пехотные мины. Перед каждым выездом мы тщательно обследовали путь с помощью миноискателей и специальной бороны, которую толкал перед собой наш грузовик.

К концу месяца нам пришлось приобрести еще пару бульдогов, установить скрытую сигнализацию и окружить конюшню изгородью из обнаженных проводов, сквозь которую проходил ток высокого напряжения.

Наши конкуренты тоже не дремали: они объединились в импровизированный союз и решили еще раз припугнуть нас.

— Хелло!.. Намерены ли вы пойти на уступки или предпочитаете превратиться вместе с вашей клячей в вонючую падаль? — так начал переговоры их представитель Вилли Ломаный Нос, подойдя к нашей конюшне на револьверный выстрел.

— Передайте своим ребятам, что они могут спокойно продать своих одров на собачью колбасу, — хладнокровно ответил Джо.

После этих коротких и выразительных переговоров были прекращены всякие отношения сторон. До большого дерби оставались считанные дни. Это время я вспоминаю как одно короткое мгновение — так мы были заняты подготовкой к состязанию.

Наконец наступил день.

Вы видели когда-нибудь большое лондонское дерби? Это море автомашин, океан людей и потоп людских страстей!

Разыгрывался большой приз сезона.

Мы с Джо бессменно дежурили у ипподромной конюшни, откуда должны были выезжать участники бегов.

Разве у нашей Электры могли быть конкуренты? Она все время работала на ничтожной части своей мощности.

Весь этот набор прошлогодних победителей и чемпионов, кончая Гладиатором и Кометой, в лучшем случае мог рассчитывать на полкруга при трех одновременных полных кругах Электры, которая даже при малой скорости проходила полную дистанцию за тридцать секунд. Но нам нельзя было показывать даже и эту малую скорость, и Джо регулировал Электру на самый тихий ход, то есть с опережением соперников на один неполный круг. Так было разумнее и вызывало меньше подозрений.

Когда начался первый заезд, я сидел на трибуне и видел, как Джо нарочно для начала отстал, и лишь когда противники обогнали его на полкруга, увеличил ход Электры. В ближайшие десять-пятнадцать секунд она обошла своих живых соперников, а потом вынеслась вперед и пришла к финишу, опередив всех остальных ровно на полкруга.

На трибунах бушевала буря, а Джо, покачиваясь в коляске, как триумфатор обходил круг победителя по сплошному ковру из цветов, которые набросала восторженная публика.

Мы еле вырвались из толпы репортеров и любителей конного спорта. Электру гладили по голове и шее, а не-

которые поклонники и поклонницы целовали ее ноздри. Удивительно, но никто не заподозрил обмана: так хорошо была сделана работа, и я горжусь этим.

Лорд Сольсбери предложил нам за Электру пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, а какой-то рыжий американец, подмигнув, назвал полмиллиона долларов. Но мы тут же удалились к себе в конюшню и спустили с цепей своих бульдогов.

Нам предстояло участвовать в состязаниях в Париже и Риме, а затем ехать в Америку. Переезд стоил бешеных денег, но все окупалось заранее гарантированной прибылью.

В Париже, точнее в его окрестностях, нам пришлось прикупить еще десяток новых собак-мастифов и установить около конюшни две зоны с проволочным заграждением.

Пожав легкие лавры в Париже, мы отправились в Рим, а затем заторопились за океан. Газеты всего света заранее трубили о будущем триумфе Электры. Мы переплыли океан с целой свитой представителей прессы, кинооператоров и богатых спортсменов-любителей, желавших своими глазами увидеть триумф нашей Электры.

Я могу сказать, что в эти дни наша тройка была сенсацией Нового Света.

Нашу красавицу уже прозвали «Королевой большого дерби», и вся пресса была заполнена описаниями необыкновенной лошади-чемпиона и ее владельцев, а главное — прогнозами результатов предстоящего дерби.

Янки готовили к предстоящему состязанию всех своих четвероногих чемпионов. Но мог ли заатлантический континент выставить что-либо подобное Электре? Конечно, нет! Ведь для этого нужно было помимо техники быть художником или, точнее, скульптором-анималистом. Нет, янки не могли создать ничего похожего! Они даже не догадывались о механической природе нашей красавицы.

С явной тревогой пресса Штатов комментировала перспективы будущего дерби. Городской ипподром не удовлетворял требованиям международного состязания, и хозяева-распорядители приспособили огромное пространство пляжа на атлантическом побережье континента. Береговая терраса была преображена в сплошную трибуну, а изумительный естественный трек, обработанный дорожными машинами, превратился в первоклассную беговую дорожку.

Как сейчас помню роковой день состязаний, когда среди бури аплодисментов и возгласов миллионной толпы

на линию старта вынеслась, как легкокрылая птица, гнедая тонконогая Электра. Огромная толпа бушевала, как шторм. Шесть лучших рысаков страны должны были оспаривать триумф Электры.

Джо был облачен в традиционные цвета британского жокея: красную куртку и кепи, белоснежные бриджи и желтые щегольские сапожки. Руки в замшевых перчатках с большими крагами крепко держали натянутые вожжи с вплетенными в них проводниками.

Сигнал — и семь запряжек стрелой понеслись по беговой дорожке. Но это продолжалось только первые десять секунд, затем Электра вырвалась вперед, а ее соперники как бы приросли к месту и, казалось, совсем не двигались. Это было невдалеке от середины трибуны, где я удобно устроился, прислонившись к арке прохода.

Джо заметил меня и кивнул головой в знак того, что все идет благополучно. Но неожиданно Электра произвольно прибавила ход, а Джо, я это ясно заметил, попытался отключить питание, стараясь разорвать провод. Тут мне стало ясно, что регулировка расстроилась, и Джо не может ничего исправить.

В эту минуту я в последний раз увидел Электру на полном ходу: ноги ее совершенно слились в тумане чудовищной скорости, как это бывает с пропеллером самолета.

Лошадь с коляской, в которой все еще сидел Джо, пронеслась вперед со скоростью реактивного самолета и через несколько секунд сначала превратилась в точку, а потом совсем исчезла. Наступила мгновенная и всеобщая тишина. Все посетители ипподрома продолжали безмолвно глядеть вдаль, разинув рты и дожидаясь какого-нибудь объяснения необычайного происшествия.

Все это случилось в 12.30 дня, а в 12.50, то есть через двадцать минут, в полутораста с лишним километрах от места состязаний на побережье был начисто снесен фанерный киоск вместе с его владельцем, от которого остались только оправа очков и фетровая шляпа с черной лентой. Что случилось с Электрой и ее хозяином, так никому и не удалось узнать. А я, как вы, очевидно, могли понять, вернулся домой, чтобы вспоминать о бывших триумфах «Королевы большого дерби».

Остается добавить, что история с последним дебютом Электры превратилась в легенду, и один из представителей святой церкви утверждал, что Джо вознесен на беговой колеснице прямо к престолу всевышнего.

НИКОЛАЙ ШАГУРИН

НОВАЯ ЛАМПА АЛАДДИНА

ИЗ ШАХРАЗАДЫ XX ВЕКА

Аладдин потер лампу, и перед ним появился джин гигантского роста и ужасающего вида.

— Я раб лампы и того, кто ею владеет,— заревел он.— Приказывай! Может быть, ты хочешь, чтобы я построил дворец или разрушил город?

Сказки тысячи и одной ночи

Но ведь и вымысел может пролить немного света на то, о чем писалось, как о реальных фактах.

Э. ХЕМИНГУЭЙ

1. ОБРЫВОК ПЕЧАТНОЙ БУМАГИ

Санта-Барбара — столица маленького государства Микроландия. В центре города, в квартале от дворца диктаторов, высится восьмиугольная афишная тумба (таких реликтовых сооружений теперь уже не встретишь ни в одной европейской столице). Афиша мюзик-холла: «Тропические страсти». Оперетта: «Сорок любовниц», музыка Амадео Пинкетти. Гастроли Парижского театра Гиньоль: «Рука мертвеца». И среди пестрых реклам кино, кабаре, стриптизных заведений и кабаков высокого разряда болтается по ветру обрывок бумаги, на котором крупным шрифтом значится:

Внимание!
10.000 крезо будет выплачено тому, кто задержит
и 5.000 крезо тому, кто укажет местопребывание
особо опасного преступника
Тило Рун-Рина,
обвиняемого в государственной измене

Остальное оборвано, но можно заметить, что дальше была помещена фотография. Весьма вероятно, что некто, желающий заработать 10.000 крезо, оторвал и унес портрет опасного государственного преступника.

Прямо напротив афишной тумбы полукруглая арка ведет во двор старого кирпичного здания Коммерческого суда. В ясные дни под аркой можно видеть человека экзотической наружности, смуглого, горбоносого, черноусого и черноглазого, в чалме и пестром халате. Это предсказатель судьбы Хуссейн Абдулла Исхак. Он сидит на низенькой скамеечке, перед ним разостлан коврик, на котором разложены яркие раковины, целая коллекция полудрагоценных камней разных цветов и огранки (Хуссейн объясняет клиентам, что каждому характеру соответствует определенный камень) и на подставке из яшмы — хрустальный шар, в котором Хуссейн созерцает будущее. Его никто не гонит отсюда. А в клиентах недостатка нет: люди бизнеса во многом зависят от случая и потому суеверны.

2. ДИКТАТОР И ЕГО НАПЕРСНИК

Незадолго до того, как был объявлен розыск государственного преступника Тило Рун-Рина, Кербер Дельфас, государственный наушник второго класса, имел аудиенцию у диктатора Микроландии. Он вошел в приемную, придав верхней половине туловища наклон в 45 градусов. Здесь, памятуя о покушении на Гитлера, полагалось сдать портфель (личное оружие у него отобрали еще при входе во дворец).

Распахнулась бронированная дверь. К диктатору Дельфас взошел уже с наклоном в 90 градусов, так что металлические наконечники аксельбантов, свисающие с левого плеча, звякнули о паркет. Дельфас был тощ и долговяз, и диктатор усмехнулся: черт, как бы не переломился...

Наконец Дельфас выпрямился, и густое серебряное шитье на воротнике и обшлагах мундира заблистало в лучах заходящего солнца, проникающих сквозь пуленепробиваемое стекло огромного окна. Диктатор любил представительность и приближенных одел в импозантные мундиры. Сам диктатор был разряжен как рождественская елка: столько было навешано на нем всякой золотой бахромы, шнуров, шевронов, орденов величиной без малого с чайное блюдечко. Его мясистая, вульгарная физиономия лоснилась от самодовольства и напыщенности.

— Рад видеть тебя, дорогой Кербер,— сказал он вы-

соким, писклявым голосом. — С нетерпением жду твоего чрезвычайного сообщения...

Дельфас откашлялся.

— Да, экселенц [1].

Он возлагал на эту аудиенцию большие надежды. Нужно было только заинтересовать диктатора.

Дельфас перегнулся через стол и многозначительно произнес:

— Что бы вы сказали, экселенц, если бы я предложил вашему вниманию волшебную лампу Аладдина?

3. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС КЕРБЕРА ДЕЛЬФАСА

Диктатор откинулся на спинку кресла и расхохотался.

— Ты что, вообразил себя волшебником из Магриба? Я еще не впал в детство...

— Экселенц, поверьте мне, это гораздо серьезнее, чем можно подумать. Я не шучу. Представьте себе аппарат, который будет производить все, что вам угодно.

— И танки?

— И танки.

— И атомные бомбы?

— Сколько угодно и по баснословно дешевой цене.

В глазах диктатора блеснул хищный огонек. Дельфас внутренне ликовал: клюнуло!

— И где же находится эта необычайная лампа?

— В ИНЭ.

— Это что?

— Институт новейшей электроники.

Диктатор припомнил, что такое научное учреждение существует и находится неподалеку от столицы.

— И он уже создан, этот аппарат?

— Пока нет, он строится.

Диктатор вскочил и взволнованно заходил по кабинету.

— Черт побери, это вещь, если не брехня.

— Экселенц, я не позволил бы себе мистифицировать вас.

Дельфас внимательно следил за тем, как реагирует диктатор. А реагировал он бурно.

---

[1] Экселенц (испорч. франц.) — ваше сиятельство.

— И я могу получить в руки эту Аладдинову лампу?

— Я приложу все усилия, чтобы сделать это... Если вы предоставите мне необходимые полномочия.

Диктатор подошел к Дельфасу и потряс его за плечи. Последний никогда не видел его таким взбудораженным.

— Не только неограниченные полномочия. Я озолочу тебя. Сейчас, авансом, ты получишь чин государственного наушника первого класса. Я подарю тебе имение в Эгретских горах. Я...

Чин государственного наушника первого класса соответствовал министру. Звездный час Кербера Дельфаса наступил.

Диктатор, немного поостыв, снова опустился в кресло.

— Кто руководит работами?

— Тило Рун-Рин, инженер-электроник, микроландец.

Диктатор поднял глаза к потолку, как бы припоминая. Припоминать, собственно, было нечего, это имя ничего не говорило ему, хотя и было широко известно в научном мире.

— Ты знаешь его?

— Очень хорошо. Мы когда-то вместе учились в Париже.

4. ТИЛО РУН-РИН, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР

Да, было время, когда оба входили в землячество микроландцев, получавших высшее образование в Париже, Рун-Рин учился в Высшем политехническом училище, Дельфас в юридическом институте. Несмотря на разницу во взглядах и характерах, их связывала тесная дружба. Вместе они посещали кабачки на Монмартре, гуляли по бульварам и даже подругами их были две сестры. Однако отношения их со временем стали охладевать. Рун-Рин читал «Юманите» и посещал коммунистические митинги, Дельфас выписывал «Фигаро» и склонялся к независимым республиканцам [1], а под конец стал высказывать откровен-

---

[1] Независимые республиканцы — правая буржуазная партия.

ные симпатии к ультра. Трещина в отношениях между приятелями постепенно превращалась в пропасть.

Рун-Рин окончил блестяще, преподаватели отзывались о нем как о человеке почти гениальном. Ему пророчили кафедру. Было много других заманчивых предложений. Но, проработав года три на крупном предприятии, производящем электронную аппаратуру и неустанно совершенствуя свои знания, Рун-Рин решил вернуться на родину, в свою маленькую уютную страну (Дельфас, получив диплом, уехал сразу и, так как Микроландия не была богата людьми с высшим юридическим образованием, вскоре получил видное место в правительственном аппарате).

Вернувшись, Рун-Рин с горечью обнаружил, что его маленькая страна перестала быть уютной. Год назад в результате реакционного переворота к власти пришел кавалерийский капитан Хуно Фуркаль, начавший с того, что произвел себя в генералы. Опираясь на кучку военных, занимавших в армии ключевые посты, с помощью «Гарпии» (так называлось учреждение, совмещающее в себе функции ведомства безопасности и тайной политической полиции) Фуркаль начал свирепую расправу со всеми инакомыслящими. В народе его называли «мясником» (действительно, отец Фуркаля содержал скотобойни).

Невежественный, грубый, тщеславный, жестокий Фуркаль люто ненавидел интеллигенцию, вероятно, потому, что сам не получил порядочного образования. Унтер-офицер охранных войск в его глазах стоял выше академика.

Конечно, сведения о режиме хунты, возглавляемой Фуркалем, доходили до Рун-Рина еще в Париже, но только вернувшись, он смог реально оценить масштабы опустошений, произведенных среди людей литературы, искусства, науки, среди передовой части рабочего класса. Все, что здесь было лучшего, талантливого, идейного, либо угодило за решетку, либо вынуждено было уйти в подполье. Тайные агенты и провокаторы «Гарпии» проникали во все щели в поисках хотя бы искорки свободомыслия. В общем, Фуркаль и его хунта могли не опасаться, что подрастающее поколение микроландцев будет слишком грамотным.

«Что же делать, работать все-таки нужно... А там посмотрим», — рассудил Рун-Рин и отправился в институт новейшей электроники. Это было солидное учреждение, поставленное с размахом, на серьезную ногу, своеобразный и сложный комплекс. Под одной, так сказать, кры-

шей здесь сожительствовали, во-первых, институт с научно-исследовательскими целями. Во-вторых, приданные ему лаборатории, обширные экспериментальные и испытательские мастерские. И, в-третьих, производственные цехи, выпускавшие новую электронную аппаратуру на экспорт. Если первая часть этой триады поставляла идеи и теоретически разрабатывала их, вторая воплощала их в жизнь, то третья являлась чисто коммерческим предприятием, иосившим иазваиие «Акционериое общество «Юниверсум электроникс». Фирма располагала оригинальными патентами и потому приносила весьма солидный доход, иа отчисления от которого существовал институт и его хозяйство.

Трудно сказать, кто играл первую скрипку в этом симбиозе, но ясно было одио: хозяином его были иностраииые капиталисты, прибравшие к рукам контрольный пакет акций «Юниверсума».

Сперва Руи-Рин работал в конструкторском бюро на рядовой должности, ио вскоре руководство ииститута и хозяева «Юииверсума» поняли, что в его лице оии имеют дело не с заурядным инжеиером-исполиителем, а с человеком, способным иа неизмеримо большее. В первые же месяцы были получены патенты на некоторые устройства, фактическим автором которых был Рун-Рин. Выдвинутый им затем проект «Ла-1» чрезвычайио заиитересовал руководство иистcovered, и Руи-Рин был назначен генеральным конструктором. Так ои получил возможность осуществить мечту своей молодости и вместе с ближайшими своими помощниками — физиком Морисом Дювалем, кибернетиком Биском де Рие, электрониками Фуасом Панто и Лохом Ласси горячо взялся за дело. Рун-Рии умел подбирать талантливых сотрудников, они тянулись к нему, словио к магниту. Да и сам автор проекта понимал, что для выполнения титанической задачи, которую ои поставил перед собой, необходимы такие щедро одаренные люди, и без них дело обречеио иа провал. Последовательно появились проекты «Ла-2», «Ла-3», «Ла-4». От раза к разу конструкция совершеиствовалась, и наступил момеит, когда проект «Ла-5» удовлетворил самого Рун-Риив, ученый совет института и хозяев. Последние понимали, что реализация проекта потребует огромных затрат, но решили пойти на них. Игра стоила свеч.

В экспериментальный цех В-2 поступила первая серия чертежей.

— Значит, ты хорошо знаешь этого Рун-Рина? — повторил диктатор.

— Я уже сказал, экселенц, что мы были когда-то друзьями, — вздохнул Дельфас.

— И вы давно не виделись?

— Года четыре с лишним. Ведь закончив институт, я сразу же уехал, а Рун-Рин оставался в Париже.

— Он тебе доверяет?

— Вполне.

— Расскажи, как тебе удалось разнюхать эту историю с Аладдиновой лампой.

— Рун-Рин еще тогда носился с этой идеей. Но он еще учился, и у него, естественно, не было ни средств, ни возможностей для практических шагов в этом направлении. И когда до меня дошли некоторые сведения о том, чем занят он сейчас, я решил нанести ему визит. Разумеется, неофициальный и в штатском.

* * *

ИНЭ и предприятия фирмы находились в 18 километрах от города. Дельфас никогда не бывал тут и был поражен видом этого научно-производственного городка, который скорее напоминал крепость. Высокие бетонные стены с несколькими рядами колючей проволоки наверху отгораживали эту цитадель электроники от внешнего мира. Подкатив на своем «Ситроене» к воротам, Дельфас прежде всего столкнулся с двумя часовыми, одетыми в зеленую униформу и вооруженными автоматами. На спинах их курток стояло клеймо фирмы.

После долгих и придирчивых расспросов — кто да зачем? — Дельфас попал в контрольно-пропускной пункт и получил возможность связаться по видеотелефону со старым приятелем. Рун-Рин, казалось, был приятно изумлен неожиданным посещением и распорядился выписать пропуск. Но и после этого Дельфасу пришлось заполнить анкету, предъявить служебное удостоверение (он заранее запасся фиктивным документом скромного юрисконсульта) и паспорт. И только тогда Дельфас получил квиток, дающий право на посещение этой святая святых современной электроники. Униформист проводил его до

дверей кабинета, на которых красовалась бронзовая табличка «Генеральный конструктор».

И вот бывшие друзья сидели друг против друга в глубоких кожаных креслах и с интересом рассматривали друг друга.

Рун-Рин отметил, что Дельфас нисколько не изменился — все такой же сухопарый, тощий, долговязый, «глиста Дельфас» по студенческой кличке. Рун-Рин сохранил подвижность и спортивную выправку, и одет был, как и прежде, с элегантной простотой, но осунулся и выглядел усталым и похудевшим, как человек, которого точит какая-то тайная болезнь.

— Давно мы не виделись, старина,— сказал Дельфас самым задушевным тоном, похлопывая генерального конструктора по колену.

— Да что-то около пяти лет,— заметил Рун-Рин. — Я совсем потерял тебя из виду. Да и не мудрено: последний год я почти не выхожу за пределы института, частенько сплю здесь... — он кивнул на диван в углу кабинета, покрытый персидским ковром.—Ты, может, выпьешь чего-нибудь, Кербер? Помнишь кабачок «Улитка» на Монмартре, где мы с тобой, с Жанной и Мари, пили белое вино? Помнишь дядюшку Буато за стойкой, этого друга и доброго гения студентов?..

— Париж никогда не забудется,— вздохнул Дельфас. — Ну, давай твое зелье, встречу надо вспрыснуть...

На столике появилась бутылка арманьяка.

— Значит, ты забросил и теннис и конный спорт? — спросил Дельфас, потягивая вино из бокала чешского радужного стекла.

— Сейчас мне не до этого,— признался Рун-Рин. — Ну, а ты что поделываешь?

— Работаю в коммерческом арбитраже, учреждении, которое разбирает конфликты и взаимные претензии предприятий и торговых фирм, — солгал Дельфас. — А ты сидишь здесь, как в осажденной крепости. Кстати, почему такие строгости, охрана, контроль и прочее?

Дельфас показал пропуск, на котором была наклеена фотокарточка.

— Пока я заполнял анкету, меня успели сфотографировать, о чем я и не подозревал.

Рун-Рин улыбнулся.

— Так положено. К вечеру детективное бюро института будет иметь исчерпывающие сведения о тебе. На

постороннее лицо, хотя бы оно побывало в стенах института только один раз, заводится досье... И тут я ничего не могу сделать.

Дельфас выругался про себя, он понял, что дал маху.

— Видишь ли,— продолжал Рун-Рин,— работы, которые мы ведем, находятся в стадии эксперимента, излишняя гласность могла бы только повредить. Электронные и кибернетические новинки, которые здесь создаются, — лакомый кусочек, а охота за секретами фирм приняла такой размах, что администрации волей-неволей приходится ограждаться от иее.

— Над чем же ты сейчас работаешь, если не секрет?

— Секрета, собственно, нет. Ты помнишь мое увлечение самовоспроизводящимися машинами еще в бытность в Париже?

— Да, ты не раз толковал об этом. Но ты знаешь, что я в технике профан и мне до сих пор многое не ясно.

* * *

На круглом столике перед диктатором медленно вращались миниатюрные диски портативного магнитофона. Весь разговор Дельфаса с Рун-Рином был записан на пленку. Это устройство, размером чуть больше портсигара, выпускалось фирмой «Юниверсум электроникс» и предназначалось для «термитов экономики», то есть для лиц, занимающихся промышленным шпионажем.

Голос Рун-Рина: Идея не нова, почему я и говорю, что секрета нет. Эту идею высказал еще в начале шестидесятых годов английский ученый Артур Кларк. Но так как он был не только ученым, но и писателем-фантастом, то его идею восприняли не как прозрение человека науки, а как игру ума фантаста. Ну де, фантаст и фантаст, что с него взять... Правду сказать, при тогдашнем уровне техники эта идея выглядела преждевременной.

Но похоронена она не была. Ведь незадолго до Кларка выдающийся математик Джон Нейман сформулировал важный принцип, который утверждает возможность создания машины, способной воспроизводить любые другие машины, в том числе и самое себя.

Идея это — «тайна, лежащая открыто». Кто может — пусть разгадает. Разгадка — секрет, конструк-

тивное решение, в которое я, извини, не могу тебя посвятить.

Дельфас: А потом? Что было потом, после Неймана и·Кларка?

Рун-Рин: За эту задачу взялся замечательный физик, голландец Ван-Хорн. Для решения задачи у него были необходимые технические средства, в виде электронно-вычислительной машины, новейшая электроника, прекрасная лаборатория. Истратив на изыскания свое весьма значительное состояние, он не сумел получить поддержку от государства или от промышленных магнатов. Те, кто считал создание самопроизводящихся машин химерой, оказались, к сожалению, в большинстве.

Ван-Хорн, человек уже преклонных лет, умер в лаборатории от инфаркта, так и не добившись своего. Эстафету приняли его ученики и сотрудники — французы Анри Дюваль и Мишель Энс, испанец Луис Монтеро и — независимо от них — такая звезда кибернетики, как профессор Высшей королевской технологической школы в Стокгольме Фольке Хальден.

Я разыскал Дюваля, и он работает сейчас у меня. Что делают остальные — мне неизвестно. Во всяком случае могу сказать, что эти люди в своих поисках шагнули вперед через столетие.

Дельфас: Благодарю за посвящение в историю вопроса. Но все же главное остается для меня по-прежнему неясным...

Рун-Рин: Тебе приходилось когда-нибудь видеть автоматическую станочную линию?

Дельфас: Нет, как-то не приходилось. Это ведь не по моей части...

Рун-Рин: Представь себе, что мы с тобой основали фирму «Дельфас и Рун-Рин» и решили выпускать на автоматической линии такие сложные устройства, как телевизоры или мотоциклы. Для этого нам нужно иметь точное словесное описание предмета, а также чертежи, синьки, а лучше всего их современный эквивалент—импульсы, записанные на магнитной ленте. Вот эта лента, управляющая автоматической станочной линией, несет на себе в закодированной форме полное физическое описание производимого предмета.

Но вот лента с программой готова, и на этом, по существу, акт творения заканчивается. Начинается производство, то есть чисто механический процесс воспроизведения,

так же, как печатание газеты с готовых печатных форм. Нынче таким автоматизированным образом изготовляют все более и более сложные изделия. Но для каждого предмета требуются узкоспециализированные машины. Так, скажем, машину, изготовляющую радиоприемники, нельзя переключить на выпуск кинопроекторов. Так считалось до сих пор.

Дельфас: А теперь уже не считаете?

Рун-Рин: Как человек, работающий над решением этой проблемы, могу заявить — не считается.

Дельфас: Значит, ты нашел решение?

Рун-Рин: Не я, а мы. Но это решение не окончательное.

Дельфас: Не понимаю.

Рун-Рин: Я вижу, дорогой Кербер, что для тебя все это не более, как китайская грамота. Но попробую пояснить. Представь себе, что ты перенесся в Испанию средних веков и что ты изобрел такую прозаическую вещь, как фотоаппарат для цветной съемки. За какую-то долю секунды он может создать копию картины, которой гениальный художник отдал, может быть, полжизни. По существу это универсальная машина, которая воспроизводит с большой, хотя и не абсолютной точностью, все возможные сочетания света, тени и красок.

Слухи об этом доходят до всеслышащих ушей «святейшей» инквизиции. И на тебя напяливают балахон, разрисованный чертями, и торжественно волокут на костер.

Дельфас: Бр-р-р... За что?

Рун-Рин: За опасное чародейство и связь с дьяволом.

Я бы не сказал, что в наше просвещенное время в некоторых государствах времена инквизиции миновали. Но современным инквизиторам приходится считаться с тем, что нынешняя техника располагает устройствами, могущими решать неизмеримо более сложные задачи, чем фотоаппарат. Назову, например, нейтронные активационные анализаторы, спектрометры для инфракрасного и рентгеновского излучения, газовые хроматографы — широкая публика даже не слыхивала названия многих таких приборов. С их помощью в считанные секунды можно выполнить детальный анализ сложных веществ. Можно с уверенностью сказать, что в предвидимом будущем учеными будет создана аппаратура, которая сможет проникнуть в тайны любого объекта и автоматически записать все его характеристики.

Дельфас: И все же я не понимаю: где же решение?

Рун-Рин: Сделай еще хороший глоток арманьяка, Кербер, может быть, это прояснит твои юридические мозги. Что я подразумеваю под окончательным решением проблемы? Абсолютно универсальную автоматическую линию, на которой можно производить все, что угодно. Нужно только изменять закладываемую программу. Я говорю о машине, которая может воспроизводить даже самое себя. Такую машину современная техника, при всех ее достижениях, создать пока бессильна. Это крепкий орешек, и раскусить его в будущем сможет новая область техники — микроэлектроника.

Дельфас: Арманьяк не помогает...

Рун-Рин: Эта область техники может создавать монолитные схемы для электронной аппаратуры путем управляемого напыления атомов, один слой за другим. Компоненты таких схем могут быть настолько малы, что некоторые нельзя увидеть даже в мощный микроскоп. Управление этим процессом, само собой разумеется, автоматизировано. И он, процесс этот,— из первых шагов к той системе производства, которую мы представляем себе, но осуществить еще не можем.

Дельфас: Так все-таки, на каком же этапе пути вы находитесь сейчас?

Рун-Рин: На полпути к цели. Сконструирована автоматическая линия, на которой машина может производить любые неодушевленные предметы, за исключением самой себя.

Дельфас: И танк?

Рун-Рин: Да.

Дельфас: И атомную бомбу?

Рун-Рин: И атомную бомбу.

(Пауза. Если бы кто-нибудь присутствовал при этом разговоре, то заметил бы, что, отвечая на эти вопросы, Рун-Рин как-то странно посмотрел на собеседника).

Дельфас: А что же будет представлять собой абсолютно универсальная машина?

Рун-Рин: Артур Кларк условно называет ее «дубликатором» и предсказывает, что она сможет осуществлять синтез высших органических структур.

Дельфас: Но это ведь явится революционной перестройкой всех методов производства!

(Магнитофон не зарегистрировал, что произнеся эту фразу, Дельфас прикусил язык: само слово «революцион-

ный» рассматривалось ныне в Микролаидни как величайшая крамола).

Рун-Рин: Ты прав. Кларк в своей книге, трактующей вопросы футурологии, говорит, что рождение дубликатора будет означать коиец фабрикам и заводам. Сойдет на нет сельское хозяйство. В общем отойдет в прошлое весь грандиозный механизм промышленности и торговли в его нынешнем виде. Перевозки сырья прекратятся за ненадобностью. Впрочем, о сырье вообще беспокоиться не придется, если наряду с созданием дубликатора будет решена еще одпа не менее трудная и сложная задача: превращение элементов.

Даже если осуществить ее в небольшнх масштабах, дубликатор сможет действовать, не потребляя ничего, кроме воды и воздуха.

Располагая простейшими элементами — водородом, кислородом и азотом, машина будет синтезировать более тяжелые элементы, а затем организовывать их так, как надобно. Каждый у себя дома будет производить все, в чем нуждается — от обуви до мебели, от муки до мяса.

Дельфас: Ты рассказываешь необычайные вещи!

Рун-Рин: Однако следует учесть, что первый экземпляр дубликатора будет стоить баснословно дорого — не менее триллиона долларов... Зато второй и последующие будут получены, так сказать, бесплатно — ибо первой задачей первого дубликатора будет производство подобных себе. Таким образом задача решена нами наполовину, вернее, на одну треть.

Дельфас: И как называется ваша конструкция?

Рун-Рин: Кодовое название «Ла-5», то есть «Лампа Аладдина, модель 5».

Дельфас: Остроумно, дружнще...

На этом магнитофонная запись оборвалась — не хватило ленты. Но все главное, в сущности, уже было сказано.

Дельфас взглянул на часы и стал торопливо прощаться.

— Я очень рад, что мы встретились, дружище. Но у меня в два часа — арбитраж. Знаешь что? Давай, по старой памяти, отужинаем на неделе в хорошем ресторане.

— Охотно,— отозвался Рун-Рнн. — Вспомним студенческие времена и кутнем как следует. Я чувствую, что мне просто необходнмо хотя бы на несколько часов отключиться от всяческих электронно-кибернетических

материй, пока я не свихнулся на этих треклятых формулах и уравнениях.

Договорились встретиться послезавтра, в пятницу, в ресторане «Фонтенбло» с французской кухней.

Прямо от Рун-Рина Дельфас гнал машину к диктаторскому дворцу: вот оно, валится само в руки — чины, ордена, деньги...

Это ликование омрачала одна мысль: завтра детективное бюро института сообщит Рун-Рину, кто такой Дельфас на самом деле. Дельфас морщился, ерзал за баранкой и наконец решил:

— А, будь что будет. Может быть, до Рун-Рина это и не дойдет? Во всяком случае на встречу я пойду...

6. НЕОЖИДАННОСТЬ

Выслушав Дельфаса и его комментарии к беседе с Рун-Рином, диктатор задумался. Крупные капли пота выступили на его низком лбу, и, казалось, слышно было, как со скрипом, медленно поворачиваются мозги в его голове.

— Так говоришь, и атомную бомбу?

— Сколько угодно. И водородную. И даже кобальтовую,— приврал Дельфас.

Диктатор тяжело дышал, лицо его приняло свекольный оттенок и выражение свирепого ликования. Он знал, что одной кобальтовой бомбы достаточно, чтобы жизнь на земле прекратилась. Это ли не предел мечтаний? Получить в свои руки оружие, с помощью которого он будет держать в страхе весь мир!

Наконец диктатор пришел в себя и увидел Дельфаса, подносящего ему стакан воды. Его наперсник не на шутку испугался, что Фуркаля хватит удар.

Диктатор оттолкнул стакан, и вода пролилась на ковер.

— Скажи мне, в какой стадии находятся работы по реализации проекта «Ла-5»?

— Насколько я понял, выполнены на две трети.

— За чем же дело стало? — выпалил, не задумываясь, Фуркаль. — Национализировать предприятия «Универсум электроникс» — и дело с концом. Работы доведем до конца мы сами.

— Национализировать? — Дельфас позволил себе

иронически усмехнуться. — Вы хотите, чтобы Микроландию оккупировали? Ведь это предприятие по существу — концессия: 60 процентов акций находятся в руках иностранных капиталистов.

— Что же делать, посоветуй, Кербер?..

— Нужно, во-первых, выкупить контрольный пакет акций. Во-вторых, нужны средства для достройки аппарата «Ла-5».

— И много ли нужно?

Тут Дельфас назвал цифру, которая заставила диктатора разинуть рот:

— Около трех миллиардов долларов. Два — для выкупа акций и один — для завершения работ.

— Да где я возьму такие деньги? Ты знаешь — в казначействе хоть шаром покати. Последние тридцать пять миллионов валюты ушли на оплату партии самолетов «Молния-14». Кредит повсюду исчерпан. А ты говоришь — три миллиарда!..

Дельфас подумал, потом произнес:

— Я знаю, у кого мы можем найти эту сумму, скажем, под залог наших урановых рудников. (Кстати сказать, рудники эти являлись единственно реальным национальным достоянием, все остальное было заложено и перезаложено.)

— Так. Где и у кого?

— У Ага Хана IV.

— Первый раз слышу.

— Имам Ага Хан IV — духовный главарь исмаилитов.

— А кто такие исмаилиты?

— Самая богатая и многочисленная секта современного ислама. Исмаилиты почитают Ага Хана как «живого бога», происходящего якобы по прямой линии от пророка Мухаммеда и зятя его Али. Он имеет неограниченную власть над умами и кошельками своих приверженцев. А их — около двадцати миллионов. И каждый из них платит ему налог — десятину с любого дохода. Ага Хан — один из пяти самых богатых людей на свете.

Дельфас картинно нарисовал портрет крупнейшего бизнесмена мусульманского мира, обладателя сказочного состояния, рядом с которым индийские махараджи показались бы нищими, владельца множества промышленных и финансовых предприятий в разных странах, любимца

высшего аристократического английского общества, состоящего в родстве с верхушками лондонской финансовой знати, законодателя мод и прочая, и прочая...

— И вы думаете, что Ага Хан может раскошелиться на такую сумму? — неуверенно спросил Фуркаль.

— Только поборы с исмаилитов приносят ему четыре с половиной миллиарда долларов в год. Если он вкладывает огромные деньги в крупнейшие нефтяные и текстильные компании, то я не вижу причины почему бы ему отказать нам.

— А где найти его?

— В Бомбее, в Карачи, в Дар-эс-Саламе, в Лондоне, в Швейцарии... Но мы сами искать не будем, я знаю человека, который возьмет это поручение на себя.

— Ты золотой парень, Кербер! Кто он?

— Исмаилит.

— Здесь, в Микроландии?!

На диктатора это сообщение произвело такое впечатление, будто Дельфас сказал, что в Микроландии водятся бамбуковые медведи.

— Не удивляйтесь, экселенц. Исмаилиты рассеяны по всему миру, они живут в двадцати двух странах, недаром эту секту называют «государством без территории». В Микроландии есть община исмаилитов, человек пятьдесят. Все они — ваши подданные. Человек, которого я имею в виду, находится в одном квартале от вашего дворца.

— ?

— Вам никогда не приходилось обращать внимание на уличного предсказателя судьбы, что сидит в пролете здания Коммерческого суда?

— Представьте, что нет.

— Это и есть искомый человек.

— Ну что же. Дадим ему денег на поездку, необходимые полномочия и охранную грамоту. В случае успеха его миссии он получит хороший куртаж [1].

— Но есть еще одно препятствие...

— Какое?

— Рун-Рин колеблется — завершать ли ему работу над реализацией проекта «Ла-5».

— В чем дело?

---

[1] Куртаж — вознаграждение посреднику в коммерческой сделке.

— Видимо, блажит. А возможно, просто не хочет, чтобы «Ла-5» служила средством производства вооружений. Он хочет, чтобы она использовалась исключительно для мирных целей.

— Ну, дорогой Кербер, у нас есть средства заставить его довести дело до конца.

Кербер позволил себе еще раз усмехнуться.

— Заставить, говорите вы? Легче заставить бронзового коня, на котором сидит генерал Альгамейро, — Кербер указал в окно на конный монумент, украшавший площадь перед диктаторским дворцом, — легче заставить этого бронзового коня встать на дыбы, чем заставить Рун-Рина. Этот человек скроен совсем не из того материала.

Фуркаль задумался.

— Во всяком случае эту птичку нельзя оставлять на воле. Вызовите сейчас ко мне Ратапуаля.

Не прошло и полчаса, как шеф «Гарпии» стоял перед диктатором. Фуркаль со скрытой ненавистью смотрел на его наглую физиономию. Он внушил себе, что этот человек призван сыграть в его жизни роковую роль. От Ратапуаля можно было ждать чего угодно, вплоть до удара ножом в спину. «Только бы упредить, и я, поверьте, ударю первым», — злорадно думал Фуркаль.

Ратапуаль был похож на Наполеона Третьего и очень гордился этим: Луи Бонапарт был его любимым историческим героем. Он даже во внешности старался подражать этому «царственному босяку» — как называл его Маркс— вплоть до эспаньолки и усов, закрученных в стрелочку.

После короткого обсуждения решено было осуществить превентивный арест Рун-Рина.

— А повод? — спросил Дельфас, любивший, чтобы юридическая сторона дела была соблюдена.

— Чтобы арестовать любого человека, можно найти тысяча один повод,— хохотнул Ратапуаль. — У меня есть сведения, что Рун-Рин вхож в подпольную организацию «Либертасиа у демократида».

— Тогда действуйте, — резюмировал Фуркаль.

* * *

Солнце только взошло над Санта-Барбарой, как Ратапуаль и Дельфас уже дежурили в приемной, ожидая появления диктатора. Ратапуаль потерял свой бравый

вид, и знаменитые усы а ля Наполеон Третий отвисли книзу. У Дельфаса тоже вид был неважный.

Такими застал их диктатор.

— В чем дело, господа? — обеспокоенно спросил он.

Ратапуаль набрал воздух в грудь, надул щеки, что служило у него признаком сильного волнения, и гаркнул:

— Экселенц, разрешите доложить...

— Ну, что? Да говори же, не мямли.

— Рун-Рин... скрылся.

Кулак Фуркаля тяжело опустился иа стол.

— Как же ты допустил это, каналья!

— Вчера Рун-Рин ие был после обеда на работе. Дома его также не обиаружили.

Дельфас дипломатично молчал. Он зиал, что диктатор подвержен припадкам бешенства и в этой ситуации лучше всего отмалчиваться.

Диктатор тем временем бушевал. Он швырнул на пол и растоптал коробку великолепных сигар, сбросил со стола иастольную лампу, потом заметался по кабииету.

— Как ты прозевал его, кусок дерьма! — вопил он, потрясая кулаками под иосом Ратапуаля.

Стоявшие на камине старинные часы севрского фарфора полетели на паркет и разлетелись вдребезги. Фуркаль присматривал, что бы еще такое расколотить, но в это время вперед выступил Дельфас и укоризненно сказал:

— Экселенц, экселенц...

— Да? — опомнился Фуркаль, налитыми кровью глазами обводя следы погрома.

— Не следует думать, что все потеряно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не волнуйтесь так, экселенц. Мы живем в XX веке, времена Фаустов прошли. Нынче, как правило, всякое крупное открытие или изобретение — вовсе не плод внезапного прозрения гениального одиночки, а результат коллективного труда многих ученых и инженеров различных узких специальностей. Один из них, ближайший сотрудник Рун-Рина, находится здесь, в приемной.

Под влиянием медленной, рассудительной речи Дельфаса диктатор заметно остыл.

— Давайте его сюда.

В кабинет ввели полного респектабельного господи-

на в очках, с пышной полуседой шевелюрой и бородкой клинышком. Это был один из ведущих инженеров проекта.

Непрерывно подобострастно кланяясь, он доложил, что третья серия чертежей, подготовленная к отправке в цех, не обнаружена, возможно уничтожена. Это важное звено, но...

— Не все потеряно, не правда ли? — нетерпеливо сказал Фуркаль.

— Ничуть. Вся информация, касающаяся конструкции «Ла-5», закодирована в блоке долговременной памяти электронной машины. А ее Рун-Рин не мог ни спрятать, ни уничтожить, ни унести. Извлечь эту информацию не так уж сложно.

Фуркаль отвалился на спинку кресла и блаженно отдулся.

— Вот оно как повернулось дело! Отлично. Но Рун-Рина,— обратился он к Ратапуалю,— все равно нужно найти во что бы то ни стало, дабы он не передал секрета конструкции в другие руки. Слышите, Ратапуаль? Живым или мертвым! Объявите награду за его голову, распорядитесь немедленно закрыть государственную границу, чтобы мышь не проскочила за пределы Микроландии, отмените воздушные рейсы за рубеж на два-три дня... словом, все что угодно. Если Рун-Рин не будет найден — пеняйте на себя.

Ратапуаль щелкнул каблуками и закрутил усы в ниточку.

— Есть, экселенц.

— Вы свободны, господа.

* * *

И все же Дельфас решил пойти на свидание с Рун-Рином, — чем черт не шутит...

В назначенное время он явился в ресторан «Фонтенбло», где уже был заказан столик. Долго сидел в одиночестве, наблюдая веселящуюся публику.

Наконец к нему подошел метрдотель.

— Если не ошибаюсь, господин Дельфас?

— Да.

— Мне поручено вручить вам вот этот конверт.

На конверте четким характерным почерком Рун-Рина было написано:

«Его превосходительству Керберу Дельфасу, государственному наушнику 2 класса».

Внутри на листке бумаги всего два слова: «Прощай, Иуда».

И приложена серебряная монета в 30 кедеров.

7. ГОЛОВА РУН-РИНА ОЦЕНЕНА

Объявление о розыске.

ВНИМАНИЕ!

10.000 крезо будет выплачено тому, кто задержит,
и 5.000 крезо тому, кто укажет местопребывание
особо опасного преступника
ТИЛО РУН-РИНА,
обвиняемого в государственной измене.
Фотографии анфас и в профиль 13×18.
До последнего времени работал
инженером-конструктором
в Институте новейшей электроники.
ЛИЧНЫЕ ПРИМЕТЫ
Возраст — 36 лет
(родился 15. VII. 1931 г. в г. Чагосе).
Рост: средний, 175 см.
Фигура: стройная, крепкого сложения,
спортивная выправка, бодрая походка.
Плечи: широкие.
Черты лица: крупные, высокий отвесный лоб,
нос с горбинкой, рот прямой,
подбородок квадратный с ямочкой,
растительность на лице бреет.
Цвет лица: смуглый.
Волосы: вьющиеся, светлый блондин,
короткая спортивная стрижка.
Глаза: светло-серые.
Уши: овальные, мочки висячие.
Зубы: передние — полностью.
Речь: отрывистая, негромкая. В совершенстве владеет,
кроме родного языка, французским и немецким,
говорит также по-английски с акцентом.
ОБВИНЯЕТСЯ:
в государственной измене;
в принадлежности к тайной антиправительственной
организации;

в подготовке террористических актов против руководителей государства.
Будьте осторожны при задержании!
Предупреждаем, что он вооружен!

8. ЧЕРНЫЙ КОТ

По ночам диктатор боялся. Если говорить правду, то он боялся и днем, но при дневном свете, на людях, он прятал это чувство под маской свирепости и высокомерия. Но когда гас свет в его опочивальне, во мраке возникали зловещие облики тех, на кого опирался его режим: седые рысьи бакенбарды полковника Кенэ Раста, командующего танковыми частями, бегемотообразная физиономия генерала Непо Кейроля, начальника особых отрядов «черных аксельбантов», костлявое лицо коммодора Флона (военно-воздушные силы), наконец, наглая рожа Каина Ратапуаля, с его усами в стрелочку и эспаньолкой, заплечных дел мастера, коварство которого было отлично известно Фуркалю. Оступись на шаг, зазевайся на минуту — и тебя сожрут.

Он боялся собственной жены Лаксам, которая, по достоверной информации, путалась с Ратапуалем.

Он боялся своей любовницы, звезды стриптиза Ариты, которая, по столь же достоверным сведениям, числилась в штате Ратапуаля.

Но больше всего диктатор боялся тех, кто строил, ковал, добывал уголь и уран, водил машины, сеял и жал, чей грозный голос доходил до него через бронированные двери, как эхо непрекращающихся забастовок и волнений.

На столике у кровати всегда лежали автомат и крупнокалиберный пистолет, а в стене у изголовья находилась тщательно замаскированная потайная дверь к подземному ходу. Он вел за пределы дворца и заканчивался в гараже, где наготове стояла мощная гоночная десятицилиндровая машина фирмы «Крайслер» модель «Олигарх-1980» — голубая мечта деспотов, чующих, что земля горит у них под ногами.

Интерьер машины был роскошен и оборудован электронной системой жизнеобеспечения. «Олигарх» имел пуленепробиваемую обшивку, механизм выброса масляной жидкости для отрыва от преследователей, прибор ночного видения, систему подачи парализующего газа, непро-

биваемые шины. В специальных амбразурах помещался набор новейшего автоматического оружия, а под сиденьем — все необходимое для переодевания и грима. В багажнике помещался огнемет, выбрасывающий огненную струю на 500 метров.

Любопытиа история этой уникальной машииы. Както в Микроландии появился заокеанский гость, коммивояжер по размещению ядериых ракет на территории европейских государств. Узнав о его притязаниях, Фуркаль уперся, при всей своей тупости он понимал, что прежде всего это ставит под ответный удар саму Микроландию. И ее суверенитет. Однако заокеанский дипломат оказался хитрее. Узнав, что вскорости будет отмечаться день рождения диктатора, он преподнес Фуркалю от имени своего правительства подарок — этого самого «Олигарха». Тут Фуркаль не устоял: такой машины не было у самого президента Соеднненииых Штатов, и стоила она 350 тысяч долларов. Перед таким именинным пирогом с его заманчивой начинкой не устоял и суверенитет.

Когда диктатор изволил почивать, в комнате рядом дежурили два телохранителя, вооруженные до зубов. Но кто мог дать гарантию, что они не куплены Ратапуалем или Кейролем и в любой миг ночи не обратят оружие против Фуркаля?

В эти часы вынужденной бессонницы диктатор вставал, зажигал ночник и глотал стаканом «Бохабос», адскую смесь шестидесятиградусного спирта и перечной эссенции, приправлениую наркотиком. И в голове, затуманеиной «Бохабосом», неотступно, жгуче возникала мысль о сообщении Дельфаса. При своих, более чем скромиых, познаииях в области физики Фуркаль понимал, что, увлекшись подготовкой с возведением себя в императорский сан, он проглядел, прошляпил у себя под носом нечто чрезвычайно важное.

Мозг сверлили слова Дельфаса: «Ведь это лампа Аладдина!» Ои повторял эту фразу тысячу раз. Тогда у него возникал гнев против Дельфаса, который, собственно, ни в чем не был винреват, и против каиальи Ратапуаля.

А тут еще дурацкая история с черным котом.

В очередную бессонную ночь в синем доме (фасад дворца диктатора был выложен ультрамариновыми изразцами) под кроватью Фуркаля раздалось истошное мяуканье. Диктатор зажег свет и полез под кровать. Так

как он уже хватил изрядную дозу своего пойла, то ему показалось, что там мелькнула черная тень. Схватив со стола фонарик, он принялся высвечивать подкроватную территорию, но ничего, кроме серебряного ночного сосуда, принадлежавшего некогда папе Александру VI (Борджиа), не обнаружил.

— Черт побери, у меня, кажется, начинаются галлюцинации,— пробормотал он, вытирая со лба холодный пот. Хлебнув еще порцию «Бохабоса», диктатор улегся. Через пять минут мяуканье повторилось. Фуркаль снова вскочил и совершенно явственно увидел в углу две фосфорические зеленые точки. Тогда босой, в пижаме, он пулей вылетел в соседнюю комнату. Телохранители вскочили, как будто катапультированные, из своих кресел.

— Дьявол вас забери! — хрипел диктатор, красный, как стручок перца. — За что я плачу вам деньги?! Развели тут котов...

— Каких котов, экселенц? — в голос спросили стражи.

— Черных! — заорал Фуркаль. — Черных котов! Разве вы не слышали мяуканья?

Телохранители недоуменно переглянулись.

— Нет, экселенц, мы ничего не слышали, — робко сказал один из них.

— Идите, поглядите. И, кровь из носу, найдите эту тварь, — бушевал диктатор.

Стражи на цыпочках вошли в спальню и стали шарить под кроватью и по углам. Они даже приподняли ковер, кота не было и следов.

— Пошли вон, олухи! — рявкнул диктатор.

Телохранители на цыпочках вышли из спальни и посмотрели друг на друга. Один из них выразительно щелкнул себя по горлу.

С тех пор кот стал появляться почти каждую ночь. Он то мяукал за оконной шторой, то в туалете, даже за потайной дверью. Была мобилизована вся дворцовая охрана, придворные, детективы, лучшие силы из ведомства Ратапуаля, поставлены волчьи капканы (в один из них однажды попался телохранитель диктатора) — все напрасно.

Неизвестно, каким образом эта история просочилась за пределы резиденции диктатора, но вскоре в предместьях Санта-Барбары, населенных рабочим людом, зазвучала возмутительная, подрывающая основы, песенка.

Ее задорный, бойкий мотив прилипал к памяти, как смола.

В синем доме черный кот, черный кот...
Он кому-то не дает
спать!..
Деспот лезет под кровать,
Чтоб того кота поймать,
заарестовать!
Детективов он зовет:
где же, где же, где же тот
Черный кот?!
Изловить того кота
и оставить без хвоста!
Тра-та-та!
А коту, знать, наплевать,
Черта с два его поймать,
Ах, прохвост, ах обормот —
черный, черный, черный кот!..

Песенку эту мурлыкали шоферы, крутя баранку, напевали шахтеры, вгрызаясь в угольную лаву, эти куплеты пели крестьяне на уборке урожая и пастухи в поле, продавцы зелени на базаре, словом, невдолге она стала достоянием всей трудовой Микроландии. Уличные мальчишки распевали ее во весь голос, конечно, на почтительном расстоянии от полицейских. А как-то ночью кто-то ухитрился намалевать черной масляной краской кота на стене дворца.

Диктатор рвал и метал, но никаких следов злокозненного животного обнаружить не удавалось.

Однажды, когда Фуркаль устроил очередной разнос Ратапуалю за то, что он проморгал происходящее в стенах «Юниверсум электроникс», Ратапуаль, не моргнув глазом, заявил:

— Извините, экселенц, но вы знаете, что я был целиком занят поисками черного кота...

Пошевелил, как кот, знаменитыми усами и сказал: «Мяу!»

И ухмыльнулся, сукин сын...

9. ИСМАИЛИТ

В последнее время, еще до внезапного и загадочного исчезновения генерального конструктора, сотрудники нередко заставали его в так называемом сиреневом зале. Этот электронный мозг занимал отдельное шестиэтажное здание, и в сиреневом зале помещался пульт управления. Но Рун-Рин не работал, пальцы его не бегали по

кнопкам и тумблерам, он сидел, опустив голову и устремив взгляд в одну точку, в глубокой задумчивости.

А задуматься было над чем. Прежде всего, все завершение работ было поставлено под удар. Деньги, предусмотренные на строительство «Ла-5», давно были израсходованы. А затраты росли и росли в геометрическсой прогрессии, и конца им не предвиделось. Большинство членов совета директоров разочаровались в проекте и с опаской заглядывали в завтрашний день. Ситуация складывалась угрожающая. На последнем заседании совета один из директоров, долбя, как дятел, сухим кулачком лакированную столешницу, взывал:

— Разве вы не видите, господа, что это бездонная бочка? Если мы будем продолжать в том же духе, фирма может обанкротиться!

Потом слово взял один из авторитетнейших директоров, огромный, как мамонт, спокойный и тихоречивый господин Сарка. В противность истерическим выкрикам своего предшественика он говорил медленно, запинаясь, но произведенный им анализ положения прямо-таки посеял панику среди коллег. С цифрами в руках он показал, как далеко зашло дело, и многие почувствовали себя подобно азартному игроку, который, выйдя поутру из казино, обнаруживает, что у него в карманах не осталось даже пяти кедеров на стакан виски.

— Я вполне согласен с предыдущим коллегой, — заключил он. — Э-э-э... да-с...

— Что же вы предлагаете? — в унисон прозвучало несколько голосов.

— «Ла-5» — это заманчиво, слов нет. Э-э-э... Но, м-м-м, нужно быть слепым, чтобы не видеть, что мы зарвались... Гм-гм-гм... Нужно э-э-э... законсервировать проект «Ла-5», а в критический момент... гм-гм-гм — даже реализовать часть контрольного пакета акций...

Да, Рун-Рин устал служить чужому богу. Эта усталость вызывала какую-то безнадежность, усиливаемую опасениями, что «Ла-5» прежде всего будет обращено на производство вооружений... И атомную бомбу? Да, пожалуй, даже водородную...

Рун-Рин чувствовал, что вокруг него образуется вакуум. Внезапно пропал его самый талантливый помощник — Биск де Рие. Как-то в компании инженеров он обмолвился: «Диктатор — не более чем Микки Маус, возомнивший себя Наполеоном...

Этого было достаточно, чтобы Рун-Рин и его коллеги никогда более не видели Биска.

Дюваль, по слухам, тайно эмигрировал. Однако Рун-Рин полагал, что искать его следует в застенках Ратапуаля.

И сам Рун-Рин интуитивно чувствовал над головой раскачивание дамоклова меча.

Так, в одно раннее дождливое сентябрьское утро недалеко от дома, где проживал Хуссейн Мухаммед Исхак, остановился желтый спортивный «Ягуар» с заляпанным грязью номером. Из него вышел человек в пальто с поднятым воротником и нахлобученной на глаза шляпе. В руке он нес небольшой плоский чемоданчик, какие называются «атташе-кейз», так как ими обычно пользуются дипломаты.

Машину Рун-Рин одолжил у своего коллеги под предлогом, что его собственная неисправна.

Небольшой флигель помещался в глубине двора и принадлежал хозяину шикарного особняка, проводившему время на морском курорте.

Дверь флигелька открылась, и Рун-Рин оказался нос к носу с Хуссейном, в его обычном пестром халате и зеленой чалме.

Рун-Рин приветствовал его условным знаком и словами «Либертасиа у демократида», что на микроландском диалекте означало «Свобода и демократия». Хуссейн ответил тем же. Потом отступил на шаг, и на лице его отразилось нескрываемое волнение.

— Вовремя, друг! Ты знаешь, что тебе нужно немедля уходить?

Исмаилит показал ему объявление о розыске, доставленное ему рабочим типографии, работавшим в ночной смене.

— Утром эта бумага будет красоваться на всех стенах.

— Считай, что я уже ушел, — ответил Рун-Рин.

— Рано пташечка запела,— бросил сквозь зубы исмаилит. — Ты еще в когтях тигра.

Он посмотрел на часы.

— Через два часа сюда явится гость. За это время ты должен перевоплотиться.

Хуссейн открыл дверь в соседнюю комнату и позвал:

— Мсье Антуан!

Оттуда, как чертик из табакерки, бойко выскочил ма-

ленький смешной старичок. На седой его шевелюре был зачесан старомодный кок.

— Рекомендую тебе, Тило: мсье Антуан Бидо, волшебник ножниц и парика, лучший и непревзойденный гример всех европейских театров.

Старичок поклонился и потряс коком, что, видимо, означало приветствие.

— Либертасио у демократида.

Мсье Антуан, посадив Рун-Рина и Хуссейна рядом, принялся внимательно изучать их лица анфас и в профиль, время от времени бормоча себе под нос:

— Так-так! Сходство налицо. Тре бьен![1] Смуглость почти одинаковая, только надобно усилить чуть-чуть... Носы, представьте, очень схожи, даже искусственной горбинки не нужно. Тре бьен! Шарман[2], — он хлопнул в ладоши и раскрыл принесенный с собой «докторский» саквояжик. — Задача проще, чем я думал.

Достав парикмахерский снаряд и несколько флаконов, он молниеносно наголо обрил голову Рун-Рина, затем протер голову, лицо и руки генерального конструктора жидкостью с характерным запахом йода, выкрасил брови в черный цвет и «срастил» их, наклеив кусочек шерсти. Затем лицо Рун-Рина украсили черные же усы. Через полчаса рядом с Хуссейном сидела его неотличимо точная копия.

Во время этих процедур Рун-Рин не отрывал глаз от лица Хуссейна, который всегда в какой-то мере был загадкой для генерального конструктора. Сын индуса и цыганки Хуссейн родился в Микроландии, куда отец его, столяр-краснодеревщик, эмигрировал с группой приверженцев Ага-Хана после индийско-пакистанской резни 1947 г. В общине Хуссейн пользовался большим влиянием. Возможно, он был резидентом «живого бога» в этой стране. Возможно, возможно...

Но тот, кто сумел бы заглянуть в «тайные тайных» исмаилита, узнал бы, что в этом человеке не осталось ни капли того оголтелого фанатизма, которым отличаются последователи ислама. Под маской уличного предсказателя судеб он по поручениям Ага Хана много странствовал и видел, как исмаилитская верхушка — купцы, промышленники, банкиры, финансисты, судовладельцы—нещад-

---

[1] Тре бьен (франц.) — очень хорошо.
[2] Шарман (франц.) — прелестно.

но эксплуатируют исмаилитские низы, крестьян, ремесленников, рабочих, простой трудовой люд, своими мозолистыми руками наполняющий их сейфы. Он уже давно не верил ни в аллаха, ни в пророка Мухаммеда, ни даже в его зятя Али, который у части исмаилитов котируется порой выше Мухаммеда.

Но это был революционер по призванию, один из лучших боевиков подпольной организации «Свобода и демократия». Последнее время его боевая группа готовила покушение на Фуркаля и столпов его режима.

— А глаза? — спохватился Рун-Рин.

— И это предусмотрено, мсье. — Бидо открыл коробочку и покопался в ней, выбирая контактные линзы. Рун-Рин стал обладателем черных, как маслины, глаз.

— Вы, я вижу, виртуоз своего дела! — заметил он.

— То же самое сказал Томмазо Сальвини, когда я в «Ла Скала» гримировал его для роли Отелло.

— Так сколько же вам лет? — изумленно спросил Рун-Рин, вспомнив, что великий актер скончался лет шестьдесят назад.

Маэстро, склонив голову набок, любовался своей работой.

— Можете представить себе, сколько времени я служу Мельпомене, если, будучи уже в зрелом возрасте, участвовал в штурме Бастилии,— скромно сказал мсье Бидо.

И очень довольный своей шуткой, долго смеялся старческим, добрым смешком.

— Довольно шуток,— сурово сказал Хуссейн. — Тило, переодевайся. Он принес комплект одеяния, точно такого же, какое было на нем самом, и показал Рун-Рину, как повязывать чалму. — Вот-вот появится тот, кого я жду.

— Давай попрощаемся, Хуссейн, — сказал Рун-Рин.

Они сердечно обнялись.

— Из Бомбея ты направишься в Карачи, — напомнил Хуссейн. — Явишься по адресу, который я тебе дал, и получишь новые документы на имя австралийского скотопромышленника. Ему же отдашь охранную грамоту, паспорт и прочее. Все будет незамедлительно доставлено обратно мне. Я поеду поездом через другой пограничный пункт. Пароль: «Я из Магриба». Отзыв: «А я ваш земляк».

— Помню. Приложи все усилия, чтобы устроить Фуркалю этот заем. И пусть дело идет своим чередом. Все

остальное я беру на себя. Встретимся в лучшие времена.

Исмаилит провел их в соседнюю комнату:

— В случае непредвиденных обстоятельств — вот.

Он приподнял висевший на гвоздике плащ и показал спрятанный под ним бесшумный автомат.

— Понятно, — сказал Рун-Рин. — Гостя встречу я.

Щелкнул замок комнатки, где укрылись Хуссейн и месье Бидо.

Гость не заставил себя ждать. Через двадцать минут близ «Ягуара» остановилась вторая машина, из которой вылезли два субъекта: Никт (агент № 29) и Микс (агент № 32) с весьма банальными физиономиями. Это были не какие-нибудь светила детективного мира, а рядовые филеры наружного наблюдения, туповатые, исполнительные, но «неперспективные», так сказать, сотрудники на побегушках. Как было принято, Никс и Микс работали всегда в паре.

— Будешь подстраховывать меня, — приказал Никс. — Кто войдет, не задерживай, только хорошо заметь. Через час после того, как мы уедем (он подчеркнул «мы»), можешь прекратить наблюдение. Давай встретимся и пообедаем «Под белым колпаком» (так именовался кабачок, на вывеске которого был изображен толстый повар, листающий огромный кулинарный фолиант. Заведение третьеразрядное, но по ценам вполне соответствующее тощим кошелькам Никса и Микса).

— Кто? — спросил хрипловатый голос Хуссейна с характерным восточным акцентом.

— От его превосходительства господина Дельфаса,— тихо отозвался Никс. Дверь открылась, и филер вошел, низко кланяясь и озираясь по сторонам.

— Надеюсь, мы одни?

— Абсолютно,— заверил «Хуссейн».

— Мне поручено вручить вам вот этот пакет.

Двойник Хуссейна разорвал обертку с сургучными печатями и извлек билет на самолет до Бомбея, пачку валюты, охранную грамоту, визированный паспорт.

— Передай его превосходительству мою благодарность,— открыв атташе-кейз, «Хуссейн» бросил туда деньги и документы. Потом, сложив смуглые руки на груди, сделал полупоклон, как бы давая понять, что Никсу делать здесь больше нечего.

— Господин Хуссейн, — заюлил Никс,— но сейчас я

не могу вас покинуть. Мне поручено охранять вас и сопровождать до аэропорта. Самолет уходит через час.

Хуссейн № 2 поморщился, сухо сказал:

— Как угодно.

«Хуссейн» накинул широкий плащ из верблюжьей шерсти, какой носят бедуины, и закутался в него. Через пять минут они были в пути.

* * *

Никс проводил «Хуссейна» до аэровокзала и усадил в самолет, вежливо, даже подобострастно. Он, вероятно, считал, что его подопечный какая-то большая шишка. И успокоился только после того, как самолет оторвался от взлетной полосы и вскоре исчез за облаками, где ярко светило солнце. Через несколько часов «Хуссейн» будет в Бомбее, под ярко-синим индийским небом, где нет этой мерзостной слякоти.

Никс, кряхтя, влез в машину и взялся за баранку.

Напарник его час с лишним болтался возле флигеля, хотя был предупрежден, что домик пуст, и уже готов был покинуть свой пост, как вдруг дверь отворилась. Оттуда вышел никто иной как ...Хуссейн. Микс глазам не поверил. Но у него было категорическое распоряжение: следить за входящими (таковых не оказалось), а о выходящих Никс ничего не сказал. Тут в голову филера пришла оригинальная мысль. Он догнал Хуссейна и окликнул его.

— Что вам угодно? — осведомился исмаилит ледяным тоном.

— Господин... э... э... э, — запинаясь выговорил Микс. — Достопочтенный ага (он знал, что в Индии так величают знатных господ), я слышал, что вы великий предсказатель, читающий в книге судеб так же легко, как школьник в прописях. Не могли бы вы сказать и мне пару слов...

Хуссейн молча взял руку шпика и повернул к себе раскрытой ладонью.

— Вообще-то я бесплатных предсказаний не даю. Но для человека Ратапуаля могу сделать это маленькое одолжение.

Он осмотрел линии на ладони Микса.

— К сожалению, придется огорчить вас. Вам в ближайшее время придется пережить крупные неприятно-

сти, если... если вы не будете держать язык за зубами. Прощайте.

«Прорицатель» повернулся к нему спиной, вскочил в желтый «Ягуар» и умчался.

«Под белым колпаком» Микс встретился с Никсом, уже заканчивавшим порцию рагу с зеленым горошком.

— Ну, где ты провалился? — грубовато спросил он напарника. — Как там, никто не появлялся?

— Не входил никто. А выходил сам господин Хуссейн.

Никс чуть не подавился косточкой.

— Как ты сказал? — еле выговорил он.

— Господин Хуссейн.

— Да ведь он уехал со мной на аэродром.

— Так этот человек в верблюжьем бурнусе был тоже Хуссейн?!

— Он самый. Он уже летит, вероятно, над океаном. И что ты об этом скажешь?

— Я не знаю, как объяснить такое совпадение. Но ведь он — факир, а они могут перевоплощаться, двоиться, находиться закопанными в могиле несколько суток...

Агент № 29 и агент № 32 долго глядели в глаза друг другу. Так между ними было заключено молчаливое соглашение похоронить эту историю во избежание крупных неприятностей.

10. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ИМПЕРАТОРА ФУРКАЛЯ

Репортер официоза «Микроландский Меркурий» торопливо строчил в блокноте: «Прекрасный солнечный день середины июля всеми красками радуги расцветил это пышное празднество, как символ высшего достижения нашего обожаемого монарха Хуно Первого, отца народа...»

Журналист не упоминал о том, что полуденное солнце в этот день было излишне щедрым. Ни одно дуновение ветерка не шевелило листья на ветвях, осенявших трибуну, покрытую великолепным персидским ковром.

Репортер пососал кончик шариковой авторучки и продолжал бойко писать: «Вокруг императора — весь цвет нации: министр юстиции его светлость герцог Эгретский Кербер Дельфас, рядом с ним его превосходи-

тельство Каин Ратапуаль, представители вооруженных сил генералы Кенэ Раст, Пепо Кейроль, коммодор Флон, звезда и-роза микроландского аристократического общества божественная госпожа Лаксам Фуркаль (репортер умалчивал о том, что этой звезде и розе было уже за 50), руководитель института и директор предприятия доктор Троакар и другие высокопоставленные лица.

Вся эта сановная свора, окружавшая Фуркаля и увешанная аксельбантами, эполетами, орденами, нарукавными шевронами, обливалась потом в своих суконных мундирах, застегнутых на все пуговицы.

На Фуркаля было просто больно смотреть, словно на витрину ювелирного магазина в лучах мощного прожектора. Голову его венчала золотая каска, на которой распростерла крылья какая-то хищная птица. Вся хунта окружала его, в полном своем блеске — в буквальном смысле слова, и каждый поднимавшийся на трибуну прежде всего совершал обряд целования руки новоиспеченного императора. Сам Фуркаль чувствовал себя не совсем ладно: струйки пота бежали из-под золотой каски, как из-под душа и текли за воротник.

На торжество был допущен очень ограниченный круг вельмож — главари хунты и, кроме них, лица, без которых невозможно было обойтись: несколько инженеров-операторов, десяток рабочих, охрана и музыканты. Все остальные были удалены далеко за пределы института-крепости.

Капельмейстер взмахнул палочкой, и серебряные трубы заиграли гимн:

Велик Фуркаль, наш император —
Отец народа, свет и счастье...

От бурных звуков заколыхалось знамя, осенявшее трибуну: черное с вертикальной серой полосой в центре, на которой был вышит серебряный гриф-стервятник.

...Со времени исчезновения Рун-Рина прошло три года. За это время все, как выражался Дельфас, «утряслось»: Хуссейн вернулся с согласием Ага-Хана предоставить заем, правда, на безбожных процентах. Контрольный пакет акций был выкуплен, само предприятие национализировано и носило отныне название «Националь юниверсум электроникс». Информация была извлечена из блоков долговременной памяти компьютера, расшифрова-

на, и работы по постройке «Ла-5» благополучно доведены до конца. Дельфас получил все, чего домогался, — сан герцога и сменил серебряное шитье мундира на золотое.

Фуркаль возвел себя сперва в звание фельдмаршала, а потом провозгласил себя императором. Оказалось, что у него была железная хватка. И даже черный кот появлялся теперь не еженощно, а только по пятницам. Казалось, этот день — день пуска автоматической линии «Ла-5» — не сулил ему ничего дурного.

Император взмахнул рукой в белой перчатке, и музыка смолкла. Пыжась, Фуркаль подошел к ограде трибуны и в торжественной тишине зазвучал его писклявый голос:

— Дорогие соратники — Дельфас, Ратапуаль и другие! (Про себя: «Вы у меня еще попляшете, Ратапуаль и Лаксам!) Я могу, наконец, дать нашему народу изобилие и благоденствие... Вы будете свидетелями эксперимента, который явится новой эрой истории Микроландии...

Овация.

— Народы склонят свои головы под наше черно-серое знамя, ибо мы обретаем могущество, какого не знал мир...

Минут десять еще Фуркаль мямлил и размазывал, бросая в окружение трескучие фразы. Затем снял каску и вытер платком заметную лысину.

Слово перешло к директору института и главе фирмы долговязому доктору Троакару, высокоученому лакею и поклоннику императора, глубоко освоившему основы демагогии. Он знал, что Фуркаль не любит длинных речей: сколько-то верноподданности, побольше патоки, лапидарность формулировок.

— Да, вы немногие избранные, обласканные сиянием современного царя Соломона и Тамерлана, отца народа, императора Хуно Первого, будете удостоены сегодня лицезреть в действии установку, созданную его попечением. Это новая лампа Аладдина, это волшебная мельница Сампо народных легенд, на которой будет коваться мощь Микроландии и процветание ее населения. Склоним же головы перед гением его величества Фуркаля...

Доктор Троакар перевел дух и заключил:

— А теперь прошу светлейшую публику осмотреть нашу установку.

Он повел Фуркаля и его свиту к цеху, длинному, как тоннель, не меньше километра. Под высокими сводами здесь помещался «Ла-5».

— Сначала вы видите бункер, в который загружается исходный материал и некоторые ингредиенты, составляющие тайну фирмы. Дальше второй обширный бункер, в котором, собственно, и происходит производственный процесс.

Доктор вел их мимо камеры, представляющей очень длинный продолговатый ящик из сверхпрочной бериллиевой бронзы.

— Это самая ответственная часть построена самим Рун-Рином еще в бытность его генеральным конструктором. «Память» машины хранит записи программ, во всех деталях определяющих последовательность изготовляемых предметов, их массу, размеры, сложность. В положенных пределах «Ла-5» может изготовлять все, от граммофонной пластинки до водородной бомбы. Для обслуживания ее требуется всего два специалиста. Нужно только набрать на диске число, под которым предмет закодирован.

— Но мы ничего не видим, господин доктор, кроме бронзовых стенок,— капризно заявила мадам Фуркаль.

— И не можете видеть,— отпарировал доктор Троакар. — Этот бункер построен по принципу кибернетического «черного ящика» и имеет два отверстия — входное и выходное. В одно поступает материал, из другого выходит готовая продукция. Узнать, что и как происходит в этом бункере, мы можем, только сломав его. Но это вовсе не безопасно, так как в нем происходит превращение некоторых элементов. Это означало бы зарезать курицу, несущую золотые яйца.

— А машину, выпускающую таких кур, ваша лампа Аладдина может выпускать? — осведомилась императрица.

«Вот дура!» — подумал доктор и со всей вежливостью, на какую был способен, ответствовал:

— В недалеком будущем — возможно, ваше высочество. Пока речь идет только о неодушевленных предметах.

— Стоило ли ехать сюда, чтобы увидеть эти глухие стенки,— пробормотал под нос Дельфас.

Видимо, это замечание дошло до ушей доктора. Он оживился и указывая на третий ящик, целиком выпол-

ненный из прозрачной пластмассы алмазной твердости, возгласил:

— Вы напрасно заметили, ваша светлость, что смотреть не на что. В этом, конечном, бункере вы увидите нашу готовую продукцию.

Троакар вопросительно посмотрел на Фуркаля.

— Приступим,— сказал император.

— Что хотели бы вы получить для начала, ваше величество?

— Для начала что-нибудь не очень сложное. Скажем, легкий танк, оснащенный ракетами с атомными боеголовками.

Доктор Троакар начал набирать цифры на диске, встроенном в бронзовый бок кибернетического ящика.

Инженер-оператор уселся за пульт управления, другой стоял около доктора, ожидая команды.

— Дать ток на мощность № 3.

Где-то под землей угрожающе загудели мотор-генераторы. Яркая красная лампа загорелась на пульте. Окружающие попятились, а Лаксам спряталась за спину Ратапуаля.

— Успокойтесь, мадам, это же совершенно безопасно,— ободрил ее доктор.

Только император стоял хладнокровно, помахивая перчаткой. Наступал его звездный час.

— Господин де Ко, приступайте,— скомандовал доктор.

Пальцы оператора забегали по пульту. Дверца бункера № 1 открылась, огромная, как пасть Левиафана, и рабочие начали складывать туда с подъехавшего автопогрузчика ящики. Когда эта операция была закончена и доктор проверил, прочно ли закрыт люк, он обратился к Фуркалю.

— Ваше величество, вам предоставляется честь нажать вот этот рычажок.

Сознавая историческую важность момента, Фуркаль с важностью подошел к пульту и опустил рычажок.

Подземный гул усиливался.

Доктор смотрел на секундомер и командовал:

— Второй усилитель. Счетчик атомов. Электронный контроль.

Красная лампа погасла. Зажглась зеленая.

— Так. Бункер № 3!

За прозрачной стенкой возник крупный предмет. Док-

тор сам опустил другой рычажок на пульте, задняя дверца опустилась и по ней скатился на рольганге новейший легкий танк с атомным оснащением.

Вздох облегчения пронесся среди свиты, раздалось дружное «ура». Фуркаль захлопал в ладоши.

А доктор нажимал никелированный рычажок, и с интервалами в пять минут из машины выходили и уползали в сторону танки, новенькие и камуфлированные пестро, как ярмарочные игрушки. Второй. Третий. Четвертый.

Подземный гул нарастал. Вдруг зеленая лампа потухла, и с необычайной яркостью вспыхнула вторая, красная, под ней третья. К подземному гулу присоединился зловещий голос сирены, от которого мурашки побежали по коже.

— Черт! — доктор кинулся к пульту и, оттолкнув оператора, начал лихорадочно нажимать кнопки.

Но было уже поздно. Над цехом возникло солнце ярче земного светила в тысячу раз.

Огненный шар расплывался, превращаясь в багрово-черный грибовидный столб. В чудовищном гуле было испепелено в радиусе десять миль все живое и неживое: и цехи, и институт со всеми его комплексами и лабораториями. Ядерный взрыв превратил в неосязаемую пыль императора и его приспешников с их пышными титулами, орденами, с их властолюбием, алчностью и страстишками, прежде чем они успели что-либо сообразить.

Уцелел только Рун-Рин, потому что находился отсюда далеко-далеко, под синим небом Индии.

Машину он не имел возможности уничтожить. Но успел извлечь из блоков долговременной электронной памяти главного компьютера информацию о весьма существенной детали в кибернетическом бункере: устройстве, регулирующем балансирование массы и энергии. Лишенная такого устройства машина выделяла, как нежелательный побочный продукт, излишек энергии, побольше; чем освобождается при взрыве водородной бомбы.

Рун-Рин не смог уничтожить машину. Она уничтожила сама себя.

* * *

Так заканчивается новая история об очень старой волшебной лампе Аладдина, которую Шахразада поведала как-то царю Шахрияру.

ФАНТАСТЫ СИБИРИ

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

В библиографии, предлагаемой вниманию читателей, отражены основные произведения писателей-фантастов Сибири, появившиеся в печати в 1917—1983 гг. Не являясь исчерпывающим сводом, настоящая библиография тем не менее достаточно полно характеризует историю и современное состояние научной фантастики в Сибири. Весь материал представлен в трех разделах. В первом разделе записи расположены в хронологическом порядке. В остальных разделах — в алфавите авторов и названий. Выборочно расписаны газетные публикации — как фантастических произведений, так и критических материалов.

1. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ВОЛХОВСКИЙ Феликс Вадимович (1846—1914)

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОД: Рассказ. — Сибирская газета, 1884, № 1.

ДРАВЕРТ Петр Людвигович (1879—1945)

ПОВЕСТЬ О МАМОНТЕ И ЛЕДНИКОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ: Повесть. — Якутск: 1909. — 32 с.

То же в кн.: Драверт П. Незакатное вижу солнце. Новосибирск: 1979, с. 163—180.

СОРОКИН Антон Семенович (1884—1928)

ХОХОТ ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА: Повесть. — Омский вестник, 1914, 11 мая — 29 июля.

То же в кн: Литературное наследство Сибири. Новосибирск: 1974, с. 246—275.

ГАСТЕВ Алексей Капитонович (1882—1941).

ЭКСПРЕСС: Рассказ. — Сибирские записки, 1916, № 1.

ИТИН Вивиан Азарьевич (1893—1945).

СТРАНА ГОНГУРИ: Повесть. — Сибирские огни, 1927, кн. 1.

То же: Канск: Сиб. обл. Гиз: 1922. — 86 с.; то же под назв. «Открытие Риэля» в кн.: Итин В. Высокий путь. М.-Л. Гиз., 1927.

То же в авт. сб. Страна Гонгури. Новосибирск, 1983.

К р и т.: Комаров П. Об В. Итнне и его повести. — Сибирскне огни, 1922, № 1, с. 169—170; Лебсдсв Н. — Авнацня и химня, 1928, № 1, с. 39; Каргополов Д. — Молодой ленинец, 1960, 9 октября; Коптелов А. в кн.: Итин В. Каан Кэрэдэ. Избр. пронзвед. Новоснбнрск: 1961, с. 5—28; Брнтиков А. Русский советскнй научно-фантастнческнй роман. Л.: Наука, 1970, с. 98—101; Колесникова Р. О жанре «Страны Гонгурн» В. Итнна. — В кн.: Проблемы лнтературных жанров: Сб. — Томск: 1972, с. 80—82; Бушков А. Страна Гонгури. (К 60-летню выхода в свет.). Метод. мат. Абакан: 1982, 7 с.

II. СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА

А Н Т И П О В Георгий Ивановнч (1923—1962)

ОРТИС — ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА: Повесть. — Красноярск.: Ки. изд., 1963—60 с.

Т о ж е: М.: Дет. лит. 1967.—80 с.

Т о ж е: Красноярск: Кн. изд. 1978.—80.

А Х Н А З А Р О В Э., Р Е Б Р О В Ю.

ПО СТУПЕНЬКАМ ЛЕСТНИЦЫ ЧУДЕС. Повесть. — В кн.: У моря Студеного: Сб. Кн. 8. Магадан: Кн. изд., 1963, с. 44—78.

Б Е Л О В Мнхаил Прокопьевнч (1911)

ВОСЬМАЯ ТАЙНА МОРЯ: Роман. — Хабаровск: Кн. изд., 1963.—192 с.

УЛЫБКА МИЦАРА: Роман.— Хабаровск: Кн. изд. 1969.—255 с.

К р и т.: Ефименко В. Чему улыбался Мицар?— Дальний Восток, 1970, № 6, с. 140—142.

ЭКСПЕДИЦИЯ ИНЖЕНЕРА ЛАРИНА: Повесть. — Хабаровск: Кн. изд., 1960.—167 с.

Б О Р И Н Б.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ: Рассказ. — В кн.: На суше и на море: Сб. М.: Мысль, 1965, с. 483—495; Т о ж е в кн.: Сквозь завесу времени: Сб. Магадан: Кн. изд., 1971, с. 18—29; ЛЛОЙД — СОВРЕМЕННЫЕ РОБОТЫ: Рассказ. — Дальний Восток, 1980, № 12, с. 95—114; ОРАНЖЕВАЯ ПЛАНЕТА: Повесть. — На Севере Дальнем: Альм. 1969, № 2 с. 94—122; Т о ж е в кн.: Сквозь завесу временн: Сб. Магадан: Кн. нзд., 1971, с. 46—79; НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ: Рассказ. — В кн.: Сквозь завесу временн: Сб. Магадан: Кн. изд., 1971, с. 5—18; ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ: Рассказ.— Т а м ж е, с. 30—46.

Б О Р О Д А Ч А.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ: Рассказ. — Сибкрскке огни, 1980, № 11, с. 125—126.

Б У Ш К О В Александр Александрович (1957)

ВАРЯГИ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ: Повесть. — Литературная учеба, 1981, № 5, с. 22—54; ЕЩЕ РАЗ О КОСМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ: Рассказ. — Вокруг света, 1981, № 6. с. 64; ОН ЖЕ — НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕНИЙ: Рассказ. — Красноярский комсомолец, 1982, 3 апреля, с. 3; ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР С НАТАЛИ. Рассказ. — Уральский следопыт, 1983, № 9.

ВАВИЛОВ В.

КОСМИЧЕСКАЯ ПАСТОРАЛЬ: Рассказ. — Молодой ленинец, 1966, 20 октября.

ВАСИЛЬЕВ Юрий

ОХ, ЭТОТ ХРОМОВ! — ФОРМУЛА ЛЮБВИ: Рассказы. — На Севере Дальнем: Альм. 1972, № 1; ЦВЕТОК ЛОТОСА: Рассказ. — В кн.: Сквозь завесу времени: Сб. Магадан: Кн. изд., 1971, с 114—159.

ВОРОНИН Петр Иванович (1924—1974)

ПРЫЖОК В ПОСЛЕЗАВТРА: Повесть. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд, 1970.—198 с.: То же: С предисл. Г. Падерина. Новосибирск.: Зап.-Сиб. кн. изд., 1973.— 184 с.

Крит.: Кувшинников И. Будущее начинается сегодня. — Лит. газета, 1970, 12 августа, с. 4; Михеев М. Каким ты будешь, человек? — Советская Сибирь, 1971, 20 июня.

ГИРСОВ Леонид

МОРИС: Рассказ. — Техника — молодежи, 1979, № 12, с. 50—53.

ГОНЧАРОВ Геннадий

БЕЛОЕ УТРО: Рассказ. — В кн.: Собеседник: Сб. Вып. 1. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1974, с. 94—126.

ГУСЕНКОВ Владимир

ЛАБИРИНТ: Рассказ. — Ангара, 1968, № 4.

ДЕДЕШИН Виктор

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ: Рассказ. — В кн.: Тихий океан: Альм. Владивосток: 1962, № 4.

ЕМЕЛЬЯНОВ Геннадий Арсентьевич

ИСТИНЫ НА КАМНЕ: Повесть. — Кемерово: Кн. изд., 1982 —188 с.

ИБРАГИМОВА З.

СЕРДЦЕ В КАРМАНЕ: Повесть. — Сибирские огни, 1981, № 3.

КАЛИНОВСКИЙ Иван Александрович (1904)

МЕЛЛОК ЗАКЛЮЧАЕТ МИР. — Енисей, 1963, № 7; То же в кн.: Калиновский И. Когда усмехнулся Плутарх. Красноярск: Кн изд. 1967, с. 194—203; КОГДА УСМЕХНУЛСЯ ПЛУТАРХ —В одноим. авт. сб. с. 96—136; КОРОЛЕВА БОЛЬШОГО ДЕРБИ.— В одноим. авт. сб.: Красноярск, 1962, с. 47—

58; То же в авт. сб. «Когда усмехнулся Плутарх», с. 57—67; ИСТОРИЯ КОСМИЧЕСКОЙ МИССИИ М-РА СМИТА. — В авт. сб. «Королева большого дерби» и «Когда усмехнулся Плутарх»; ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ РАЛЬФА ДИЛЛОНА. — В авт сб. «Королева большого дербн» и «Когда усмехиулся Плутарх»; СКАНДАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ С МИСТЕРОМ СКОУНДРЭЛЛОМ — Искатель, 1961, № 6, с. 47—55; То же в упом. выше авт. сб.; ФОНТАН ХИДНЕЯ. — В указ. авт. сб.; ТОЧКА ЗАЛПА. — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЧИТАЛ МЫСЛИ. — В авт. сб. «Когда усмехнулся Плутарх».

КАРПУНИН Геннадий Федорович

ЛУГОВАЯ СУББОТА: Повесть. — Сибирские огни, 1974, № 8; То же. Новоснбирск: Зап.-Сиб. кн изд., 1975 — 111 с., То же (журн. вар.) в кн.: Зеленый поезд: Сб. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 262—326.

КОЛОКОЛОВ Юрий

ОДИН НА ОДИН С ПЛАНЕТОЙ: Рассказ. — Молодость Сибири, 1981, 17 марта.

КОЛУПАЕВ Виктор Дмитриевич (1936)

БИЛЕТ В ДЕТСТВО: Рассказ. — Вокруг света, 1969, № 10, с. 13—16. То же в кн.: Фантастика 69—70; Сб. М.: Мол. гвардия, 1970, с. 222—228; То же в кн.: Колупаев В. Качели Отшельника. М.: Мол. гвардия, 1974, с. 5—18; То же в авт. одиоим. сб.: Новосибирск: 1977, с. 115—124; ВДОХНОВЕНИЕ: Рассказ. — В авт. сб. «Случится же с человеком такое...», М.: Мол. гвардия, 1972, с. 58—72; То же в авт. сб. «Билет в детство». Новосибирск: 1977, с. 98—107; ВЕСНА СВЕТА: Рассказ.— В авт. сборниках: «Случится же с человеком такое» и «Билет в детство», ВОЛЕВОЕ УСИЛИЕ: Рассказ. —В кн.: Фантастика 69—70: Сб. М.: Мол гвардия, 1970, с. 203—221; ГАЗЕТНЫЙ КИОСК. — В авт. сб. «Случится же с человеком такое» и «Билет в детство»; ГОРОД МОЙ. — В кн.: Фантастика — 71: Сб. М.: Мол гвардия, 1971, с. 225—231; То же в указ. авт. сб.; ДВЕ ЛЕТЯЩИЕ СТРЕЛЫ. — В кн.: Ошнбка Создателя: Сб. Новосибирск: 1975, с. 88—96; ДЕВОЧКА — ЖЕМЧУЖИНА. — В авт. сб. «Случится же с человеком такое» и «Билет в детство»; ЗАЧЕМ ЖИЛ ЧЕЛОВЕК? — В кн. Фаитастика — 71: Сб. М.: Мол. гвардия, 1971, с. 203—224; То же в указ. авт. сб. «Случится же с человеком такое» и одноим. авт. сб. Новосибирск: 1982, с. 95—120; ЗАЩИТА: Повесть.—Уральский следопыт, 1977, № 4—5; ЗВЁЗДЫ: Рассказ. — Уральский следопыт, 1974, № 5, с. 70—76; ИСКЛЮЧЕНИЕ: Рассказ. — В кн.: НФ. Сборннк научной фантастики. Вып. 23. М. Знаиие, 1980, с. 24—42; КАКИЕ СМЕШНЫЕ ДЕРЕВЬЯ: Рассказ. В кн.: Ошнб-

ка Создателя: Сб. Новосибирск: 1975, с. 39—49; То же в авт. сб. «Билет в детство»; КАПИТАН «ГРОМОВЕРЖЦА»: Цикл рассказов. — В авт. сб. «Зачем жил человек?». Новосибирск: 1982, с. 153—207; КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА: Повесть. — В кн.: Фантастика. — 72: Сб. М: Мол. гвардия, 1972, с. 9—60; То же в одноим. авт. сб.; КТО ВИДЕЛ ЭТОТ МАГАЗИН?: Рассказ. — Молодой ленинец, 1966, 19 июня; ЛАГЕРНЫЙ САД: Рассказ. — В кн.: Колупаев В. Билет в детство. Новосибирск: 1977, с. 93—97; ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ: Рассказ.— В кн.: Ошибка Создателя: Сб. Новосибирск: 1975, с. 11—38; МАЙ: Рассказ. — В авт. сб. «Билет в детство»; — МА-А-АМА!: Рассказ.— Вокруг света, 1970, № 4, с. 44—86; МОЛЧАНИЕ: Рассказ.—В кн.: Фантастика — 77: Сб. М.: Мол. гвардия, 1977, с. 77—84; То же в авт. сб. «Зачем жил человек?»; НА АСФАЛЬТЕ ГОРОДА: Рассказ. — В авт. сб. «Случится же с человеком такое»; НА ДВОРЕ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК: Рассказ. — В авт. сб. «Качели Отшельника», 1974; НАСТРОЙЩИК РОЯЛЕЙ: Рассказ.— В авт. сб. «Случится же с человеком такое» и «Билет в детство»; НЕУДАЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: Рассказ.— Молодой ленинец, 1966, 7—9 января; ОБОРОТНАЯ СТОРОНА: Рассказ. — В авт. сб. «Качели Отшельника»; ПЕЧАТАЮЩИЙ МЕХАНИЗМ: Рассказ — В сб. «Ошибка Создателя»; ПОЮЩИЙ ЛЕС: Рассказ. — В авт. сб. «Случится же с человеком такое»; РАЗНОЦВЕТНОЕ СЧАСТЬЕ: Рассказ. — Уральский следопыт, 1973, № 5; То же в авт. сб. «Билет в детство»; САМЫЙ БОЛЬШОЙ ДОМ: Рассказ.— В авт. сб. «Качели Отшельника» и «Билет в детство»; СЕДЬМАЯ МОДЕЛЬ: Рассказ. — В кн.: Колупаев В. Зачем жил человек? Новосибирск: 1982, с. 130—152; СЕНТЯБРЬ: Рассказ — В авт. сб. «Случится же с человеком такое» и «Билет в детство»; СЛУЧИТСЯ ЖЕ С ЧЕЛОВЕКОМ ТАКОЕ...: Рассказ. — В одноим. авт. сб; СПЕШУ НА СВИДАНИЕ: Рассказ. — В кн · Ошибка Создателя: Сб. Новосибирск: 1975, с. 76—87; То же в авт. сб. «Билет в детство»; СТРИГУНЫ: Рассказ. — В кн.: Собеседник: Сб. Вып 5. Новосибирск: 1980, с 133—142; «ТОЛСТЯК» НАД МИРОМ: Повесть. — Уральский следопыт, 1980, № 6—7; ФИЛЬМ НА ЭКРАНЕ ОДНОГО КИНОТЕАТРА: Рассказ. — В кн.: Ошибка Создателя: Сб. Новосибирск: 1975, с. 49—69; ФИЛЬМ НА ЭКРАНЕ ОДНОГО КИНОТЕАТРА: Рассказ. — В авт. сб. «Зачем жил человек»; ФИРМЕННЫЙ ПОЕЗД «ФОМИЧ»: Повесть — М.: Мол. гвардия, 1979. — 271 с.

КОНОВА Алла Витальевна

ГОЛОС ВЕЧНОСТИ: Повесть — Сибирские огни, 1963, № 6—7; То же в кн: Конова А Осколки тяжести. Иркутск:

Вост.-Сиб. кн. изд., 1964, с 5—140; ОСКОЛКИ ТЯЖЕСТИ: Повесть. — В одноим. авт. сб; СВЕТ ГЛУБОКИХ НЕДР: Рассказ. — Ангара, 1965, № 2.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович (1937)

ОШИБКА СОЗДАТЕЛЯ: Повесть. — Сибирские огни, 1973, № 2; То же в одноим. коллект. сб. Новосибирск: 1975, с. 97—182.

КОРАБЕЛЬНИКОВ Олег Сергеевич (1949)

БАШНЯ ПТИЦ: Повесть.— В одноим. авт. сб. Красноярск: Кн. изд. 1981, с. 115—164.

Крит.: Амлинский В. Несколько слов об авторе. — В кн.: Корабельников О. Башня птиц. Красноярск: 1981, с. 165—166; Осипов А. Облик реальности в зеркале мечты. — Лит. Россия, 1983, № 2, с. 8; Русаков Э. Крылья невидимой птицы. — Красноярский рабочий, 1982, 29 января.

ВОЛЯ ЛЕТАТЬ: Рассказ. — В кн.: Фантастика — 79: Сб. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 336—346; То же в авт. сб. «Башня птиц» под назв. «Встань и лети». Красноярск: 1981, с. 100—114; ДОМ: Рассказ.— Сибирские огни, 1980, № 10; То же в авт. сб. «Башня птиц», с. 64—77; НАДОЛГО, МОЖЕТ НАВСЕГДА: Повесть. — Сибирские огни, 1982, № 11; НЕСБЫВШЕЕСЯ — ТЫ ПРЕКРАСНО: Отрывок из повести. — Красноярский комсомолец, 1983, 1 декабря, с. 3; О СВОЙСТВАХ ЛЬДА: Рассказ. — В авт. сб. «Башня птиц», с. 87—99; ПРИКОСНОВЕНИЕ КРЫЛЬЕВ: Рассказ. — Сибирские огни, 1978, № 7, с. 88—96; То же в авт. сб. «Башня птиц», с. 3—13; РАЗДЕЛЕНИЕ СФИНКСА: Рассказ. — Енисей, 1983, № 1; СТОЛ РЕНТГЕНА: Рассказ. — Сибирские огни, 1978, № 7, с. 82—88; То же в авт. сб. «Башня птиц», с. 78—86.

КОСТИН В.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР: Рассказ. — Красноярский комсомолец, 1982, 3 апреля, с. 3.

КОСТМАН С.

ТОВАР ЛИЦОМ: Рассказ.— Молодость Сибири, 1981, № 52.

КОЧЕТКОВ Борис

СТАРИННАЯ БАЛЛАДА: Рассказ.— Дальний Восток, 1970, № 1.

КОШЕЛЕВ А.

ТРАНСМУТАЦИЯ «САТАНАТАМА»: Рассказ.— Ангара, 1968, № 4.

КОШУРНИКОВА Римма Викентьевна

ЗАДВОРКИ: Рассказ.— Уральский следопыт, 1979, № 4,

с. 54—55; СИДИ И НЕ ВЫСОВЫВАЙСЯ!: Рассказ. — Уральский следопыт, 1975, № 12, с. 64—66

КРАСОВСКИЙ Леонид

АЛЕШКЕ БЫЛО 500 ЛЕТ: Рассказ.— В кн.: Красовский Л. Клад Баира. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1976; ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА: Рассказ.— В одноим. авт. сб. Иркутск: 1974.

КУБАТИЕВ Алан

КНИГОПРОДАВЕЦ: Рассказ. — Знание—сила, 1979, № 7; ТОЛЬКО ТАМ, ГДЕ ДВИЖУТСЯ СВЕТИЛА: Рассказ.— Сибирские огни, 1983, № 12, с. 40—59; ШТРУДЕЛЬ ПО-ВЕНСКИ: Рассказ.— В кн.: НФ. Сборник научной фантастики. Вып. 22. М.: Знание, 1980, с. 147—158.

КУРОЧКИН Николай

БЕЗУМНАЯ ИДЕЯ: Рассказ.— В кн.: Собеседник: Сб. Вып. 5. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1980, с. 124—132; ПРИЗРАКИ: Рассказ.— В кн.: Фантастика — 81: Сб. М.: Мол. гвардия, 1981, с. 6—10; СТИХИЙНЫЙ ГЕНИЙ: Рассказ.— Изобретатель и рационализатор, 1982: № 4, с. 40.

ЛАНИН Г. (Пермяков Георгий Георгиевич, 1917)

ОСТРОВ АЛМАЗОВ: Повесть.— Хабаровск: Кн. изд., 1963.— 176 с.

ЛАПИН Борис Федорович (1934)

ВСЯ МУДРОСТЬ МИРА: Рассказ.— Советская молодежь, 1966, № 156; ДАЙНА: Рассказ.— Ангара, 1967, № 3; То же в кн.: Лапин Б. Кратер Ольга. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд. 1968, с. 50—78; ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: Рассказ.— Советская молодежь, 1968, № 136; То же в авт. сб. «Кратер Ольга»; Рассказ.— В авт. сб. «Кратер Ольга»; То же — Енисей, 1975, № 4; X, V, Z, $+\sqrt{}$ из подворотни: Рассказ.— Ангара, 1965, № 3; КОНГРЕСС: Рассказ.— В кн.: Зеленый поезд: Сб. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 199—221; То же в авт. сб. «Под счастливой звездой». М.: Мол. гвардия, 1978; КРАТЕР ОЛЬГА: Рассказ — Ангара, 1966, № 4; То же в одноим. авт. сб.; НИЧЬИ ДЕТИ: Повесть.— Советская молодежь, 1970, №№ 85, 89, 91—94, 96; ОПРОКИНУТЫЙ МИР: Рассказ.— Сибирь, 1972, № 2, с. 31—47; То же в авт. сб «Под счастливой звездой»; ПАЛОЧКА С ЗАРУБКАМИ: Рассказ.— В кн : Фантастика — 81: Сб. М.: Мол. гвардия, 1981, с. 53—69; ПЕРВАЯ ЗВЕЗДНАЯ: Повесть.— Сибирь, 1973, № 2, с. 3—38; То же под назв. «Первый шаг» в кн.: Фантастика 75—76: Сб. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 6—46; То же в авт. сб. «Под счастливой звездой»; ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ: Повесть.— В одноим. авт. сб. с. 5—74; РУКОПОЖАТИЕ: Рассказ.— В авт.

сб. «Кратер Ольга»; СТАРИННАЯ ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА; Рассказ.— В кн.: Фантастика — 72: Сб. М.: Мол гвардия, 1972, с. 264—270; ТЕНИ: Рассказ — В авт. сб «Под счастливой звездой»; ХИМЕРЫ ДИША: Рассказ.— Сибирь, 1974, № 5, с. 27—47; То же — Енисей, 1975, № 4; То же в авт. сб. «Под счастливой звездой».

ЛАСКОВ Иван

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ: Повесть.— Полярная Звезда, 1973, № 1—2.

ЛЯСОЦКИЙ Евгений

ГОСТЬ ВАСИЛИЯ СТРОНГИНА: Рассказ.— У моря студеного, 1961, № 5, с. 41—54; ЗВЕЗДНАЯ ЭСТАФЕТА: Повесть.— У моря студеного, 1959, № 3.

МАЛЯРЕВСКИЙ Павел Григорьевич

КАМЕНЬ-ПТИЦА: Пьеса.— В кн.: Современная драматургия, 1958. Вып. 6, с. 198—266.

Крит.: Давыдов М. Дело не в жанре.— Восточно-Сибирская правда, 1958, 18 ноября; Линьков Л. Камень-птица.— Театр и жизнь, 1958, № 3, с. 55—56.

МОДЕЛЬ ИНЖЕНЕРА ДРАНИЦЫНА: Повесть.— Ангара, 1966, № 2, с. 56—105.

МИТЫПОВ Владимир Гомбожапович

ЗЕЛЕНОЕ БЕЗУМИЕ ЗЕМЛИ: Повесть.— В авт. сб. «Ступени совершенства». Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1969, с. 161—254; МАМОНТЕНОК ФУФ: Повесть. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд , 1970.— 72 с; ПРИХОД БОЛЬШИХ ОБЕЗЬЯН: Повесть. — В авт. сб. «Ступени совершенства», с. 63—158.

Крит.: Балабуха А. В поисках совершенства.— Байкал, 1971, № 12.

МИХАЙЛОВ Олег

ЛЕТАЮЩАЯ РАДУГА: Рассказ.— В кн.: Сквозь завесу времени: Сб. Магадан: Кн. изд., 1971, с. 111—113.

МИХЕЕВ Михаил Петрович (1911)

АЛЕШКИН И ТУБ: Рассказ.— В авт. сб. «Милые роботы». Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1972, с. 153—182; БАКТЕРИЯ ТИМА МАРКИНА: Рассказ. — В авт. сб. «Которая ждет». Новосибирск: 1966, с. 36—52; То же в авт. сб. «Вирус В-13» и «Далекая от Солнца»; В ТИХОМ ПАРКЕ: Рассказ.— В авт. сб. «Далекая от Солнца». Новосибирск: 1969, с. 71—79; То же в авт. сб. «Милые роботы»; ДАЛЕКАЯ ОТ СОЛНЦА: Рассказ.— В авт. сб. «Далекая от Солнца» и «Милые роботы»; ЗЛОЙ ВОЛШЕБНИК: Рассказ.— В авт. сб. «Которая ждет», «Вирус В-13» и «Милые роботы»; КОТОРАЯ ЖДЕТ: Рассказ. — В одноим. авт. сб., с. 3—13, а также во всех указан. авт.

сб.; МАШКА: Рассказ.— В авт. сб. «Далекая от Солнца» и «Милые роботы»; ПУСТАЯ КОМНАТА: Рассказ.— В авт. сб. «Которая ждет» и др.; СДЕЛАНО ЛЮДЬМИ: Повесть.— В авт. сб. «Которая ждет» и др; СТАНЦИЯ У МОРЯ ДОЖДЕЙ: Рассказ.— В авт. сб. «Вирус В-13», с. 64—81; СЧЕТНАЯ МАШИНА И РОМАШКА: Рассказ.— Во всех авт. сб.; УТЮГ. — ШКОЛЬНЫЙ УБОРЩИК: Рассказы. — В авт. сб. «Милые роботы».

Крит.: Голых Н. Михаил Михеев: Памятка читателям.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1970. — 7 с.

МОГИЛЕВ Лев Николаевич

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК: Повесть.— Ангара, 1962, № 2; То же в одноим. авт. сб. Иркутск: 1963, с. 5—94; КОЛЛОИД ДОКТОРА КРОГА: Повесть.— Ангара, 1964, № 3, с. 115—139; ОКНО В ПРОШЛОЕ: Повесть.— Ангара, 1968, № 4, с. 40—52; ПРОФЕССОР ДЖОН КЭВИ: Повесть.— В одноим. авт. сб. «Железный человек», с. 95—187.

МОЛОСТНОВ Геннадий Модестович (1912—1982)

ПОСЛАННИК ПЛАНЕТЫ АЛЬБОС: Повесть.— Красноярск: Кн. изд., 1969.—86 с.

НАВОЛОЧКИН Николай Дмитриевич

БАШМАКИ 1-БСВ: Рассказ.— Дальневосточные приключения. Вып. 1. 1970, с. 350—359.

НАЗАРОВ Вячеслав Алексеевич (1935—1977)

ВОССТАНИЕ СУПРОВ: Повесть (Сокр. вар.) — Енисей, 1978, № 1, с. 2—21; То же (в полн. вар.) в авт. сб. «Бремя равных». Красноярск: Кн. изд., 1978, с. 161—212; То же в авт. сб. «Дороги надежд». М.: Мол. гвардия, 1982, с. 245—303; ДВОЙНОЕ ЗЕРКАЛО: Повесть.— В кн.: Назаров В. Вечные паруса. Красноярск: Кн. изд. 1972, с. 253—382; То же (перераб. под назв. «Зеленые двери Земли») в одноим. авт. сб. М.: Мол. гвардия, 1978, с. 6—172; То же под назв. «Бремя равных» в одноим. авт. сб. Красноярск: Кн. изд., 1978, с. 4—160; ИГРА ДЛЯ СМЕРТНЫХ: Повесть.— В авт. сб. «Вечные паруса», с. 57—92; То же в авт. сб. «Дороги надежд», с. 15—60; НАРУШИТЕЛЬ: Повесть.— В авт. сб. «Вечные паруса»; То же в кн.: Зеленый поезд: Сб. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 109—162; То же в авт. сб. «Дороги надежд»; СИЛАЙСКОЕ ЯБЛОКО: Повесть.— В авт. сб. «Зеленые двери Земли», с. 173—296; То же в авт. сб. «Дороги надежд»; СИНИЙ ДЫМ: Повесть.— Енисей, 1971, № 3; То же в авт. сб. «Вечные паруса».

Крит.: Жуков Д. Слово о Вячеславе Назарове.— В кн.: Назаров В. Дороги надежд. М.: Мол. гвардия, 1982, с. 5—13;

Осипов А. Вечные паруса фантазии.— Красноярский комсомолец, 1972, 23 сент., с. 4; Осипов А Жизнь в мечте.— В кн.: Назаров В. Зеленые двери Земли. М.: Мол. гвардия, 1978, с. 297—302; Размахнина В. Природа поэтической образности в современной фантастической повести.— В кн.: Вопросы советской литературы: Сб. Красноярск: 1973, с. 11—26; Размахнина В. Через призму невероятного. — В кн.: Назаров В. Бремя равных. Красноярск: 1978, с. 319—325.

ПАВЛОВ Сергей Иванович (1935)

АКВАНАВТЫ: Повесть.— Красноярск: Кн. изд. 1968.— 164 с.; То же в авт. сб «Акванавты». Красноярск: 1978, с. 5—164; То же (сокр. вариант под назван «Океанавты») в кн.: Павлов С. Океанавты. М.: Мол. гвардия, 1972, с. 5—174; АНГЕЛЫ МОРЯ: Повесть.— Енисей, 1967, № 1, с. 67—101; БАНКА ФРУКТОВОГО СОКА: Рассказ.— Молодой ленинец, 1963, 17—20 февраля; То же:— Енисей, 1964, № 4, с. 86—92; То же в кн.: Жарки: Сб. Красноярск: 1968, с. 144—156; К ВОПРОСУ ОБ АЛЛИГАТОРАХ: Главы из романа «Лунная радуга».— Сибирь, 1974, № 5, с. 12—27; КОРОНА СОЛНЦА: Повесть.— В кн : Шагурин Н., Павлов С. Аргус против Марса. Красноярск: Кн. изд. 1967, с. 81—182; То же в авт. сб. «Чердак Вселенной». Красноярск: 1973, с. 3—95; ЛУННАЯ РАДУГА: Главы из романа.— Енисей, 1975, № 6, 1976, № 1; То же (Полн. вариант, Кн. 1. По черному следу). М.: Мол. гвардия, 1978.— 352 с. (Кн. 2. Мягкие зеркала). М.: Мол. гвардия, 1983.— 383 с.; Переизд. 1-й кн.: Красноярск: 1982.— 286 с.; НЕУЛОВИМЫЙ ПРАЙД: Повесть.— Енисей, 1974, № 3, с. 3—30; То же (полн. вариант) в авт. сб. «Акванавты». Красноярск: 1978, с. 165—265; «Чердак Вселенной»: Повесть. (1-я публ. под назв. «Миры на ладонях»).— Енисей, 1971, № 5, с. 4—30; То же в кн.: Фантастика — 71: Сб. М.: Мол. гвардия, 1971, с. 7—56; То же в авт. сб. «Океанавты». М.: Мол. гвардия, 1972, с. 175—255; То же в авт. сб. «Чердак Вселенной». Красноярск: 1973, с. 96—160; (В соавт. с Н. Шагуриным): АРГУС ПРОТИВ МАРСА: Повесть — в одноим. сб. Н. Шагурина и С. Павлова. Красноярск: 1967, с. 5—80; КЕНТАВР ВЫПУСКАЕТ СТРЕЛУ: Повесть. Там же, с. 183—238.

Крит.: Жарков В. Стихии Сергея Павлова. — В кн.: Павлов С. Лунная радуга. Кн. 2. М.: Мол. гвардия, 1983, с. 380—382; Осипов А. Библиотека советской фантастики.— Литература в школе, 1984, № 2, с. 70—71; Осипов А. Человек в измерениях Неизвестного.— В кн.: Павлов С. Акванавты. Красноярск: Кн. изд., 1978, с. 266—272.

ПРАШКЕВИЧ Геннадий

XXII век. СИРЕНЫ ЛЕТЯЩЕЙ: Повесть.— В кн.: Собеседник: Сб. Вып. 2. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1975, с. 86—110; МИР, В КОТОРОМ Я ДОМА: Повесть.— Уральский следопыт, 1974, № 2, То же в кн.: Ошибка Создателя. Сб. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1975, с. 236—284; ОБСЕРВАТОРИЯ «СУМЕРКИ»: Повесть.— В авт. сб. «Разворованное чудо». Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1978, с. 7—59; РАЗВОРОВАННОЕ ЧУДО: Повесть. — Уральский следопыт, 1975, № 3; То же в коллект. сб. «Ошибка создателя», с. 183—235; СНЕЖНОЕ УТРО: Повесть.— Байкал, 1972, № 5, с. 51—62; ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК: Повесть.— Уральский следопыт, 1978, № 11, с. 37—58; ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ОТЦОМ ХАМА: Повесть. — В кн.: Собеседник: Сб. Вып. 3. Новосибирск: 1977, с. 155—170; ШПИОН В ЮРСКОМ ПЕРИОДЕ: Повесть.— Уральский следопыт, 1974, № 9; ШПИОН ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРА: Повесть.— Уральский следопыт, 1976, № 6; (В соавт. с В. Свиньиным); ШКОЛА ГЕНИЕВ: Повесть.— Байкал, 1979, № 2, с. 52—106.

РОЖКОВ Виктор

ПЛАТО ЧЕРНЫХ ДЕРЕВЬЕВ: Рассказ.— В кн.: Юный сибиряк: Сб. Омск: Кн. изд., 1959, с. 126—155; То же в сб. «Зеленый поезд». М.: Мол. гвардия, 1976, с. 222—251.

РОМАНОВ Александр Александрович

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА СМОТРИТ НА ГОРОД: Повесть. — Сибирские огни, 1976, № 7; То же: Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1977.— 95 с.

РОМАШКОВ А., КОВРЫЖКО В.

ИЗОБРЕТАТЕЛИ: Рассказ.— У моря студеного: Альм. № 1, 1957, с. 192—195.

САВЧЕНКО Виталий

ВИГВАМ СОЛНЦА: Рассказ.— Уральский следопыт, 1966, № 12, То же в кн.: Сквозь завесу времени: Сб. Магадан: Кн. изд., 1971, с. 96—103; ОБЕЛИСК. — ОПАСНЫЙ ШАГ. — ЧЕРТА, ЗА КОТОРОЙ...: Рассказы.— В кн.: Сквозь завесу времени: Сб. Магадан. Кн. изд., 1971.

САЗАНОВ Николай

ГОСТЬ: Рассказ.— Огни Кузбасса, 1968, № 2, с. 35—37.

САМСОНОВ Юрий Степанович

ПЛУТНИ РОБОТА ЕГОРА: Рассказы.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1967.— 243 с. Содерж.: МЕШОК СНОВ.— ПЛУТНИ РОБОТА ЕГОРА. — ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРИЯ. — ЭЛИКСИР БРЕДИСОНА. — НА ШЕСТОЙ ДЕНЬ; НАШ НОВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ: Сценарий рисован. фильма.— Сибирь, 1975,

№ 3; СТЕКЛЯННЫЙ КОРАБЛЬ: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1983.— 352 с.

Крит: Смирнов В. Фантастнка? Фантазия? Сказка?— Советская молодежь, 1968, 30 января.

САРМИН Г.

МАГНИТНАЯ ДЫРА: Рассказ.— Байкал, 1979, № 1, с. 116—128.

СЕРГЕЕВ Дмитрнй Гаврилович (1922)

В ПОТЕМКАХ: Повесть. — Байкал, 1978, № 4.; ЗА ЛУЧШЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ: Рассказ.— Ангара, 1965, № 1, с. 112—114; ЗАВЕЩАНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА: Повесть.— Уральский следопыт, 1971, № 3—5; То же (отдельн. изд.) Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд , 1972. с. 5—210; То же (перераб. в роман под назв. «ПРЕРВАННАЯ ИГРА»)— Иркутск: 1983.— 303 с.; ЗАПОВЕДНИК ЧУВСТВ: Рассказ.— Ангара, 1967, № 4; То же в авт. сб. «Завещание каменного века». Иркутск: 1973, с. 268—305; КОЛОДА КАРТ ИЗ АНТИМИРА: Рассказ:— Ангара, 1968, № 4; НАЧАЛО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЯ: Рассказ. — В авт. сб. «Завещание каменного века», НЕОБЫЧНЫЙ ПАЦИЕНТ: Рассказ.— Ангара, 1964, № 2; То же в авт. сб. «Доломитовое ущелье» (под назв. «Пациент профессора Бравина»). Иркутск: 1965, с. 35—56; ПОГРЕБЕННЫЕ: Рассказ.— Сибнрь, 1973, № 3, с. 42—67; ПОСЛЕДСТВИЯ КОНТАКТА: Рассказ. — В авт. сб. «Завещание каменного века»; ПРЕРВАННАЯ ИГРА: Повесть.— Уральский следопыт, 1975, № 6—7. (Позднее вошла составной частью в роман под тем же назв.); ПЛАСТИНКА ИЗ РАЗВАЛИН КЕРКИНИТИДЫ.— ПОЕДИНОК ДИНОЗАВРОВ.— ПРОРОЧЕСТВО ЧЕРНОГО ДРАКОНА: Рассказы.— В кн.: Сергеев Д. Доломитовое ущелье. Иркутск: 1965; СЕВКА: Рассказ.— Ангара, 1964, № 2; ЧЕХАРДА: Рассказ.— Сибирь, 1974, № 5, с. 47—60.

Крит.: Дмитриева Н. Перешагнуть в будущее.— Детская литература, 1966, № 9, с. 53; Осипов А. Фантастика.— В мире книг, 1966, № 5.

СЕРГЕЕВ Марк Давидович (1926)

МАШИНА ВРЕМЕНИ КОЛЬКИ СПИРИДОНОВА: Повесть. — Иркутск: Вост.-Снб. кн. изд., 1964.— 87 с.

СИБИРЦЕВ Иван Иванович (1924)

СОКРОВИЩА КРЯЖА ПОДЛУННОГО: Повесть. — Красноярск: Кн. изд. 1960.— 348 с.; То же: Красноярск: 1962.

СМИРНОВ Ю.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ: Рассказ.— Молодой ленинец, 1966, 3 июня.

СТЕПНОВ В.

ПОЛЕТ: Рассказ.— Сибирь, 1979, № 2, с. 62—76.

ТАРНАРУЦКИЙ Григорий Аронович

ЖИВАЯ ВОДА: Рассказ.— В кн.: Фантастика — 78: Сб. М: Мол. гвардия, 1978, с. 124—137; КОСМИЧЕСКИЙ ПЕШЕХОД: Рассказ.— В кн.: Фантастика 73—74: Сб. М.: Мол. гвардия, с. 43—51; НЕ РАЗОБРАЛИСЬ: Рассказ. — В кн.: Фантастика — 77: Сб. М.: Мол. гвардия, 1977, с. 219—225.

ТИТОВ В.

БЕРЕГИСЬ: СУПЕРКИНО!: Рассказ.— Молодость Сибири, 1981, 3 февраля; И СНОВА ДЕЛА КУЛЬЧИНСКИЕ: Рассказ — Молодость Сибири, 1981, 1 января.

ТРЕЕР Леонид Яковлевич (1945)

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: Повесть.— В кн.: Мир приключений: Сб. М.: Дет. лит. 1981, с. 218—307; ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЯ РЕДЬКИНА: Повесть.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1975.— 160 с.

ФЕДОТОВ Дмитрий

И ВСЕ-ТАКИ ОН ПОШЕЛ...: Рассказ.— В кн.: Собеседник: Сб. Вып. 5. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1980, с. 143—156

ЧЕРНОВ Сергей

ЧЕТЫРЕ СПИРАЛИ: Рассказ.— Сибирь, 1972, № 2, с. 48—60.

ШАГУРИН Николай Яковлевич (1908—1983)

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЗВЕЗДНОГО ОХОТНИКА»: Рассказ. — В кн.: Жарки: Сб. Красноярск: Кн. изд., 1962; То же в авт. сб. «Тайна декабриста», 1965 и «Эта свирепая Ева», 1983; МЕЖПЛАНЕТНЫЙ ПАТРУЛЬ: Рассказ.— В авт. сб. «Тайна декабриста», 1965; НОВАЯ ЛАМПА АЛАДДИНА: Повесть — В авт. сб. «Эта свирепая Ева», 1983; ОПЕРАЦИЯ «СИНИЙ ГНОМ»: Повесть.— Енисей, 1964, № 3; То же в авт. сб. «Тайна декабриста»; ПАМЯТНИК АЭЛИТЕ: Рассказ.— В авт. сб. «Эта свирепая Ева»: Красноярск: 1983, с. 190—200; РУБИНОВАЯ ЗВЕЗДА: Повесть.— Красноярск: Кн. изд., 1955, 96 с.; ТУГОУХИЙ ИГРОК: Повесть.— В авт. сб. «Тайна декабриста», 1975, с. 169—207 и в авт. сб. «Эта свирепая Ева», с. 265—303; ЧЕЛОВЕК С ТРЕМЯ ГЛАЗАМИ: Рассказ.— В авт. сб. «Эта свирепая Ева», с. 210—227; ЭТА СВИРЕПАЯ ЕВА: Роман.— Енисей, 1978, № 5, с. 2—12 (гл. из романа); То же (полн. вариант); ав. одноим. сб.: Красноярск: Кн. изд., 1983, с. 3—188; (В соавт. с С. Павловым) АРГУС ПРОТИВ МАРСА: Повесть.— В кн.: Н. Шагурин, С. Павлов. АРГУС ПРОТИВ МАРСА. Красноярск: Кн. изд., 1967, с. 5—80;

КЕНТАВР ВЫПУСКАЕТ СТРЕЛУ: Повесть — Там же, с. 183—238.

ШАЛИН Анатолий Борисович

ГДЕ МОИ 75!: Рассказ.— Молодость Сибири, 1981, 3 февраля; ОТСТАЛ ОТ ВЕКА: Рассказ.— Молодость Снбирн, 1980, 29 января; РАЗГУЛ СТИХИИ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ НЕУДАЧНИКА: Рассказ.— Снбнрскне огнн, 1980, № 11, с. 121—123; РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ: Рассказ.— Снбнрскне огни, 1983, № 12, с. 59—76; РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ: Рассказ.— Снбнрскне огнн, 1980, № 11, с. 123—125; То же в одноим. сб. рассказов: Новоснбнрск: Зап.-Снб. кн. нзд., 1984.— 159 с.; ЭПИДЕМИЯ: Рассказ.— Сибнрские огни, 1980, № 11, 116—121.

ШВЕДОВ А.

ТРЕТЬЯ СТРЕЛА: Рассказ.— Снбнрские огни, 1983, № 12, с. 82—91.

ШЕПИЛОВСКИЙ Александр Ефнмович

НА ОСТРИЕ ЛУЧА: Повесть.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1974.— 223 с.

ШКАЛИКОВ В.

ПУСТЫЕ СЛОВА: Рассказ.— Снбнрскне огни, 1983, № 12, с. 76—82.

ШПАКОВ Юрий Петрович (1929)

АЛХИМИК.— ВЫМПЕЛ: Рассказы.— В кн.: Шпаков Ю. Одни процент рнска. Кемерово: Кн. изд., 1965; ГЕНЕРАТОР «КУ-КУ».— ДЕТОНАТОР: Рассказы.— В кн. Шпаков Ю. Испытанне на прочность. Алма-Ата: Жалын, 1977, с.; ЗДРАВСТВУЙТЕ, БРАТЬЯ!: Повесть — В авт. сб. «Один процент риска»; ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ: Рассказ.— В однонм. авт. сб.; КОРАБЛЬ ОСТАЕТСЯ НА ОРБИТЕ: Рассказ.— В авт. сб. «Одни процент рнска»; КРАТЕР «ЦИОЛКОВСКИЙ»: Повесть.— Омск: Кн. изд., 1962.— 172 с.; ОДИН ПРОЦЕНТ РИСКА: Рассказ.— В однонм. авт. сб.; ЭТО БЫЛО В АТЛАНТИДЕ: Повесть.— В кн.: Юный снбиряк: Сб. Омск: 1959, с. 57—84; То же (отд изд.) Омск: Кн. изд., 1960.— 56 с.

ЯКУБОВСКИЙ Аскольд Павлович (1927—1983)

АРГУС — 12: Повесть.— В однонм. авт. сб. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1972, с. 5—95; То же (под назв. «Космический блюститель») в кн.: Фантастика 75—76: Сб. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 47—103; В СКЛАДКЕ ВРЕМЕНИ: Рассказ. — В кн.: Якубовский А. Купол Галактики. М.: Мол. гвардия, 1976, с 6—22; ГОЛОСА В НОЧИ: Рассказ.— В авт. сб. «Аргус-12» и «Купол Галактики»; ДРУГ: Рассказ — В авт. сб. «Купол Галактикн»; МЕФИСТО: Рассказ.— Снбирь, 1972,

№ 2, с 61—69; То же в авт. сб «Аргус-12» и «Купол Галактики»; НА ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЕ — НЕЧТО: Рассказы.— ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ ОХОТА: Повесть.— В авт. сб. «Купол Галактики»; ПРОЗРАЧНИК: Повесть.— Сибирские огни, 1972, № 10; То же в авт. сб. «Аргус-12» и «Купол Галактики»; СИБИРИТ: Повесть. — В авт. сб. «Купол Галактики»; СЧАСТЬЕ РЫЖЕГО ЭРИКА: Рассказ. — В авт. сб. «Аргус-12»; То же (под назв. «Счастье») в авт. сб. «Купол Галактики».

Крит.: Осипов А. (Рецен. на авт. сб. А. Якубовского «Купол Галактики»)— Молодая гвардия, 1978, № 2, с. 307—308.

III. ЛИТЕРАТУРА О СИБИРСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

Анкета «Сибири» (На вопросы редакции отвечают иркутские писатели-фантасты Л. Могилев, Ю. Самсонов, М. Сергеев и др.) — Сибирь, 1972, № 2.

Балабуха Н., Балабуха А. Сквозь завесу времени. (Об одноим. коллект. сб. фантастики).— Полярная звезда, 1972, № 4.

Бугров В. Фантастика Урала и Сибири: Краткая библиография.— В кн.: Только один старт: Сб. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд., 1971, с. 205—209.

Казанцев А. О сборнике «Ошибка Создателя».— В одноим. коллект. сб. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1975, с. 3—8.

Михайлов М. Зеленый поезд. (Об одноим. сб. сибирской фантастики: М.: Мол. гвардия, 1976).— Сибирь, 1977, № 2, с. 101—104.

Осипов А. В фантастике нет провинций!— Енисей, 1969, № 5, с. 102—105.

Осипов А. Люди и книги сибирской фантастики.— Сибирь, 1977, № 6, с. 105—111.

Осипов А. Миры на ладонях. — В кн.: Зеленый поезд: Сб. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 5—10.

Осипов А. Фантастика в творчестве писателей-сибиряков: Библиография.— В кн.: Зеленый поезд: Сб. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 327—334.

Павлов Г. Водители «Зеленого поезда» (Об одноим. сборнике).— Красное знамя, 1977, 12 января.

Рысс Е. Фантастика и наука. — В кн.: Сквозь завесу времени: Сб. Магадан.: Кн. изд., 1971, с. 3—4.

СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

БУШКОВ Александр Александрович (род. в 1956 г.)— молодой писатель-фантаст. Живет и работает в Абакане. После окончания школы сменил немало профессий — участвовал в геологоразведочных экспедициях, работал в газете, в областном театре. А. Бушков — один из активистов движения КЛФ в Хакасии. С первыми фантастическими произведениями А. Бушков выступил лишь несколько лет назад. Печатался в основном в областных газетах на специальных страницах, отведенных материалам КЛФ. Первая фантастическая повесть была опубликована в центральной печати (в журнале «Литературная учеба» в 1981 году) — «Варяги без приглашения». Она получила положительные критические отзывы и тепло встречена читателями За сравнительно короткий период А. Бушков успел опубликовать несколько рассказов в журналах «Вокруг света», «Уральский следопыт» и др.

ИТИН Вивиан Азарьевич (1894—1945) — активный участник разгрома колчаковщины в Сибири и строительства новой социалистической жизни в крае. Занимался культурно-просветительской работой. В течение многих лет был главным редактором новосибирского журнала «Сибирские огни». Еще в предреволюционный период выступил с первыми произведениями. Литературное дарование В. Итина многогранно раскрылось после окончания гражданской войны. Он выпустил сборник стихов, книги очерков и повестей. В историю советской фантастики В. Итин вошел как автор утопической повести «Страна Гонгури», о которой в свое время тепло отзывался А. М. Горький.

КАЛИНОВСКИЙ Иван Александрович (род. в 1904 г.) по основной профессии строитель и архитектор, немало потрудившийся в области строительства в современной Сибири. С первыми фантастико-сатирическими произведениями выступил в начале 60-х годов. Его рассказы публиковались в журналах «Знание-сила», «Искатель», составили содержание двух авторских сборников фантастики, выпущенных в свет Красноярским

книжным издательством,— «Королева большого дерби» (1962) и «Когда усмехнулся Плутарх» (1967). Фантастика И. Калиновского с интересом была принята читателями и критикой. Его творчество обоснованно может рассматриваться как заметный вклад в развитие фантастики в Сибири.

КОЛУПАЕВ Виктор Дмитриевич (род. в 1936 г.)— профессиональный писатель. Он окончил Томский политехнический институт, в течение ряда лет работал в научно-исследовательских организациях. Живет и работает в Томске. Первые фантастические рассказы В. Колупаева были опубликованы в середине 60-х годов в местной периодической печати. И только в конце 60-х о Колупаеве заговорили как о талантливом молодом писателе, его рассказы один за другим публикуются в журналах «Вокруг света», «Аврора» и др., включаются в коллективные сборники фантастики в Москве. В 1972 году выходит первая книга автора — сборник «Случится же с человеком такое». За прошедшие годы В. Колупаев издал несколько книг в Москве и Новосибирске, среди которых — сборники рассказов и повестей, роман. Рассказы неоднократно издавались в зарубежных странах, переводились на языки народов СССР.

КОРАБЕЛЬНИКОВ Олег Сергеевич (род. в 1949 г.) — молодой красноярский писатель. После окончания школы работал слесарем-сборщиком. Закончил Красноярский медицинский институт. Много лет проработал в клиниках как врач. Одновременно с работой в медицине закончил заочное отделение Литературного института им. А. М Горького. В середине 70-х годов были написаны первые стихи и рассказы, обратившие на себя внимание читателей и критиков. Его произведения публиковались в «Литературной России», «Сибирских огнях», «Красноярском комсомольце», включались в коллективные сборники. О. Корабельников был участником нескольких семинаров молодых прозаиков. В 1981 году Красноярское издательство выпустило в свет его первую книгу «Башня птиц», вторую в 1984 году — «И распахнутся двери». Произведения О. Корабельникова переводились за рубежом.

ЛАПИН Борис Федорович (род. в 1934 г.) — иркутский писатель. Окончил филологический факультет университета. Двадцать лет проработал редактором киностудии. По его сценариям снято несколько фильмов. Кинематографическая деятельность Б. Лапина шла параллельно с литературной Писал стихи, прозаические произведения, составившие содержание многих реалистических книг, выходивших в Иркутске, в Москве. С середины 60-х годов увлекся фантастикой — первые повести и рассказы опубликованы в альманахе «Ангара», мест-

ных газетах. За прошедшие с тех пор годы фантастические произведения Б. Лапина не раз печатались в альманахе «Сибирь», многих газетах, в коллективных сборниках фантастики, выходивших в Москве, составили содержание авторских сборников «Кратер Ольга» (1968) и «Под счастливой звездой» (1978), положительно оценивались критикой и широко издавались за рубежом. Б. Лапин выступает и как критик.

МЕДВЕДЕВ Юрий Михайлович (род. в 1937 г.) — писатель и критик. Детские и школьные годы связывают Ю. Медведева с Сибирью, Казахстаном. После окончания школы Ю. Медведев работал на стройке, закончил Литинститут им. А. М. Горького, много лет работает в редакциях и издательствах. Творческие интересы писателя очень разнообразны: он пишет стихи, занимается художественным переводом, очеркистикой. В начале 60-х годов появились в печати его первые фантастические рассказы. В 1983 году увидела свет книга фантастических повестей Ю. Медведева «Колесница времени». Известны и другие книги писателя — поэтический сборник «Ночной аэродром», художественно-биографическая повесть «Капитан звездного океана», цикл поэтических переводов, составленный и прокомментированный Ю. Медведевым сборник статей А. Н. Афанасьева «Древо жизни». Произведения Ю. Медведева переводились за рубежом и на языки народов СССР.

МИХЕЕВ Михаил Петрович (род. в 1911 г.) — один из зачинателей литературы для детей в Сибири. Получив техническое образование, М. Михеев сменил немало профессий. Творческие интересы проявились в очеркистике, в приключенческой литературе для детей и юношества. С середины 60-х годов М. Михеев увлекся научно-фантастической литературой. Его оригинальные фантастические рассказы составили содержание нескольких авторских сборников, выходивших в основном в Новосибирске: «Которая ждет», «Далекая от солнца», «Милые роботы». В последние годы М. Михеев много времени и энергии отдает воспитанию молодых фантастов — он руководит Клубом любителей фантастики при Новосибирском отделении Союза писателей РСФСР.

НАЗАРОВ Вячеслав Алексеевич (1935—1977) — красноярский поэт и писатель-фантаст. Родился в Орле. После окончания школы поступил в Московский университет на факультет журналистики. По распределению поехал в Сибирь, которая стала для него основным местом жизни и творчества до самых последних дней. В. Назаров работал на Красноярском телевидении, выступал со стихами. Поэтическое творчество и опреде-

лило его путь в литературу. Он был принят в СП СССР как автор нескольких поэтических сборников, был удостоен премии имени Красноярского комсомола. С конца 60-х годов увлекся фантастической литературой. Тогда же были написаны и опубликованы первые фантастические произведения. В 1972 году Красноярское издательство выпустило первый авторский сборник фантастики В. Назарова «Вечные паруса». В последующие годы в Москве и Красноярске выходили другие книги В. Назарова — «Зеленые двери Земли», «Бремя равных», «Дороги надежд». Фантастика В. Назарова издавалась за рубежом, переводилась на языки народов СССР, с интересом встречалась читателями и критикой.

ОСИПОВ Александр Николаевич (род. в 1946 г.) — профессиональный литературный критик. По образованию редактор. Работал редактором, библиографом. Еще в студенческие годы проявил интерес к научной фантастике, определившей творческую ориентацию. С 1965 года появляются в печати его статьи и заметки. За два десятилетия А. Осипов опубликовал более 100 статей и очерков, посвященных проблемам научной фантастики. Он автор многих методико-теоретических работ, библиографических указателей и брошюр — «Фантастика. Читатель. Библиотека» (1971), «Воспитание мечтой» (1979), «На экране — фантастика» (1981), «Издание научно-фантастической литературы в СССР» (1984), «Возвращение к океану» (1984) и других. Составитель нескольких сборников НФ. Творческие интересы давно связывают его с сибирской прозой. Он выступал с критическими работами, участвовал в подготовке и издании ряда сборников сибирских фантастов.

ПАВЛОВ Сергей Иванович (род. в 1935 г.) — красноярский писатель-фантаст. По образованию геофизик. Первый рассказ написал в 1962 году — «Банка фруктового сока». Одна за другой выходят в середине 60-х годов его научно-фантастические повести «Ангелы моря», «Корона Солнца», «Акванавты», «Чердак Вселенной» и др. Произведения С. Павлова сразу же привлекли внимание читателей и литературной критики. С 1970 года С. Павлов занимается профессиональным творчеством. Он автор романа «Лунная радуга» (в двух книгах). С конца 70-х годов успешно работает и в фантастическом кинематографе — по его произведениям сняты фильмы «Акванавты» и «Лунная радуга». Последний из названных фильмов получил премию на Международном фестивале научно-фантастических фильмов в Испании в 1984 году. Произведения С. Павлова переводились за рубежом, а также на языки народов СССР.

СЕРГЕЕВ Дмитрий Гаврилович (род. в 1922 г.) — из-

вестный иркутский прозаик. Он автор целого ряда книг, посвященных событиям минувшей войны. В начале 60-х годов опубликовал первые фантастические рассказы. А в 1965 году Вост.-Сиб. издательство выпустило в свет первый авторский сборник фантастики Д. Сергеева «Доломитовое ущелье». Новые фантастические произведения Д. Сергеева публиковались на страницах «Сибири», «Уральского следопыта», «Байкала», выходили отдельными авторскими сборниками — «Завещание каменного века» (1973) и «Прерванная игра» (1983).

ШАГУРИН Николай Яковлевич (1908—1983) — известный красноярский писатель, работавший в основном в приключенческом и научно-фантастическом жанре. Первые его рассказы были опубликованы в журнале «Вокруг света» еще в 1930 году. За пять десятилетий творчества Н. Шагурин создал немало интересных произведений. Книги его выходили в основном в Красноярске. В фантастике известны его авторские сборники «Тайна декабриста», «Аргус против Марса», «Эта свирепая Ева». Н. Шагурин был активным пропагандистом фантастического жанра в Сибири, много выступал, занимался воспитанием молодых писателей-фантастов.

ЯКУБОВСКИЙ Аскольд Павлович (1927—1983) — известный новосибирский прозаик. Он много лет проработал топографом, прекрасно знал сибирскую тайгу, любил природу, животных. Все это стало содержанием его реалистических книг, изданных в Новосибирске и Москве. К фантастике он обратился в начале 70-х годов. Его фантастические повести и рассказы публиковались в «Сибирских огнях», «Сибири», включались в коллективные сборники фантастики, составили содержание двух авторских книг — «Аргус-12» и «Купол Галактики». Отдельные произведения издавались за рубежом, были переведены на языки народов СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

С 83 **Страна Гонгури:** Научно-фантастические повести и рассказы писателей Сибири./Сост. В. И. Ермаков; предисл. А. Н. Осипова; худож. Е. А. Бельмач. — Красноярск: Кн. изд-во, 1985. — 456с., ил.
1 р. 70 к.; с припр. пленки 1 р. 80 к. 50 000 экз.

Сибирь — суровый и богатый край, принимающий самое активное участие в построении нового мира. И неудивительно, что именно в Сибири (в 1922 году, в г. Канске) было написано В. Итиным первое советское фантастическое произведение «Страна Гонгури».

В настоящий сборник вошли произведения сибирских писателей-фантастов: В. Итина, Н. Шагурина, В. Назарова, И. Калиновского, М. Михеева, С. Павлова, Б. Лапина, Д. Сергеева, А. Якубовского, В. Колупаева и др. Всех их объединяют глубокие раздумья о судьбе человека, живущего в эпоху бурного развития науки и техники.

С $\frac{470210200—026}{М 147(03)—85}$ 31—85 ББК 84.45 Р2

СТРАНА ГОНГУРИ

Составитель Виктор Иванович Ермаков

Редактор В. В. Чагин
Художественный редактор Г. В. Соколова
Художник Е. А. Бельмач
Технический редактор Т. Е. Ильющенко
Корректоры С. В. Павловский, В. П. Емельянова

ИБ № 826

Сдано в набор 23.11.84. Подписано к печати 13.03.85. АЛ05087 Формат 84×108[1]/32. Бум. тип. № 3. Гарнитура новогазетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,94. Усл. кр.-отт. 25,20. Уч.-изд. л. 25,46. Тираж 50 000 экз. Заказ 453 Цена 1 р. 70 к.; с прилр. пленки 1 р. 80 к.

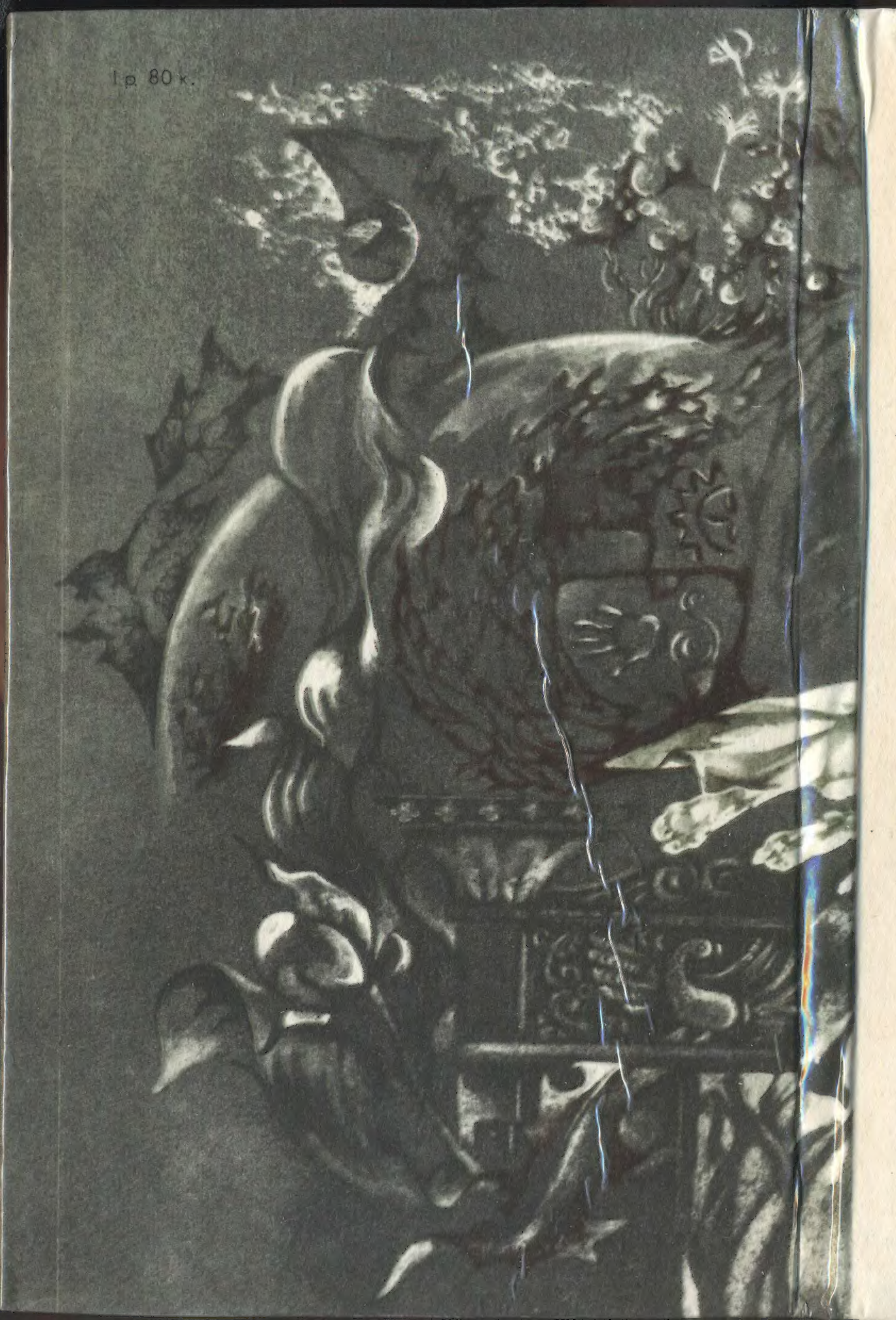
Красноярское книжное издательство.
660049, г. Красноярск, пр. Мира, 98.

Типография «Красноярский рабочий».
660017, г. Красноярск, пр. Мира, 91.

Красноярское книжное издательство в 1985 году выпускает в свет сборник научно-фантастических произведений известного красноярского писателя Вячеслава Назарова (1935—1977) «БРЕМЯ РАВНЫХ». В сборник, выходящий в серии «Писатели на берегах Енисея», включены повести «Синий дым», «Бремя равных», «Силайское яблоко».



1 р. 80 к.



СТРАНА ГОНГУРИ